

НИЖЕГОРОДСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ

На правах рукописи

ПЕТРЯНИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность: 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,
профессор **А.П. Кузнецов**

Нижний Новгород – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Раздел I.	
РЕТРОСПЕКТИВНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	22
Глава 1. Становление и развитие концептуальных основ противодействия преступлениям экстремистской направленности в России.	
§ 1. Ретроспективный анализ законодательных концепций в области противодействия преступлениям экстремистской направленности в России (XIII – начало XX в.).....	22
§ 2. Становление и развитие уголовно-правового противодействия экстремизму в Советской и постсоветской России.....	36
Глава 2. Современные международные и зарубежные концепции противодействия преступлениям экстремистской направленности	
§ 1. Юридическое содержание конвенциональных основ противодействия криминальным формам экстремистских проявлений.....	54
§ 2. Концептуальные особенности уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности в зарубежном законодательстве.....	72
Раздел II.	
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	111
Глава 1. Понятие, признаки и виды экстремизма в законодательстве и правовой доктрине	
§ 1. Понятие и признаки экстремизма: доктринально-правовое исследование.....	111
§ 2. Виды экстремизма и их характеристика.....	143
Глава 2. Российское уголовное законодательство как инструмент противодействия преступлениям экстремистской направленности: проблемы доктрины и практики	
§ 1. Уголовная политика и концептуальные особенности в области уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности.....	169
§ 2. Особенности систематизации преступлений экстремистской направленности.....	197
§ 3. Проблемы применения (квалификации) норм об ответственно-	

сти за преступления экстремистской направленности и направления их решения..... 219

Раздел III.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ..... 292**

Глава 1. Состояние и причины преступлений экстремистской направленности..... 292

§ 1. Современное состояние и динамика преступлений экстремистской направленности в России..... 292

§ 2. Причинный комплекс преступлений экстремистской направленности..... 304

Глава 2. Криминологическая характеристика личности экстремиста и его жертв. Предупреждение преступлений экстремистской направленности..... 322

§ 1. Криминологическая характеристика личности преступника и жертв преступлений экстремистской направленности..... 322

§ 2. Направления и особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности..... 345

Заключение 376

Список использованных источников..... 379

Список иллюстративного материала..... 462

Приложения..... 463

Приложение 1. Проект изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»..... 463

Приложение 2. Национальная концепция противодействия экстремизму в Российской Федерации (проект)..... 474

Приложение 3. Опросный лист..... 481

Приложение 4. Статистические данные о преступлениях экстремистской направленности 483

Приложение 5. Изображения экстремистского содержания..... 487

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политические и экономические преобразования, проводимые в нашей стране с конца XX века, коренным образом изменили все сферы жизнедеятельности российского общества. В государстве стала складываться новая модель права, принципиально отличающаяся от ранее существовавшей, включающая в себя и иную нормативную базу противодействия преступности. Одним из основных ее орудий выступает Уголовный кодекс РФ, в котором законодатель предпринял попытку решить вопрос об ответственности за многие ранее не известные деяния, получившие значительное распространение в современных условиях. К ним следует отнести и преступления экстремистской направленности. Эффективное противодействие названным деяниям невозможно без их комплексного уголовно-правового и криминологического осмысления, разработки и обоснования концептуальных основ такого противодействия, что актуализирует тему выбранного научного исследования. Кроме того, о ее значимости свидетельствуют следующие факторы.

Первый. В настоящее время отсутствует единое понимание сущности самого явления экстремизм и преступлений экстремистской направленности в частности, о чем свидетельствуют бесчисленные изменения, вносимые как в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», в Уголовный кодекс Российской Федерации, так и другие нормативные правовые акты. Наличие противоречий в содержании понятия «экстремизм» влечет за собой проблемы в определении критериев деяний, содержащих в себе его признаки, а также в их разграничении со смежными преступлениями. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости выработки унифицированной дефиниции «экстремизм», содержащей в себе его основополагающие (концептуальные) признаки, позволяющие идентифицировать это явление не только на национальном, но и на международном уровнях.

Второй. Исследование статистических материалов о преступлениях экстремистской направленности (количество этих преступлений с 2003 по 2014 г. воз-

росло более чем в 6,5 раз) позволяет сделать вывод о том, что они представляют реальную угрозу для безопасности страны.

Третий. Незаработанность в современном праве концептуальных основ противодействия преступлениям экстремистской направленности порождает резкий всплеск таких деяний, ставящих под угрозу безопасность не только государства, на территории которого они совершаются, но и всего мирового сообщества в целом.

Четвертый. Потребность активизации противодействия экстремизму отражена в основополагающих документах, принятых руководством страны. Так, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года¹, Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года², Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года³, Концепция уголовно-правовой политики России⁴, Послания Президента России Федеральному Собранию РФ⁵ формулируют задачи по усилению противодействия различным формам экстремистских проявлений,⁶ требующие в первую очередь научного осмысления.

Пятый. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», являющийся нормативной основой противодействия экстремизму, в силу его частичной пробельности и противоречивости не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Шестой. В настоящее время проявление данной группы преступлений находит свое отражение не только непосредственно при совершении наиболее обще-

---

¹ Утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014 Пр-2753 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 30.04.2015)

² Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20, ст. 2444.

³ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52, ст. 7477.

⁴ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889> (дата обращения: 30.10.2014).

⁵ См.: Российская газета. 2012.13 декабря; Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 17.12.2014).

⁶ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20, ст. 2444.

ственно опасных деяний явно экстремистского характера (например, террористический акт; захват заложников; публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; организация экстремистского сообщества; организация деятельности экстремистской организации и т. д.), но и иных преступлений, основанных на политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной мотивации, что существенно увеличивает его масштабы.

Седьмой. Деяниям экстремистской направленности подвержены в первую очередь государства с нестабильной политико-экономической ситуацией, к которым можно отнести и Россию. Эти условия и являются причинами всплеска экстремизма как универсального и дешевого инструмента решения политических и экономических споров, влекущего за собой дестабилизацию государственной безопасности.

Восьмой. Экстремистские проявления выступают основной причиной возникновения локальных региональных конфликтов.

Девятый. В рамках процессов глобализации преступления экстремистской направленности приобрели межгосударственный характер, свидетельством чему является возникновение большого количества международных террористических и экстремистских организаций. Переход этих деяний с национального на международный уровень становится показателем укрепления позиций таких организаций, а также фактором, влекущим рост совершаемых ими преступлений.

Десятый. Активизация противодействия экстремизму обуславливает настоятельную потребность в совершенствовании соответствующих норм национально-го и международного законодательства, основанного на общепризнанных концептуальных положениях, в том числе и требующего доктринального обоснования.

Хотя изложенные обстоятельства не являются исчерпывающими, однако именно они определяют необходимость научного осмысления феномена экстремизма и выработки концептуальных основ предупреждения преступлений экстремистской направленности с точки зрения достижений современной уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной доктрины в целях

формирования эффективных мер противодействия, адекватных их общественной опасности, а также разработки действенного механизма подрыва экономических основ экстремистских организаций. Все сказанное подтверждает актуальность заявленной темы и свидетельствует о необходимости проведения комплексного теоретико-прикладного исследования упомянутых выше проблем.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучение доктринальной литературы по исследуемой тематике позволяет сделать вывод о том, что на протяжении последних лет ей уделяется особое внимание. Однако в имеющихся работах не сняты все проблемные вопросы, встающие перед правоприменителями при оценке различных форм проявления экстремизма.

Преступления экстремистской направленности как новый научный и правовой феномен нашли свое отражение в трудах П.В. Агапова, Ю.М. Антоняна, З.М. Бешуковой, С.В. Борисова, В.А. Бурковской, Л.Д. Гаухмана, В.В. Меркурьева, Ю.В. Голика, Г.Н. Горшенкова, А.И. Гурова, А.Я. Гуськова, Г.В. Дашкова, С.У. Дикаева, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, М.Г. Жилкина, О.А. Зубаловой, С.М. Иншакова, П.А. Кабанова, А.Г. Кибальника, М.А. Кириллова, В.С. Комиссарова, Т.А. Корнилова, С.М. Кочои, В.И. Красикова, А.П. Кузнецова, Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Кудрявцева, В.Д. Ларичева, Д.И. Леньшина, И.Д. Лопатина, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, Ю.В. Марковой, И.М. Мацкевича, Г.М. Миньковского, Д.Е. Некрасова, А.Г. Никитина, А.В. Павлинова, Т.В. Пинкевич, Э.Ф. Побегайло, Н.С. Пономарева, А.И. Рарога, В.В. Ревинной, А.С. Ржевского, А.В. Ростокинського, Д.Н. Саркисова, Е.П. Сергуна, А.С. Скудина, Е.А. Смирнова, Р.С. Тамаева, Ю.В. Трунцевского, Р.М. Узденова, С.Н. Фридинского, А.Г. Хлебушкина, А.А. Хоровникова, В.Ф. Цепелева, Е.Г. Чуганова, П.С. Яни и др.

В работах указанных авторов достаточно полно освещены проблемы противодействия экстремизму. Вместе с тем, концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности в существующей сегодня их интерпретации не были предметом научного исследования, что создает серьезные проблемы по применению соответствующих положений закона на практике по

причине отсутствия их доктринального обоснования. Поэтому настоящее диссертационное исследование восполняет этот пробел.

Объектом исследования выступает соответствующий спектр общественных отношений, возникающих в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности и обеспечения общественной безопасности, нормального функционирования конституционного строя, а также мира и безопасности человечества.

Предмет исследования составляют отдельные стороны названного объекта, включающие в себя: нормы международного, российского и зарубежного законодательств, направленные на противодействие экстремизму; судебно-следственную практику применения соответствующих норм компетентными органами; статистические данные, отражающие структуру и динамику экстремистской преступности; а также законопроектные и доктринальные разработки по проблемам ответственности за криминальные проявления экстремизма.

Целью диссертационного исследования является разработка концептуальных основ государственной политики в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности в современной России, а также положений, содержащих правовые аспекты осуществления такой деятельности.

Для достижения поставленных целей решены следующие **задачи**:

- исследованы гносеологические основы законодательной концепции противодействия преступлениям экстремистской направленности в России;
- рассмотрено понятие, признаки и виды экстремизма в международном праве;
- проведено сравнительно-правовое исследование вопросов установления уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности за рубежом, определены концептуальные особенности противодействия экстремизму;
- проанализированы доктринально-правовые подходы, раскрывающие понятие, признаки и виды экстремизма;

- определены основные направления современной уголовной политики в сфере противодействия экстремизму;
- обоснована теоретико-правовая концепция уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности;
- исследованы проблемы систематизации и уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности по действующему уголовному законодательству Российской Федерации и разработаны предложения по совершенствованию соответствующих норм УК РФ и других нормативных правовых актов, направленных на противодействие этим деяниям;
- обобщена судебно-следственная практика применения норм об ответственности за экстремистские преступления и предложен проект авторской редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности»;
- дана криминологическая характеристика преступлений экстремистской направленности, на основе которой разработан и предложен проект Национальной концепции противодействия экстремизму в Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составляет общий метод диалектического познания, представивший возможность объективно и всесторонне рассмотреть проблемы развития законодательной концепции в области противодействия экстремизму и правовой оценки преступлений экстремистской направленности. В качестве специальных методов исследования использован разнообразный научный инструментарий, включающий в себя множество приемов и методов, выбор которых обусловлен конкретными целями и задачами, поставленными в диссертации. Применялись методы анализа, синтеза, логико-юридический (догматический), сравнительно-правовой, историко-правовой, конкретно-социологический. В качестве частнонаучных методов выступили: интервьюирование, статистический метод, исследование судебно-следственной практики и другие методы, практикуемые в российской юридической науке и в отечественном правоведении в целом.

Степень достоверности диссертационного исследования подтверждается:

– научными трудами ученых-правоведов в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, а также иных отраслей права и наук, исследовавших вопросы противодействия преступлениям экстремистской направленности;

– правовыми предписаниями действующих норм конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административного законодательств, ведомственных нормативных актов, регламентирующих отдельные аспекты противодействия преступлениям экстремистской направленности;

– эмпирической базой исследования, включающей в себя сведения о состоянии преступлений экстремистской направленности в период с 2003 по 2014 год; результатами изучения 325 архивных отказных материалов и опубликованных уголовных дел в Нижегородской области, г. Москве, Республике Татарстан, Ставропольском крае, Краснодарском крае, Самарской области и других регионах в целях обобщения правоприменительной практики об ответственности за преступления экстремистской направленности; данными интервьюирования 280 сотрудников правоохранительных органов Нижегородской области, г. Москвы, Ростовской области, Республики Дагестан, Ивановской области по вопросам квалификации преступлений экстремистской направленности, а также 65 осужденных за эти деяния; данными интервьюирования по проблемам противодействия преступлениям экстремистской направленности 440 граждан, проживающих на территории Нижегородской области, г. Москвы, Республики Татарстан, Самарской области, Ростовской области и в других регионах Российской Федерации.

При подготовке работы широко использовались материалы, опубликованные в средствах массовой информации, определяющие достоверность и обоснованность выводов, сделанных в процессе исследования.

Научная новизна исследования определяется тем, что подготовленная диссертация представляет собой комплексное теоретико-прикладное исследование концептуальных основ противодействия преступлениям экстремистской направленности, в котором предложена авторская концепция по определению круга ис-

следуемой группы деяний с учетом особенностей их объекта и мотива преступного посягательства. На основе данной концепции разработаны дефиниции «экстремизм», «преступления экстремистской направленности» и обоснована необходимость их закрепления в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», а также проект авторской редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности» и проект Национальной концепции противодействия экстремизму в Российской Федерации, направленные на повышение эффективности современного антиэкстремистского законодательства.

Кроме того, в работе: а) изложено понятие уголовной политики в сфере противодействия экстремизму; б) предложена авторская система соответствующих деяний; в) приведены аргументы в пользу необходимости унификации норм уголовного законодательства об ответственности за экстремистские преступления в целях повышения эффективности противодействия этому явлению; г) обоснована позиция соискателя по вопросу криминализации новых составов преступлений экстремистской направленности; д) исследованы и предложены (посредством анализа элементов составов преступлений) механизмы, способные повысить качество уголовного законодательства в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности; е) разработаны криминологические механизмы предупреждения преступлений экстремистской направленности, в том числе определена необходимость подрыва экономических основ экстремистских организаций.

Основные положения, выносимые на защиту, отражают в совокупности концептуальные особенности проводимого исследования.

С учетом новизны и значимости результатов проведенного исследования считаем целесообразным положения, выносимые на защиту, разделить на следующие группы.

1. Предложения теоретического характера, представляющие собой авторское видение развития уголовно-правовой доктрины в сфере противодействия деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма.

1.1. Предложена авторская концепция, устанавливающая следующие критерии определения исчерпывающего перечня признаков, позволяющих идентифицировать преступления экстремистской направленности:

– *мотив* (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы);

– *объект* (общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, нормального функционирования конституционного строя, сохранности мира и безопасности человечества).

1.2. Разработаны классификационные основы систематизации преступлений экстремистской направленности, основанные на авторской концепции:

1) *преступления, причиняющие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану общественной безопасности России* (ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212 УК РФ);

2) *деяния, посягающие на общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации* (ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³ УК РФ);

3) *деяния, наносящие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества* (ст. 354¹, 357, 360 УК РФ).

1.3. С учетом процессов глобализации и потребности в усилении международного сотрудничества в рамках противодействия экстремизму разработана дефиниция «*международный экстремизм*», под которым автор понимает *состояние политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, направленной на подрыв безопасности мирового сообщества в целом, характеризующейся совершением преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма, а также транснациональной организованной преступной деятельности*.

1.4. *Терроризм* является наиболее радикальной формой проявления экстремизма, представляющей собой *состояние насилия, направленного на устрашение*

населения в форме совершения преступлений, подрывающих общественную безопасность, конституционный строй, а также мир и безопасность человечества (ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵ 206, 208, 277, 278, 279, 360 УК РФ), выражающегося в воздействии на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.

1.5. Предложено авторское определение уголовной политики в сфере противодействия экстремизму: *это деятельность государственных и общественных объединений, включающая в себя научно обоснованную разработку эффективных правовых механизмов, направленных на противодействие экстремизму, выражающихся в реализации комплекса специально-политических и экономико-правовых мер, основанная на принципах законности, справедливости и неотвратимости ответственности.*

1.6. Излагается авторское понятие унификации норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности: *разновидность систематизации путем сокращения этих норм, через обеспечение определенного их тождества, в первую очередь основанного на особенностях объекта посягательства (общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, нормального функционирования конституционного строя, сохранности мира и безопасности человечества) и мотивации преступного поведения (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), в целях приведения их к единообразию и повышения эффективности их применения.*

1.7. Основной причиной экстремизма является общая депрессия всего общества, возникшая в результате происходящих политических и социально-экономических реформ и кризисов, усиливающаяся специфическим геополитическим положением и полиэтническим составом населения России.

1.8. Субъекты основной массы экстремистских преступлений обладают определенными особенностями, которые в общем виде выражаются в том, что: *это лица в возрасте от 14 до 30 лет с низким образовательным и культурным*

уровнем, не имеющие постоянного источника дохода и общественно значимых интересов, что и предопределяет наличие достаточного объема свободного времени, сил, энергии в целях криминальной самореализации, основанной на политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной мотивации.

2. Предложения технико-юридического характера, включающие в себя положения по совершенствованию норм, закрепленных в действующем законодательстве.

2.1. В целях повышения эффективности противодействия преступлениям экстремистской направленности обоснована необходимость закрепления на законодательном уровне в рамках статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» дефиниций «экстремизм» и «преступления экстремистской направленности».

Экстремизм – это состояние противоправной политической борьбы, направленной на подрыв общественной безопасности, конституционного строя, мира и безопасности человечества, основанной на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах.

Преступления экстремистской направленности – это деяния, направленные на подрыв общественной безопасности, конституционного строя, мира и безопасности человечества, основанные на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах, предусмотренные статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³, 354¹, 357, 360 УК РФ.

2.2. Сформулирована авторская редакция примечания 1 к статье 282¹ УК РФ следующего содержания: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, предусмотренные статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³, 354¹, 357, 360 УК РФ».

2.3. Предлагается предусмотреть отягчающий признак в статье 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», в статье 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на

нарушение территориальной целостности Российской Федерации», статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и статье 354¹ УК РФ «Реабилитация нацизма» следующего содержания: *«те же деяния, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)».*

2.4. Обосновывается позиция, в соответствии с которой экстремистское общество следует рассматривать как самостоятельную разновидность преступного сообщества, в связи с чем *предлагается исключить из диспозиции статьи 282¹ УК РФ словосочетание «то есть организованной группы лиц».*

2.5. Предлагается *исключить примечание 1 из статей 282¹ и 282² УК РФ и в случаях деятельного раскаяния применять положения статьи 75 УК РФ.*

2.6. Для группы преступлений экстремистской направленности предлагается ввести следующий квалифицирующий признак: *«совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление экстремистской направленности».*

2.7. В целях подрыва экономических основ экстремизма предлагается дополнить часть 1 статьи 104¹ УК РФ пунктом «д» следующего содержания: *«...денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений экстремистской направленности или направленных на их финансирование».*

2.8. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» предлагается внести следующие изменения:

– пункт 10 изложить в следующей редакции: *«К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ, использующие свои полномочия для совершения преступлений экстремистской направленности. При этом к использованию служебных полномочий относится в том числе и оказание влияния, исходя из значи-*

мости и авторитета занимаемой ими должности, на других лиц в целях выполнения ими действий, направленных на совершение данной группы преступлений»;

– пункт 11 изложить в следующей редакции: «В случаях совершения вандализма, уничтожения или повреждения памятников истории и культуры, надругательства над телами умерших и местами их захоронения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы содеянное квалифицируется соответственно по статьям 214, 243 или 244 УК РФ. Если наряду с указанными деяниями совершены действия, предусмотренные статьями 280, 282 УК РФ (например, если на памятники нанесены надписи или рисунки соответствующего содержания, в присутствии посторонних лиц высказывались националистические лозунги либо экстремистские призывы), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответственно статьями 214, 243 или 244, а также статьями 280, 282 УК РФ.

При этом в случае изображения недоступных для всеобщего понимания экстремистских текстов, символики и рисунков действия виновных охватываются только частью 2 статьи 214 УК РФ.

Изображение доступных для всеобщего понимания материалов, направленных на разжигание ненависти и вражды или унижение человеческого достоинства, квалифицируется по совокупности части 2 статьи 214 и части 1 статьи 282 УК РФ.

В случае нанесения надписей, содержащих доступные для всеобщего понимания экстремистские призывы к совершению преступлений, действия виновных содержат в себе признаки части 2 статьи 214 и части 1 статьи 280 УК РФ.

При размещении доступных для всеобщего понимания экстремистских призывов к совершению иных дискриминационных, но при этом не преступных действий, они должны квалифицироваться по совокупности части 2 статьи 214 и части 1 статьи 282 УК РФ;

– дать разъяснение следующим терминам: *социальная группа – группа, отличающаяся от посягателей по признакам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности, что и явилось причиной противоправного (преступного) поведения; экстремистская мотивация – полное отрицание оппонентов (потерпевших) по признакам их политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности, выражающееся в посягательствах или уничтожении оппонентов в процессе совершения преступлений экстремистской направленности;*

– применительно к составу преступления, закрепленному в статье 280 УК РФ, считать *минимальным количественным критерием призываемых – не менее двух человек;*

– признавать ранее судимыми за совершение преступлений экстремистской направленности в том числе и лиц, *ранее осужденных за данные деяния на территории других государств – участников международных конвенций по борьбе с экстремизмом, судимость у которых не снята или не погашена в установленном законом порядке.*

2.9. Предложена следующая редакция части 5 статьи 56 УК РФ: *«В случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211, статьями 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360 настоящего Кодекса, а также тяжких или особо тяжких преступлений экстремистской направленности, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров – более тридцати пяти лет»,* и пункта а.1 статьи 73 УК РФ: *«осужденным за преступления, предусмотренные частью первой статьи 205, частями первой и второй статьи 205¹, статьей 205², частью второй статьи 205⁴, частью второй статьи 205⁵, частями первой – третьей статьи 206, статьей 360 настоящего Кодекса, а также за тяжкие и особо тяжкие преступления экстремистской направленности».*

2.10. Предлагается откорректировать положения ряда нормативных правовых актов:

– пункт 4 статьи 1 раздела 3 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года целесообразно изложить в следующей редакции: *«Дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, а также лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим – с другой)»;*

– часть 4 статьи 73 УИК РФ изложить в следующей редакции: *«Осужденные за преступления, предусмотренные статьей 126, частями второй и третьей статьи 127¹, статьями 205–206, 208–211, 275, 277–279, 281, 282¹, 282², 317, частью третьей статьи 321, частью второй статьи 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также за совершение иных деяний экстремистской направленности, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме, осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы».*

3. Предложения перспективного характера.

3.1. С учетом мотивов и целей совершения преступлений экстремистской направленности, определяющих спектр нарушаемых общественных отношений, находящихся под охраной Уголовного кодекса России, предлагается криминализовать в качестве самостоятельных составов следующие разновидности террористического акта как наиболее радикальной и общественно опасной формы экстремизма с закреплением их в соответствующих главах УК РФ:

– в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» предусмотреть статью 278¹ «Антиконституционный террористический акт»;

– в главе 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» ввести статью 360¹ «Международный террористический акт».

3.2. Обоснована криминализация и предложена редакция следующего самостоятельного состава преступления с закреплением его в статье 282⁴ УК РФ «Экстремистское посягательство на личность».

3.3. В целях повышения пенитенциарной профилактики экстремизма предлагается создание специальных исправительных учреждений либо участков для лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности.

3.4. В целях повышения эффективности борьбы с экстремизмом разработан авторский проект *Национальной концепции противодействия экстремизму в Российской Федерации*.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Сформулированные в работе положения и выводы представляют собой результат комплексного теоретико-прикладного исследования концептуальных основ противодействия преступлениям экстремистской направленности и ориентированы на создание эффективного механизма борьбы с экстремизмом в рамках систематизации и унификации современного антиэкстремистского законодательства.

В работе предлагается авторская трактовка таких основополагающих категорий, как экстремизм, международный экстремизм, терроризм, преступления экстремистской направленности, социальная группа, уголовная политика в сфере противодействия экстремизму, унификация норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности. К основным достижениям соискателя, свидетельствующим о его вкладе в науку, можно отнести разработанную им концепцию, включающую в себя критерии, позволяющие определить исчерпывающий круг преступлений экстремистской направленности, а также предложенные на основе результатов проведенного исследования соответствующие проекты нормативных правовых актов.

Практическая значимость работы состоит в том, что изложенные в ней положения и выводы содержат в себе предложения по совершенствованию соответствующих норм действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а также положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности» в целях выработки механизма единообразного их применения.

Выработанные предложения могут быть использованы:

- в законотворческой деятельности по совершенствованию действующего законодательства, направленного на противодействие экстремизму;
- при подготовке разъяснений Верховным Судом РФ и совершенствовании положений ведомственных нормативных актов;
- в деятельности правоохранительных органов, осуществляющих противодействие экстремизму;
- при подготовке и переподготовке сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с экстремизмом;
- в ходе изучения курсов «Уголовное право (Часть Особенная)», «Криминология», «Уголовно-исполнительное право»;
- в научно-исследовательской деятельности – при дальнейшем изучении проблем экстремизма.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли свое отражение в 74 опубликованных работах автора общим объемом 86 п. л., в числе которых пять монографий, научные статьи, изданные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации. В процессе подготовки исследования соискатель принял участие в 43 международных, 12 всероссийских, 9 межвузовских и 2 межрегиональных конференциях, в рамках которых были представлены и апробированы основные положения диссертации.

Результаты проведенного исследования, основанные на них выводы, положения, предложения и рекомендации прошли апробацию во время выступлений на

научно-практических семинарах, межвузовских и региональных конференциях, при проведении занятий (лекционных и семинарских) по уголовному, уголовно-исполнительному праву и криминологии в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Нижегородская академия МВД России» и Приволжском филиале федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный университет правосудия». Результаты диссертационного исследования внедрены в деятельность Следственного комитета по Нижегородской области, ГУ МВД по Нижегородской области, о чем имеются соответствующие акты внедрения.

Основные положения проведенного диссертационного исследования рецензировались и обсуждались на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская академия МВД России».

Структура работы обусловлена объектом, предметом, а также целями и задачами исследования и состоит из введения, трех разделов, объединяющих шесть глав, тринадцать параграфов, а также заключения, списка литературы, списка иллюстративного материала и приложений¹..

---

¹ Одной из основных задач данной работы является разработка концепции по противодействию экстремизму. По этой причине работа объективно перенасыщена термином «противодействие», без использования которого невозможно выразить научную и концептуальную особенность проведенного исследования. Поэтому нами предлагается особый терминологический инструментарий. Отсутствие в русском языке достаточного количества синонимов слова «противодействие» вызывает необходимость в качестве исключения использовать термины «борьба» и «предупреждение» как синонимичные (при этом автор осознает частично иную содержательную (семантическую) сторону данных терминов).

РАЗДЕЛ I**РЕТРОСПЕКТИВНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ****Глава 1****Становление и развитие концептуальных основ противодействия
преступлениям экстремистской направленности в России*****§ 1. Ретроспективный анализ законодательных концепций в области
противодействия преступлениям экстремистской направленности в России
(XIII – начало XX в.)***

Экстремизм как социально-политическое явление зародился задолго до появления термина, обозначающего его, что и предполагает необходимость проведения ретроспективного исследования становления и развития ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности. Научная значимость и необходимость проведения исследования развития правовых институтов, в том числе и регламентирующих ответственность за совершение каких-либо деяний, неоспоримы. В этом случае мы полностью разделяем мнение известного русского криминалиста Н.С. Таганцева, который отмечал, что изучение истории догмы есть средство понимания современного права через призму применения исторического толкования в сфере действующего законодательства¹. Этой же точки зрения придерживался и профессор Б.В. Волженкин, совершенно справедливо указывающий на то, что современный ученый также должен исследовать ретроспективу развития юридической мысли по рассматриваемой проблематике, в том числе в целях использования уже ранее полученного положительного опыта, который может быть полезен и в современных условиях².

---

¹ См.: Таганцев Н.С. Курс уголовного права. СПб., 1874. Вып. 1. С. 21.

² Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 7.

Исходя из вышеизложенного, нами было проведено детальное исследование становления и развития российского, а также современного международного и зарубежного антиэкстремистского законодательства, по результатам которого была подготовлена и опубликована соответствующая монография¹. Именно поэтому считаем целесообразным в рамках этого диссертационного исследования уйти от дублирования материала и остановиться на анализе лишь тех исторических памятников и нормативно-правовых актов, которые, по нашему мнению, закрепляли идеи становления и развития законодательных концепций противодействия деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма².

Как ранее уже было отмечено, истоки экстремизма уходят своими корнями в древние века³. Первые его проявления следует искать в зачатках возникновения государства и расслоения общества на классы. Именно появление государства породило легализацию власти меньшинства над большинством, приносящей материальные выгоды и возможности достижения целей всеми средствами, доступными на конкретном историческом этапе. Это обстоятельство и стало причиной возникновения круга несогласных с политикой и методами управления меньшинства, стоящего во главе данного института⁴. Желание овладеть властью зачастую оправдывает любые средства, применяемые экстремистами, – убийства, насильственное свержение государственного строя, террористические акции и т. п. Применение радикальных методов и способов противостояния, безусловно, усиливает позиции экстремистов, подрывает авторитет власти и безопасность государства⁵. Сказанное позволяет констатировать, что экстремизм всегда носит политический

---

¹ *Петрянин А.В.* Развитие норм российского, международного и зарубежного законодательств об ответственности за преступления экстремистской направленности: Монография. Н. Новгород. 2012. 234 с.

² Рассмотрение этих документов будет проводиться через призму предложенной автором концепции, что и обосновывает выбор исследованных норм.

³ См., например: *Ланцов С.А.* Террор и террористы. СПб., 2004. С. 4.

⁴ По мнению В.А. Рогова, историю правовой регламентации антигосударственной (экстремистской) преступности следует вести от эпохи *развитой государственности* (См.: *Рогов В.А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М., 1995. С. 90).

⁵ См.: *Петрянин А.В.* Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – Вологда, 2011. № 4. С. 85-90.

оттенок, что, с нашей точки зрения, и раскрывает одну из его концептуальных особенностей, которая апробирована на всех этапах развития государственности. Об этом, в частности, свидетельствует, с одной стороны, объективно закономерная, с другой – неразрывная взаимосвязь увеличения количества экстремистских проявлений, как правило, в период обострения политических и социально-экономических противоречий¹.

Вышеизложенное дает нам основание сделать вывод о том, что первоначально экстремизм использовался в качестве основного инструмента решения политических споров и способа удержания власти, что и легло в основу первой законодательной концепции противодействия деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма².

В момент становления российской государственности регулятором всех сфер общественных отношений, в том числе и уголовно-правовых, являлись Русская Правда и Псковская судная грамота. Исследование названных правовых памятников показало, что приоритетами охраны закона были интересы правящих классов и государства. К числу уголовно наказуемых деяний, причиняющих ущерб указанным благам, относились: измена, восстание против князя³, переход на сторону врага и т. п. Подчеркивая особую опасность названных преступлений, законодатель устанавливал наиболее суровые виды наказаний за их совершение – вплоть до смертной казни⁴.

---

¹ Например, П.А. Кропоткин считал, что терроризм в России как наиболее радикальная форма проявления экстремизма был порожден политической борьбой, происходящей на конкретном историческом этапе: «Он жил и умер. Он может вновь воскреснуть и вновь умереть». (*Кропоткин П.А. Записки революционера*. М., 1990. С. 266).

² См.: *Петрянин А.В. Эволюция российского законодательства об ответственности за экстремизм на территории древнерусского государства // Проблемы современного права и криминологии: материалы межвузовской научно-практической конференции. 20 апреля 2004 г.: Сборник статей*. – М.: Гуманитарный институт (г. Москва), 2004. – С. 60.

³ В.В. Ревина указывает, что, кроме восстания против князя, Русская Правда выделяла норму об ответственности за убийство княжеских слуг, в том числе высшего и среднего «звена». В зависимости от занимаемого места дифференцировалось убийство представителей княжеской дружины. Посягательство на жизнь указанных лиц рассматривалось как посягательство на княжескую власть (См.: *Ревина В.В. Ретроспективный анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности // Российский следователь*. 2009. № 14. С. 45).

⁴ См.: *Противодействие экстремистской деятельности в России: учебное пособие / под ред.*

Тщательно проведенный анализ вышеназванных законодательных актов и норм показал, что первая правовая концепция противодействия деяниям, содержащим в себе экстремистские проявления, включала в себя следующие конструктивные признаки:

– во-первых, экстремизм рассматривался исключительно как политическое деяние;

– во-вторых – как представляющее непосредственную угрозу лишь государственной безопасности;

– в-третьих, наказание за совершение вышеназванных преступлений характеризовалось высочайшим уровнем репрессивности.

Полагаем, что заложенные на первоначальном этапе основы противодействия экстремизму, в целом раскрывающие сущность исследуемого явления, нашли свое подтверждение не только в последующих правовых памятниках, но и в современном российском законодательстве. Так, например, сегодня понятие преступлений экстремистской направленности, а также наибольшее их количество сосредоточено в 29 главе Уголовного кодекса Российской Федерации, взявшей под охрану основы конституционного строя и безопасность государства.

Развитие следующей законодательной концепции в рассматриваемой области считаем целесообразным связать с кодификацией законодательства.

Первый кодифицированный правовой памятник Русского государства – Судебник 1497 года – закрепил принципы централизации суда и управления, что повлияло на укрепление позиций государственности. Впервые в истории России законодатель взял под охрану непосредственно государственную безопасность. Кроме этого, в результате попытки определения круга деяний, содержащих в себе признаки экстремизма, на законодательном уровне была подчеркнута приоритетность охраны государственного строя.

Так, прообраз нормы об ответственности за экстремистское преступление в Судебнике 1497 года можно установить в статье 9: «...*крамольнику, ведомому лихому человеку... живота не дати, казнити его смертной казнью*»¹.

Лица, уличенные в совершении антигосударственных преступлений, подвергались пытке, причем признание вины не являлось основанием для освобождения от ответственности. В случае непризнания вины человеком после применения пытки его казнили.

Сущностью рассматриваемой законодательной концепции стала попытка систематизации и унификации преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма, а также усиление карательного воздействия на виновных в целях повышения качества предупредительного воздействия.

Следующий исторический этап развития законодательной концепции в области противодействия преступлениям экстремистской направленности связан со становлением царской России.

Правовым источником Российского государства данного периода, закрепившим уголовную ответственность за государственные преступления, стал Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича 1550 года. При его составлении за основу был взят Судебник 1497 года, и была сохранена ранее заложенная концепция в исследуемой области.

Так, например, пункт 61 Судебника, устанавливавший ответственность за убийство государственного служащего, предписывал: «...*государьскому убойце, коромольнику... живота не дати, казнити смертною казнею*»². Как видим, санкция, указанная в норме, являлась безальтернативной. Отсутствие выбора при назначении наказания за совершение анализируемого преступления, в основу которого могли быть положены мотивы и цели, свидетельствовало об особой репрессивности наказания.

---

¹ Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Судебник 1497 года. С. 342; Там же. С. 347.

² Цит. по: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 года: учебно-методическое пособие. Н. Новгород, 1995. Ч. 1. С. 29.

Происходившие в стране события требовали от власти пересмотра концепций, определяющих внутреннюю и внешнюю политику Российского государства, результатом которого стало принятие Соборного уложения 1649 года. Это первый кодифицированный нормативный правовой акт в области уголовного права. В нем была закреплена целая система норм, взявшая под охрану государственные интересы. Их анализ показал, что к преступлениям, содержащим в себе признаки экстремизма, в первую очередь относились бунт, заговор и измена¹.

Порядок расположения глав определялся значимостью регулируемых общественных отношений: на первом месте стояла безопасность церкви, на втором – государства, что и определило содержание новой концепции в области противодействия преступности в целом, так и деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма в частности².

Экстремистские деяния были систематизированы во второй главе Уложения «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать», содержащей нормы о государственных и политических преступлениях.

Примером нормы о преступлении с признаками экстремизма может служить часть 2 статьи 1 главы II Уложения: «...кто при державе Царского Величества, хотя Московским государством завладеет и Государем быть и для того своего злова умышления начнут рать собирать... казнити смертью»³.

Весьма интересны принципы назначения наказаний за совершение рассматриваемых деяний. В частности, статья 5 этой главы, уточняя порядок определения наказания за государственные преступления, устанавливала, что обвиняемый в любом из перечисленных в статьях 2–4 деяний подвергается еще одному обязательному наказанию в виде конфискации имущества⁴. При этом виновный лишал-

---

¹ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 3: Особенная часть (главы 11 – 21). С. 290.

² См.: Петрянин А.В. Ответственность за деяния, содержащие в себе признаки экстремизма, в момент становления абсолютной монархии в России // Проблемы современного права и криминологии: материалы межвузовской научно-практической конференции. 20 апреля 2004 г.: Сборник статей. М.: Гуманитарный институт (г. Москва), 2004. С. 73.

³ Цит. по: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 года: учебно-методическое пособие. Н. Новгород, 1995. Ч. 1. С. 6.

⁴ Конфискация как дополнительный вид наказания чаще всего применялась при совершении

ся всего имущества («поместья, вотчины и животы»), которое шло в пользу государства¹.

Полагаем, что рассматриваемый принцип целесообразно реализовать в рамках действующего законодательства, направленного на противодействие преступлениям экстремистской направленности, путем внесения соответствующих изменений в нормы уголовного закона, определяющие порядок наложения конфискации (безусловно, с учетом концептуальных особенностей современного национального уголовного законодательства). Применение конфискации показало свою эффективность и на других исторических этапах развития Российского государства, что и будет отмечено далее в работе.

Для укрепления позиций государства чиновничий аппарат продолжал развитие направления по ужесточению ответственности за преступления, посягающие на государственный интерес, и расширению перечня деяний экстремистской направленности. В качестве достижения хотелось бы отметить наличие возможности по дифференциации ответственности. Причем наказание виновного зависело от статуса потерпевшего. Чем выше ранг пострадавшего, тем суровее наказание для посягателя. Однако эта позиция исключала принцип равенства и порождала противостояние.

В целях укрепления охраны государственного строя в Уложение были введены нормы, устанавливавшие ответственность за недоносительство о готовящемся государственном преступлении (ст. 18 – 19). При этом санкция за это деяние относилась к разряду абсолютно определенных и предусматривала в качестве наказания смертную казнь «без всякой пощады»². Установление уголовной ответственности за обнаружение умысла на убийство царя или господина также указывало на избыточность подобного рода репрессивных мер.

особо опасных преступлений, в том числе посягающих на государственный строй. (См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. С. 263).

¹ См.: Памятники русского права. М., 1957. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. С. 33.

² См.: Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. С. 35.

Еще одна особенность уголовного законодательства рассматриваемого периода – это расширение круга субъектов уголовных правоотношений за совершение любых общественно опасных деяний, в том числе и экстремистской направленности. Теперь к уголовной ответственности могли привлекаться не только статусные члены общества, но и холопы. Кроме того, в соответствии с предписаниями закона была предусмотрена возможность назначения нескольких наказаний за совершение одного преступления, что предполагало выделение основных, дополнительных и смешанных их видов. Самым суровым наказанием продолжала оставаться смертная казнь¹. Она назначалась, как правило, за совершение государственных преступлений², в основном за те, которые содержали в себе признаки экстремизма.

Хотелось бы подчеркнуть, что Соборное уложение 1649 года серьезно изменило существовавшие ранее законодательные концепции в области противодействия экстремизму, в основной своей массе построенные по принципу охраны личности государя и усиления уголовной ответственности.

Во-первых, мы наблюдаем не только расширение, но и переоценку значимости объектов уголовно-правовой охраны в области противодействия экстремизму. В частности, объектом вышеназванных посягательств стала не личность государя, а непосредственно безопасность государственного строя.

Во-вторых, была проведена четкая систематизация преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма, в самостоятельной главе Уложения.

В-третьих, впервые в российском законодательстве за совершение преступлений экстремистской направленности стало возможным назначение дополнительных экономических санкций.

В-четвертых, зарождается направление дифференциации ответственности как в зависимости от характеристик потерпевшего, так и возможности применения основных, дополнительных и смешанных видов наказаний.

---

¹ Уложение знало два вида смертной казни – простую и квалифицированную.

² См.: *Томсинов В.А.* Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год. М., 1998. С. 70.

В-пятых, произошло усиление репрессивности уголовно-правовых механизмов путем криминализации обнаружения умысла за деяния экстремистской направленности.

Следующий исторический этап развития России, а также законодательной концепции в области противодействия экстремизму был связан с реформаторской деятельностью Петра I и характеризовался становлением абсолютной монархии. Ее построение шло путем усиления авторитета монарха через развитие промышленности и государственного аппарата, основанных на жесточайшей крепостной политике¹.

В.И. Ленин, давая оценку событиям того времени, отмечал, что Петр I не останавливался «перед варварскими средствами борьбы против варваров»². Между тем политика управления государством с использованием данных методов становилась оправданной в связи с укреплением позиций России в мировом сообществе.

В рассматриваемый период действовали два основных нормативных правовых акта, регулирующих весь спектр общественных отношений в России: Артикулы воинский Петра I 1715 года и Морской устав, вступивший в действие в 1720 году, содержащий в себе свод морских военно-уголовных законов. Указанные документы впервые закрепили законодательное определение верховной власти³.

Законодательство Петра I продолжало развитие направления по ужесточению ответственности за совершение преступлений, посягающих на безопасность государства. Причем Артикулы воинский устанавливал одинаковые наказания всем лицам, причастным к преступлению, независимо от степени их виновности⁴. Самыми тяжкими преступлениями против государственной безопасности традиционно являлись измена и бунт.

Названный источник делил все преступления на две основные группы: государственные и другие. В соответствии с артикулом 205 все преступники называ-

---

¹ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 324.

² Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Ленин В.И.. ПСС. Т. 36. С. 285.

³ Цит. по: Памятники русского права. М., 1961. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. С. 325.

⁴ См.: Томсинов В.А. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год. М., 1998. С. 162.

лись «ворами» и также классифицировались по двум категориям. Бунтовщики и изменники относились к «чрезвычайным» вора; преступники, совершившие все другие преступления, – к «обыкновенным» вора. Рассматриваемая позиция находила свое отражение и в статье 139 книги V Морского устава¹. Предложенное деление предполагало запрет на убийство при задержании «чрезвычайных» воров в целях выявления соучастников преступления – «...бунтовщиков и изменников, которые убийством могут многие товарищи покрыты быть»².

Именным царским указом от 25 января 1715 года был определен круг государственных преступлений, к которым относились: а) всякий злой умысел против персоны его величества или измена; б) возмущения или бунт³.

Охране государственного строя была посвящена глава XVII Артикула воинского «О возмущении, бунте и драке». В соответствии с артикулом 137 бунт и возмущение карались только смертной казнью без возможности помилования. Причем эта норма четко определяла состав государственного преступления, к которому относились бунт, возмущение и упрямство. Целью применения нормы являлось устрашение бунтовщиков путем применения к ним крайних репрессивных мер: «...винных на месте и в деле самом наказать и умертвить»⁴.

Кроме того, Артикул воинский устанавливал ответственность не только за сопротивление представителям власти, но и за уничтожение или порчу государственных указов и распоряжений⁵.

Смерть Петра I и неясность содержания оставленного завещания явились причиной увеличения количества преступлений, направленных на борьбу за власть в Российском государстве. Основными целями переворотов стали жажда власти и удовлетворение экономического интереса.

¹ См.: Памятники русского права. М., 1961. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. С. 523.

² См.: там же. С. 368.

³ См.: Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. М., 1987. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 314.

⁴ Цит. по: Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. М., 1987. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 379.

⁵ См.: Ревина В.В. Ретроспективный анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности // Российский следователь. 2009. № 14. С. 37.

Проведенное исследование законодательства Петра I дает нам основание для выделения следующих его концептуальных особенностей в области противодействия экстремизму.

Во-первых, деяния, содержащие в себе признаки экстремизма, были выделены в отдельную группу государственных преступлений, что указывает на очередную попытку их систематизации.

Во-вторых, законодательно закреплена дифференциация виновных, с выделением в отдельную группу лиц, совершивших антигосударственные преступления, в целях повышения качества уголовно-правового преследования, как непосредственных исполнителей, так и их соучастников.

В-третьих, в отличие от ранее существовавшей концепции, исключена возможность назначения дополнительных и смешанных видов наказаний.

В-четвертых, нормативно закреплён запрет на убийство лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, в момент их задержания.

Всплеск классовой борьбы на данном историческом этапе, направленной на отмену крепостного права и наделение крестьян землей, восстание декабристов 1825 года повлекли за собой полный запрет на любую политическую деятельность, в том числе и легальную. Правящая власть объявила бунтовщиков экстремистами и продолжала применять в борьбе с ними жесткие репрессивные меры. Ответной реакцией на это явились широкомасштабные акции террора, которые поддерживались основной массой населения.

Следующим правовым документом, закрепляющим соответствующий комплекс уголовно-правовых норм, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в ред. 1885 г.). Этот документ учитывал и классифицировал преступления, проступки и соответствующие им наказания, при этом поставив на первое место деяния против государства¹.

Ответственности за преступления, посягающие на безопасность государства и содержащие в себе признаки экстремистских проявлений, посвящалась глава

---

¹ См.: Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. М., 1991. Т. 8: Судебная реформа. С. 387–414.

под названием «Государственные преступления». Такое расположение статей в Уложении предопределяло, что объектом этой группы преступлений выступали общественные отношения, обеспечивающие стабильность государственного устройства.

Особый интерес для проводимого нами исследования представляют статьи 251 и 252 Уложения, устанавливавшие ответственность за распространение антигосударственной информации. Дифференциация ответственности по рассматриваемым нормам в первую очередь проходила по наличию или отсутствию мотива, направленного на свержение существующей власти. Способами совершения названных преступлений были воззвание, составление или распространение печатной, письменной продукции, а также изображений, содержащих в себе призывы к бунту или неповиновению власти, например, чтение рабочими и умышленное оставление ими книг преступного содержания¹. Полагаем, что анализируемые нормы по содержанию частично схожи со ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», что, во-первых, указывает на зарождение нового направления в развитии законодательной концепции в области противодействия преступлениям экстремистской направленности. Во-вторых, на преемственность подходов в исследуемой области.

Необходимо отметить, что, помимо Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года как инструмента предупреждения экстремизма, действовали и иные нормативные правовые акты, определявшие задачи, структуру, полномочия специальных служб России, а также права и обязанности чинов полиции и политического розыска по борьбе с различными государственными преступлениями, в том числе с политическим террором². Примером может служить Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений.

---

¹ См.: *Таганцев Н.С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1892. С. 210.

² См.: *Яковлев Л.С.* Историко-правовые аспекты борьбы с терроризмом в дореволюционной России: учебное пособие. М., 2005. С. 25.

Данный документ предусматривал возможность применения следующих мер к соответствующим «неблагонадежным» лицам: отдача их под надзор полиции, воспрещение жительства в столицах или иных местах, высылка административным порядком в определенные местности европейской или азиатской части России, а также удаление иностранцев за границу¹.

Завершая анализ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, хотелось бы подчеркнуть, ряд его особенностей в развитии законодательной концепции в области противодействия экстремизму.

Во-первых, было продолжено дальнейшее развитие направления по систематизации уголовно-правовых норм, содержащих в себе его признаки.

Во-вторых, впервые в российском уголовном законодательстве был реализован принцип дифференциации уголовной ответственности в зависимости от мотива совершения экстремистского преступления. Сегодня этот подход является основополагающим при определении признаков исследуемой группы деяний, что подтверждает его актуальность и преемственность времен.

В-третьих, происходит активное развитие направления по предупреждению исследуемой группы деяний путем создания специализированных нормативно-правовых актов, а также применения к лицам, склонным к совершению деяний, содержащих в себе признаки экстремизма, предупредительных мер административного характера.

На смену Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года пришло Уголовное уложение 1903 года, которое продолжило ранее заложенную концепцию в борьбе с экстремизмом. Оно содержало самостоятельный раздел «О государственных преступлениях», посвященный непосредственной охране государственных интересов. Одной из причин его выделения стали постоянно нарастающие акции политического террора в период первой буржуазно-демократической революции².

---

¹ См.: Министерство внутренних дел. 1802 – 1902: Исторический очерк. СПб., 1902. С. 123: [репринтное издание. – М., 2002].

² См.: *Петрянин А.В.* Регламентация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в России в период действия уголовного уложения 1903 г. // Уголовный за-

В целом, уголовное законодательство царской России было построено на принципах лидерства императора. Именно поэтому к деяниям экстремистской направленности относились лишь те, которые создавали непосредственную угрозу безопасности императора или его окружению. По этой причине другие преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, к таковым не относились. Это и повлекло их широкомасштабное распространение на исследуемом историческом этапе¹.

Однако совершенно новым этапом развития законодательных концепций в области борьбы с экстремизмом стало сотрудничество России с другими странами. Так, 1 марта 1904 года в Петербурге было подписано международное соглашение по борьбе с революционными движениями и терроризмом между Россией, Австрией, Болгарией, Германией, Данией, Румынией, Сербией, Турцией и Швецией. Основной целью такого сотрудничества стало повышение охраны государственных строев государств-участников от анархистов². Реализация такого подхода в области противодействия различным формам экстремистских проявлений указывает на то, что мировое сообщество уже на исследуемом нами этапе осознает угрозу экстремизма не только для отдельно взятых государств, но и в целом для всей международной безопасности.

Дальнейшее межгосударственное сотрудничество, направленное на борьбу с различными формами экстремистских проявлений, прервалось после Октябрьской революции 1917 года ввиду невозможности совместной деятельности с государствами, не поддерживающими идеи коммунизма и социализма.

кон в развитии: Сборник научных статей / Отв. ред. В.И. Тюнин. СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2011. 166 с. С. 158-163.

¹ См.: *Петрянин А.В.* Гносеологические предпосылки возникновения и развития законодательной концепции в области противодействия деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма, в России // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. Н.Новгород, 2015. № 1 (29). С. 160-166.

² *Яковлев Л.С.* Историко-правовые аспекты борьбы с терроризмом в дореволюционной России: учебное пособие. М., 2005. С. 24.

§ 2. Становление и развитие уголовно-правового противодействия экстремизму в Советской и постсоветской России

К числу первых документов, содержащих новую законодательную концепцию противодействия преступлениям экстремистской направленности, можно отнести обращение Председателя СНК В.И. Ленина 5 ноября 1917 года. В нем говорилось о необходимости беспощадного подавления попыток анархии, в том числе со стороны контрреволюционных юнкеров: «Арестуйте и передавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу или саботировать!»¹.

Осознавая реальную угрозу саботажа как одного из проявлений экстремизма для безопасности государства, Совет Народных Комиссаров призывал массы в доминирующем числе своих обращений к борьбе с ним². В исследуемых документах находили свое отражение угрозы для безопасности вновь построенного государства, содержащие в себе политические предпосылки. Заявленная в них опасность для политической стабильности государства требовала принятия незамедлительных мер по ее ликвидации.

Первым шагом в этом направлении было создание революционного трибунала. В инструкции НКЮ от 19 декабря 1917 года «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» отмечалось, что к его юрисдикции относились деяния, связанные с организацией восстания против власти рабоче-крестьянского правительства в различных их проявлениях. Главным образом, это преступления, непосредственно содержащие в себе признаки насильственного политического

---

¹ Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ленина 5 ноября 1917 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 11–12.

² См., например: Обращение народного комиссара от 9 ноября 1917 года «О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников»; Обращение СНК от 11 ноября 1917 года «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира»; Обращение СНК ко всему населению от 26 ноября 1917 года «О борьбе с контрреволюционным восстанием Келадина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной радой»; Обращение СНК от 30 ноября 1917 года «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией» и др. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.

противостояния¹. Поэтому любое деяние приравнивалось к таковому при условии установления политической мотивации².

Весьма интересно в рамках данной инструкции решался вопрос о назначении наказания. В частности, часть вторая названного документа перечисляла виды наказаний, назначаемых за совершение контрреволюционных преступлений. К ним относились: а) денежный штраф; б) лишение свободы на определенный срок; в) выдворение из столиц, отдельных местностей или в целом за пределы Российской Республики; г) объявление общественного порицания; д) объявление виновного врагом народа; е) лишение виновного всех или некоторых политических прав; ж) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного; з) принуждение к обязательным общественным работам³.

Рассматриваемый акт не делил их на основные, дополнительные либо смешанные, а также не определял размеров, однако указывалось: *«Меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести»*⁴.

Размытость границ санкций за совершение контрреволюционных преступлений, а также отсутствие четких правил их назначения, с одной стороны, свидетельствуют о повышенной общественной опасности и распространенности этих преступлений, а с другой – о неограниченных правах при назначении наказания за их совершение, что ставит под вопрос их эффективность.

В 1918 году были предприняты меры по определению того, что следует относить к контрреволюционным преступлениям (аналога современного понятия

---

¹ О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний: инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 19–20.

² См.: *Петрянин А.В.* Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления экстремистской направленности в период становления Советского государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2012. № 17. С. 82–87.

³ См.: О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний: инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 19–20.

⁴ Там же.

преступления экстремистской направленности – А.П.). В Постановлении ВЦИК от 5 января 1918 года «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» формулировалось правило, в соответствии с которым *«всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционное действие»*¹.

Основываясь на вышеизложенном, к контрреволюционным преступлениям можно было отнести, по сути, любое деяние, направленное на присвоение функций государственной власти. Неопределенность признаков и критериев отнесения тех или иных деяний к контрреволюционным, безусловно, не способствовала эффективности противодействия указанным преступлениям. Постановление оставило без внимания и вопрос о видах и размерах наказаний, что, с нашей точки зрения, делало данный нормативный правовой акт в целом неэффективным и проблемным.

В целях организации борьбы с контрреволюционными преступлениями 4 мая 1918 года был принят Декрет СНК «О революционном трибунале», в результате чего они были сохранены лишь в крупных центрах (в столицах, губернских городах, на крупных узловых станциях и в промышленных центрах)².

Особенностью реализуемых мер стало появление правовых механизмов, направленных и на возможную реабилитацию экстремистов, вставших на данный путь по заблуждению³. В частности, Всероссийская чрезвычайная комиссия предлагала в недельный срок после вступления в белогвардейские организации явиться в ВЧК, гарантировав явившимся и раскаявшимся полную безнаказанность⁴. По истечении вышеуказанного срока действия лица квалифицировались как антире-

---

¹ О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти: постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 21.

² См.: О революционном трибунале: декрет СНК от 4 мая 1918 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 25.

³ Современной истории также известны подобные меры, например, амнистия чеченских боевиков.

⁴ См.: *Дзержинский Ф.Э.* Избранные произведения: в 2 т. 3-е изд., доп. М., 1977. Т. 1: 1897 – 1923. С. 194.

волюционные. Причем таковыми считались не только те, которые были непосредственно связаны с совершением соответствующих актов противоправного поведения, но и даже имевшие частичную прикосновенность к ним. Наказание при этом являлось беспрецедентно жестоким: в качестве основного наказания к лицу применялась высшая кара – расстрел; в качестве дополнительного – конфискация имущества.

Хотя законодательство еще не было кодифицированным, однако значительное количество нормативных правовых актов, раскрывающих направления борьбы с преступлениями экстремистской направленности, характеризовалось следующими концептуальными особенностями. Во-первых, закрепление поощрительных норм как основания освобождения от уголовной ответственности вследствие соблюдения особых условий не потеряло актуальности и сегодня, о чем свидетельствует наличие соответствующих примечаний в ст. 282¹ и 282², а также ст. 75 УК РФ. Во-вторых, применение дополнительных административно-правовых мер и конфискации при совершении преступлений экстремистской направленности является эффективным инструментом подрыва экономических основ экстремистских организаций, что и было доказано на рассматриваемом историческом этапе, даже в условиях радикальной переоценки правовых ценностей. В-третьих, была предпринята попытка в разработке дефиниции, раскрывающей содержание контрреволюционных действий (аналог понятия преступлений экстремистской направленности), что указывает на востребованность более четкой их систематизации.

Считаем, что реализация такого комплекса мер повлекла за собой снижение экстремистских проявлений. Именно по этой причине эти механизмы в своей совокупности должны быть имплементированы и в современное российское законодательство, имеющее целью противодействие преступлениям экстремистской направленности.

Первым советским законодательным актом, систематизирующим уголовно-правовые нормы, стал Уголовный кодекс РСФСР, который вступил силу с 1 июня

1922 года¹, что и ознаменовало собой новый этап формирования законодательной концепции в области противодействия экстремизму.

Первая глава, открывавшая Особенную часть этого УК, брала под охрану государственную безопасность. Она также предусматривала деление преступлений по характеру и степени общественной опасности: на первом месте стояли деяния, содержащие в себе признаки контрреволюционных преступлений. Всего к таковым, в том числе экстремистского характера, относилось 16 составов (ст. 57 – 73 УК РСФСР 1922 г.).

Основу концепции по противодействию экстремизму составляла статья 57, закрепившая понятие контрреволюционных преступлений².

Отметим, что это первая законодательная формулировка контрреволюционных преступлений в рамках систематизированного уголовного законодательства. В частности, таковыми признавались: а) преступления, посягающие на власть рабоче-крестьянских Советов и рабоче-крестьянского правительства; б) осуществление противоправных действий, содержащих в себе признаки шпионажа, финансирования прессы и схожих деяний.

Как видим, первый признак рассматриваемой группы преступлений указывал на соответствующий объект уголовно-правовой охраны, второй – на способы совершения деяний, в том числе включающие в себя и силовые методы борьбы.

Исходя из этой дефиниции, можно сделать вывод о том, что *контрреволюционные преступления* содержали в себе признаки экстремизма и, на наш взгляд, их в полной мере можно отнести к *экстремистским деяниям* в современном их понимании.

Постановление 2-й сессии ВЦИК X созыва от 10 июля 1923 года в Уголовный кодекс РСФСР 1922 года внесло изменения, которые коснулись и статьи 57, что частично трансформировало ранее заложенную законодательную концепцию в области противодействия исследуемой группе преступлений. Редакции было подвержено понятие. Кроме ранее заявленных, к рассматриваемой группе стали

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 116.

² Там же. С. 123.

также относиться действия, непосредственно не направленные на достижение целей, указанных в статье 57 УК, но заведомо для совершающего деяние лица содержащие в себе признаки покушения на основные политические и хозяйственные ценности пролетариата¹.

Расширив перечень преступлений контрреволюционной (экстремистской) направленности, законодатель тем самым стер грань, дававшую возможность четкого определения этой группы. Указанный подход содержал в себе угрозу произвольного применения репрессивных мер за совершение практически любого, даже общеуголовного хозяйственного преступления. Считаем, что мы сегодня допускаем такую же ошибку, давая возможность рассматривать в качестве преступления экстремистской направленности любое деяние, закрепленное в Уголовном кодексе РФ, при наличии соответствующей мотивации².

Особенностью анализируемой концепции также являлось направление уголовной политики в области назначения наказания. Законодатель не утруждал себя установлением конкретных санкций за совершение отдельно взятых преступлений. В государственных преступлениях чаще всего использовались отсылочные санкции, в основу которых положены наказания, закрепленные в статье 58 УК РСФСР 1922 года. Это нормотворческое решение указывало на то, что все государственные преступления, независимо от конкретных форм их проявлений, оценивались как соизмеримые с точки зрения характера и степени общественной опасности. Любое их проявление жестко пресекалось путем применения исключительной меры наказания, сопровождаемой обязательным применением конфискации.

Постановление ЦИК СССР «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» от 31 октября 1924 года продолжает трансформацию законодательной концепции в области противодействия экстремизму. Так, на

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 123.

² Такой принцип был реализован в результате принятия Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

нормативном уровне было произведено деление всех преступлений на две категории¹.

Первая группа включала в себя деяния, непосредственно посягавшие на основы государственного строя. Считая их наиболее опасными, законодатель, тем не менее, не установил четких критериев их идентификации. С одной стороны, условно эти деяния можно отнести к экстремистским; с другой – не каждое преступление, посягающее на основы советского строя, обладало признаками экстремизма, ранее закрепленными в статье 57 УК РСФСР 1922 года.

Вторая группа – все иные деяния.

В последующем Уголовном кодексе РСФСР 1926 года ответственности за преступления экстремистской направленности посвящались статьи, расположенные в первой главе Особенной части «Контрреволюционные преступления». Все содержащиеся в ней составы полностью дублировали нормы, закрепленные в главе «Государственные преступления» УК РСФСР 1922 года. Ответственность за совершение предусмотренных в них деяний закреплялась в статьях 58¹ – 58¹⁸ Уголовного кодекса 1926 года, что и сохраняло ранее сформированную концепцию по противодействию криминальным формам экстремистских проявлений.

Завершая анализ Уголовного кодекса 1922 г. и Уголовного кодекса 1926 г., хотелось бы выделить следующие концептуальные особенности нормативно-правового противодействия экстремизму.

Во-первых, законодатель на рассматриваемом историческом периоде находился в состоянии активного поиска новых, более эффективных инструментов борьбы с различными формами проявления экстремизма, о чем свидетельствует не только значительное количество изменений, вносимых как в Уголовные кодексы, так и в другие нормативные правовые акты, но и смена ориентиров, определяющих признаки контрреволюционных преступлений.

---

¹ Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик: постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 123.

Во-вторых, выделение контрреволюционных деяний в самостоятельную группу указывало не только на их наиболее высокий уровень общественной опасности в целом, но и на специфику приоритетов уголовно-правовой охраны.

Однако, исследовав вышеназванную концепцию, мы приходим к выводу о том, что в отличие от ранее существующих, по нашему мнению, на рассматриваемом этапе развития российской государственности в целом она не была сформирована. Об этом могут свидетельствовать следующие факты. Во-первых, это применение отсылочных санкций, что, с нашей точки зрения, указывает на неопределенность законодателя в характере и степени общественной опасности рассматриваемых нами деяний. Во-вторых, размытость понятия контрреволюционных преступлений, которая не только не давала возможности для их более четкой идентификации, но и в целом для определения их масштаба.

Дальнейшее развитие законодательной концепции в области противодействия экстремизму находилось в непосредственной связи с изменениями, происходящими в экономической, социально-политической и культурной сферах. Важной вехой этого этапа стало принятие ЦИК СССР 25 февраля 1927 года «Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)»¹.

В статье 1 Положения фиксировалось понятие контрреволюционных преступлений, отличное от ранее действовавшего,² что, с нашей точки зрения, и открывает новый этап исследуемого противодействия.

Эта норма определила признаки контрреволюционных преступлений, которые с полным основанием можно трактовать как экстремистские. К ним, в частности, относились действия, направленные на свержение, подрыв или ослабление власти рабоче-крестьянских Советов, на подрыв или ослабление внешней безопасности СССР.

Осознавая потребность в международной поддержке пролетариата, советское правительство на законодательном уровне расширило круг деяний, относя-

---

¹ Положение о преступлениях государственных // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 219.

² Там же. С. 221.

щихся к контрреволюционным. Согласно статье 1 указанного Положения в целях достижения международной солидарности интересов всех трудящихся контрреволюционными признавались также преступления, посягающие на интересы трудящихся других государств, хотя и не входивших в СССР¹.

Пожалуй, это первый документ, закрепивший принципы международного сотрудничества в борьбе с деяниями экстремистской направленности на рассматриваемом историческом этапе, но повторяющий подход, уже ранее существовавший в царской России.

Новый Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления» был принят 25 декабря 1958 года². Он не предусматривал значительных изменений старых норм, речь шла лишь о некотором уточнении их редакции, что в целом не меняло ранее разложенных законодательных основ в рассматриваемой области.

Однако в рамках анализируемого нормативного акта впервые в истории развития уголовного законодательства была представлена новая концепция в области противодействия наиболее радикальной форме проявления экстремизма – терроризму. Так, первая глава упомянутого Закона «Особо опасные государственные преступления» включала в себя две самостоятельные разновидности террористического акта, основными отличительными признаками которых являлись характеристики потерпевшего и цель совершаемого деяния³.

В рамках ст. 3 УК к таковым относились государственные или общественные деятели, представители власти. При этом для признания акта террористиче-

---

¹ Положение о преступлениях государственных // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 221.

² См.: *Солопанов Ю.В.* Ответственность за фальшивомонетничество. М., 1963. С. 8.

³ См.: *Петрянин А.В.* Особенности уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в советский период (на примере Закона от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и Уголовного кодекса 1960 года) // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов / Под ред. М.П. Полякова и М.А. Пшеничникова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. Вып. 18. 182 с. С. 67-79.

ским необходимо было установить, что он совершен в целях подрыва или ослабления советской власти¹.

В свою очередь, статья 4 Закона об ответственности за государственные преступления предусматривала еще одну разновидность террористического акта – «террористический акт против представителя иностранного государства»².

Специальная цель (провокация войны или международных осложнений) и круг потерпевших (представители иностранного государства) определяли особенность анализируемой нормы. Представляется, что введение нормы, закрепляющей самостоятельную разновидность террористического акта, предопределялось налаживанием международных отношений с зарубежными государствами и указывало на признание значимости международного сотрудничества. Мы считаем это положение не потерявшим актуальности и сегодня, что будет отмечено в последующих главах диссертационного исследования.

Исследовав «Положение о преступлениях государственных» и Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления», в целом содержащие единую законодательную концепцию в области противодействия экстремизму, считаем целесообразным выделить следующие ее особенности.

Во-первых, в отличие от ранее заложенной концепции, вышеназванные нормативные правовые акты содержали более четкие признаки преступлений, посягающих на государственную безопасность, что давало возможность для определения их исчерпывающего перечня.

Во-вторых, происходит возрождение направления по международному сотрудничеству в борьбе с деяниями, содержащими в себе признаки экстремизма и наиболее радикальной его формы – терроризма. При этом происходит дифференциация ответственности за его совершение, в зависимости от характеристик потерпевшего и целей, что и определяет спектр нарушаемых общественных отношений.

---

¹ Об уголовной ответственности за государственные преступления: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 537.

² Там же. С. 537.

В-третьих, наказания, назначаемые за совершение рассматриваемых деяний, являлись альтернативными и предусматривали как лишение свободы на определенный срок, так и смертную казнь. При этом оба наказания сопровождалась конфискацией имущества. В качестве дополнительного наказания могла применяться ссылка. Все это указывает на возможность не только дифференциации, но и индивидуализации наказания, что, конечно же, повышает качество уголовно-правового противодействия экстремизму.

Принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года не предопределило становление нового этапа развития уголовного законодательства России в области противодействия преступлениям экстремистской направленности и соответственно формирование новой концепции. Деяния, содержавшие в себе признаки экстремизма, размещались в первой главе Особенной части этого Кодекса и относились к категории особо опасных государственных преступлений. Нормы, включенные в эту главу, полностью дублировали статьи Закона от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления»¹. Поэтому УК РСФСР 1960 года в целом не содержал каких-либо новелл в исследуемой нами области.

Однако можно отметить ст. 70 УК РСФСР, устанавливавшую ответственность за противоправные призывы к насильственному изменению государственного строя. Хотя ее основой и являлась статья 7 Закона от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления»², однако она неоднократно подвергалась законодательным изменениям по причине ее использования в качестве главного инструмента борьбы с антисоветской агитацией. Фактически существование уголовной ответственности за данное деяние ограничивало право граждан на их социальную и духовную свободу. В течение десятилетий судебная практика связывала доказательство наличия антисоветской цели с установлением соответствующего предмета преступления. В свою очередь, при-

---

¹ Об уголовной ответственности за государственные преступления: Закон от 25 декабря 1958 года // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 8.

² Об уголовной ответственности за государственные преступления: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 539.

знание литературы по своему содержанию антисоветской презюмировало и наличие у лица антисоветской цели. Оценка же литературы как крамольной проводилась предельно просто. Если, например, автор соответствующей книги объявлялся «врагом народа», то все написанное им сразу же становилось антисоветским. Поэтому и обнаружение такой книги при обыске превращало ее читателя в субъекта контрреволюционного преступления. Для того чтобы преступное хранение переросло в распространение, достаточно было ознакомить с книгой хотя бы одного человека, например, близкого родственника или товарища¹.

Завершая анализ УК 1960 г., хотелось бы подчеркнуть, что в нем в целом была сохранена концепция, заложенная при разработке «Положения о преступлениях государственных» и Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления», что указывает на устоявшиеся принципы и идеи борьбы с различными формами экстремистских проявлений.

В 90-х годах Российская Федерация пережила серьезные изменения в экономической и социальной сферах. В основу политической деятельности были положены не общегосударственные, а национальные интересы. Именно они представляли основу программ, активно развивающихся в тот момент общественных объединений. Все это повлекло за собой оказание активного влияния на деятельность организаций и государственных органов, что привело к утрате авторитета государственной власти². В том числе произошла кардинальная переоценка ценностей, основанных на новых экономических, политических и социальных программах. Все это указывало на то, что правовая база, действовавшая ранее, потеряла эффективность, значимость и работоспособность. Это, конечно же, свидетельствовало о необходимости разработки новой законодательной концепции в области противодействия экстремизму, который на тот момент стал увеличивать свои масштабы.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 204–205.

² См.: О дополнительных мерах по обеспечению прав советских граждан, охране суверенитета Союза ССР на территории Литовской ССР: указ Президента СССР от 21 марта 1990 г. № 3 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 13. Ст. 207.

На рассматриваемом историческом этапе была предпринята попытка приведения еще действовавшего Уголовного кодекса РСФСР 1960 года в соответствие с новыми правовыми, политическими и экономическими условиями. В рамках реализации данной задачи приняты указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР от 8 апреля и 11 сентября 1989 года, внесшие изменения в действующее уголовное законодательство. Эти нормативные правовые акты криминализировали в рамках статьи 74 УК РСФСР деяния, основанные на национальной или расовой вражде или розни¹.

Принятый 2 апреля 1990 года Закон СССР «Об усилении ответственности за посягательство на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР» также содержал в себе правовые основы, запрещающие деятельность, направленную на возбуждение национальной или расовой, религиозной вражды или розни².

Попытки регулирования общественных отношений, основанных на религиозной либо расовой принадлежности, указывали на необходимость принятия незамедлительных мер, направленных на совершенствование законодательства. Особенно обострились вопросы, связанные с национальным определением.

Основными причинами возникновения экстремизма на этом этапе явились экономические интересы организованных преступных групп, связанных с финансовыми структурами как в России, так и в других государствах. С опорой на незаконные вооруженные формирования устанавливались выгодные для них условия и решались их стратегически важные задачи³. Полагаем, что экономический интерес выступает одной из доминирующих причин резкого всплеска и распространения экстремизма и в современных условиях.

Осознавая всю тяжесть последствий экстремистских проявлений на территории России и отсутствие совершенной нормативно-правовой базы, направленной на борьбу с экстремизмом, государство предпринимало попытки частичной

---

¹ См.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917 – 1991 гг. М., 1997. С. 401.

² См.: там же. С. 422.

³ См.: Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 96.

стабилизации, в том числе путем введения в УК РСФСР 1960 года ряда дополнительных норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления экстремистской направленности. Так, например, 28 апреля 1995 года в нем появилась статья 77², закрепившая ответственность за «организацию или участие в незаконных вооруженных формированиях», предусматривающая конфискацию в качестве дополнительного вида наказания¹.

К сожалению, внесение постоянных изменений в уголовное законодательство не приводило к его качественному улучшению. Кодекс становился все более громоздким и неэффективным. Новые экономические и политические условия требовали корректировки всей правовой базы, в том числе и уголовной.

Поэтому законодатель в рассматриваемый исторический период находился в состоянии активного поиска новой концепции противодействия преступности в целом и экстремизму в частности. В этой связи впервые в российской истории экстремизм стал носить не только политический, но и национальный, расовый и религиозный оттенок, что и раскрывало сущность рассматриваемой концепции.

В 1996 году был принят новый УК РФ. Первоначально он традиционно включал ряд норм о преступлениях, содержащих признаки экстремизма (ст. 205 УК РФ «Терроризм», ст. 280 УК РФ «Призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и т. п.). Позже в нем появились новые нормы, непосредственно устанавливающие ответственность за преступления экстремистской направленности (например, ст. 282¹, 282² УК РФ). Все они составили правовую основу законодательной концепции противодействия экстремизму².

Ключевой из указанных выше норм является, на наш взгляд, статья 282¹ УК РФ, в которой законодатель впервые дал определение понятия преступления экстремистской направленности. Кроме того, диспозиция рассматриваемой статьи

---

¹ См.: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1996. С. 47.

² Правовую основу противодействия преступлениям экстремистской направленности составили также положения, отраженные в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031), который определил характерные черты экстремизма и методы борьбы с ним, и в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3029).

содержала в себе указание на специфическую мотивацию экстремистского преступления (идеологические, политические, расовые, национальные или религиозные мотивы, а также ненависть либо вражда) и исчерпывающий перечень этих деяний.

Такой подход был новым для современного уголовного законодательства. Закрепление в статье исчерпывающего перечня преступлений, с одной стороны, упрощало применение закона, а с другой – исключало возможность рассмотрения иных деяний, совершенных с данной мотивацией, как экстремистских.

Однако перечень преступлений экстремистской направленности указывал на несогласованность положений Закона «О противодействии экстремистской деятельности» и норм УК РФ, что порождало дискуссии и противоречия как в науке, так и в практической деятельности правоохранительных органов, поскольку для раскрытия признаков экстремизма необходимо было обращаться не только к положениям Федерального закона № 114-ФЗ, но и УК РФ.

Представители доктрины, осознавая сложность и несогласованность уже существующих положений, справедливо, на наш взгляд, указывали на то, что введение такого понятия, как «преступления экстремистской направленности», стало причиной придания политического оттенка принципиально отличающимся между собой деяниям, имеющим различную уголовно-правовую и криминологическую природу, в том числе несопоставимым и по характеру, и по степени их общественной опасности и объекту посягательства¹.

Получается, что понятие экстремизма, закрепленное в Законе № 114-ФЗ, не относит к рассматриваемой группе преступлений воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания; воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них, уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, надругательство над телами умерших и местами их захоронения. Остальные экстремистские преступления (хулиганство; вандализм; публичные призывы к осуществле-

---

¹См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика. М., 2005. С. 39.

нию экстремистской деятельности; возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства) являются примером «чистого» преступного экстремизма¹.

Противоречивый характер ранее принятых положений требовал внесения изменений в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» в целях выработки наиболее универсального понятия экстремизма. Однако соответствующие коррективы вносились в основном в УК РФ². В частности, в Федеральном законе от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ излагается новая редакция диспозиции статьи 282² УК РФ и примечания к ней, где дается иное определение преступления экстремистской направленности.

Наряду с этим из вышеупомянутой нормы УК исключается исчерпывающий перечень таких деяний, но оставлено указание на их мотивы. Таким образом, законодатель привел положения, закрепленные в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в соответствие нормативным установлениям УК РФ, что сегодня и составляет основу законодательной концепции противодействия преступлениям экстремистской направленности. Авторская позиция по рассматриваемому вопросу будет изложена в следующих главах проводимого исследования с учетом существующих достижений науки и практики, а также выработанной нами концепции.

Выводы по главе.

1. Исследование законодательных концепций в области противодействия экстремизму, существовавших на различных этапах развития российской государственности, показало, что уголовная ответственность за преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, возникла с момента образования Российского государства и появления первых правовых памятников. При этом они всегда обладали следующими концептуальными признаками: а) политическая мотивация; б) объект посягательства – государственная безопасность.

---

¹ См.: *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2007. С. 66.

² См., например: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ и № 153-ФЗ, от 10 мая 2007 г. № 71-ФЗ, от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, от 29 апреля 2008 г. № 54-ФЗ.

2. Ретроспективный анализ генезиса норм, устанавливающих ответственность за преступления экстремистской направленности, позволяет условно выделить несколько этапов становления и развития законодательной концепции в области противодействия деяниям, содержащим признаки экстремизма: а) *первый этап* характеризуется неразвитостью регулирования ответственности за экстремистские преступления (Псковская судная грамота, Русская Правда), но закладывает основы законодательной концепции в области противодействия экстремизму через призму охраны государственной безопасности; б) *второй этап*, связанный с укреплением государственности и появлением первых кодифицированных актов (Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г.), которые содержали в себе нормы, отражающие экстремистские проявления и очерчивающие круг соответствующих деяний, в том числе включающие применение экономических санкций за их совершение; в) *третий этап*, ознаменованный реформаторской деятельностью Петра I в сфере регулирования уголовно-правовых отношений. Артикул воинский и Морской устав Петра I, пришедшие на смену Соборному уложению 1649 года, характеризовались ужесточением ответственности за преступления экстремистской направленности, непосредственно посягающие на безопасность государства; г) *четвертый этап*, связанный с формированием правовых основ противодействия преступлениям экстремистской направленности как на внутригосударственном (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 и 1885 гг.); Уголовное уложение 1903 г.), так и на международном уровнях; д) *пятый этап* – формирование и становление советского уголовного законодательства (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.); е) *шестой (современный) этап*, характеризующийся наличием развитого законодательства, регламентирующего ответственность за преступления экстремистской направленности (УК РФ 1996 г., Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и др.).

3. На протяжении развития уголовного законодательства в области борьбы с криминальными формами экстремистских проявлений основным фактором, негативно влияющим на качество противодействия преступлениям экстремистской направленности, является отсутствие четкого определения конструктивных признаков этих деяний, позволяющих идентифицировать их и отличать от смежных преступлений.

4. Предпринимаемые на различных исторических этапах попытки систематизации преступлений экстремистской направленности указывают на актуальность этого направления и сегодня в целях определения их исчерпывающего перечня.

Глава 2

Современные международные и зарубежные концепции противодействия преступлениям экстремистской направленности

§ 1. Юридическое содержание конвенциональных основ противодействия криминальным формам экстремистских проявлений

Масштабы распространения экстремизма во всем мире вынуждают мировое сообщество находиться в постоянном активном поиске эффективных правовых инструментов по борьбе с указанным общественно опасным явлением, в целом представляющих международную концепцию по противодействию экстремизму. В этом вопросе, в условиях активно развивающейся глобализации, по нашему мнению, основным должно стать направление по гармонизации международного и национальных законодательств. И хотя последние годы характеризуются усилением сближения правовых систем, однако концептуальные различия между ними все еще сохраняются. Несмотря на это, использование международного и зарубежного опыта правовой регламентации ответственности за экстремистские преступления – один из эффективных рычагов устранения пробелов в российском законодательстве, в том числе и в исследуемой нами области¹.

Основу международной концепции, устанавливающей главные направления противодействия экстремизму, с нашей точки зрения, представляет Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года², ряд статей которой (ст. 1 – 5, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 18, 19, 20, 28) имеют непосредственное отношение к рассматриваемой в настоящем диссертационном исследовании проблематике. В этом аспекте данные положения представляют особую значимость³. Так, например, ст. 1 Декларации провозглашает всеобщее равенство. Статья 2 конкретизирует различия, которые не могут выступать в качестве условий нарушения такого равенства, что

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Международная нормативно-правовая основа противодействия экстремизму и терроризму // Актуальные вопросы российского и международного права: материалы межвузовской конференции. 24 апреля 2007 г. – М.: Гуманитарный институт, 2007. С. 110.

² Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1995. 5 апреля.

³ См.: *Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г.* Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М., 2010. С. 43.

имеет непосредственное значение в вопросе противодействия экстремизму¹. Схожие положения закреплены и в других статьях Всеобщей декларации.

Следующим документом, закладывающим основы международной законодательной концепции в исследуемой сфере, является Международный пакт о гражданских и политических правах², устанавливающий равенство граждан вне зависимости от религиозной, расовой и национальной принадлежности.

Изучение этих документов показывает, что в основу запрета на нарушение основных прав и свобод человека положена соответствующая мотивация, в целом указывающая на содержание одного из концептуальных признаков международной концепции в рассматриваемой нами области, что прослеживается и на других уровнях межгосударственного сотрудничества³.

Однако основным пробелом деятельности ООН в исследуемой области является отсутствие закрепленной в существующих международных соглашениях дефиниции экстремизма. Хотя сам этот термин используется ООН в ряде принятых документов⁴.

Впервые он был применен в «Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма», принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 года № 49/60. В указанном документе отмечается озабоченность всего мирового сообщества угрозой терроризма, основанного на нетерпимости или экстремизме⁵. Конечно же, это можно с определенной долей условности от-

---

¹ Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

² О гражданских и политических правах: международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

³ См.: *Петрянин А.В.* Экстремизм как конвенциональное преступление // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2014. № 1 (25). С. 146-156.

⁴ См.: *Бешикова З.М.* Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 9.

⁵ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: принята Резолюцией 49/60 на 84-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. // Действующее международное право. М., 1997. Т. 3. С. 90–94.

нести к зарождению самостоятельного направления в формировании рассматриваемой нами концепции.

Как видим, используя термин «экстремизм», ООН не дала определения, указав лишь на непосредственную связь терроризма с экстремизмом, не установив его характера и границ.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174 открывает новый курс в формировании международной концепции в области борьбы с экстремизмом. В частности, в ней предлагается рассматривать экстремизм как угрозу для международной законности и правопорядка в мире¹. Понимая характер угроз и признавая терроризм наиболее радикальным проявлением экстремизма, ООН, тем не менее, вновь уходит от выработки и закрепления соответствующей дефиниции.

В ряде международных документов, принятых ООН, термин «экстремизм» также используется как синоним понятий «расизм»², «ксенофобия»³, «нацизм»⁴, что, с одной стороны, свидетельствует об активном развитии направления по поиску как признаков экстремизма, так и инструментов эффективной борьбы, а с другой – о неопределенности в его содержании⁵.

В других нормативных актах, выработанных ООН, осуждаются и иные проявления экстремизма, основанные на национальных, расовых и религиозных мотивах. В качестве примера можно выделить Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 года, достоинством которой является закрепление определения расовой дискриминации. В качестве ее

---

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 21.08.2013).

² Это, в частности, нашло свое отражение в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2000 г. № 55/2 «Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций».

³ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. № 55/59 (Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. № 55/59. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 22.08.2013)).

⁴ См.: Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1967 г. № 2331. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 22.08.2013).

⁵ См.: Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

признаков выделяются различия, основанные на признаках расы, национальности, этнического происхождения¹. Считаем возможным это признать еще одним этапом развития международной законодательной концепции по противодействию экстремизму. Это обусловлено тем, что в рамках мирового сообщества происходит не только трансформация самого экстремизма с политического на расовый, национальный или этнический, но и обострение конфликтов, основанных на одноименных мотивах.

В развитии вышеназванного направления, в отдельных международных документах закрепляются и другие формы дискриминации и нетерпимости, к сожалению, без их нормативного определения и указания признаков. Так, например, положения Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, от 18 ноября 1992 года² регулируют самобытность вышеназванных социальных групп, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года № 36/55³ порицает любые формы нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений.

Самостоятельным направлением в развитии международной концепции в области противодействия экстремизму стала разработка рекомендации по запрету различных форм пропаганды экстремизма. Так, в декабре 2008 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости»⁴. Она осуждает

---

¹ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

² Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам: принята резолюцией 47/135 на 92-м пленарном заседании 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1992 г. // Действующее международное право. М., 1997. Т. 2. С. 90–94.

³ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: Принята Резолюцией 36/55 на 73-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 25 ноября 1981 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: Принята Резолюцией 36/55 на 73-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 25 ноября 1981 г. // СПС «КонсультантПлюс».

любые формы пропаганды, основанные на идеях расового превосходства, и предлагает относить их к запрещенной деятельности¹.

Резолюция рекомендует государствам, являющимся членами ООН, принимать неотложные меры для прекращения героизации нацизма, представляющего реальную угрозу существующим в мире демократическим ценностям². Указанный документ еще раз подтверждает необходимость усиления уголовно-правовой охраны мира и безопасности человечества от всевозможных экстремистских проявлений. Считаем, что Российская Федерация в этом вопросе является одним из первопроходцев, криминализовав ст. 345¹ «Реабилитация нацизма» в рамках главы 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества».

Учитывая, что современные формы экстремистской деятельности активно поддерживаются международными экстремистскими и террористическими организациями, в том числе ставящими перед собой цели по развязыванию межгосударственных, международных конфликтов, Организация Объединенных Наций призывает активно сотрудничать и в этой области. Так, статья 1 Дополнительного протокола II 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года по вопросам защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера рекомендует рассматривать как проявление международного экстремизма любой вооруженный конфликт в случае, если его участники выходят за рамки общепризнанных принципов и норм международного права³, что открывает еще одно направление развития международной концепции в борьбе с экстремизмом.

Проведя исследование нормативных правовых актов в области противодействия экстремизму, подготовленных под эгидой ООН, мы приходим к выводу о том, что основу разработанной Организацией Объединенных Наций законодательной концепции представляет признание любой формы экстремистских прояв-

---

¹ Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости: резолюция ООН от 18 декабря 2008 года // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *Овчинский В.С., Кочубей М.А.* Экстремистские организации в США // Журнал российского права. 2009. № 6.

³ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 г. // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI. С. 182–191.

лений угрозой международному сообществу и мировой безопасности. Все это свидетельствует о необходимости усиления международного сотрудничества в области противодействия экстремизму.

Отметим, что большинство из международно-правовых документов, подготовленных под эгидой ООН, во многом декларативны и не содержат не только перечня экстремистских деяний (за исключением терроризма), а также дефиниций экстремизма и его признаков, но и сколько-нибудь эффективных механизмов взаимодействия по вопросам противодействия экстремизму между странами¹. Кроме того, основная их масса придает экстремизму исключительно религиозно-расовый оттенок, «пропуская» при этом политические мотивы. Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о наличии пробелов в названных актах международного законодательства. Полагаем, что повышению эффективности противодействия экстремизму и его наиболее радикальному проявлению – терроризму, и соответственно зарождению новой законодательной концепции в рассматриваемой области могла бы служить разработка соответствующего понятийного аппарата на высшем международном уровне.

Кроме Организации Объединенных Наций, проблемой разработки законодательной концепции в исследуемой нами области активно занимаются и другие международные организации.

Так, например, особенностью развития законодательства Совета Европы, направленного на противодействие экстремизму, является разработка предупредительных мер через призму борьбы с терроризмом с расово-религиозным оттенком. Примером может служить Приложение № 3 к Венской декларации от 9 октября 1993 года², которое включает в себя план противодействия расизму, ксенофобии, антисемитизму и нетерпимости. Основу разработанной концепции составляет активная деятельность по повышению уровня терпимости в обществе, организованная на общепризнанных нормах права и морали. В качестве отдельного

---

¹ См.: *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 105.

² Приложение № 3 к Венской декларации от 9 октября 1993 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int> (дата обращения: 20.10.2014).

направления рекомендуется усилить юридическую ответственность за расизм и дискриминацию¹.

На наш взгляд, реализация указанной концепции была бы более эффективной в случае закрепления в ней соответствующих дефиниций. Анализ доктринальных представлений, в том числе и в зарубежной науке, о содержании таких терминов, как «расизм», «ксенофобия», «антисемитизм» и «нетерпимость», показывает на отсутствие общего подхода к их пониманию. В этой связи представляется необходимым выработать единый понятийный аппарат в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности, начиная с дефиниции «экстремизм», которая, к сожалению, отсутствует и в законодательстве Совета Европы.

В рамках деятельности Совета Европы подготовлен еще ряд нормативных правовых актов, раскрывающих содержание заложенной законодательной концепции в рассматриваемой области².

---

¹ См.: *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 107.

² Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 года ETS № 196 (в этом документе, на наш взгляд, допущена ошибка, нашедшая свое отражение в статье 1 Конвенции, которая исключает политическую мотивацию при совершении ряда преступлений террористической (экстремистской) направленности, например, захват заложников); Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 года ETS № 196 (отличительной особенностью Конвенции является закрепленное в ней понятия террористического преступления); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (заключена в г. Гааге 16 декабря 1970 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (заключена в г. Монреале 23 сентября 1971 г.); Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (принята в г. Нью-Йорке 14 декабря 1973 г. Резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (принята в г. Нью-Йорке 17 декабря 1979 г. Резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция о физической защите ядерного материала (принята в г. Вене 26 октября 1979 г. на межправительственной конференции); Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, принятую в Монреале 23 сентября 1971 года (подписан в г. Монреале 24 февраля 1988 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (SUA) (заключена в г. Риме 10 марта 1988 г.); Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (SUAPROT) (подписан в г. Риме 10 марта 1988 г.); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята в г. Нью-Йорке 15 декабря 1997 г. Резолюцией 52/164 на 72-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); Международная кон-

Анализ вышеуказанных документов, указывает на то, что в соответствии с существующей законодательной концепцией к преступлениям экстремистской (террористической) направленности относятся деяния, сопряженные с незаконным захватом воздушного судна; посягательства на дипломатических агентов и других лиц, пользующихся международной защитой; захват заложников; посягательства на ядерную безопасность; посягательства на безопасность морского судоходства; посягательства на безопасность стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе; бомбовый терроризм и финансирование терроризма.

Данный перечень, на наш взгляд, является весьма условным. *Во-первых*, в нем перечислены не все деяния, которые должны отражать сущность «террористических преступлений», например, отсутствует ответственность за призывы к осуществлению террористической деятельности. *Во-вторых*, в нем присутствуют деяния, которые, исходя из их мотивации и нарушаемого общественного отношения, не могут быть отнесены к таковым, например, посягательства на стационарные платформы, расположенные на континентальном шельфе. Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что на рассматриваемом уровне международного сотрудничества, к сожалению, до сих пор не сформирована четкая законодательная концепция по противодействию экстремизму и терроризму.

Своя специфика отличает содержание документов, раскрывающих нормативно-правовую концепцию в исследуемой области, разработанных Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС)¹.

Важным результатом деятельности ШОС стало принятие 15 июня 2001 года Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, активным участником которой является и Российская Федерация². Именно этот документ, с нашей точки зрения, и составляет основу законодательной концепции

венция о борьбе с финансированием терроризма (принята в г. Нью-Йорке 9 декабря 1999 г. Резолюцией 54/109 на 76-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

¹ Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2001 г. // Дипломатический вестник. 2001. № 7. С. 27–29.

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3941.

по противодействию экстремизму на территории ШОС. Документ предусматривает, что стороны, подписавшие и ратифицировавшие эту Конвенцию, осуществляют сотрудничество в области борьбы с экстремизмом с учетом особенностей национальных законодательств стран-участниц.

В рамках реализации основных направлений анализируемой Конвенции 5 июля 2005 года была принята Концепция сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, закрепившая основные цели и принципы противодействия экстремизму¹.

Конвенция относит терроризм и иные формы проявления экстремизма к противоправным деяниям вне зависимости от мотивов и лиц, их совершивших².

Названная Конвенция также закрепляет понятие экстремизма,³ которое и раскрывает основы заложенной законодательной концепции в исследуемой нами области. Считаем это существенной заслугой рассматриваемого уровня международного сотрудничества, ранее не встречавшейся в законодательстве ООН и Совета Европы.

Анализ предложенной дефиниции дает нам основание сделать вывод о том, что страны – участницы Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом вложили в нее следующие концептуальные признаки.

1. Совершаемые действия для достижения целей, закрепленных в представленном определении, должны признаваться деяниями по национальным законодательствам государств – участников Конвенции.

В целом разделяя идею о необходимости единства правовых подходов стран-участниц, хотелось бы высказать ряд критических замечаний по дополни-

---

¹ Концепция сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 5 июля 2005 года [Электронный ресурс]. URL: // http://www.ec-rats.com/ru/normative_documents/1558.

² См.: *Каширкина А.А.* Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом // Журнал российского права. 2007. № 12.

³ Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон.

тельному содержанию выделенного признака. В частности, это касается указания на наличие специальных целей и отсутствие специальных мотивов. Особенностью анализируемой Конвенции является придание экстремизму исключительно политического оттенка (при отсутствии иных мотивов совершения экстремистских преступлений). Это дает основания некоторым авторам полагать, что закрепленное в указанном документе определение экстремизма слишком широкое и несет скорее политический, нежели юридический смысл¹.

Считаем, что с учетом наработанного международного и российского национального опыта, признавая экстремизм исключительно мотивационным преступлением, имеющим сегодня как политический, так и национальный, расовый, религиозный и националистический оттенок, необходимо включить в анализируемую дефиницию вышеуказанные мотивы. Именно в предлагаемой нами интерпретации понятие экстремизма и будет отражать его основную сущность.

2. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность.

Названный признак в качестве основного и конструктивного элемента указывает на альтернативные цели. Все это свидетельствует о том, что экстремизм в первую очередь посягает на существующий конституционный строй и конституционную безопасность государств – участников Конвенции, что и предопределяет место расположения уголовно-правовых норм в соответствующих главах УК РФ, регламентирующих ответственность за экстремистские преступления.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает цель, указывающая и на непосредственную угрозу экстремизма для общественной безопасности. Полагаем, что признание общественной безопасности как объекта экстремистских преступлений является позитивным достижением рассматриваемой Конвенции. Вышеуказанная цель дает возможность подойти к борьбе с экстремизмом более эффективно путем интеграции норм об ответственности за преступления экстре-

---

¹ См.: Кирсанов Г.В. Шанхайская организация сотрудничества: правовые аспекты развития региональных антитеррористических институтов // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 129–137.

мистской направленности не только в главе 29 УК РФ «Преступления против конституционного строя и безопасности государства», но и в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», что в целом сегодня прослеживается в рамках УК РФ.

Соглашаясь с определением целей экстремизма, закрепленным в рассматриваемой Конвенции, считаем необходимым указать на частичную их пробельность. Представляется, что современная угроза экстремизма не ограничивается посягательствами на конституционный строй или общественную безопасность государств. Определяя экстремизм как угрозу всему мировому сообществу, о чем говорилось уже ранее, следует закрепить еще одну цель – подрыв мировой безопасности. Это даст возможность принципиально по-новому подойти к правовой оценке деяний, посягающих на мир и безопасность человечества, как возможной разновидности преступлений экстремистской направленности. В качестве обоснования предлагаемого нами подхода могут служить не только рекомендации, заложенные в нормативных правовых актах, подготовленных Организацией Объединенных Наций, но и современное российское уголовное законодательство. В частности, поступательное расширение норм, включенных в главу 34 УК РФ, например, ст. 354¹ УК РФ «Реабилитация нацизма». Все это свидетельствует о том, что современные формы экстремистских проявлений представляют серьезную опасность не только для безопасности отдельных государств, но и всему миру. Поэтому признание данной цели будет являться легитимным основанием для создания новых антиэкстремистских норм, ставящих под охрану общественные отношения, направленные на обеспечение мира и безопасности человечества, и помещения их в соответствующие главы и разделы Уголовных кодексов стран – участниц Конвенции.

Исследуя законодательные концепции в области противодействия экстремизму, нельзя не проанализировать деятельность такого международного объединения, как Содружество Независимых Государств (СНГ), членом которого является Российская Федерация.

Учитывая потребность в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью, а также в выработке единых подходов к оценке противоправных деяний, постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года в Санкт-Петербурге был принят Модельный уголовный кодекс¹. Этот документ носит рекомендательный характер и отражает общие подходы к борьбе с преступностью государств, участвующих в разработке и подписавших данный нормативный правовой акт. Рассматриваемый Уголовный кодекс включал в себя ряд преступлений экстремистской направленности, полностью соответствующих аналогичным нормам, нашедшим свое закрепление в Уголовном кодексе России, принятом 24 мая 1996 года, что в целом схоже с законодательной концепцией в области противодействия экстремизму, существовавшей в период принятия вышеназванных документов².

В продолжение сотрудничества в борьбе с экстремизмом 15 мая 1992 года странами – участницами СНГ был подписан Договор о коллективной безопасности, в котором стороны взяли на себя обязательства воздерживаться от применения силы или угрозы ее применения в активно развивающихся межгосударственных отношениях. Было принято решение о разрешении всех разногласий между собой и иными государствами исключительно мирными средствами³, что стало логичным развитием нормотворчества в противодействии различным формам экстремистских проявлений.

Осознавая всю степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности, 21 июня 2000 года государства – участники СНГ утвердили «Программу государств – участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на

---

¹ Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. // Вести. 1996. № 10; Приложение: Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. – СПб., 1996.

² Ст. 177 Модельного УК – аналог ст. 205 УК РФ; ст. 178 Модельного УК – аналог ст. 206 УК РФ; ст. 182 Модельного кодекса – аналог ст. 207 УК РФ и т. д.

³ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 12. С. 6–8.

период до 2003 года»¹. Этот документ, ставший первым законодательным актом Содружества, направленным на противодействие экстремизму, и заложил новые концептуальные основы международного сотрудничества, направленного на борьбу с указанным явлением.

Главным достоинством названного документа явилась разработка на его основе Проекта модельного нормативного правового акта, затрагивающего вопросы борьбы с международной преступностью террористической и экстремистской направленности². Итогом этого стало принятие в 2002 году Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности».

В рамках указанного выше проекта был согласован единый для правоохранительных органов стран СНГ «Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма»³. Особого внимания заслуживает сформулированная в словаре дефиниция *экстремизма*⁴.

Исходя из смысла определения можно выделить следующие его конструктивные признаки: а) приверженность, то есть верность или преданность кому-либо или чему-либо⁵ (исходя из особенностей изучаемого явления приверженность экстремизму выражается в преданности определенной идеологии); б) крайность взглядов, позиций и мер в человеческой деятельности (они отражают сущность экстремизма, так как характеризуются идеологией нетерпимости к существующему государственному устройству и насильственным методам борьбы);

¹ Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2000. № 2(35). С. 114–129.

² См.: *Петрянин А.В.* Содружество независимых государств как инструмент противодействия экстремизму: особенности, проблемы и перспективы // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. Владимир. 2011. № 4. С. 123–128.

³ См.: *Хлобустов О.М.* О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом // Российский следователь. 2006. № 5.

⁴ Экстремизм – это приверженность отдельных лиц, групп, организаций и тому подобного к крайним взглядам, позициям и мерам в человеческой деятельности. Экстремизм распространяется как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и особенно на отношения между социальными группами, этносами (этнический или национальный экстремизм), общественными объединениями, политическими партиями (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм).

⁵ См. там же.

в) экстремистские действия могут совершаться как отдельными лицами, так и группами или организациями; г) конкретность сфер, подверженных негативному влиянию рассматриваемого явления (сферы общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, отношений между социальными группами, этносами, общественными объединениями, политическими партиями и конфессиями).

Полагаем, что выделение исчерпывающего перечня сфер общественной жизни, которые могут быть подвержены экстремизму, носит весьма спорный характер, так как в полном объеме не создает представления об угрозе исследуемого явления.

Отметим, что закрепление на законодательном международном уровне¹, хотя, возможно, и частично, несовершенных дефиниций, отражающих сущность преступлений экстремистской направленности, является весьма позитивным знаком и указывает на востребованность международного сотрудничества по противодействию данной группе преступлений в рамках СНГ, что свидетельствует о более совершенной законодательной концепции в рассматриваемой области по сравнению с рассмотренными ранее.

Международное сотрудничество в составе СНГ в области развития законодательных концепций в борьбе с экстремизмом получило и дальнейшее развитие.

Так, 19 апреля 2001 года Межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ приняла Постановление № 17-4 «О правовом обеспечении противодействия международному терроризму и иным проявлениям экстремизма на территории государств – участников Содружества Независимых Государств», которое, в частности, предусматривает, что государства – члены СНГ обращаются к ООН с предложением о проведении специальной сессии по вопросам противодействия терроризму, а к государствам – участникам МПА – с предложением в полном объеме выполнять требования международных антитеррористических конвенций, участниками которых они являются, ускорить ратификацию и выполне-

---

¹ Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма.

ние внутригосударственных процедур относительно данных и других документов¹.

Впоследствии, в 2005 году, была принята Программа сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2005 – 2007 годы².

Следующим этапом развития исследуемой концепции стало принятие Программы сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008 – 2010 годы от 5 октября 2007 г.³, и Программы сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2011 – 2013 годы⁴.

В рамках этих программ были разработаны мероприятия по осуществлению совместных действий, направленных на противодействие преступлениям экстремистской направленности.

Ожидаемыми результатами их реализации должны были стать: активизация сотрудничества государств – участников СНГ, повышение результативности проводимых согласованных и совместных межведомственных профилактических, оперативно-разыскных мероприятий и специальных операций по борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.

На основе этих программ был подготовлен Модельный закон о противодействии экстремизму, который был принят в Санкт-Петербурге 14 мая 2009 года

---

¹ См.: *Каширкина А.А.* Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом // Журнал российского права. 2007. № 12.

² О программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2005 – 2007 годы: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств // СПС «КонсультантПлюс».

³ О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008 – 2010 годы: Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2011 – 2013 годы: решение Совета глав государств СНГ // СПС «КонсультантПлюс»

Постановлением 32-9 на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ¹.

Его достижением, с нашей точки зрения, явилось закрепление в статье 1 на нормативном уровне дефиниции, определяющей понятие «экстремизм»².

В основу построения предложенной дефиниции было вложено два основных критерия. В качестве *первого* выступает круг общественных отношений, подверженных экстремистским посягательствам (к таковым отнесены: основы конституционного строя, безопасность государства, права, свободы и законные интересы человека и гражданина). В качестве *второго* – мотивация экстремистских проявлений, то есть отрицание правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения.

В целом положительно оценивая попытку сформулировать определение изучаемого явления, отметим, что в нем имеются и некоторые недостатки. *Во-первых*, нет четкости в определении круга общественных отношений, непосредственно подверженных экстремистским проявлениям. *Во-вторых*, нет конкретности в уяснении мотивов экстремизма.

В настоящее время действует подписанная представителями стран СНГ в Минске 25 октября 2013 года Программа сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2014 – 2016 годы³. Ее целью является дальнейшее совершенствование сотрудничества государств – участников СНГ, уставных органов и органов отраслевого сотрудничества СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.

---

¹ Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 44. С. 205–219.

² Экстремизм – это посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения.

³ О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2014 – 2016 годы: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств: принято в г. Минск 25 октября 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Исследовав особенности международного законодательства в области противодействия экстремизму, мы приходим к выводу о том, что наиболее совершенная концепция сформирована и апробирована на уровне Союза Независимых Государств. В связи с этим считаем, что дальнейшее совершенствование российской законодательной концепции в борьбе с преступлениями экстремистской направленности должно строиться при активном участии в деятельности СНГ.

В заключение отметим, что на сегодняшний день основными направлениями международного сотрудничества в области противодействия экстремизму являются унификация и гармонизация средств и методов борьбы с этим феноменом, основанные на общепризнанных принципах и нормах международного права, что в целом и должно составлять ядро общемировой законодательной концепции в борьбе с исследуемым явлением.

Проведенное исследование указывает на наличие достаточно большого количества международно-правовых актов и подходов, направленных на противодействие экстремизму, при этом содержащих в себе принципиально отличающиеся признаки исследуемого негативного явления. Разница разработанных в международном законодательстве дефиниций объективно создает препятствия для международного сотрудничества¹. Полагаем, в этом случае необходимо унифицировать международное законодательство в рамках разработки дефиниции «международный экстремизм», что даст возможность создания общегосударственных и, соответственно, наиболее эффективных международных механизмов противодействия экстремизму².

Подводя итог анализу международного антиэкстремистского законодательства, целесообразно отметить, что мировое сообщество в целом устанавливает следующие концептуальные признаки экстремизма.

Во-первых, транснациональный организованный характер деятельности экстремистских организаций по причине их присутствия на территориях сразу же

---

¹ См.: *Волеводз А.* Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. 2014. № 2. С. 128–134.

² См.: *Петрянин А.В.* Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника: Сборник статей. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. С. 373–378.

нескольких государств и совершение такие наиболее радикальных преступлений экстремистской направленности, как захват заложников и террористические акты (например, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма).

Во-вторых, учитывая транснациональный характер деятельности экстремистов, на мировой арене признано, что экстремизм представляет угрозу не только для безопасности конкретных государств, но и для всего мирового сообщества в целом (например, Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма; Резолюция Генеральной Ассамблеи «Права человека и терроризм»; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации).

В-третьих, на международном уровне признано наличие специфической мотивации, характерной для исследуемой группы преступлений. В качестве таковой выступает политическая, расовая, этническая, национальная, религиозная ненависть или вражда (например, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений; Резолюция ООН «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости»).

Все вышеизложенное дает нам основание для выделения двух концептуальных признаков экстремизма закрепленных на различных уровнях международного сотрудничества: мотив и объект преступного посягательства, что еще раз обосновывает выдвигаемую нами научную гипотезу.

Основываясь на этих признаках, в выводах по главе нами предложено авторское понятие *«международный экстремизм»*.

§ 2. Концептуальные особенности уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности в зарубежном законодательстве

Преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, известны не только в России, но и в других странах. Уголовная ответственность за их совершение в иностранных государствах возникла намного раньше, чем в Российской Федерации. Именно это и актуализирует, а также обосновывает необходимость проведения сравнительно-правового исследования зарубежных законодательных концепций в области противодействия экстремизму в целях использования положительного опыта других стран в российском национальном законодательстве. В рамках диссертационного исследования мы остановимся лишь на специфических особенностях анализируемых законодательств, имеющих, с нашей точки зрения, непосредственное значение для обоснования и совершенствования российской антиэкстремистской концепции. Более подробный анализ зарубежного законодательства в области противодействия экстремизму в криминальных формах его проведения нами был проведен в самостоятельном монографическом исследовании¹.

Развитие законодательных концепций в области противодействия экстремизму является приоритетным направлением в нормотворческой деятельности основной массы государств. Ряд зарубежных стран придают конституционный статус нормам, направленным на борьбу с криминальными формами экстремизма².

Для более полного и глубокого исследования сущности и содержания преступлений экстремистской направленности считаем целесообразным провести исследование зарубежных законодательств по принадлежности к соответствующей системе права, имеющих общие сходства при формировании концепций в области противодействия различным формам экстремистских проявлений: 1) романо-

---

¹ *Петрянин А.В.* Развитие норм российского, международного и зарубежного законодательств об ответственности за преступления экстремистской направленности: Монография. Нижегородская академия МВД России. Н. Новгород, 2012. 234 с.

² См.: *Узденов Р.М.* Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 71.

германской; 2) англосаксонской; 3) социалистической (вместе с бывшими республиками СССР).

К романо-германской системе права относится право стран континентальной Европы, Японии, некоторых стран Латинской Америки. В рамках диссертационного исследования мы предпримем попытку раскрыть содержание законодательных концепций в области противодействия экстремизму на примере Германии и Франции. Выбор этих государств обусловлен тем, что они являются классическими представителями рассматриваемой системы.

В *Уголовном кодексе Германии* борьбе с преступлениями экстремистской направленности посвящен ряд составов преступлений, расположенных в разных разделах уголовного закона.

Мы разделяем мнение профессора А.Э. Жалинского о том, что УК ФРГ 1871 года хотя и не содержит дефиниции, раскрывающей понятие экстремизма, однако включает в себя целую совокупность составов, содержащих в себе его признаки¹.

Специфика германской законодательной концепции в борьбе с экстремизмом выражена в следующем.

Во-первых, исходя из структуры особенной части УК ФРГ, которая построена по принципу приоритетной охраны безопасности государства, что является наиболее существенным отличием от российского УК, с учетом повышенной общественной опасности экстремистских деяний под охрану берутся не только безопасность непосредственно самого государства и сформировавшиеся демократические устои, но и мировая безопасность в целом.

Во-вторых, преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, четко рассредоточены по трем самостоятельным разделам Уголовного кодекса Германии.

Первая группа таких деяний расположена в главе третьей «Угроза демократическому правовому государству» раздела первого «Измена миру, государствен-

---

¹ Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 521.

ная измена и создание опасности демократическому правовому государству»
Особенной части УК ФРГ.

Вторая – закреплена в разделе шестом «Противодействие государственной власти».

Третья – расположена в разделе седьмом «Наказуемые деяния против общественного порядка» УК ФРГ, что и предопределяет спектр охраняемых общественных отношений¹.

В-третьих, весьма интересен подход к определению санкций при совершении экстремистских деяний. В частности, например, за любое публичное распространение письменных материалов, призывающих к совершению противоправных деяний (§ 111 УК ФРГ), наказание не должно превышать наказания за схожее деяние в случае, если соответствующий призыв привел к желаемому результату².

Считаем, что реализация такого подхода в области назначения наказания за совершение экстремистских деяний является существенным достижением германского законодателя, так как представляет возможность назначения наказания, четко соответствующего характеру и степени общественной опасности, в рамках реализации принципа справедливости.

В-четвертых, УК ФРГ в борьбе с преступлениями экстремистской направленности активно применяет поощрительные нормы, создающие благоприятные условия для противодействия им на более ранних стадиях преступной деятельности.

Полагаем, что эти законодательные решения и раскрывают содержание германской законодательной концепции в области противодействия экстремизму.

Уголовный кодекс Франции.

В законодательстве Франции также сформирована исследуемая нами законодательная концепция, имеющая свои специфические особенности.

---

¹ См.: Уголовный кодекс ФРГ. М., 2003. С. 235–236.

² См.: Уголовный кодекс ФРГ. М., 2003. С. 275.

Первой ее особенностью является систематизация преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма и терроризма. В частности, учитывая повышенный уровень общественной опасности террористических деяний как наиболее радикальной формы экстремизма, французский законодатель расположил их в самостоятельном разделе, при этом закрепив в структуре особенной части уголовного кодекса на первом месте¹. Другая группа экстремистских преступлений расположена в отделе II «О противоправном участии в сборище» главы I «О посягательствах на общественное спокойствие» раздела III «О посягательствах на государственную власть», что также предопределяет специфику объектов уголовно-правовой охраны.

Второй, в отличие от российского законодательства, является расширительное толкование дефиниции «акт терроризма» (пункт 1 статьи 421-1 УК Франции). В частности, к нему относятся: умышленные посягательства на жизнь и личную неприкосновенность; похищение человека или незаконное лишение его свободы; угон воздушного судна, корабля, а также любого другого транспортного средства; совершенные в целях нарушения общественного порядка путем устрашения или террора (акт терроризма)²; а также совершение любого иного общественно опасного деяния, но в тех же целях³.

Третьей особенностью рассматриваемой концепции в рамках ст. 421-3, 421-4, 421-5 УК Франции являются инструменты назначения наказания, включающие в себя совокупность двух обязательных видов наказания: лишение свободы и штраф, а также таких дополнительных как: временное лишение политических, гражданских и семейных прав, что, с нашей точки зрения, является эффективным инструментом противодействия преступлениям экстремистской направленности, в том числе подрывающим их экономические основы⁴.

---

¹ Уголовный кодекс Франции. М., 2002. С. 483.

² Уголовный кодекс Франции. М., 2002. С. 483.

³ См.: *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 115.

⁴ См.: *Петрянин А.В.* Ответственность за преступления экстремистской направленности по уголовному законодательству Германии и Франции // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов / Под ред. М.П. Поляко-

К четвертой можно отнести расширение субъектного состава преступлений экстремистской направленности. В частности, по УК Франции субъектами признаются как физические, так и юридические лица.

Как самостоятельное направление развития законодательной концепции в области противодействия экстремизму во Франции можно признать борьбу с сектами, ущемляющими права человека. Так, в середине 2001 года был принят закон Абу-Пикар. Его специфика заключается в том, что он не устанавливает какие-либо запреты на существование сект, однако четко регламентирует наказание за их организацию и деятельность. При этом, кроме непосредственно уголовной ответственности, анализируемый нормативный правовой акт устанавливает и возможность их ликвидации.

При этом анализируемый Закон не только криминализировал новые деяния, содержащие в себе признаки экстремизма, но и ужесточил ответственность за совершение уже существующих преступлений¹.

Компаративный анализ соответствующих норм во французском и германском уголовных законодательствах как представителей романо-германской правовой семьи позволяет нам сделать вывод о том, что основой законодательной концепции в области противодействия экстремизму является систематизация деяний, содержащих признаки экстремизма, и создание инструментов по борьбе с наиболее радикальной его формой – терроризмом. При этом законодатели этих стран находятся в состоянии активного поиска нетрадиционных инструментов, подрывающих экстремистскую активность, о чем свидетельствуют особенности назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности при совершении рассмотренной группы преступлений.

К числу наиболее ярких представителей англосаксонской системы права, задающих тон в области формирования нормативно-правовых концепций в борьбе с экстремизмом, относятся Англия и Соединенные Штаты Америки.

ва и М.А. Пшеничнова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. Вып. 18. 182 с. С. 80–89.

¹ См.: *Власов И.С.* Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. М., 2002. С. 68–74.

Законодательство Великобритании. Первая законодательная особенность английского нормотворчества – отсутствие специализированного законодательства в области противодействия экстремизму¹.

Второй отличительной чертой в рассматриваемой области является полное отождествление экстремизма с терроризмом. По этой причине в Соединенном королевстве были приняты и действуют следующие нормативные правовые акты: Закон «О терроризме» 2000 г.²; Закон «О безопасности, борьбе с терроризмом и преступностью» 2001 г.³; Закон «О предотвращении терроризма» 2005 г.⁴; Закон «О борьбе с терроризмом» 2006 г.⁵ В рамках этих нормативных правовых актов к террористической деятельности, помимо совершения самих террористических актов, относятся и материальная поддержка террористов, несообщение властям об акциях террористической направленности и укрывательство самих террористов⁶.

Став участником Европейской конвенции «О пресечении терроризма», в 1984 году дополнительно были криминализованы посягательства на жизнь, физическую неприкосновенность и свободу лиц, пользующихся международной защитой⁷.

В 1998 г. в результате обострения конфликтов, основанных на расовой почве, в Англии принимается Закон «О преступлении и беспорядках»⁸. Полагаем, что это также является новой вехой в процессе разработки самостоятельного направления развития законодательной концепции по противодействию расовому экстремизму. Особенностью названного источника выступает увеличение наказания за совершение преступлений экстремистской направленности до семи лет лишения свободы, а также закрепление на законодательном уровне понятия «расовая

¹ См.: *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 119.

² Terrorism Act 2000.

³ Anti-Terrorism, Crime and Security Act 2001.

⁴ Prevention of Terrorism Act 2005.

⁵ Terrorism Act 2006.

⁶ См.: *Решетников Ф.М., Шульженко Н.А.* Чрезвычайное законодательство в Великобритании и традиционные институты английского уголовного права // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды ВНИИСЗ. М., 1982. Вып. 23. С. 235.

⁷ См.: *Власов И.С.* Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. М., 2002. С. 43.

⁸ Crime and Disorder Act 31st July 1998 (UK Public General). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opsi.gov.uk> (дата обращения: 10.02.2015).

группа». Данная дефиниция предоставила возможность определить перечень этих общественно опасных деяний. Именно поэтому к таковым относятся преступления, основанные на расовой, национальной или этнической нетерпимости.

В 2000 году принят Закон «О терроризме», установивший ответственность за террористические акции, совершаемые как на территории Англии, так и за ее пределами¹.

Вышеуказанный закон закрепил дефиницию «терроризм», наделив его следующими признаками: применение или угроза применения насилия; причинение или угроза причинения вреда имуществу; создание угрозы здоровью или безопасности общества; в том числе и подрыв электронных систем. Однако эти деяния признаются терроризмом только в том случае, если совершаются в целях воздействия на принятие решения правительством, запугивания общества и основаны на политических, религиозных или идеологических мотивах. В качестве отягчающего признака рассматриваемых преступлений выступает использование при их совершении огнестрельного оружия или взрывчатых веществ. В этом случае ответственность наступает независимо от достигнутых виновными целей².

Кроме этого, упомянутый закон прекратил действие иных нормативных правовых актов Великобритании в области противодействия преступлениям, сопряженным с терроризмом³.

Продолжая развитие концепции по противодействию преступлениям экстремистской направленности, 21 октября 2001 года в Великобритании был принят и вступил в силу Закон против «ложных террористов». Этот документ расширил круг таких деяний, включив в их перечень телефонный розыгрыш с сибирской язвой, химическим или ядерным оружием, а также усилил ответственность за их совершение до семи лет тюрьмы⁴.

Еще одним значимым моментом в противодействии экстремизму стало принятие Закона от 14 декабря 2001 года «О противодействии террористической

---

¹ См.: *Власов И.С.* Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. М., 2002. С. 45.

² Terrorism Act 20th July 2000 (UK Public General). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opsi.gov.uk> (дата обращения: 10.02.2015).

³ См.: *Власов И.С.* Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. М., 2002. С. 42.

⁴ См.: *Власов И.С.* Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. М., 2002. С. 54.

деятельности, преступлениях и безопасности»¹. Его основной задачей было установление ответственности за незаконный оборот оружия массового поражения.

Проведенный анализ показал, что британский законодатель оперативно реагирует на развитие и усложнение феномена экстремизма, что указывает на соответствие рассмотренных норм социально-политической обстановке и жизненным реалиям Великобритании.

Завершая исследование британского законодательства, хотелось бы подчеркнуть, что законодательная концепция по противодействию экстремизму в основной своей массе построена на принципах борьбы с терроризмом. В частности, широко представлено противодействие терроризму, основанному на политических, религиозных или идеологических мотивах. В настоящее время в самостоятельную группу выделена борьба с экстремизмом, основанным на расовом противостоянии. Все вышеизложенное нашло отражение в расширении круга деяний, содержащих в себе признаки экстремизма, а также ужесточении ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности и применении экономических санкций за совершение деяний данной группы в целях подрыва экономических основ экстремизма.

Законодательство Соединенных Штатов Америки. В течение последних 30 – 40 лет нормотворческая деятельность в США характеризуется совершенствованием нормативной правовой базы в области противодействия экстремизму. Основу законодательной концепции в рассматриваемой нами области составляет ужесточение санкций за совершение деяний экстремистской направленности. В развитие этого направления была разработана и подписана директива Совета национальной безопасности США по борьбе с международным терроризмом № 138², определившая в качестве главного инструмента борьбы с этим негативным явлением наложение запрета на содействие государствам, причисленным Соединенными Штатами к «террористическим».

---

¹ Anti-Terrorism, Crime and Security Act 14th December 2001 (UK Public General). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opsi.gov.uk> (дата обращения: 02.02.2015)

² См.: Власов И.С. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. М., 2002. С.134.

Причем в доктрине к экстремистам относят не только террористов, а также лиц, совершающих преступления, основанные на политической, расовой, национальной, религиозной ненависти, а также в отношении групп нетрадиционной сексуальной ориентации¹.

При отсутствии четкого кодифицированного законодательства, регламентирующего ответственность за преступления экстремистской направленности, в США существует ряд законов, запрещающих возможные экстремистские проявления, что в целом дает нам возможность представить содержание законодательной концепции в исследуемой области.

Так, например, Свод законов США в разделе 2383 устанавливает ответственность за возбуждение, организацию, помощь или иное принятие участия в восстании или мятеже, совершаемом против интересов государственной власти США или принятых ими решений, или оказание помощи преступнику².

В разделе 2385 в пункте 1 устанавливается ответственность за пропаганду или подстрекательство к свержению или уничтожению правительства США или правительства какого-либо штата. Обязательным признаком такого деяния является применение силы или убийство должностного лица. По этой же норме ответственности подлежит и тот, кто занимается издательством, распространением, продажей или публичной демонстрацией каких-либо письменных или печатных материалов в тех же целях³.

Осознавая реальную угрозу экстремизма и наиболее радикального его проявления – терроризма, 26 октября 2001 года США принимает Закон «Об объединении и укреплении Америки»⁴, основной задачей которого явилось увеличение финансирования мер, необходимых для пресечения терроризма, расширение круга полномочий правоохранительных органов в сфере борьбы с преступлениями

---

¹ См.: *Овчинский В.С., Кочубей М.А.* Экстремистские организации в США // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 101.

² United States Code 13 th September 1994. Title 18 «Crimes and criminal procedure». [Электронный ресурс]. URL: <http://uscode.house.gov> (дата обращения: 30.01.2015).

³ Ibid.

⁴ Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act 26th October 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fincen.gov> (дата обращения: 30.01.2015).

экстремистской направленности, и закрепление дефиниции «внутригосударственный терроризм», а также перечня террористических преступлений.

В соответствии с главой 113В «Терроризм» Свода законов США «внутригосударственный терроризм» есть противоправная деятельность, включающая в себя применение насилия, представляющего угрозу для человеческой жизни, направленная как на запугивание населения, так и на оказание непосредственного влияния на принятие решения государственными органами; убийство представителя власти или его похищение.

Пункт 5 раздела 2332b Свода законов США к преступлениям террористической направленности относит 48 общественно опасных деяний, в частности: убийство или покушение на убийство государственных служащих; уничтожение или повреждение транспортных средств или путей сообщения; попытки; оказание материальной поддержки экстремистским организациям и т. п.¹

Как видим, все вышеуказанные нормы под непосредственную охрану ставят безопасность государства и существующий конституционный строй, что, с нашей точки зрения, и раскрывает сущность анализируемой концепции.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает сложившийся в США правовой механизм, направленный на ужесточение ответственности за экстремистские преступления. Примером может служить Закон Рико, позволяющий значительно увеличивать наказания за федеральные террористические преступления путем полного их сложения². Это также можно выделить в качестве еще одного направления законодательной концепции в области противодействия экстремистским преступлениям.

В настоящее время в американском законодательстве начинается развитие нового, ранее ему не известного направления в исследуемой области. В частности, государство активизирует противодействие терроризму в информационном

---

¹ United States Code. [Электронный ресурс]. URL: <http://uscode.house.gov> (дата обращения: 18.10.2014).

² См.: *Власихин В.* Угрожает ли «Акт патриота» Биллю о правах? Новый антитеррористический закон США // *Российская юстиция.* 2002. № 1. С. 59–61.

пространстве, в частности в сети Интернет¹. Полагаем, что за этим направлением будущее. И российский законодатель в этом вопросе не должен оставаться в стороне.

При проведении сравнительного анализа уголовного законодательства США и УК России необходимо отметить, что главной особенностью законодательства США, направленного на противодействие экстремистским преступлениям, является организация борьбы с экстремизмом исключительно через призму борьбы с терроризмом как наиболее радикальной формой его проявления. При этом к преступлениям террористической направленности относится расширенный круг экстремистских преступлений. Достоинствами американского уголовного законодательства, направленного на противодействие экстремизму, с нашей точки зрения, являются возможность увеличения наказания за преступления экстремистской направленности путем полного их сложения, выделение в качестве субъектов анализируемой группы деяний физических и юридических лиц, а также широкое применение экономических санкций за совершение преступлений экстремистской направленности в целях подрыва финансовых основ экстремизма.

В социалистическую систему права входит право государств, выбравших социалистический путь развития общества, а также бывших республик СССР.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики².

Современная китайская нормативная правовая база основана на коммунистической идеологии³, что и предопределяет содержание законодательной концепции в борьбе с преступлениями экстремистской направленности. Именно поэтому к деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма, относятся только те, которые непосредственно посягают на безопасность государства.

Так, например, смертной казнью карается любая деятельность, связанная с организацией или непосредственным осуществлением вооруженного бунта в слу-

---

¹ См.: Солопченко Д.В. Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом // Российский следователь. 2014. № 6. С. 52–55.

² См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001. С. 1.

³ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / отв. ред. В.А. Туманов. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2009. С. 422.

чае, если эти деяния причинили существенный вред обществу или в целом всему государству¹.

Самостоятельными нормами установлена ответственность за свержение государственной власти и социалистического строя Китая, а также вооруженный мятеж. Ответственность за них закреплена в части 1 статьи 104 и части 1 статьи 105 УК Китая. Подстрекательство к этим деяниям выделено в отдельные составы преступлений. Это отчасти роднит их со статьей 280 российского уголовного закона².

Отдельными составами преступлений в УК КНР являются деяния, включающие в себя пропаганду национальной дискриминации при отягчающих обстоятельствах и размещение в печатных изданиях соответствующих материалов (ст. 249 и 250 УК КНР).

Положив в основу криминализации национальную дискриминацию, китайский законодатель вывел за границы уголовной ответственности дискриминацию, основанную на расовой и религиозной принадлежности, что, с нашей точки зрения, в целом не отражает сущность современных преступлений экстремистской направленности.

Особый интерес в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности вызывает статья 294 УК КНР, включающая в себя ряд самостоятельных общественно опасных деяний, содержащих в себе признаки экстремизма. В частности, к таковым могут быть отнесены создание, руководство или участие в нелегальной организации, узурпирование власти, угнетение народа. Однако они будут преступными только в том случае, если будет причинен серьезный вред экономическому и общественному устройству Китая.

Анализ статьи указывает на то, что в качестве объектов уголовно-правовой охраны в данной норме рассматриваются не только общественная безопасность и конституционный строй, но и интересы личности, а также экономическая безопасность Китая. Исследование зарубежных законодательных концепций в обла-

---

¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001. С. 111.

² См.: *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 125.

сти противодействия экстремизму показало, что только Китай рассматривает экономическую безопасность в качестве возможного объекта экстремистских посягательств. Мы полностью разделяем заложенную китайским законодателем позицию, так как современные формы экстремистских и террористических проявлений содержат в себе не только политические мотивы, но и направлены на передел экономических ресурсов, путем подрыва авторитета государственной власти либо её свержения.

Еще одной вехой в рассматриваемой нами области является развитие в Китае международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом. Осознавая, что Россия и Китай – это стратегически выгодные партнеры как в экономике, так и в обеспечении безопасности, 3 ноября 2010 г. было подписано соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹.

При проведении сравнительного анализа УК России и УК КНР видно, что заложенная в уголовном законодательстве концепция по противодействию криминальным формам экстремистских проявлений в полной мере отражает существующее в Китае политическое устройство. Основным достоинством и достижением китайского антиэкстремистского законодательства, что нами уже ранее было отмечено, является рассмотрение экономической безопасности как возможного объекта экстремистских посягательств наряду с государственной.

Исследуя формирование законодательных концепций в борьбе с экстремистскими деяниями государств, расположенных на территории постсоветского пространства, хотелось бы подчеркнуть, что они имеют существенные сходства. В этой связи мы остановимся лишь на анализе уголовных законодательств тех государств, которые заложили принципиально новые направления уголовно-правового противодействия экстремизму, которые могут быть использованы при совершенствовании российских антиэкстремистских норм.

---

¹ Распоряжение Президента Российской Федерации от 3 ноября 2010 года № 741-рп // Собрание законодательства РФ. 2010. № 45, ст. 5843.

Считаем, что лидером в исследуемой нами области стал белорусский законодатель. Хотя концепция в области противодействия экстремизму в целом схожа с имеющейся в России. Об этом свидетельствует и принятый Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 года № 203-З «О противодействии экстремизму»¹. Он построен по аналогии с Федеральным законом Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности», в том числе и при определении понятия экстремизм.

Однако особый интерес в рамках формирования законодательной концепции в области противодействия экстремизму для нашего исследования представляют преступления террористической направленности, что меняет представление о системе рассматриваемых нами деяний.

В основу борьбы с терроризмом положены общественные отношения, которые не просто могут быть нарушены, а на которые желают посягнуть террористы. Учитывая транснациональный характер, а также различную мотивацию и цели террористов, УК РБ включает ряд самостоятельных составов преступлений, непосредственно регламентирующих ответственность за террористический акт.

Первая группа преступлений, закрепляющих ответственность за террористический акт, закреплена в главе 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» раздела VI «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления». В рамках этой главы УК РБ ответственность за самостоятельные разновидности террористического акта установлена статьями 124 «Террористический акт против представителя иностранного государства» и 126 «Международный терроризм».

Статья 124 УК РБ, устанавливающая ответственность за «террористический акт против представителя иностранного государства»², включает в себя ряд существенных особенностей, указывающих на исключительность данного состава преступления.

---

¹ Законы Республики Беларусь. Минск, 2007. С. 23–41.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2010. С. 164.

Во-первых, исходя из содержания объективной стороны, закрепленной в части 1 статьи 124 УК РБ, в качестве дополнительного объекта выступает здоровье и физическая свобода представителя иностранного государства или международной организации.

Во-вторых, рассматриваемый вид террористического акта включает в себя три самостоятельных состава преступления: насильственные действия в отношении представителя иностранного государства или международной организации, его похищение либо лишение свободы.

В-третьих, субъективная сторона анализируемого состава преступления в качестве обязательного признака включает в себя цель – провокация международных осложнений или войны.

В УК РБ закреплена еще одна разновидность террористического акта. Статья 126 регламентирует ответственность за «международный терроризм»¹. Она, как и статья 124 УК РБ, имеет ряд конструктивных особенностей, нашедших свое отражение в следующих элементах состава преступления.

Во-первых, в анализируемой норме закреплены принципиально отличные от статьи 124 УК РБ дополнительные объекты уголовно-правовой охраны, в качестве которых выступают общественные отношения, охраняющие: жизнь и здоровье человека; жизнь и здоровье государственных или общественных деятелей иностранного государства; отношения собственности.

Во-вторых, объективная сторона сконструирована по типу состава с альтернативными действиями, включающими в себя ряд общественно опасных деяний, имеющими между собой существенные отличительные признаки: организация совершения на территории иностранного государства взрыва, поджога или иных действий; совершение на территории иностранного государства взрыва, поджога или иных действий; убийство государственного или общественного деятеля иностранного государства; причинение телесных повреждений государственному или общественному деятелю иностранного государства; причинение вреда имуще-

---

¹ Там же. С. 165.

ству, принадлежащему государственному или общественному деятелю иностранного государства.

В-третьих, специфично сконструирована и субъективная сторона. Исходя из содержания статьи в анализируемом составе преступления закреплены две самостоятельные и взаимосвязанные цели: уничтожение людей или причинение телесных повреждений, разрушение или повреждение зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или иного имущества; провокация международных осложнений, войны или дестабилизации внутреннего положения иностранного государства.

В рамках главы 27 «Преступления против общественной безопасности» раздела X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» закреплена статья 289, схожая со ст. 205 УК РФ, регламентирующая ответственность за терроризм¹.

Как самостоятельная разновидность террористического акта рассматривается деяние, закрепленное в статье 359 УК РБ «Террористический акт»². Эта статья расположена в главе 32 «Преступления против государства» раздела XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления».

В качестве дополнительного объекта рассматривается жизнь государственного или общественного деятеля Республики Беларусь, что, с нашей точки зрения, и предопределяет место расположения исследуемой нормы.

Особенностью объективной стороны является конструирование данного состава преступления по типу формального (усеченного). Учитывая такой законодательный прием, этот состав преступления охватывает как покушение на жизнь, так и причинение смерти потерпевшему.

Завершая рассмотрение уголовного законодательства Республики Беларусь в области формирования законодательной концепции по противодействию криминальным формам экстремистских проявлений и проводя при этом сравнитель-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2010. С. 241–242.

² Там же. С. 284–285.

но-правовой анализ с российским законодательством, следует констатировать, что реализованный законодательный подход является позитивным.

Наиболее существенным достижением белорусского законодательства, направленного на борьбу с экстремистскими преступлениями, с нашей точки зрения, является осознание белорусским законодателем опасности экстремизма в наиболее радикальном его проявлении – терроризме – не только для безопасности государства и общественной безопасности, но и для всего мирового сообщества в целом, о чем свидетельствует наличие четырех самостоятельных составов преступлений, регламентирующих ответственность за террористический акт и расположенных в разных главах и разделах Уголовного кодекса. По нашему мнению, схожий подход должен быть реализован и в российском уголовном законодательстве¹.

Завершая анализ УК Беларуси, нельзя не затронуть проблему, не лежащую собственно в плоскости правового регулирования Уголовного кодекса Республики, – проблему гармонизации и унификации белорусского и российского уголовных законодательств, как это следует из статьи 18 Договора о создании Союзного государства между Российской Федерацией и Республикой Беларусь². Вышеуказанное предопределяет возможность использования положительного правового опыта Республики Беларусь в рамках борьбы с преступлениями экстремистской направленности при совершенствовании российской законодательной концепции в рассматриваемой области, что нами будет отмечено при выработке предложений по модернизации УК России в рамках положений, выносимых на защиту.

*Уголовное законодательство Украины*³ включает в себя нормы о преступлениях экстремистской направленности, имеющие свои отличительные черты,

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Специфика уголовно-правового противодействия экстремизму на территории постсоветского пространства (на примере анализа законодательства Республики Беларусь и Грузии) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* Н. Новгород, 2014. № 4 (28). С. 160–165.

² См.: *Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии.* М., 2002. С. 100.

³ Уголовный кодекс Украины. [Электронный ресурс]. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks> (дата обращения: 18.09.2014).

раскрывающие содержание законодательной концепции в исследуемой нами области.

Во-первых, в отличие от российского и белорусского законодательств, в анализируемом Кодексе дефиниция «экстремизм» не используется.

Во-вторых, тем не менее осознание опасности экстремизма прослеживается в анализируемом УК. В частности, статья 67 УК Украины, закрепляющая перечень отягчающих обстоятельств, относит к таковым совершение преступления, основанного на расовой, национальной или религиозной вражде или розни, при этом определяя этому признаку третье место в иерархии отягчающих обстоятельств¹.

Проанализировав УК Украины, мы установили признаки экстремизма лишь в трех составах преступлений: статьи 109, 110 и 258 УК Украины.

Статья 109 УК Украины предусматривает уголовную ответственность за «действия, направленные на насильственное изменение либо свержение конституционного строя или захват государственной власти»².

Особенностью объективной стороны рассматриваемого состава преступления является установление уголовной ответственности не только за выполнение конкретных действий, но и за подготовительные действия в форме сговора.

В качестве самостоятельного состава преступления часть 2 статьи 109 УК Украины закрепляет ответственность «за публичные призывы к насильственному изменению либо свержению конституционного строя или захвату государственной власти, а равно за распространение материалов с призывами к совершению таких действий»³.

Принимая во внимание то, что норма, закрепленная в статье 109 УК Украины, содержит признаки преступления экстремистской направленности, полагаем, что пробелом при создании данной статьи стало невключение в нее в качестве конструктивного или квалифицирующего признака экстремистских мотивов.

---

¹ Уголовный кодекс Украины. [Электронный ресурс]. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks> (дата обращения: 18.09.2014).

² Там же.

³ Уголовный кодекс Украины. [Электронный ресурс]. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-1> (дата обращения: 18.09.2014).

Следующей является статья 110 УК Украины, устанавливающая ответственность за «посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины»¹, которая находится в том же разделе, что и статья 109 УК Украины, что определяет идентичность объектов уголовно-правовой охраны. Схожая норма сегодня существует и в УК РФ. Так, ст. 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» была криминализована 28 декабря 2013 г.²

Статья, также непосредственно содержащая в себе признаки экстремизма, регламентирует ответственность за террористический акт. Ответственность за данное деяние закреплена в статье 258 УК Украины³.

Названная норма расположена в разделе IX УК Украины «Преступления против общественной безопасности». Местонахождение рассматриваемой нормы схоже с месторасположением аналогичной статьи в УК России. Вышеизложенное дает нам основание предположить, что законодательная концепция в области противодействия терроризму в целом схожа с существующей в Российской Федерации.

Однако в отличие от УК РФ в статье 258 УК Украины в рамках характеристики субъективной стороны иначе сформулирована цель. В соответствии с частью 1 статьи 258 УК Украины целями террористического акта могут быть: нарушение общественной безопасности; запугивание населения; провокация военного конфликта; провокация международного осложнения; воздействие на принятие решения органами государственной власти или органами местного самоуправления, должностными лицами этих органов, объединениями граждан, юридическими лицами; принуждение к совершению либо к несовершению действий органами государственной власти или органами местного самоуправления, должностными лицами этих органов, объединениями граждан, юридическими лицами;

---

¹ Там же.

² Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

³ Уголовный кодекс Украины. [Электронный ресурс]. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-9> (дата обращения: 18.09.2014).

привлечение внимания общественности к определенным политическим, религиозным взглядам.

Вышеуказанные цели определяют широкий спектр угроз террористического акта. В частности, закрепление в рассматриваемой статье таких целей, как «провокация военного конфликта», «провокация международного осложнения», непосредственно указывает на транснациональный характер терроризма.

Необходимо отметить и определенную универсальность рассматриваемой статьи, что также раскрывает сущность украинской законодательной концепции в исследуемой нами области. В частности, в части 4 статьи 258 УК Украины криминализованы деяния, связанные с подготовительными действиями к террористическому акту, а именно: создание террористической группы или террористической организации; руководство террористической группой или террористической организацией; участие в террористической группе или террористической организации; материальное, организационное или иное содействие созданию или деятельности террористической группы или террористической организации.

Еще одна особенность анализируемой статьи – наличие в ней поощрительной нормы. В частности, часть 5 статьи 258 УК Украины закрепляет основания освобождения от уголовной ответственности в случае совершения преступления, закрепленного в части 4 данной статьи, при наличии определенных условий.

К основаниям, положенным в основу построения поощрительной нормы, относятся: добровольное сообщение о преступлениях, предусмотренных в части 4 статьи 258 УК Украины; способствование прекращению существования или деятельности террористической группы или организации; способствование раскрытию преступлений, совершенных в связи с созданием либо деятельностью террористической группы или организации.

Реализация рассматриваемой поощрительной нормы предполагает определенные исключения. Во-первых, данная норма не применяется к организаторам и руководителям террористических групп или организаций, что определяет неотвратимость наказания данных соучастников и, по нашему мнению, является эф-

фективным инструментом противодействия терроризму. Во-вторых, в действиях виновных должны отсутствовать составы иных преступлений.

Все это частично свидетельствует об отличиях российских и украинских концепций в борьбе экстремизмом и терроризмом как наиболее радикальной его формы, однако указывает и на наличие существенных сходств.

*Уголовный кодекс Республики Узбекистан*¹ включает в себя преступления экстремистской направленности, которые рассредоточены в УК РУ по разным главам в зависимости от значимости объектов уголовно-правовой охраны.

Основу законодательной концепции в области противодействия экстремизму, как и в целом на территории всего постсоветского пространства, составляет нормотворчество в борьбе с терроризмом. Первый блок антиэкстремистских норм расположен в главе VIII «Преступления против мира и безопасности человечества» раздела второго «Преступления против мира и безопасности» Особенной части УК РУ, включающей в себя статью 155, регламентирующую ответственность за терроризм.

В целях пресечения террористической деятельности в республике был принят Закон «О борьбе с терроризмом», а Законом от 29 августа 2001 года были внесены изменения в статью 155 УК РУ «Терроризм»².

Особенностью заложенной в УК Узбекистана концепции является не только установление в качестве непосредственного объекта рассматриваемого преступления общественных отношений, обеспечивающих безопасность мира и человечества, но и перечень действий, признаваемых террористическими. К таковым отнесены угроза убийством или применением насилия; захват или удержание собственности; захват или удержание лица в качестве заложника; нападение на служебные помещения представительств иностранных государств или международных организаций, пользующихся международной защитой, на принадлежащие или арендованные ими жилые помещения.

---

¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug (дата обращения: 20.09.2014).

² См.: Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. М., 2002. С. 347.

Специфически сконструирована и субъективная сторона этого состава преступления. Она закрепляет две самостоятельные цели: понуждение государства, международной организации, физического либо юридического лица совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия; осложнение международных отношений, провокации войны или дестабилизации обстановки в Республике Узбекистан, что в целом оправдано, с учетом месторасположения ст. 155 УК РУ.

В качестве другой разновидности терроризма статья 155 УК РУ рассматривает «покушение на жизнь, причинение телесного повреждения государственному или общественному деятелю, или представителю власти...».

Как самостоятельное направление законодательной концепции в области противодействия экстремизму в уголовном законодательстве Республики Узбекистан следует считать обязательную реализацию конфискации при назначении наказания за терроризм. По нашему мнению, параллельное применение экономических санкций, наряду с лишением свободы, является эффективным инструментом, направленным на подрыв экономических основ экстремизма.

Особое внимание в борьбе с различными формами экстремистских проявлений в Республике Узбекистан уделяется ее религиозной составляющей, что свидетельствует еще об одном направлении развития законодательной концепции в рассматриваемой нами области. Ответственность за проявление религиозного экстремизма закреплена в главе XVII «Преступления против общественной безопасности» раздела шестого «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» в статьях 244¹, 244² УК РУ. Криминализация данных статей указывает на распространенность и особую опасность религиозного экстремизма в Республике Узбекистан.

Статья 244¹ УК РУ, которая была введена в УК 1 мая 1998 года, предусматривает ответственность за «изготовление или распространение материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку»¹.

---

¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug_34 (дата обращения: 20.09.2014).

Криминализации в рамках данного состава были подвержены изготовление, хранение или распространение материалов, содержащих: идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма; призывы к погромам или насильственному выселению граждан; призывы, направленные на создание паники среди населения. Причем изготовление или хранение является преступным только при наличии цели на распространение этих материалов.

Особенностью этого состава является закрепленное в норме дополнительное условие криминализации. Преступный оттенок вышеназванные деяния приобретают в случае применения к лицу ранее административного взыскания за совершение действий, перечисленных в диспозиции анализируемой статьи, что указывает на применение административной преюдиции в рамках действующего Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Рассматриваем реализацию преюдиции в области противодействия экстремизму как один из эффективнейших механизмов. По этой причине считаем востребованным его использование и в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации.

Достаточно интересный подход в рамках борьбы с преступлениями экстремистской направленности реализован и при создании санкций статьи 244¹ УК РУ, что продолжает развитие основ заложенной концепции в области противодействия терроризму.

Конфискация имущества как инструмент подрыва экономических основ религиозного экстремизма при совершении преступлений, предусмотренных частями 1 и 2 данной статьи, рассматривается как дополнительное наказание. Безусловным основанием назначения конфискации имущества является совершение преступления, предусмотренного частью 3 анализируемой статьи.

Мы считаем, что такой подход дает возможность более индивидуально подойти к назначению наказания, что, несомненно, повышает эффективность применения статьи 244¹ УК РУ.

Проведя сравнительно-правовой анализ российского уголовного законодательства и уголовного законодательства Республики Узбекистан, необходимо отметить, что законодательная концепция в области противодействия экстремизму в

Республике Узбекистан включает в себе ряд эффективных инструментов, направленных на противодействие экстремистским преступлениям, которые могут быть имплементированы и в российское национальное законодательство.

Уголовный кодекс Республики Казахстан является новейшим законодательным актом в борьбе с экстремизмом на территории постсоветского пространства, вступившим в силу 1 января 2015 г¹. Именно поэтому исследование заложенной в нем законодательной концепции в области противодействия экстремизму весьма актуально.

Первая статья, регламентирующая ответственность за проявление экстремизма, закреплена в статье 174 УК Республики Казахстан (УК РК). Она устанавливает ответственность за «возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни»². В целом данная норма имеет существенные сходства со ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Однако, исходя из содержания выбранной нормы, можно выделить ряд ее специфических особенностей.

В отличие от вышерассмотренных зарубежных уголовных законодательств, а также УК России, УК РК в качестве самостоятельной выделяет родовую и сословную вражду, что, на наш взгляд, является излишним, поскольку она является составной частью национальной или расовой ее разновидности.

Кроме закрепленного на законодательном уровне способа, диспозиция рассматриваемой статьи включает в себя три самостоятельных альтернативных деяния: возбуждение; оскорбление; пропаганда, что и отличает ее от ст. 282 УК РФ³. Различие сравниваемых норм происходит также и по месту их закрепления в уголовных законодательствах, что и указывает на отличия в законодательных кон-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 20.01.2015).

² Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 20.01.2015).

³ Статья 174 УК Республики Казахстан (УК РК) размещена в главе 4 «Преступления против мира и безопасности человечества»; ст. 282 УК РФ закреплена в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

цепциях по борьбе с экстремизмом по определению спектра нарушаемых общественных отношений.

Еще одной особенностью анализируемой статьи, раскрывающей направления законодательной политики в области противодействия криминальным формам экстремистских проявлений, является наличие такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. С нашей точки зрения, причиной включения данного наказания в санкцию статьи 174 УК РК стало возможное наличие специального субъекта при совершении такого преступления.

В анализируемой статье, в отличие от смежных российских, содержится такой квалифицированный состав преступления, как совершение преступления неоднократно.

По нашему мнению, это заслуживает внимания и является актуальным законодательным решением, так как его закрепление дает возможность дифференцированно подойти к назначению наказания и выработке мер, направленных на противодействие экстремистским преступлениям. Считаем, что этот подход относится к достоинствам рассматриваемого уголовного законодательства, и он может быть использован в российском нормотворчестве, в частично иной интерпретации, уже используемой в ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ¹. Полагаем, что это также раскрывает еще одно направление законодательной концепции Республики Казахстан в исследуемой нами области.

Схожесть в развитии уголовных законодательств и соответствующих концепций России и Казахстана в борьбе с экстремизмом наблюдается и в криминализации в УК Республики Казахстан ст. 182 «Создание и руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности» в главе 5 «Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства»².

---

¹ «Деяние, предусмотренное пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, **совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление**, против половой неприкосновенности несовершеннолетнего».

² Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 20.01.2015).

Конечно же, нельзя не подвергнуть анализу закрепленную в УК РК ответственность за террористические деяния. Она закреплена в целом комплексе норм¹, также имеющих существенное сходство с российским уголовным законодательством, что указывает на единство концепций в борьбе терроризмом.

В качестве особого достижения казахстанского законодательства в рассматриваемой нами области следует выделить применение конфискации как обязательного вида наказания при совершении деяний, содержащих признаки террористической деятельности.

В заключение проведенного исследования хотелось бы отметить, что в настоящее время единый подход в формировании концептуальных положений в вопросе противодействия экстремизму и терроризму в России и в Республике Казахстан указывает не только на своевременность правового реагирования на возникающие угрозы, но и в целом на наличие сходств как в понимании уровня угроз исследуемого явления, а также инструментов борьбы.

*Уголовный кодекс Республики Таджикистан*², как и рассмотренные выше зарубежные уголовные законодательства, содержит в себе законодательную концепцию, устанавливающую запрет на совершение преступлений экстремистской направленности.

В целом, заложенная в анализируемом нормативно-правовом акте концепция схожа с российской. В первую очередь это касается систематизации деяний, содержащих в себе признаки экстремизма³. Во-вторых – конструкции самих составов преступлений.

---

¹ Статья 255. Акт терроризма; Статья 256. Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма; Статья 257. Создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности; Статья 258. Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму; Статья 259. Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности; Статья 260. Прохождение террористической или экстремистской подготовки.

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mmk.tj/ru/library/ugolovnij_kodeks (дата обращения: 03.07.2014).

³ Преступления экстремистской направленности в УК РТ систематизированы в в разделе XIII «Преступления против государственной власти», главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и в разделе VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения», главе 21 «Преступления против общественной безопасности».

Однако в механизмах назначения наказания, а также конструирования квалифицирующих признаков наблюдается формирование самостоятельного направления.

Так, особое внимание при формировании санкций, регламентирующих наказание за совершение экстремистских преступлений, уделяется экономическим мерам. Причем конфискация имущества применяется во всех случаях совместно с лишением свободы в ст. 306 РТ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти». Однако при назначении смертной казни конфискация не применяется¹.

В отличие от статьи 306 УК РТ, конфискация в рамках части 1 статьи 307 УК РТ «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан»² относится к дополнительному виду наказания. По нашему мнению, перевод конфискации в разряд дополнительного вида наказания дает возможность более дифференцированно подойти к назначению наказания – не только с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, но и индивидуальных характеристик виновного.

Статья 179 УК РТ, устанавливающая ответственность за «терроризм»³, также имеет ряд конструктивных особенностей, в большей степени нашедших свое отражение в квалифицированных либо особо квалифицированных составах.

Особенностью квалифицированного состава, закрепленного в части 2 статьи 179 УК РТ, выступает рассмотрение повторности какотягчающего признака. Хотелось бы еще раз подчеркнуть значимость этого признака в рамках повышения качества уголовно-правового противодействия экстремизму в целом и терроризму в частности.

Самостоятельная разновидность терроризма закреплена в части 3 статьи 179 УК РТ. В соответствии с ней одноименным деянием признается посягательство на государственного или общественного деятеля, или представителя власти, по мо-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.mmk.tj/ru/library/ugolovnij_kodeks (дата обращения: 03.07.2014).

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.mmk.tj/ru/library/ugolovnij_kodeks (дата обращения: 03.07.2014).

³ Там же.

тивам мести за выполняемую им государственную или общественную деятельность¹.

Однако мы считаем, что рассмотрение такого деяния в качестве терроризма является ошибочным, так как цели и мотивация данного преступления, указанные в части 3 статьи 179 УК РТ, четко указывают на иной спектр общественных отношений, нарушаемых в результате совершения этого преступления.

Полагаем, что этот состав преступления должен быть закреплён в качестве самостоятельной статьи в разделе XIII «Преступления против государственной власти» УК РТ.

Рассматриваемая статья также содержит в себе и поощрительную норму, находящуюся в примечании и предусматривающую специальные случаи освобождения от уголовной ответственности.

Содержание законодательной концепции в борьбе с экстремизмом раскрывает и статья 189 УК РТ, устанавливающая ответственность за «возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной вражды»². По нашему мнению, деяние, закреплённое в этой норме, в большей степени посягает на основы конституционного строя и безопасность государства, чем на общественную безопасность. Об этом могут свидетельствовать не только мотивация и цели данного преступления, но и опыт законодательного конструирования аналогичных составов преступлений в зарубежных законодательствах, а также в России.

Исследуемая норма содержит квалифицированный и особо квалифицированный составы. Особого внимания заслуживает признак, содержащийся в пункте «в» части 3 данной статьи, предусматривающий ответственность за совершение деяния, если оно «повлекло насильственное выдворение гражданина с постоянного места жительства».

Такой подход не встречается в законодательствах других государств, что также даёт нам возможность говорить о наличии в Республике Таджикистан са-

---

¹ Там же.

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.mmk.tj/ru/library/ugolovnii_kodeks (дата обращения: 03.07.2014).

мостоятельных направлений в области формирования законодательной концепции в борьбе с экстремизмом.

Уголовный кодекс Грузии так же включает в себе ряд составов преступлений экстремистской направленности, которые и будут проанализированы в рамках проводимого нами диссертационного исследования с учетом их концептуальных законодательных особенностей.

Первой такой особенностью является систематизация составов преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма, исключительно в одном разделе Уголовного кодекса – разделе 11 «Преступления против государства». Он состоит из двух глав, содержащих нормы, регламентирующие ответственность за эти деяния.

Глава XXXVII «Преступления против основ конституционного строя и безопасности Грузии» включает в себя следующие нормы.

Статья 309 УК Грузии устанавливает ответственность за «заключение антиконституционных договоров или ведение антиконституционных переговоров»¹.

Концептуальной особенностью анализируемого состава преступления является специально закрепленная в законе цель совершения деяния – «ограничение суверенитета или причинение иного вреда государственной независимости Грузии». Фиксирование данной цели четко указывает на спектр общественных отношений, выступающих в качестве непосредственного объекта.

В отличие от части 1 анализируемой статьи, часть 2 предусматривает ответственность за непосредственное заключение вышеуказанных договоров. Кроме этого, часть 2 статьи 309 УК Грузии включает в себя еще одно преступное альтернативное действие, выражающееся в «предоставлении другим лицам полномочий на заключение подобных договоров».

Особенностью анализируемой законодательной концепции обладает и механизм формирования санкций. Кроме лишения свободы, она в качестве обязательного наказания предусматривает лишение права занимать должности или за-

---

¹ Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 324–325.

ниматься определенной деятельностью, что указывает на наличие специального субъекта, признаки которого в данной статье не определены.

Статья 317 УК Грузии устанавливает уголовную ответственность за «призывы к насильственному изменению конституционного строя или свержению государственной власти Грузии»¹, в рамках которой можно выделить еще ряд концептуальных особенностей в исследуемой нами области.

Новшеством данной статьи является криминализация, наряду с вышеуказанными деяниями, призывов к вооружению в целях, указанных в статье 317 УК Грузии. Рассмотрение такого поведения в качестве преступного, с нашей точки зрения, можно отметить как достижение грузинского уголовного законодательства, направленного на противодействие экстремизму, на более ранних стадиях. Вышеуказанный законодательный подход не встречался нам при анализе источников уголовного права других государств.

Еще одним достижением в развитии законодательной концепции по борьбе с преступлениями экстремистской направленности является статья 322 УК Грузии, устанавливающая условия «деятельного раскаяния в совершении преступления против государства»², которая содержит поощрительную норму, включающую основания освобождения от уголовной ответственности при совершении в том числе преступлений экстремистской направленности, расположенных в главе XXXVII УК Грузии. Полагаем, что такой унифицированный подход заслуживает внимания и может быть использован и в российском уголовном законодательстве.

Статья 322 УК Грузии характеризуется определенными особенностями. Кроме общепринятых условий, дающих основания к применению данной нормы, к которым относятся своевременность и добровольность сообщения о преступлении, в указанную статью включено еще одно обязательное основание, отличающее данную статью от схожих норм, применяемых в других зарубежных национальных уголовных законодательства, в том числе и в России. Им является обязательное предотвращение предполагаемого вреда для интересов Грузии.

---

¹ Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 330–331.

² Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 334.

Учитывая, что терроризм – самая опасная и радикальная форма национально-политического экстремизма¹, важным новшеством в развитии законодательной концепции по противодействию экстремизму стало выделение отдельной главы о терроризме. В главе XXXVIII «Терроризм» УК Грузии сконцентрированы все деяния, как непосредственно связанные с ним, так и способствующие его совершению. Она содержит девять составов преступлений террористической направленности и включает в себя две самостоятельные разновидности террористического акта.

Первый, закрепленный в ст. 323 УК Грузии, не имеет никаких концептуальных особенностей и полностью дублирует ранее рассмотренные аналогичные статьи государств, входящих в группу бывших республик СССР.

Вторая разновидность террористического акта установлена статьей 324 УК Грузии и регламентирует ответственность за «технологический терроризм»².

Закрепление технологического терроризма в качестве самостоятельной разновидности в отдельной статье УК Грузии, безусловно, указывает на более высокий уровень общественной опасности такого вида террористической деятельности в отличие от классически принятого и закрепленного в статье 323 УК Грузии в связи с посягательством не только на безопасность государства, но и на иные значимые общественные отношения, включенные в диспозицию нормы. Проведенное нами исследование других зарубежных уголовных законодательств, а также российского Уголовного кодекса указывает на то, что некоторые разновидности технологического терроризма также были учтены при создании норм, регламентирующих ответственность за террористический акт, в частности, путем включения этих признаков в квалифицированные или особо квалифицированные составы преступления, что в целом указывает на единство подходов в борьбе с терроризмом.

Подводя итог сравнительно-правовому исследованию преступлений экстремистской направленности по УК Грузии, хотелось бы отметить, что основу за-

---

¹ См.: Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. М., 2002. С. 120.

² Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 336.

конодательной концепции в рассматриваемой области составляет систематизация указанных деяний¹.

*Уголовный кодекс Азербайджанской Республики*² имеет сходство с тождественными антиэкстремистскими нормами, закрепленными в действующем уголовном законодательстве России, что указывает на единство законодательных концепций в исследуемой области.

Основная масса преступлений экстремистской направленности, криминализованных в рамках УК АР, расположена в главе 31 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела XI «Преступления против государственной власти».

Однако ряд норм имеют свои особенности, по нашему мнению, имеющие значение в дальнейшем развитии законодательной концепции в противодействии экстремизму.

Так, например, ст. 277 УК АР «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», в целом дублирующая статью 277 УК России с одноименным названием, содержит некоторые отличительные черты. Во-первых, данный вид преступного поведения признается разновидностью террористического акта. Во-вторых, потерпевшим по этой статье может выступать не только государственный или общественный деятель, но и представитель иностранного государства.

Признание вышеуказанного деяния разновидностью террористического акта указывает на осознанность угрозы терроризма не только для общественной безопасности страны, как это признано в российском уголовном законодательстве, но и для безопасности конституционного строя. Мы рассматриваем данный подход с положительной точки зрения, так как в зависимости от мотивов и целей

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Специфика уголовно-правового противодействия экстремизму на территории постсоветского пространства (на примере анализа законодательства Республики Беларусь и Грузии) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* Н Новгород. 2014. № 4 (28). С. 160–165.

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-azer-bajdzhanskoj-respubliki> (дата обращения 07.09.2014).

террористической деятельности наравне с общественной безопасностью может страдать и безопасность конституционного строя.

Отнесение представителя иностранного государства к потерпевшему в рамках статьи 277 УК АР, с нашей точки зрения, хотя и является дискуссионным, поскольку посягательство на него не создает непосредственной угрозы для конституционного строя государства, однако такого рода посягательство исходя из специфики непосредственного объекта, определяемого характеристиками потерпевшего, указывает, что в качестве объекта посягательства выступает международная безопасность. Это дает нам легитимное основание утверждать, что анализируемое деяние должно быть закреплено в уже существующем разделе VII «Преступления против мира и безопасности человечества» УК АР.

С нашей точки зрения, существенным достижением азербайджанской законодательной концепции, направленной на противодействие экстремизму, является осознанность его угрозы для мира и безопасности человечества. В частности, раздел VII УК АР с одноименным названием включает в себя нормы, непосредственно содержащие признаки экстремизма, основанного на политической, расовой, национальной, этнической, культурной и религиозной мотивации.

Так, статья 109 УК АР устанавливает ответственность за «преследование»¹. Конструктивной особенностью данного состава преступления является наличие в нем ряда криминообразующих признаков.

Первый – экстремистская мотивация, основанная на политической, расовой, национальной, этнической, культурной и религиозной дискриминации. Кроме этого, к преступной мотивации также относится половая принадлежность и другие запрещенные нормами международного права мотивы, что, с нашей точки зрения, излишне расширяет границы экстремизма и в целом не раскрывает его сущности.

Вторым критерием анализируемой статьи является наличие в действиях виновного признаков иного состава преступления против безопасности челове-

---

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-azerbajdzhanskoj-respubliki/52/> (дата обращения 07.09.2014).

ства и предполагает наличие обязательной связи с иным составом преступления, закрепленного в разделе VII УК АР «Преступления против мира и безопасности человечества».

Мы полагаем, что это условие свидетельствует об осознании повышенной общественной опасности преступлений против мира и безопасности человечества, основанных на экстремистских мотивах, и предполагает обязательное корреспондирование анализируемой нормы с иным деянием, делая его предикатным. Эти обстоятельства дают возможность назначить наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности совершенного деяния, путем полного или частичного сложения наказаний, предусмотренных в статье 109 УК АР, и ином составе преступления, расположенном в разделе VII УК АР «Преступления против мира и безопасности человечества».

Признаки экстремистских проявлений также закреплены в статье 111 «Расовая дискриминация (апартеид)» УК АР¹. В соответствии с данной статьей преступными являются деяния, криминообразующим критерием которых служит цель совершения преступления. В качестве таковой выступают организация и обеспечение превосходства одной расовой группы для угнетения другой.

Подводя итог проведенному сравнительно-правовому исследованию уголовного законодательства Азербайджанской Республики, направленного на борьбу с экстремистскими преступлениями, хотелось бы отметить его общую однотипность с российским. Однако в то же время УК АР содержит в себе ряд собственных концептуальных идей, в частности, в отличие от ранее исследованных законодательств, в том числе и от российского, выражающихся в осознанности повышенной угрозы экстремизма для всего мирового сообщества в целом.

Исследовав зарубежное законодательство в области борьбы с экстремизмом, для демонстрации полученных результатов мы сочли методологически возможным объединить его в группы *по признакам, отличающим уголовно-правовую базу иностранных государств от уголовного законодательства России* в борьбе с

---

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-azerbajdzhanskoj-respubliki/53/> (дата обращения 07.09.2014).

преступлениями экстремистской направленности: а) законодательства государств, содержащие закрепленную в Уголовном кодексе дефиницию «экстремизм» (УК республик Казахстан и Узбекистан); б) законодательства государств, принявших самостоятельные нормативные правовые акты, непосредственно направленные на противодействие экстремизму (Республика Беларусь, Республика Узбекистан, Англия, США); в) законодательства государств, предусматривающие применение дополнительных экономических санкций (штраф, конфискация) за совершение преступлений экстремистской направленности (Франция, США, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан); г) законодательства государств, предусматривающие применение дополнительных неэкономических санкций за совершение преступлений экстремистской направленности: Франция (временное лишение политических, гражданских, семейных прав), Казахстан (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), Таджикистан (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью); д) законодательства государств, рассматривающие экстремизм как угрозу для мира и безопасности человечества (Беларусь, Азербайджан, Узбекистан); е) законодательства государств, рассматривающие экстремизм как угрозу экономической безопасности (Китай); ж) законодательства государств, содержащие самостоятельные главы (разделы), посвященные преступлениям экстремистской направленности (Грузия, Франция); з) законодательства государств, рассматривающие более широкий круг субъектов исследуемых деяний (Франция, США); и) рассмотрение повторности как отягчающего признака (Таджикистан); к) использование инструмента преюдиции при формировании антиэкстремистских норм (Узбекистан).

Выявив особенности и разноплановость зарубежных законодательных концепций в области противодействия деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма, хотелось бы подчеркнуть, что в них, причем вне зависимости от принадлежности к конкретной правовой семье, по исследуемой нами проблеме борьбы с преступлениями экстремистской направленности присутствует и общая идея. Ее сущность заключается в том, что критериями отнесения деяний к

экстремистским служит мотив противоправного поведения и значимость нарушаемых общественных отношений, направленных на обеспечение общественной и государственной безопасности, а также мира и безопасности человечества, что еще раз аргументирует выдвигаемую нами научную концепцию.

Выводы по главе.

1. Считаю необходимым максимально подчинить и сделать подконтрольными международному праву все действия государств, направленные на противодействие преступлениям экстремистской направленности, и выработать с участием международных организаций дефиницию «*международный экстремизм*», под которым следует понимать *состояние политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, направленной на подрыв безопасности мирового сообщества в целом, характеризующейся совершением преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма, а также транснациональной организованной преступной деятельности.*

2. Проведя исследование ответственности за преступления экстремистской направленности по законодательству зарубежных государств, целесообразно констатировать следующее. Во-первых, наличие значительного массива специального антиэкстремистского законодательства и положительный опыт его применения в ряде зарубежных государств позволяют нам не согласиться с мнением тех исследователей, которые предлагают в правовом регулировании борьбы с экстремизмом ограничиться нормами УК РФ. Экстремизм – достаточно сложное явление. Для его нейтрализации необходимо не только определить противоправность и наказуемость соответствующих проявлений, но и сформировать четкий понятийный аппарат, иерархию принципов, субъектов противодействия данному явлению. Во-вторых, сравнение национальных и зарубежных антиэкстремистских норм свидетельствует о том, что проблема противодействия экстремизму в России заключается не столько в дефекте законодательства, сколько в дефекте его применения. Даже наиболее удачно сформированная норма может оказаться неэффективной без ее последовательной реализации, опосредованной жесткой по-

литической волей органов власти, пониженной степенью популяризации их деятельности в рассматриваемом вопросе.

3. С учетом мотивации и целей совершения преступлений экстремистской направленности, определяющих спектр нарушаемых общественных отношений, находящихся под охраной Уголовного кодекса России, предлагается криминализовать в качестве самостоятельных составов следующие разновидности террористического акта.

– Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства – статья 278¹ «Антиконституционный террористический акт»

1. Совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих угрозу гибели лица, занимающего государственную должность Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации конституционного строя Российской Федерации и подрыва авторитета государственной власти либо воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо из мести за такую деятельность, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях –

наказывается...(особо тяжкое преступление).

2. Те же деяния:

совершенные группой лиц по предварительному сговору либо повлекшие причинение значительного имущественного ущерба, –

наказываются...(особо тяжкое преступление).

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) совершены лицом, ранее осужденным за совершение преступлений экстремистской направленности;

б) совершены организованной группой либо повлекли наступление иных тяжких последствий;

в) повлекли умышленное причинение смерти лицу, занимающему государственную должность Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, – наказываются... (особо тяжкое преступление).

Примечание. Лицо, участвовавшее в подготовке антиконституционного террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления антиконституционного террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

– Глава 34. Преступления против мира и безопасности человечества – статья 360¹ «Международный террористический акт»

1. Совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих угрозу гибели лица, являющегося представителем иностранного государства или международной организации, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации международной безопасности, провокации международных осложнений или войны, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях – наказывается... (особо тяжкое преступление).

2. Те же деяния:

совершенные группой лиц по предварительному сговору либо повлекшие причинение значительного имущественного ущерба, – наказываются... (особо тяжкое преступление).

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) совершены лицом, ранее осужденным за совершение преступлений экстремистской направленности;

б) совершены организованной группой либо повлекли наступление иных тяжких последствий;

в) повлекли умышленное причинение смерти лицу, являющемуся представителем иностранного государства или международной организации, – наказываются... (особо тяжкое преступление).

Примечание. Лицо, участвовавшее в подготовке международного террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления антиконституционного террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Определяя наказание за предлагаемые нами составы преступлений, считаем целесообразным остановиться лишь на их категоризации, так как их отсутствие в действующем законодательстве не дает объективной возможности его обосновать, в том числе с учетом сложившейся судебной практики. Принципиально новые составы преступлений, берущие под охрану сразу несколько объектов уголовно-правовой охраны, с нашей точки зрения, должны быть дифференцированы с учетом их характера и степени общественной опасности. В качестве пожелания законодателю хотелось бы рекомендовать при их формировании исключить пересечение санкций в целях четкой дифференциации ответственности. В частности, наиболее целесообразным представляется рассматривать верхний предел санкции по основному составу, нижним пределом санкции квалифицированного состава и т. п. В рамках реализации предлагаемого нами подхода может возникнуть вопрос о соотношении ст. 278¹ УК РФ «Антиконституционный террористический акт» и ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», а также ст. 360¹ УК РФ «Международный террористический акт» и ст. 360 УК РФ «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой». Считаем, что основными отличительными признаками этих составов преступлений являются способ, общественно опасные последствия, цель и характеристика потерпевшего, что еще раз аргументирует наше предложение.

РАЗДЕЛ II

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Глава 1

Понятие, признаки и виды экстремизма в законодательстве и правовой доктрине

§ 1. Понятие и признаки экстремизма: доктринально-правовое исследование¹

На протяжении последнего десятилетия Россия, как и все мировое сообщество, активно противодействует одному из сложнейших социальных феноменов – экстремизму, который во всех без исключения формах своего проявления создает реальную угрозу безопасности многих стран и их граждан, неминуемо вызывает существенные политические и экономические потери, оказывает значительное психологическое воздействие на население, способен радикально разбалансировать сложившуюся социальную систему в целом.

Как правовой и общественно-политический феномен экстремизм является орудием определенных политических сил, основная деятельность которых направлена на насильственное распространение авторских взглядов о правовом, политическом и социально-экономическом устройстве общества и государства, а также содержании межгосударственных отношений. В отечественное правовое, общественное, экономическое и политическое пространство экстремизм проник на изломе коренных перемен, происходящих во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, чему отчасти способствовали недостатки и пробелы ран-

---

¹ Ранее нами было подготовлено монографическое исследование на тему «Государственная политика в сфере противодействия экстремизму» (Н. Новгород. 2014. 460 с.), в котором достаточно подробно проанализированы и даны авторские комментарии существующих сегодня в науке подходов, раскрывающих содержание экстремизма и его видов. Поэтому в рамках диссертационного мы сочли методологически возможным выделить выработанные концепции в исследуемой нами области и определить их существенные признаки, аргументирующие предлагаемую нами концепцию в области противодействия экстремизму.

него законодательства переходного периода. Вследствие этого Россия погрязла в политической, экономической, религиозной, расовой и национальной нетерпимости. Учитывая эффект экстремизма в достижении поставленных целей, радикальные политические силы все чаще и чаще стали использовать крайне агрессивные формы самовыражения, такие как террористические акты, массовые беспорядки и т. д. Хотя сегодня нормативная база в вопросах противодействия экстремизму, конечно же, стала более совершенной, но это никаким образом не снижает характера угроз рассматриваемого явления и представляет серьезную опасность основам государственности, а следовательно, и целостности Российской Федерации¹. Причем, согласно экспертным оценкам и заявлениям руководства страны, экстремизм в настоящее время является одной из ключевых угроз национальной безопасности России.

Полагаем, что вышесказанное аргументирует потребность в исследовании содержания дефиниции «экстремизм». Хотя эта проблема является одной из самых сложных как в доктринальном, так и практическом аспектах².

В соответствии с законами формальной логики определение понятия есть логическая операция, раскрывающая его содержание путем указания существенных признаков³. В этой связи в первую очередь следует рассмотреть этимологические начала происхождения данной дефиниции путем проведения семасиологического анализа (анализ значения, смысла языковой единицы) термина «экстремизм» с позиций достижения правовых, философских, социологических, политологических и общеправовых наук, а также наук криминального цикла, что позволит раскрыть концептуальные особенности экстремизма как негативного социально-правового феномена.

Экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) как явление сформировался в глубочайшей древности. Первый подход к определению содержания рассматриваемого

---

¹ См.: *Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А.* К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7. С. 34–35.

² См.: *Макеева И.С.* Экстремизм как уголовно-правовая категория // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 61–68.

³ См.: *Ерохина К.В.* Традиционная формальная логика: учебно-методическое пособие. 2-е изд., испр. Саратов, 2000. С. 24.

понятия исходит из содержания латинских терминов «*extremitas*» и «*extremus*». Эти дефиниции употреблялись для описания самой отдаленной позиции относительно какой-либо точки измерения. В частности, термин «*extremitas mundi*» означал «границу мира»¹. Второй подход определяет, что латинский термин «*extremus*» происходит от греческого корня «*trema*» (открытие, просека). В таком случае под производным термином «*extremus*» мог пониматься выход за границы укрепления (греч. *polis*) в целях отказа от выполнения внутренних (общепринятых) обязанностей².

Однако сама дефиниция «экстремизм» продолжительной истории не имеет и рассматривается авторами как феномен, развивающийся преимущественно в сфере политики, характеризующийся приверженностью к крайним взглядам и мерам. Полагаем, это связано с тем, что в начале XX века к «экстремистам» были причислены представители партии «Индийский национальный конгресс», борющиеся за независимость Индии³.

Впервые термин «экстремизм» как доктринальная дефиниция был введен в научный оборот в начале XX века французским юристом М. Лероем. Говоря об экстремизме, он исходил из практики действовавших тогда политических сил, использовавших радикальные методы ведения борьбы⁴.

В русском языке слово «экстремизм» впервые было закреплено в справочной литературе в XX веке. Однако толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля⁵ и Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона⁶ не закрепляют данного термина и производных от него однокоренных слов.

¹ Sehe: *Ermert M.* Der Extremismus im Strafrecht: Eine begriffsanalytische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und verfassungsrechtlicher Grundlage. Herbolzheim: Centaurus-Verl., 2007. Zugl.: Mainz, Univ., Dis., 2003. S. 36–37.

² Sehe: *Ermert M.* Der Extremismus im Strafrecht: Eine begriffsanalytische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und verfassungsrechtlicher Grundlage. Herbolzheim: Centaurus-Verl., 2007. Zugl.: Mainz, Univ., Dis., 2003. S. 36–37.

³ См.: Энциклопедический словарь / под ред. Б.А. Введенского. М., 1955. Т. 3. С. 671.

⁴ См.: *Писаренко О.Н.* Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 212–219.

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 664.

⁶ *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1904. Т. 79. С. 330.

Современные отечественные энциклопедии определяют экстремизм как приверженность к радикальным взглядам и действиям в политике, что в целом отражает концепцию, заложенную еще М. Лероем. Именно поэтому он является характерной чертой существующих сегодня партий или движений, основанных на соответствующих социально-политических ориентирах (анархизм, фашизм, религиозный фундаментализм и др.). В современной политической сфере экстремизм выражается в совершении насильственных действий, целью которых является дестабилизация и разрушение уже сформированных государственных, общественных, политических структур и институтов¹.

Трансформируясь, «экстремизм» стал толковаться еще более широко и характеризовал любого политического противника вне зависимости от характера его деятельности и исповедуемых им взглядов².

Учитывая устоявшуюся первоначально заложенную концепцию, раскрывающую содержание экстремизма, в настоящее время изучаемый институт в первую очередь ассоциируют с крайними, радикальными вариантами поведения, влекущими за собой образование новых дефиниций, раскрывающих его содержание, но при этом не определяющих его границ.

Учитывая, что критерий крайности и его содержание при определении признаков экстремизма имеют принципиальное значение, в рамках проводимого нами исследования считаем целесообразным раскрыть их с учетом авторского подхода и существующих научных обоснований.

В современной доктрине есть два принципиально отличных друг от друга направления, определяющих содержание термина «крайность».

Первый подход не означает выхода за рамки дозволенного и соответственно является разрешенным вариантом поведения.

Такая позиция вытекает из буквального толкования рассматриваемого понятия, что нашло свое отражение в ряде толковых словарей русского языка.

---

¹ См.: Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В.И. Бородулин, А.П. Горкин [и др.]. М., 2001. С. 829.

² См.: Макаров Н.Е., Дондоков Ц.С. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Закон и армия. 2005. № 11. С. 56–57.

Например, толковый словарь С.И. Ожегова раскрывает следующее содержание понятия «крайний»: «1) Находящийся на краю чего-нибудь, наиболее далекий. 2) Предельный, последний. 3) Очень сильный в проявлении чего-нибудь, исключительный (например, крайняя нужда, крайние меры и т. п.)»¹.

Вышеуказанное направление нашло свое отражение в ряде научных исследований, посвященных проблеме экстремизма, в том числе и в юриспруденции, что и раскрывает первую концепцию, определяющую содержание рассматриваемого явления. В частности, А.Г. Никитин предлагает рассматривать экстремистскую деятельность в рамках закона с учетом принципа: «разрешено все, что не запрещено». Это непосредственно отражает специфику любого правового государства, к которому относится и Россия². При этом, обосновывая такой подход, автор предложенной концепции считает нецелесообразным рассматривать экстремизм как сугубо негативное явление³ с учетом проведенного им семантического и гносеологического анализа.

Такой же позиции придерживается и Е.П. Сергун, который отмечает, что экстремизм представляет собой явление, не выходящее за какие-либо «рамки». По его мнению, под экстремизмом следует понимать термин, устанавливающий предел, край, границу относительно определенных пространственных, временных и иных величин, условно принятых за «нормальные»⁴.

Полагаем, что данный подход является небесспорным, исходя из сущности экстремизма как исключительно негативного явления, которое по определению правомерным быть не может, о чем свидетельствует как международное, так и зарубежное, а также и российское право.

---

¹ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988. С. 277.

² См.: *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 40.

³ Там же.

⁴ *Сергун Е.П.* Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 22–23.

Вторая концепция, существующая в доктрине, определяет крайность экстремизма как деятельность, выходящую за пределы дозволенного, то есть за рамки правового поля¹.

Следующая концепция закладывает новое направление в исследуемой области через призму придания крайности экстремизма статуса особой идеологии, выражающейся в нетерпимости к оппонентам и оправдывающей их насильственное подавление².

Так, А.С. Ржевский, в общем поддерживая вышеуказанную позицию, предлагает в целях восполнения пробела, возникшего в связи с отсутствием понятия «крайние меры» в определении экстремизма, относить к ней действия, сопряженные с насилием, отрицающие общечеловеческие ценности и порядок в обществе в целом³. Аналогичной позиции придерживается и А.Г. Хлебушкин⁴.

Отметим, что такая концепция представляется наиболее распространенной и находит свое отражение не только в научных исследованиях, но и в справочной литературе. Например, в Большом энциклопедическом словаре под экстремизмом предлагается понимать приверженность к крайним радикальным взглядам и идеям, достижение которых осуществляется с использованием нелегитимных, насильственных средств и методов⁵.

Наличие множества подходов, закладывающих в содержание экстремизма принципиально отличающиеся друг от друга основополагающие признаки, предопределяет необходимость выработки иного, более точного понятия, отражающего выход за рамки дозволенного.

---

¹ Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: дис. ... д-ра филос. наук. Душанбе, 2009. С. 113.

² См.: Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19.

³ См.: Ржевский А.С. Экстремизм и его проявление в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 9.

⁴ См.: Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 18–19.

⁵ См.: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 1395.

Огромное количество существующих точек зрения по понятию и содержанию экстремизма¹, при этом принципиально отличающихся между собой, обосновывают необходимость выработки понятия, соответствующего современным реалиям и потребностям. Безусловно, аргументация такой дефиниции без анализа существующих доктринальных определений и их научного обоснования невозможна.

Экстремизм сегодня выступает объектом внимания философии, социологии, политологии и, конечно же, юриспруденции. Несмотря на различные содержательные особенности проводимых исследований изучаемого явления, их авторы сходятся во мнении о том, что экстремизм представляет непосредственную угрозу безопасности личности, общества и государства, что и предопределяет его исключительную противоправную направленность.

Полагаем, что при определении понятия экстремизма и его признаков следует учитывать достижения как права, так и других гуманитарных наук. Только комплексный подход к изучению этого явления может быть действительно продуктивным и эффективным в разработке соответствующей дефиниции.

В первую очередь мы, конечно же, должны обратить внимание на существующую сегодня философскую концепцию, раскрывающую содержание исследуемого явления.

Современный *философский подход* к изучению феномена экстремизма имеет ряд особенностей. Во-первых, он рассматривается как радикальная форма деятельности, направленная на насильственное изменение (свержение) существующей модели общества и сформировавшихся устоев, а также их правовых основ².

Во-вторых, экстремизм, по мнению философов, всегда должен характеризоваться применением насилия и агрессии³.

---

¹ В настоящее время в различных сферах научной деятельности насчитывается более 100 дефиниций экстремизма.

² См.: *Килясаханов Х.Ш.* Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 14.

³ См.: *Хоровинников А.А.* Экстремизм как социальное явление (философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. С. 7.

Ну и, конечно же, раскрывая в целом сущность экстремизма, ученые в области философии указывают на обязательное наличие антиобщественных взглядов и поступков¹.

Резюмируя философское восприятие экстремизма, отметим, что с позиций этой науки он однозначно рассматривается как явление, выходящее за рамки дозволенного, характеризующееся при этом особыми целями и способами их достижения².

Особое внимание при изучении экстремизма, как указывалось ранее, следует уделять его максимальной политизированности, что предполагает необходимость рассмотрения данного явления с точки зрения социально-политических аспектов.

Политологи, рассматривая экстремизм как негативное явление, также пытаются выработать соответствующую концепцию, разносторонне раскрывающую его специфические особенности. Поэтому в политологии, как и в юриспруденции, не сформировалось общего представления о нем. Мы сочли возможным, проанализировав наиболее распространенные в политологии подходы, выделить ряд признаков, которые, по нашему мнению, формируют содержание политологической концепции.

Так, например, в отличие от философов, политологи в качестве главенствующего признака экстремизма выделяют его максимальную политизированность³. По их мнению, именно вышеназванная мотивация является основным инструментом разрешения социальных конфликтов⁴, при этом придавая ему оттенки фундаментализма и радикализма⁵.

---

¹ См.: *Арестов В.Н.* Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1984. С. 9.

² См.: *Красиков В.И.* Экстрим. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., 2006. С. 12–16.

³ См.: *Екимов С.О.* Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / под ред. В.П. Сальникова. М., 2005. С. 474; См.: *Назарова Е.С.* Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. С. 111..

⁴ См.: *Воронов И.В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 14.

⁵ См.: *Левшуков Р.А.* Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской Республике // Ислам и по-

Однако ряд авторов, являющихся представителями политологической науки, пытаются представить экстремизм в ином ключе.

Так, Р.А. Амирокова, в целом вкладывая в экстремизм политическую составляющую, определяет его как механизм этносоциальной и религиозной мобилизации¹, тем самым придавая ему политико-этнический и политико-религиозный оттенок. Соглашаясь с мнением автора в том, что исследуемое явление не может носить чисто политический оттенок, считаем, что современные формы экстремистских проявлений выходят за рамки его дополнительной этнической и религиозной составляющей, что делает эту дефиницию частично ограниченной.

И.В. Воронов, продолжая развитие политической составляющей экстремизма, рассматривает его как своеобразный инструмент разрешения социальных споров². Не отрицая такой возможности, полагаем, что он является также и механизмом решения других противоречий, например, возникающих в экономической сфере.

Следующие представители политологической науки, относя экстремизм к определенной политической идее, в качестве основного инструмента ее реализации допускают применение нелегитимного насилия (или публичных призывов к применению насилия) во всех его разновидностях по отношению к оппонентам и существующему политическому режиму³. Схожей точки зрения придерживаются Е.Н. Гречкина и И.В. Воронов, делающие основной акцент на силовой способ достижения поставленных целей⁴, а также М.П. Телякавов и Н.Е. Макаров, акценти-

---

литика на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001; *Мальшева Д.Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности: развивающиеся страны Азии и Африки в 70–80-е годы. М., 1991.

¹ См.: *Амирокова Р.А.* Политический экстремизм в современном политическом процессе России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Черкесск, 2006.

² См.: *Воронов И.В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003. С. 14.

³ См.: *Ковалев В.С.* Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С.16.

⁴ См.: *Гречкина Е.Н.* Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006. С. 15–16; См.: *Воронов И.В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 33.

рующие внимание на политической, национальной, экономической, религиозной и иных сферах экстремистской деятельности¹. При этом, на наш взгляд, заслугой последних авторов является отнесение экономических отношений к спектру экстремистских посягательств, что дает основания рассматривать экстремизм в том числе и как угрозу экономической безопасности России.

М.И. Лабунец, продолжая вышеобозначенное направление, придает экстремизму еще одно направление, характеризующее его противоправным видом групповой протестной деятельности, направленной на получение публично-властных полномочий. В целом разделяя выделяемую автором цель, хотелось бы не согласиться с исключительной организованностью экстремизма, так, как и индивидуумы могут быть его приверженцами².

В развитии исследуемого научного направления интересным выглядит точка зрения В.А. Мальцева, придающего экстремизму статус идеологии, направленной на уничтожение политических противников³. Достижение экстремистских целей, конечно же, может сопровождаться и физической ликвидацией оппонентов, однако выделение ее в качестве основной идеи, по нашему мнению, является дискуссионным, так как направлением их борьбы является, по нашему мнению, нелегитимный захват власти.

Следующий политологический подход раскрывает А.С. Киреев. По его мнению, основной отличительной чертой экстремизма выступает способ выражения своего несогласия в виде антиконституционных (противоправных) общественно опасных методов. Акцентируя внимание на способах экстремистских проявлений, автор в предлагаемой дефиниции указал на непосредственную угрозу экстремизма, в первую очередь для конституционного строя России, что отражает

---

¹ См.: *Телякавов М.П.* Экстремизм в деятельности религиозных объединений на Северном Кавказе как угроза региональной безопасности России (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 11; См.: *Макаров Н.Е.* Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2006. С. 8.

² См.: *Лабунец М. И.* Политический экстремизм: автореферат дис. ... канд. политол. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 9.

³ См.: *Мальцев В.А.* Основы политологии: учебник для вузов. М., 1997. С. 237.

наиболее распространенную точку зрения, нашедшую свое закрепление в том числе и в законодательстве.

Е.С. Назарова вкладывает в разряд критериобразующих признаков экстремизма цель, в качестве которой выступает дестабилизация политической жизни¹.

Завершая рассмотрение политологического подхода, раскрывающего концептуальные признаки экстремизма, хотелось бы подчеркнуть, что основной идеей исследуемого научного направления является придание экстремизму сугубо политического оттенка, дополняемое характерными способами борьбы, сферами влияния, а также уровнем организованности.

Социологи также имеют свое представление о специфических особенностях современного экстремизма. Основная масса из них считает, что он должен рассматриваться как приверженность крайним взглядам и методам воздействия, направленным на достижение групповых целей². Как видим, такое понимание в целом отражает содержание экстремизма исходя из общепринятого буквального толкования данного термина.

Более широко рассматривает исследуемое явление среди социологов А.В. Резникова. С ее точки зрения, экстремизм нарушает следующий спектр общественных отношений: права и свободы человека и гражданина, общественная безопасность, государственная целостность и международный авторитет государства и ее лидеров³.

Таким образом, анализ современных представлений философов, политологов и социологов о феномене экстремизма позволяет констатировать, что общепризнанные признаки экстремизма – цель и способ – объединяют представителей

---

¹ См.: Назарова Е.С. Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. С. 111.

² См.: Русанова О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северо-Кавказского региона): дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. С. 9 и др.

³ См.: Резникова А.В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма (роль «исламского» фактора в Северо-Кавказском регионе): дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 17.

вышеназванных научных направлений¹. Особым достижением ряда ученых в области политологии (например, М.П. Телякалова, Н.Е. Макарова и др.) является признание угрозы экстремизма для экономической безопасности государства, чью точку зрения мы в целом разделяем.

С позиций *политической науки* основной чертой экстремизма является сформировавшаяся потребность в изменении существующего политического порядка по причине его полного неприятия. Однако, учитывая данное обстоятельство, практически любое политическое течение можно считать экстремистским, если его стремления направлены на изменение существующего политического устройства. Отсюда вытекает ряд проблем. Сформулируем некоторые из них.

1. Многие из того, что относительно недавно, по меркам человеческой истории, можно было бы оценить в качестве экстремистского, ныне входит в систему базовых ценностей, которых придерживается подавляющее число членов всего мирового сообщества.

2. Доминирующая в настоящее время на Западе идеология относит к экстремизму все то, что не соответствует либерально-демократическим ценностям. Следствием этого стал резкий всплеск активности экстремистских течений по всему миру.

Все это дает нам основание отметить, что борьба за изменение существующих порядков в политической, социальной и экономической сферах является существенной, но не единственной характеристикой анализируемого явления. Необходимо подчеркнуть, что навязывание идей в экстремизме в основной своей массе происходит насильственным путем, в первую очередь причиняющим вред основным правам и свободам человека, в целом народам или другим социальным обществам².

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Современные философские, политологические и социологические подходы к определению экстремизма как негативного социального явления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2012. № 19. С. 104–109.

² *Абдулатипов Р.Г.* Проблемы профилактики экстремизма // Этнопанорама. 2002. № 2. С. 74.

Учитывая, что в изложенных выше определениях заложена конфликтогенность изучаемого явления, его понятие следует дополнить признаками, указывающими на противоправный характер экстремистских действий.

После того как Россия стала участницей Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, в Российской Федерации возникло направление по разработке юридического определения экстремизма без учета его политической сущности¹.

Экстремизм в наиболее распространенном сегодня понимании этого термина является олицетворением отрицательных проявлений, направленных на подрыв стабильности в мире, основанной на принципах демократии, уважения основных прав и свобод личности. Сегодня экстремизм в различных формах его проявления настолько прочно вошел во многие сферы жизни общества, что возникла необходимость дать ему правовую оценку. Однако *неоднократно предпринимаемые попытки раскрыть сущностные особенности экстремизма с позиции правовых наук по-прежнему вызывают споры о возможности оценки этого явления с точки зрения права в принципе*².

На основании вышеизложенного, для проводимого нами исследования и аргументации авторских выводов существенное значение имеют достижения в области юриспруденции по рассматриваемому вопросу.

Отметим, что экстремизм – понятие аксиологическое. Именно поэтому оно отражает не только сущностные особенности самого явления, но зачастую отождествляет его с борьбой в социально-политической сфере. Причем каждый исследователь в данной области дает собственное толкование этих фактов³.

В современных политико-правовых условиях существуют некоторые трудности, связанные с выработкой адекватного теоретического определения экстре-

---

¹ См.: *Сергун Е.П.* Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 3–4.

² См.: *Залужный А.Г.* Экстремизм: Сущность и способы противодействия // Современное право. 2002. № 12. С. 76

³ См.: *Зайналабидов А.С., Черноус В.В.* Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона. [Электронный ресурс]. URL: http://ippk.rsu.ru/csrp/elibrary/appendix/a2/app02_vedenie.html (дата обращения: 17.10.2014).

мизма. К их числу, в частности, можно отнести как сложность самого феномена и его историческую значимость, так и идеологическое содержание современной экстремистской деятельности.

Так, например, на начальной стадии оценки экстремизма в России правовое понимание рассматриваемого явления сводилось к его религиозной составляющей, подтверждением чему может служить комплекс нормативных правовых актов, принятых в 1998 году¹.

Анализ дефиниций экстремизма, данных в уголовно-правовой доктрине, также позволяет констатировать отсутствие единого подхода к его понятию². В настоящее время существует бесчисленное множество определений изучаемого феномена, формирующих развитие самостоятельных концептуальных направлений.

Так, например, в основу одной из концепций понятия экстремизма положен комплекс институтов, идей, установок. Авторами рассматриваемого подхода являются Н.Д. Ковалев, Е.П. Сергун, Н.Н. Афанасьев, А.Г. Хлебушкин, основной идеей которых выступает отнесение экстремизма к крайне радикальным идеологическим установкам³, обосновывающим применение насилия для достижения преимущественно политических целей⁴.

Представляется, что в рамках анализируемой концепции заслуживает внимания признак, определяющий, что идейные установки экстремизма должны выступать теоретическим обоснованием применения насилия.

---

¹ «Комплексный план мероприятий по противодействию исламскому экстремизму», «Перечень первоочередных мероприятий по противодействию исламскому экстремизму и предотвращению распространения радикальных исламских течений на территории Российской Федерации в 1998 – 2000 гг.», решение Совета Безопасности РФ «О дополнительных мерах по пресечению антиконституционной деятельности исламских экстремистских организаций в Российской Федерации» и др.

² См.: *Петрянин А.В.* Доктринальные дефиниции экстремизма в современной юриспруденции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2011. № 3. С. 172–178.

³ Крайне левых, крайне правых, национал-экстремистских, сепаратистских, великодержавных, религиозных, социально-экономических и духовно-психологических.

⁴ См.: *Афанасьев Н.Н.* Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1. С. 234–235.

При этом каждый из авторов рассматриваемой концепции, конечно же, вкладывает в нее дополнительные признаки, на анализе которых мы и хотели бы остановиться.

Так, с точки зрения И.Д. Ковалева, экстремизм должен обладать совокупностью организационно-политических структур и их радикальных политических установок, обосновывающих применение насилия для достижения поставленных политических целей¹.

Экстремизм в основной своей массе носит организованный характер, однако не нужно забывать и о том, что отсутствие выделяемого И.Д. Ковалевым признака, никаким образом не снижает опасности рассматриваемого явления. Поэтому предложение по отнесению экстремизма только к групповой противоправной деятельности считаем полемическим.

Следующий представитель рассматриваемой концепции – Е.П. Сергун – предпринял попытку в определении спектра общественных отношений, которые нарушаются либо ставятся под угрозу причинения вреда в результате совершения экстремистских деяний. Считаем, что разработка этого направления, в современных условиях сверхактивной деятельности экстремистских организаций, является наиболее актуальным. Однако автор акцентирует свое внимание лишь на обеспечении безопасности конституционного строя Российской Федерации и охране демократических прав и свобод личности². Схожей точки зрения придерживается и А.Г. Хлебушкин³.

Считаем, что предложенная дефиниция заслуживает внимания. Через признаки, закрепленные в ней, четко прослеживается непосредственная связь экстремизма с положениями, отраженными в действующем уголовном законодатель-

---

¹ См.: *Ковалев И.Д.* Анализ основных тенденций политического экстремизма в России // Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним. М., 1998. С. 4–8.

² См.: *Сергун Е.П.* Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 61.

³ См.: *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2007. С. 27.

стве, с учетом их непосредственного места нахождения, однако границы экстремизма давно уже вышли за пределы главы 29 УК РФ.

В основе следующей концептуальной идеи в области российской юридической науки лежит определенная разновидность общественно опасной деятельности, наделенная специфическими признаками. Сторонниками такого подхода являются М.Г. Жилкин, А.Ф. Истомин, Д.А. Лопаткин, С.Н. Фридинский, А.Г. Залужный, В.А. Пономаренков, М.А. Яворский.

Так, по мнению М.Г. Жилкина, экстремизм – это деятельность обладающая признаками публичности, сопряженная с применением насилия или его угрозой, а равно иными запрещенными государством способами направленная на разжигание национальной вражды и ненависти¹.

В целом разделяя мнение автора в том, что исследуемое явление носит исключительно публичный характер, что чаще всего сопровождается декларированием соответствующих целей и задач, автор при этом акцентирует внимание только на политических и национальных противоречиях.

Как видим, автор не включил в дефиницию признаков религиозности и идеологии. Религиозный и идеологический аспекты экстремизма являются его неотделимой частью, так как данный подход нашел свое отражение не только в законодательстве², но и в науке³. Поэтому игнорирование указанных признаков, по нашему мнению, можно рассматривать как упущение.

А.Ф. Истомин, Д.А. Лопаткин и А.Г. Залужный, также являющиеся представителями рассматриваемой концепции, дополнительно вкладывают в нее орга-

---

¹ См.: Жилкин М.Г. Уголовно-правовые аспекты борьбы с экстремизмом // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 42.

² Закон Кабардино-Балкарской Республики от 1 июня 2001 г. «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности»; Закон Республики Дагестан от 22 сентября 1999 года «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» и т. п.

³ См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... доктор. юрид. наук. М., 2006; Степанов Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2002; и т. д.

низованную форму деятельности, направленную на удовлетворение или разрешение существующей проблемы¹.

Вышеизложенное определение в юридической литературе подвергается справедливой критике, так как даже частично не отражает сущности экстремизма, с чем мы в целом соглашаемся.

Продолжая научное обоснование рассматриваемой концепции, С.Н. Фридинский, В.А. Пономаренков и М.А. Яворский расширяют субъектный состав экстремистских деяний, относя к ним не только различные формы организованной деятельности, но и отдельных физических лиц, что, с нашей точки зрения, в большей мере соответствует существующим реалиям, поэтому делает более совершенной эту концепцию. В развитие исследования и придавая экстремизму общественно опасную форму деятельности, авторы пытаются определить формы преступной деятельности, характерные исследуемому явлению, относя к таковым не только непосредственное совершение экстремистских деяний, но и планирование, организацию, подготовку, финансирование либо иное содействие его осуществлению², что, с нашей точки зрения, также является заслугой авторов в области определения концептуальных признаков такого феномена, как экстремизм.

Дискуссионным признаком можно назвать, пожалуй, лишь мотивацию экстремизма, выделяемую В.А. Пономаренковым и М.А. Яворским. Не вызывает сомнения, что основными мотивами экстремизма, конечно же, выступают религиозная и расовая неприязнь. Авторы анализируемой дефиниции, кроме вышеуказанных мотивов, предлагают отнести к экстремистским и половую ее разновидность. Однако такой подход представляется спорным. Мы считаем, что данный мотив не может быть отнесен к экстремистским, так как даже частично не несет в себе особенностей изучаемого негативного явления.

---

¹ См.: *Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А.* К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7. С. 9; См.: *Залужный А.Г.* Экстремизм: сущность и способы противодействия // Современное право. 2002. № 12. С. 31.

² См.: *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 8; См.: *Пономаренков В.А., Яворский М.А.* Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. 2008. № 2. С. 42.

В основу следующей группы понятий экстремизма положена концепция, рассматривающая изучаемое явление как специфическую идеологию. Представителями данного подхода являются В.В. Бирюков, В.П. Кашепов, В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, Г.Н. Горшенков. При этом В.В. Бирюков в своих работах дает два самостоятельных определения экстремизма. Сохраняя при этом основную идею экстремизма, автор соотносит ее в одном случае с принудительным распространением принципов нетерпимости к оппонентам и насильственным их уничтожением¹. В другом – обосновывающую правильность и необходимость совершения различных преступных деяний, основанных на экстремистских мотивах и направленных на достижение поставленных целей, также имеющих и политический оттенок².

К достоинствам данных определений, с нашей точки зрения, конечно же, можно отнести признак нетерпимости, политическую сущность и соответствующий мотивационный блок. Но дискуссионным является признак, указывающий на насильственное уничтожение оппонентов. Как нами уже ранее было отмечено, он в ряде случаев присущ исследуемому явлению, однако, по нашему мнению, является лишь одним из инструментов достижения поставленной цели, поэтому не характерен для большинства деяний экстремистской направленности.

Другой представитель рассматриваемой концепции (В.П. Кашепов), вкладывая в нее уже ранее рассмотренный признак публичности, пытается определить границы идеологической нетерпимости. В частности, относя к таковой признаки расы, национальности, языка, происхождения, религии, принадлежности к какой-либо социальной группе³, что в целом отражает существующую концепцию, закрепленную сегодня в Уголовном кодексе РФ.

В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, являющиеся приверженцами анализируемой концепции, придают экстремизму дополнительную характеристику, указывающую на непосредственную угрозу рассматриваемого явления для существующих

---

¹ См.: *Бирюков В.В.* Еще раз об экстремизме // Адвокат. 2006. № 12. С. 11.

² См.: *Бирюков В.В.* В отношении изменений, внесенных в Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» // Военно-юридический журнал. 2007. № 12. С. 22.

³ См.: *Кашепов В.П.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. № 3. С. 12.

международных отношений.¹ Полагаем, что именно такой подход выводит противодействие на принципиально иной уровень, не только дающий представление о современных масштабах экстремизма, но и открывающий новые направления в области разработки эффективных механизмов борьбы с ним.

Учитывая активную трансформацию современного экстремизма, Г.Н. Горшенков определяет идеологические начала исследуемого явления, дополнительно характеризует его как направление противоправной деятельности, не только деморализующее молодежь, но и в целом способствующее трансформации личности в области активизации экстремистской деятельности². Полностью разделяя позицию профессора Г.Н. Горшенкова, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в современных реалиях экстремизм активно вовлекает молодежь в рассматриваемую сферу противоправной деятельности, что, с нашей точки зрения, создает не только непосредственную угрозу государственной безопасности, но и всей нации в целом. Все это, конечно же, требует принятия активных мер по повышению толерантности в обществе в целом и среди молодежи в частности.

Представителями следующей концепции, в основе которой лежит идея отождествления экстремизма с социально негативным явлением, являются Р.М. Узденов, Ю.И. Авдеев, А.Я. Гуськов, Н.Е. Макаров, Ц.С. Дондоков, В.В. Устинов, В.И. Власов, А.Ф. Истомина, Д.А. Лопаткин, Ю.В. Маркова.

При этом Р.М. Узденов отождествляет это явление с совершением преступлений в области общественных отношений, отрицаемых экстремистами³, а Ю.И. Авдеев и А.Я. Гуськов, В.В. Устинов и Ю.В. Маркова придают ему политический оттенок, а также указывают на использование крайних форм и методов достижения поставленных целей⁴, что в целом отражает наиболее распространенный подход, существующий не только в юриспруденции, но и в других науках.

---

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология. М., 2004. С. 733.

² См.: Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. Н. Новгород, 2004. С. 238.

³ См.: Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

⁴ См.: Авдеев Ю.И., Гуськов А.Я. Современный экстремизм: понятие, структура, связь с терроризмом // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 12; См.: Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М., 2002. С. 16; См.: Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид.

Именно поэтому без доли сомнения можно согласиться с тем, что экстремизм всегда социально психологически обусловлен и идеологически мотивирован.

Н.Е. Макаров и Ц.С. Дондоков продолжают развитие существующей в науке концепции. Выработанная ими дефиниция, по нашему мнению, заслуживает внимания, так как включает в себя ряд специфических признаков, отражающих сущность современного экстремизма. С положительной точки зрения необходимо отметить, что авторы закрепили сферы общественной жизни, в рамках которых возможно проявление экстремизма, включив туда и экономическую ее составляющую¹. В настоящее время выделение экономической сферы как возможного объекта экстремистских проявлений становится все более и более актуальным. Об этом в первую очередь свидетельствует увеличение количества совершаемых преступлений в сфере экономики, основанных на экстремистских мотивах, на что неумолимо указывает уголовно-правовая статистика. Поэтому считаем выделенное Н.Е. Макаровым и Ц.С. Дондоковым направление не только сверхактуальным, но и перспективным для дальнейшего исследования активно трансформирующегося экстремизма.

В.И. Власов, характеризуя экстремизм как отрицательное явление, тем самым указывает на приверженность к рассматриваемой концепции, придает ему не только политический оттенок, но и националистическое содержание².

В целом понимая, что в современных условиях националистический экстремизм характеризуется резким увеличением и является, с нашей точки зрения, лидером, причем не только в России, но и за рубежом, однако полагаем, что экстремистским формам противоправного поведения сегодня присущи и иные мотивационные формы. Поэтому считаем, что это лишь один из признаков, характерных для рассматриваемого социально-правового явления.

наук. Н. Новгород, 2008. С. 8.

¹ См.: Макаров Н.Е., Дондоков Ц.С. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Закон и армия. 2005. № 11. С. 24.

² См.: Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика. М., 2003. С. 8.

Завершая рассмотрение доктринальных концепций, раскрывающих сущность экстремизма, отметим, что научное сообщество рассматривает его в широком и узком понимании. В широком смысле экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) определяется как приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике), в узком – как деятельность, направленная на истребление оппонентов, основанная на принципах неравенства.

Проведенное исследование дает нам основание безапелляционно согласиться с мнением О.А. Зубаловой, отметившей, что экстремизм – это собирательное явление¹.

Комплексный анализ современных подходов к определению экстремизма, закрепивших в себе ряд концептуальных особенностей экстремизма, позволяет нам выделить те его признаки, которые, с нашей точки зрения, отражают сущность изучаемого феномена, формируют и аргументируют основу авторской доктринальной концепции в исследуемой области.

Наиболее характерный признак экстремизма – его исключительная политизированность². Это нашло свое подтверждение не только в рамках проанализированных дефиниций, источниках международного, зарубежного и российского права или в нашей авторской точке зрения, но и в процессе интервьюирования экспертов по вопросу: «*Имеет ли экстремизм политические предпосылки?*». Положительный ответ дали 64,7% респондентов.

Таким образом, *первым конструктивным признаком экстремизма является необходимость исследования данного института исключительно как политического явления.*

Второй признак должен отражать исчерпывающий перечень сфер, подверженных экстремистским посягательствам. С нашей точки зрения, это сферы, направленные на обеспечение общественной безопасности, нормального

---

¹ См.: Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. С.9.

² См.: *Петрянин А.В.* Техника современного правотворчества в рамках выработки дефиниции «экстремизм»: особенности и перспективы // Юридическая техника: Ежегодник. № 6. «Техника современного правотворчества: состояние, проблемы, модернизация»: Сборник статей. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2012. С. 403–411.

функционирования конституционного строя, а также мира и безопасности человечества, что обусловлено в первую очередь конструкцией российского уголовного законодательства, содержащего антиэкстремистские нормы в 24, 29 и 34 главах УК РФ, а также существующими доктринальными подходами, проанализированными выше.

Третий признак включает в себя экстремистскую мотивацию совершения преступления.

Обоснование второго и третьего признака будет дано в рамках параграфа, посвященного концептуальным особенностям уголовно-правового противодействия экстремизму.

Особое значение в рамках разработки эффективных инструментов противодействия экстремизму в целом и преступлениям экстремистской направленности в частности представляет характер этого явления с точки зрения правовой дозволенности или запрещенности.

Задавшись данной проблемой, мы решили провести социально-правовое исследование для определения характера экстремизма.

Исследование показало, что весь существующий сегодня пласт российского законодательства, прямо или косвенно затрагивающего вопросы борьбы с экстремизмом, отождествляет его с противоправной деятельностью.

Это указывает на высокий уровень его общественной опасности, о чем, в первую очередь, свидетельствует наличие значительного комплекса правовых норм, устанавливающих ответственность за различные проявления экстремизма, не только в Уголовном кодексе РФ¹, в Кодексе РФ об административных правонарушениях², но и в других нормативных правовых актах.

Эта же позиция находит свое закрепление и в международном и зарубежном праве, что нами было отмечено в главе, посвященной исследованию международного и зарубежного опыта противодействия преступлениям экстремистской направленности.

---

¹ Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Там же. 2002. № 1. Ч. I. Т. 1.

Для соотношения правового и социального восприятия экстремизма в рамках определения характера и уровня противоправности экстремизма нами был задан вопрос респондентам: *«Экстремизм является исключительно противоправной деятельностью либо возможны и иные формы его проявления?»*. Доминирующая масса респондентов – 83,1% – определили экстремизм как противоправную форму деятельности, при этом ассоциируя экстремизм с террористическими актами, совершением насильственных преступлений, основанных на экстремистской мотивации; 11,7% – затруднились с ответом, ссылаясь при этом на свою правовую неграмотность, однако воспринимая экстремизм в целом как негативное явление. Лишь 5,2% проинтервьюированных отметили разграничение экстремизма на противоправный и правомерный, при этом затруднились определить между ними четкую грань.

Кроме того, доктринальные подходы, в исследуемой нами области также свидетельствуют о том, что основная масса ученых рассматривает экстремизм в первую очередь как противоправную деятельность¹. Особый акцент на противоправный характер исследуемого явления в своей докторской диссертации делает и С.В. Борисов².

Следовательно, с учетом этимологических особенностей, а также правовых и социальных его характеристик экстремизм должен восприниматься как переход за крайнюю границу дозволенного и рассматриваться как исключительно противоправное поведение.

По этой причине предлагаем выделять четвертый признак: экстремизм – это исключительно противоправное явление.

Еще одной проблемой в определении признаков экстремизма является соотношение понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Ее рассмот-

---

¹ См.: Макаров Н.Е., Дондоков Ц.С. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Закон и армия. 2005. № 11; Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7; Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9; Бирюков В.В. В отношении изменений, внесенных в Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» // Военно-юридический журнал. 2007. № 12. С. 22 и др.

² См.: Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. докт. юрид. наук. М., 2012. С. 8.

рение целесообразно начать с анализа законодательного подхода по данному вопросу. Так, Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в статье 1 соотносит эти понятия как синонимичные, что и предопределяет наличие первого подхода. Представленную точку зрения поддерживают основная масса ученых, оставляя ее обоснование на откуп законодателю, лишь ссылаясь при этом на статью 1 вышеназванного Закона¹.

Второй подход, существующий в доктрине и, с нашей точки зрения, являющийся наиболее верным, устанавливает, что рассматриваемые понятия не могут быть синонимичными по причине их разного содержания². Полагаем, что он четко соответствует признакам, вложенным нами в выработанную авторскую дефиницию «экстремизм», определяющую это явление, в первую очередь, как «отрицательное негативное состояние», которое в дальнейшем находит свое выражение в экстремистской деятельности в виде совершения преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма. Полагаем, что экстремистская деятельность – это и есть следствие экстремизма, то есть материальное выражение *состояния противоправной политической борьбы*.

Обращаясь к этимологии, хотелось бы еще раз констатировать, что наиболее существенным противоречием восприятия экстремизма с учетом положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»³ является рассмотрение дефиниции «экстремизм» как синонима словосочетания «экстремистская деятельность», на что сделано прямое указание в статье 1 вышеназванного закона⁴.

---

¹ Гриненко А.В. Понятие и классификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 32–34; Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / под ред. А.А. Козлова. СПб., 2003. С. 15; Агапов П.В. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. 2011. № 10. С. 13–15; и т.д.

² Залужный А.Г., Беляева Т.Н. Экстремизм: современные представления об общественной опасности // Современное право. 2012. № 6. С. 7–10.

³ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁴ См.: Петрянин А.В. Направления уголовно-правового определения признаков экстремизма: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2014. № 3 (27). С. 136–141.

Рассмотрев правила синтаксиса и грамматики в русском языке, мы видим, что суффикс «-изм» при формировании самостоятельных слов используется по нескольким направлениям.

Во-первых, существительные с суффиксом «-изм» называют общественно-политические и научные направления, системы, качества, склонности, связанные с тем, что названо мотивирующим словом¹.

Во-вторых, суффикс «-изм» под ударением при добавлении к существительному (именно такой прием используется при создании дефиниции «экстремизм») образует существительное мужского рода со значением идейного течения, направления мысли, стиля, характера действия и т. п.²

Еще одним распространенным толкованием суффикса «-изм» является то, что он образует существительные, обозначающие состояния, качества, названия учений и общественных течений³.

Вышеуказанные подходы к образованию слов с суффиксом «-изм» указывают на невозможность использования терминов «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в качестве синонимов. По нашему мнению, в основу определения признаков экстремизма должен быть положен подход, объясняющий экстремизм как определенное состояние (идеология), включающее в себя конструктивные признаки рассматриваемого явления. Считаем, что предлагаемую нами идею поддерживает и законодатель. Именно по этой причине, например, было изменено название ст. 205 УК РФ с «Терроризм» на «Террористический акт». В выводах по главе на основе выделяемых нами признаков сформулирована авторская дефиниция «экстремизм».

При рассмотрении особенностей современного экстремизма особое внимание, на наш взгляд, также необходимо уделить соотношению экстремизма и терроризма.

С середины 90-х годов произошел качественный скачок в численности, масштабности и уровне социальной опасности террористических проявлений в

---

¹ Правила синтаксиса и грамматики. М., 1985. С. 94.

² Правила синтаксиса и грамматики. М., 2003. С. 197.

³ Там же. С. 198.

стране. События в Буденновске, Кизляре, взрывы домов в Москве и других городах России, «Норд-Ост», террористические акции с многочисленными жертвами в Беслане, Нальчике, Назрани показали, что терроризм представляет собой реальную угрозу Российскому государству¹, что в первую очередь требует научного осмысления сходств и отличий этих явлений.

В настоящее время как в нормотворческой, так и в научной деятельности не существует однозначного подхода к оценке соотношения понятий «терроризм» и «экстремизм». Проблема их разграничения в юридической науке связана с отсутствием четкого научно обоснованного разграничения вышеуказанных категорий.

Чтобы понять особенности терроризма, в первую очередь необходимо обратиться к его этимологическому содержанию.

Слово «террор» происходит от латинского «*terror*», что означает «страх», «ужас».

В Толковом словаре В.И. Даля терроризм² соотносится с методами преступной деятельности, связанными с устрашением, смертью либо казнью.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова под ним понимается применение физического насилия, включая и физическое уничтожение политических противников³.

Принимая во внимание вышеуказанные этимологические особенности рассматриваемого понятия, целесообразно отметить, что конструктивными признаками терроризма выступают методы борьбы, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье и порождающие страх у неограниченного числа лиц, а также соответствующая мотивация.

В рамках исследования этого вопроса в целях определения соотношения рассматриваемых категорий нами будет проведено исследование как нормативных правовых актов, так и существующих научных подходов к указанной проблеме.

---

¹ См.: Анализ мотивации преступлений террористического характера: аналитический обзор ВНИИ МВД России. М., 2008.

² См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1985. Т. 4. С. 401.

³ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1988.

Изложение этой научной проблемы целесообразно начать с исследования нормативных правовых актов, определяющих соотношение понятий «терроризм» и «экстремизм».

Основополагающим документом среди изученных правовых источников является, на наш взгляд, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года¹. Само название документа предполагает существование рассматриваемых дефиниций как самостоятельных, различающихся между собой.

В частности, в терроризм вкладываются следующие концептуальные признаки. Во-первых, терроризм, в отличие от экстремизма, – это исключительно преступная форма деятельности. Во-вторых, одной из основных целей терроризма является причинение смерти или вреда здоровью оппонента, а также его имуществу. В-третьих, это, конечно же, основная цель терроризма. В частности, в качестве таковой выделяют: запугивание населения, нарушение общественной безопасности или принуждение органов власти либо международных организаций к совершению интересующих террористов действий или воздержание от их совершения. В-четвертых, непосредственно к терроризму также рекомендовано относить и подготовительную деятельность, выражающуюся в организации, планировании такого деяния, пособничестве его совершению, подстрекательстве к нему.

В экстремизм же, вкладываются принципиально иные признаки. Так, с нашей точки зрения, основным отличительным признаком является цель. В частности, целью экстремизма выступает насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность. Вторым отличительным критерием является придание экстремизму не только преступного, а в целом противоправного характера².

---

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 года // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3941.

² Там же.

Исследование вышеуказанных определений указывает на наличие в каждом из них концептуальных особенностей, что свидетельствует о возможности их существования как самостоятельных институтов.

Однако на основе положений, закрепленных в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», мы приходим к выводу о том, что в рамках российского правового поля терроризм рассматривается как разновидность экстремизма¹.

Здесь важно не забывать и о том, что на нормативном уровне принят ряд самостоятельных правовых актов, направленных на борьбу с ним (например, 15 февраля 2006 г. подписан Указ Президента РФ № 116 «О мерах по противодействию терроризму»², а 6 марта 2006 г. принят Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³; Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации»⁴).

Хотя определение терроризма, закрепленное в Федеральном законе «О противодействии терроризму» является, на наш взгляд, весьма спорным, однако в нем закреплена его концептуальная особенность – указание на цель (воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями), что в целом придает ему политический оттенок и делает схожим с экстремизмом.

Политический характер терроризма нашел свое отражение и в ряде научных исследований по данной проблематике. Это четко прослеживается в исследованиях, проведенных, например, А.Э. Жалинским⁵, А.И. Долговой⁶, Ю.В. Авдеевым¹,

---

¹ Смотри содержание ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

² Собрание законодательства РФ. 2006. № 8. Ст. 897.

³ Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁴ Российская газета. 2009. № 198.

⁵ Жалинский А.Э.: терроризм – это насильственный способ изменения существующего порядка // См.: Круглый стол журнала «Государство и право»: Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4. С. 23–24.

⁶ А.И. Долгова: терроризм – это один из специфических видов насилия, используемых в процессе экстремистской деятельности, направленной на подрыв конституционного строя в двух аспектах: против конституционных прав и свобод человека и гражданина и конституционной власти // См.: Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М., 2010. С. 80.

Е.П. Сергуном², А.В. Ростокинским и К.А. Толпекиным³, а также другими авторами.

Но, соглашаясь с мнением ученых, необходимо отметить, что одним из отличительных признаков терроризма является форма такой деятельности, выражающаяся в *состоянии насилия и практике воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.*

Именно в этом случае считаем ошибочной точку зрения ряда ученых, утверждающих, что «экстремизм может проявляться и вне политики»⁴. Мы согласны с тем, что экстремизм не может быть «неполитическим явлением», как и наиболее радикальное его проявление – терроризм⁵.

Еще одной отличительной чертой терроризма как самостоятельной разновидности экстремистских проявлений является особенность объектов психофизического насилия. Последние не участвуют в возникших противоречиях между террористами и «третьей стороной», и даже не знают о них. Жертвы непосредственно террористического насилия всегда неповинны в террористическом преступлении⁶. По этой причине считаем, что следующим признаком терроризма является *устрашение населения в форме совершения преступлений, направленных на подрыв общественной безопасности, конституционного строя и мира и безопасности человечества.*

---

¹ Ю.И. Авдеев рассматривает терроризм как особое общественно-политическое явление // См.: Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е.И. Степанова. М., 2000. С. 41–42.

² Е.П. Сергун указывает, что терроризм присущ исключительно сфере политических отношений // См.: Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 39.

³ См.: Ростокинский А.В., Толпекин К.А. Еще раз о признаках терроризма, предметах посягательства и террористической тактике // Российский следователь. 2014. № 9. С. 36–39.

⁴ Жээнбеков Э.Т. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия религиозному экстремизму: по материалам Кыргызской Республики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 19.

⁵ См.: Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 51.

⁶ См.: Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М., 2010. С. 76.

Терроризм, как и экстремизм, не заканчивается лишь выдвиганием каких-либо идеологий. Он включает в себя и совершение соответствующих действий, направленных на достижение выдвинутых целей. Причем, *по нашему мнению, основными целями современного терроризма являются борьба за власть и передел экономических ресурсов, что и должно рассматриваться в качестве еще одного его признака*¹. Терроризм можно представить как неотъемлемую часть экстремистской деятельности, как его наиболее радикальное и эффективное проявление в социально-политической и экономической жизни общества и государства².

Учитывая специфический характер террористической деятельности, в доктрине доминирующее множество ученых, частично вкладывающих в анализируемые дефиниции отличающиеся признаки, едины в одном. Они определяют терроризм как крайнюю форму экстремизма. Например, этой точки зрения придерживается Ю.С. Горбунов³, В.А. Мальцев⁴, С.Н. Фридинский⁵, А.Ф. Истомин и Д.А. Лопаткин⁶, А.А. Хоровинников⁷ и другие ученые.

Вышеуказанные обстоятельства предопределяют возможность соотношения терроризма и экстремизма как части и целого, так как экстремизм значительно шире понятия «терроризм». Террор является лишь одним из инструментов достижения поставленных политических целей.

Проведенный нами опрос о соотношении терроризма и экстремизма как части и целого подтвердил вышеуказанный подход: 74,8% проинтервьюированных респондентов считают терроризм разновидностью экстремистской деятельности.

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Соотношение экстремизма и терроризма: законодательство и доктрина // Противодействие терроризму: информационно-аналитический и научно-практический журнал. Москва, 2012. № 2. С. 30–36.

² См.: *Тамаев Р.С.* Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму: монография. 2-е изд. М., 2008. С. 40.

³ См.: *Горбунов Ю.С.* К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 38–44.

⁴ См.: *Мальцев В.А.* Основы политологии: учебник для вузов. М., 1997. С. 237.

⁵ См.: *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 24–25.

⁶ См.: *Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А.* К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7. С. 9.

⁷ См.: *Хоровинников А.А.* Экстремизм как социальное явление: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. С. 11.

При этом 98,6% опрошенных подтвердили, что он является самой общественно опасной (крайней) формой экстремизма.

Рассматривая терроризм как наиболее радикальное проявление экстремизма, полагаем, что следует задаться вопросом по определению пределов его крайности.

Если сам феномен экстремизма рассматривается как крайность, то терроризм должен определяться как крайность крайности, выступающая скорее логическим, но не обязательным развитием экстремизма¹. Поэтому современные дефиниции, отражающие сущность терроризма, включают в себя критерии его крайности, определяющие присущие ему специфические черты с учетом целей и средств их достижения.

Из вышеизложенного следует, что *терроризм является лишь одним из инструментов экстремистской деятельности и должен рассматриваться как разновидность экстремизма.*

В подтверждение сделанного умозаключения хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о терроризме, мы имеем в виду не только ст. 205 УК РФ, устанавливающую ответственность за непосредственное совершение террористического акта, но и другие деяния, содержащие его признаки. Причем в этом вопросе у законодателя и Верховного Суда Российской Федерации разработана общая концепция, раскрывающая содержание преступлений террористической направленности. Так, по мнению законодателя, закрепленному в примечании к ст. 205¹ «Содействие террористической деятельности», к рассматриваемой группе деяний, в отличие от экстремистских², относится исчерпывающий перечень пресуплений, закрепленных в ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» в преамбуле так-

¹ См.: Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. Киев; Одесса, 1991. С. 28.

² Законодательная концепция в области определения преступлений экстремистской направленности является принципиально иной. В частности, в соответствии с примечанием к ст. 282¹ УК РФ любое преступление, закрепленное в УК РФ, но совершенное по экстремистским мотивам.

же указывает на вышеуказанный перечень, за исключением норм (ст. 205³, 205⁴, 205⁵ УК РФ), криминализированных после принятия анализируемого Пленума. Предлагаемый перечень, конечно же, является дискуссионным по причине внесения в него деяний (ст. 211, 220 и 221 УК РФ), не отражающих, по нашему мнению, даже частично специфику терроризма¹. Однако статья 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в редакции от 28.06.2014, также закрепляющая перечень этих преступлений, частично не соответствует той концепции, которая закреплена как в ст. 205¹ УК РФ, так и в акте Верховного Суда РФ. В частности, анализируемый Федеральный закон в присущей ему императивной форме причисляет к преступлениям, причастным к терроризму, в том числе и деяния, указанные в ст. 282¹, 282² и 282³ УК РФ. Хотя это и показывает наличие коллизии в области противодействия рассматриваемому явлению, однако эти деяния безусловно являются преступлениями экстремистской направленности, что может выступать в качестве еще одного аргумента, указывающего на неразрывную связь экстремизма и терроризма.

Представляется, что без законодательного разграничения понятий «терроризм» и «экстремизм», в том числе в рамках УК РФ, сложно будет преодолеть существующее расширительное толкование отдельных насильственных актов политической направленности как проявлений терроризма². В этой связи нами предложено авторское определение терроризма, нашедшее свое закрепление в выводах по главе.

---

¹ Именно по этой причине вышеуказанные деяния должны быть исключены из перечня преступлений террористической направленности, что будет нами отмечено в выводах по главе при авторском определении понятия «терроризм».

² См.: Устинов В.В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 34–36.

§ 2. Виды экстремизма и их характеристика

В современной науке выделяется значительное количество типологий и разновидностей экстремизма, ни одна из которых не нашла своего четкого закрепления на нормативном уровне. Мы согласны с мнением ряда современных ученых, отмечающих, что классификация экстремизма на различные виды и типы является условной¹, постоянно трансформирующейся, что и не требует их закрепления в законодательстве, однако имеет существенное значение в рамках аргументации дальнейшего развития правовой концепции в области противодействия исследуемому явлению. Именно поэтому считаем целесообразным рассмотреть некоторые из существующих типологий экстремизма, в целом понимая отсутствие их в чистом виде, что указывает на смешение выделяемых видов.

Наиболее распространенной в доктрине является концепция, раскрывающая типологию, положившая в основу ее деления мотив преступного поведения. Наличие этого подхода, с нашей точки зрения, объясняется содержанием примечания к ст. 282¹ УК РФ, раскрывающего понятие преступлений экстремистской направленности.

Учитывая, что рассматриваемое направление идет в ногу с существующей сегодня общей законодательной концепцией при определении признаков исследуемых нами деяний, считаем методологически возможным остановиться лишь на отличительных чертах предлагаемых типологий, имеющих значение для дальнейшего совершенствования антиэкстремистского законодательства².

---

¹ См.: *Маркова Ю.В.* Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 20.

² Этот вопрос более подробно изложен в подготовленных нами научных публикациях: *Петрянин А.В.* Экономический экстремизм как новая разновидность экстремизма // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов. Вып. 17 / Под ред.: Баранов В.М., Пшеничнов М.А. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2011. С. 58–66; *Петрянин А.В.* Молодежный экстремизм: современное состояние. ДETERМИНАНТЫ, особенности противодействия // Уголовное законодательство в XXI веке: современное состояние, проблемы трактовки и применения его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 1 марта 2012 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ П.Н. Панченко, кандидата юридических наук, доцента А.В. Козлова. Н. Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2012. С. 209–216; *Петря-*

Так, Б.А. Мыльников, О.В. Кнителъшот, Р.М. Афанасьева, Р.С. Тамаев и др., являющиеся ее представителями, обосновывают необходимость расширить предлагаемый законодателем перечень, включив в него как самостоятельные разновидности: международный, личностно-бытовой, экономический, экологический экстремизм¹.

Частично ставя под сомнение личностно-бытовой по причине несоответствия как национальной, так и международной концепции по противодействию экстремизму, а также проблеме установления его признаков, считаем сверхактуальным выделение международной и экономической его разновидности как современных трансформирующихся его форм. В предшествующих главах нами уже были раскрыты признаки и предложена дефиниция «международный экстремизм», аргументация в поддержку экономической составляющей исследуемого нами явления будет дана в последующих главах диссертационного исследования.

Однако в доктрине существуют и другие концепции, раскрывающие деление экстремистской деятельности на соответствующие типы.

Так, например, Н.А. Романов предлагает две самостоятельные типологии экстремизма в зависимости от объектов и субъектов воздействия последнего. В

нин А.В. Типология современных видов экстремизма // Охрана конституционных прав граждан РФ: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. к.ю.н. Гладышев Ю.А., Коломейченко Е.А. Нижний Новгород: Международный юридический институт Нижегородский филиал, 2014. С. 60–64; *Петрянин А.В.* Политический экстремизм как инструмент борьбы за власть // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург. 27 ноября 2014 г.: Сб. статей. Екатеринбург: Уральский институт управления-филиал РАНХиГС, 2014. С. 224–226, был проведен достаточно подробный анализ выделяемых в науке и законодательстве типологий экстремизма. Поэтому в рамках этого исследования мы акцентируем внимание на тех признаках, которые раскрывают, по нашему мнению, дальнейшие направления в области противодействия экстремизму.

¹ См.: *Мыльников Б.А.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 7–8; См.: *Афанасьева Р.М.* Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. С. 26; См.: *Кнителъшот О.В.* Система противодействия политическому экстремизму в современном российском обществе: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2006. С. 57–58; См.: *Тамаев Р.С.* Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму: монография. М., 2008. С. 24.

частности, по объектам воздействия ученый выделяет внешний и внутренний; по субъектам – государственный, организационно-групповой, индивидуальный¹.

А.В. Сериков также указывает на наличие нескольких разновидностей экстремизма, устанавливая при этом различные основания их классификации. Первая классификация основана на характере влияния на межгосударственные отношения и гражданской принадлежности экстремистов и включает в себя внутренний и международный. Вторая – на методах воздействия: с применением физического или психического насилия, сопряженный с уничтожением имущества. Третья – на целях: спланируемый, демонстрационный, конфронтационный, провокационный. В основу последней классификации положены средства, используемые при осуществлении экстремистских акций – традиционный и технологический².

В.В. Витюк и С.А. Эфилов выделяют международный, государственный и внутренний экстремизм³. Н.Г. Иванов различает рациональный и иррациональный виды экстремизма⁴. Е.П. Сергун – правый и левый экстремизм⁵.

Как видим, вышеназванные типологии разнообразны как по критериям их деления, так и по их познавательной направленности. Предложенные виды экстремизма затрагивают различные стороны изучаемого явления и способствуют более глубокому его познанию⁶. Однако они не исчерпывают в полном объеме сущности изучаемого явления, что и порождает возникновение в доктрине и в реальной жизни все новых и новых видов экстремизма.

В рамках проводимого исследования мы уделим внимание как наиболее распространенным и общепринятым, так и вновь возникшим разновидностям экстремизма.

---

¹ См.: Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. М., 1997. С. 118.

² См.: Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской области): дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 54–56.

³ См.: Витюк В.В., Эфилов С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / отв. ред. Г.В. Осипов. М., 1987. С. 320.

⁴ См.: Иванов Н.Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений // Государство и право. 2003. № 5. С. 42.

⁵ См.: Сергун Е.П. О криминологическом понимании правого и левого экстремизма // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3. С. 228–233.

⁶ См.: Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 36.

Религиозный экстремизм. Акцентируя внимание на рассматриваемой разновидности, хотелось бы подчеркнуть, что как в доктрине (на теоретическом уровне его изучением занимались В.А. Бурковская¹, Н.В. Степанов², Д.В. Новиков³, Т.А. Скворцова⁴, О.А. Русакова⁵, В.Н. Арестов⁶ и др.), так и в законодательстве не существует единого подхода к понятию вышеуказанного вида. Поэтому в рамках проводимого исследования мы предпримем попытку, с учетом уже существующих достижений, выделить его наиболее концептуальные признаки.

Исследуя законодательство, упоминание о религиозном экстремизме мы обнаруживаем, в частности, в Указе Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁷ и в Федеральном законе РФ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁸. С нашей точки зрения, это, конечно же, указывает на обеспокоенность государства повышенной опасностью рассматриваемого типа, что требует фундаментального изучения и выработки критериальнообразующих признаков рассматриваемой разновидности экстремистских проявлений⁹.

Полагаем, что о необходимости изучения религиозного экстремизма также свидетельствует и ежегодный рост локальных и мировых конфликтов, основанных на религиозной неприязни. В этом случае мы полностью разделяем мнение С.В. Иванеева, указавшего на то, что всякая религиозная система как результат антагонистических социальных условий в своем содержании имеет (и сохраняет)

¹ См.: *Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... доктор. юрид. наук. М., 2006.

² См.: *Степанов Н.В.* Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

³ См.: *Новиков Д.В.* Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

⁴ См.: *Скворцова Т.А.* Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004.

⁵ См.: *Русакова О.А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северо-Кавказского региона): дис. ... канд. соц. наук. М., 2004.

⁶ См.: *Арестов В.Н.* Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1984.

⁷ Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

⁸ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁹ См.: *Петрянин А.В.* Особенности современного религиозного экстремизма: законодательство и доктрина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2012. № 18. С. 130–135.

недружелюбное, а то и откровенно враждебное отношение к другим религиям. Это отношение, получая гипертрофированные формы, может экстраполироваться на целые сообщества, находящиеся вне данного религиозного культа¹. Примером может стать возникновение ваххабитского течения в республике Дагестан. За весьма непродолжительное время (1996 – 1999 гг.) всего восемь его представителей привлекли в свою организацию несколько тысяч человек и вооруженным путем предприняли попытку создать независимое государство².

В настоящее время все более актуальным для всего мирового сообщества является деятельность экстремистского религиозного движения, пытающегося создать на территории Сирии «Исламское государство». Озабоченность в активном развитии этого экстремистского движения неоднократно отмечалась как на уровне международного сообщества, так и в России³.

Кстати говоря, российские граждане наравне с иностранцами поддерживают вышеназванную идею и активно этому способствуют, в том числе путем участия в боевых действиях на территории Сирии. Вот лишь один из примеров.

Так, в январе 2014 года в Тюмени возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 359 УК РФ «Наемничество» в отношении гражданина России. Фабула дела такова. Гражданин Х., постоянно проживающий на территории Тюменской области, являлся сторонником радикальных религиозных взглядов. В середине 2013 года он вылетел в Турцию, откуда, пешком перейдя границу, прибыл на территорию Сирийской Арабской Республики, где, не являясь гражданином указанного государства, в целях получения материального вознаграждения в качестве наемника присоединился к действующему в Сирийской Арабской Республике на стороне международных террористических организаций и оппозиционных сил вооруженному

---

¹ См.: *Иванеев С.В.* Экстремизм, фундаментализм и терроризм под флагом ислама // Военно-юридический журнал. 2010. № 12. С. 18–22.

² См.: *Васильев Э.А.* Система научного обеспечения противодействия экстремизму в ОВД России и формы ее совершенствования // Научный портал МВД России. 2010. № 1. С. 23–29.

³ См. Письмо Росфинмониторинга от 23.10.2014 № 01-01-29/22715 «О мерах по противодействию, в том числе, группировке "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ), введенных Резолюциями Совета Безопасности ООН от 17.06.2014 № 2161, от 15.08.2014 № 2170 и от 24.09.2014 № 2178». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 12.11.2014)

формированию «Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар» («Джамаат местных и приезжих») для участия в военных действиях против сирийских правительственных вооруженных сил.

За участие в вооруженном конфликте гражданин Х. регулярно получал денежное вознаграждение в долларах США и обеспечивался бесплатным питанием. Всего за период пребывания на территории Сирийской Арабской Республики и участия в вооруженном конфликте, а также военных действиях на стороне международных террористических организаций против сирийских вооруженных сил гражданину Х было выплачено 1500 долларов США¹.

Такие факты выявлены и в других регионах Российской Федерации. В частности, по данным, представленным директором ФСБ РФ, председателем антитеррористического комитета, Александром Бортниковым, в настоящее время в Ираке в рядах боевиков воюют около 1,7 тысячи россиян².

Основной причиной этого, на наш взгляд, является не только стремление к исключительности и абсолютизации соответствующей религии, что порождает нетерпимость к оппонентам – представителям иных религий, но и явно корыстная мотивация.

Осознавая вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть, что в многоконфессиональных обществах именно массовая религиозность граждан выступает потенциальным источником конфликта. Это обстоятельство имеет особое значение для обеспечения безопасности России, что на законодательном уровне и находит свое отражение в регулировании религиозных отношений с помощью специально принятых для этого нормативных правовых актов.

Так, например, в соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»³, являющегося основным правовым регулятором в рассматриваемой сфере, религиозные объединения могут создаваться только в целях совместного исповедания и распро-

---

¹ Выдержки из постановления о возбуждении уголовного дела от 24.01.2014 г. Тюмень.

² Информационное агентство России ТАСС / <http://tass.ru/politika/1780775> (дата обращения: 20.02.2015г.).

³ Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

странения веры. Однако деятельность религиозного объединения может быть приостановлена, религиозная организация ликвидирована, а деятельность религиозного объединения, не являющегося религиозной организацией, запрещена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом. Вышеуказанная норма носит ссылочный характер и направляет нас к Федеральному закону от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», устанавливающему возможные критерии религиозного экстремизма и запрещающему создание и деятельность религиозных объединений, их организаций, цели и действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности¹.

Отметим, что в 2002 году была предпринята попытка выработки самостоятельного закона «О противодействии пропаганде религиозного экстремизма в Российской Федерации»² (автор законопроекта – В.И. Зоркальцев)³.

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

² Проект федерального закона «О противодействии пропаганде религиозного экстремизма в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/law/pr/extr/zork-extr/001.htm (дата обращения 26.09.2014).

³ Под экстремизмом в нем предлагалось понимать деятельность граждан, а также политических, общественных, религиозных и иных объединений и их членов, включая пропаганду, призывы и действия, направленные на: нарушение общественной безопасности и общественного порядка, подрыв безопасности государства; насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; изменение светского характера государства, системы общегосударственного светского образования и замену норм законодательства Российской Федерации нормами религиозного права; создание вооруженных формирований; пропаганду войны, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни и нетерпимости, человеконенавистничества; пропаганду неравноправия и дискриминации граждан по признаку их расовой, национальной, религиозной или половой принадлежности; принуждение к разрушению семьи, ущемление прав семьи и ее членов; посягательство на личность, права и свободы граждан; нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их деятельностью возбуждающих, наркотических и психотропных средств, техник гипнотического воздействия, нелегальным использованием медицинских и фармакологических препаратов, совершением развратных и иных противоправных действий; использование насилия, шантажа, подкупа, ложных доносов, психологического давления, злонамеренных телефонных звонков, угрозы причинения вреда жизни, физическому и психическому здоровью, имуществу и иных противоправных действий; дачу заведомо ложных сведений в целях привлечения в данное объединение новых членов или удержание лиц, желающих выйти из данного объединения; склонение к развратным действиям, членовредительству, самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии; воспрепятствование получению обязательного светского образования; воспрепятствование законной деятельности государственных органов и должностных лиц, а также признанных государством политических, общественных, религиозных и иных объединений, а равно призывы к незаконной ликвидации указанных объединений; побуждение

Проанализировав ее, мы полностью соглашаемся с мнением Р.М. Узденова о том, что столь объемная дефиниция дает основания относить к экстремизму все деяния, запрещенные как Кодексом об административных правонарушениях, так и УК РФ¹, и поэтому не может быть признана таковой.

В рассматриваемом вопросе особого внимания заслуживает региональная правовая база, направленная на борьбу с проявлениями религиозного экстремизма, существующая в республиках Северного Кавказа, где он получил наибольшее распространение². Эти нормативные правовые акты фиксируют правовые инструменты противодействия религиозному экстремизму на территориях указанных республик, закрепляют понятия экстремистской религиозной деятельности, а также составы правонарушений, на основании которых религиозное объединение может быть ликвидировано или запрещено.

Доктрина в исследуемом вопросе также не остается в стороне. Ряд ученых в рамках религиозного экстремизма выделяют некоторые его разновидности, придавая ему чаще всего исламский оттенок. Необходимость обсуждения настоящей проблемы вытекает в первую очередь из того, что ислам как мировая религия занимает в настоящее время второе место в мире (после христианства) по числу своих приверженцев, среди которых широчайшее распространение получили радикальные экстремистские течения.

Наиболее общественно опасной разновидностью религиозного экстремизма выступает ваххабитско-религиозное течение и одно из его активно развивающихся направлений, представители которого именуют себя «салафитами»³. Его особенностью является вовлечение значительного числа верующих в образуемую ре-

---

граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий.

¹ См.: Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 54.

² В частности, в Кабардино-Балкарской Республике принят Закон КБР «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности», в Республике Дагестан – Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» и др.

³ Это приверженцы ислама, выступающие против внедрения в ислам элементов других религий и философских течений.

лигиозную группу для дальнейшей ее идеологической эксплуатации и достижения искомого социокультурного кризиса. Ваххабизм как логически завершенное вероучение формирует так называемый суррогат ислама, внешне его воспроизводящий, но в принципе являющийся его концептуально противоположным аналогом. Этот суррогат возникает параллельно исламу и, конкурируя с ним, выдает себя за его единственно правильное направление, монополю претендуя на религиозную истину¹.

Так, одним из важнейших образующих положений в идеологии ваххабитов стал джихад, который трактуется как вооруженная борьба за веру. Ведение джихада в отношении неверных (кафиров) вменяется в обязанность каждому мусульманину. Поскольку кафирами объявляются все, кто не согласен с ваххабитами, то джихад ведется против всех неваххабитов, но, в первую очередь, против мусульман, не разделяющих мировоззренческие установки приверженцев «чистого ислама». Убеждение ваххабитов в том, что их противники – кафиры, даже если формально они мусульмане, оправдывает нетерпимость и жесткость по отношению к ним. Одновременно такой фанатизм сплачивает и дисциплинирует ваххабитов, создавая религиозно-идеологическое обоснование антиисламским по своему духу и характеру действиям. Благодаря этому учение аль-Ваххаба с самого начала стало идеологией военной экспансии и грабительского набега².

К субъектам России, где существует потенциальная угроза его распространения, относятся зоны значительного проживания населения, исповедующего ислам: Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея, Татарстан, Башкирия, Чувашия, Удмуртия, Марий Эл, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Пензенская и Омская области. Небольшие общины мусульман проживают в Москве, Санкт-Петербурге, в Ростовской области, на территории Краснодарского и Ставропольского краев³.

---

¹ См.: *Алиев М.А.* Характер общественной опасности ваххабитско-религиозного экстремизма и его уголовно-правовое определение // *Российский следователь.* 2008. № 5. С. 17–18.

² См.: *Фридинский С.Н.* Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности // *Российский следователь.* 2008. № 12. С. 25.

³ См.: *Иванеев С.В.* Экстремизм, фундаментализм и терроризм под флагом ислама // *Военно-юридический журнал.* 2010. № 12. С. 18–22.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в современных условиях религиозный экстремизм воспринимается, как правило, в виде экстремизма, основанного на исламе, что, с нашей точки зрения, является не совсем верным. Традиционный ислам понимается как отправление религиозного культа, передаваемого от предшествующего поколения и наследуемого последующим с соблюдением специальных правил передачи, учитывающих накопившийся опыт социально-экономических и политических отношений, которые существовали на протяжении многовековой истории ислама, с момента его появления и до настоящего времени, что обеспечивает современность религии, ее развитие согласно существующим обстоятельствам, месту и времени. Ислам в целях обеспечения своей приемлемости для различных народностей предполагает возможность учета местных традиций и обычаев, но лишь в той степени, в которой такая ее особенность не противоречит вероубеждению и регламентированным шариатом правилам. В противном случае национальный обычай отвергается сутью самой религии и не получает абсолютно никакой возможности инкорпорации в нее. Исходя из того, что «традиционный ислам» по своей сути не рассматривает насилие как возможный инструмент достижения поставленных целей, согласимся с мнением М.А. Алиева о том, что понятия «ваххабизм» и «традиционный ислам» определяются как диаметрально противоположные¹.

Исследовав достижения законодательства в области противодействия религиозному экстремизму и сделав соответствующие выводы, мы полностью соглашались с В.В. Лапаевой, отмечающей, что собственно религиозный экстремизм, специфика и различные проявления его не получили еще сколько-нибудь удовлетворительного отражения в законодательстве², что, с нашей точки зрения, является его главным недостатком.

В целях выявления его ключевых признаков проведем анализ некоторых его дефиниций, существующих в доктрине. Так, Е.Л. Забарчук в качестве концепту-

---

¹ См.: *Алиев М.А.* Характер общественной опасности ваххабитско-религиозного экстремизма и его уголовно-правовое определение // *Российский следователь.* 2008. № 5. С. 17–18.

² См.: *Лапаева В.В.* Политический и религиозный экстремизм: проблемы совершенствования законодательства // *Законодательство и экономика.* 2001. № 10. С. 5.

альной отличительной черты выделяет цель религиозного экстремизма, направленную на насильственное навязывание обществу определенной системы религиозных воззрений, обосновывающих и оправдывающих такую деятельность¹.

Более широкое содержание исследуемого явления дано В.А. Бурковской. По ее мнению, рассматриваемый тип экстремизма включает в себя не только наличие религиозной идеологии (доктрины), но и специфические направления ее реализации, указывающие на ее исключительность и истинность, а также на соответствующие формы организованной деятельности².

Полагаем, что религия в рамках современного религиозного экстремизма – это лишь средство политической борьбы. Данную позицию разделяет С.Н. Фридинский, указывающий, что современный исламский экстремизм является одновременно и религиозным, и политическим, точнее, религиозно-политически ориентированным экстремизмом³.

Межрелигиозные конфликты, в которых находят наиболее яркое выражение экстремистские проявления, практически никогда не выступают в своем «чистом» виде. Как правило, религиозный фактор используется в качестве идеологической и организационной поддержки для реализации вполне конкретных интересов различных сил и субъектов политического действия. Использование религиозных лозунгов зачастую способно привлечь значительные массы верующих и представителей духовенства, что придает конфликтам особенно ожесточенный и деструктивный характер. По этой причине, как правило, религиозный экстремизм используют в своих интересах деятели радикальных националистических и конфессиональных движений⁴.

---

¹ См.: *Забарчук Е.Л.* Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 3–10.

² См.: *Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 22–23.

³ См.: *Фридинский С.Н.* Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности // Российский следователь. 2008. № 12. С. 23–25.

⁴ См.: *Забарчук Е.Л.* Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 3–10.

Из вышеизложенного следует, что религиозный экстремизм также выступает в качестве средства борьбы за экономическое превосходство и перераспределение экономически выгодных ресурсов.

В качестве самостоятельного направления в рамках религиозного экстремизма, с нашей точки зрения, целесообразно выделить и деятельность религиозных сект. В частности, переход России на демократические рельсы повлек за собой появление и широкое распространение новых «конфессиональных» образований тоталитарного типа («Аум Сенрике», «Белое братство», «Сознание Кришны», «Дивья Локка и т. п.).

Изучение «первоисточников» новых псевдорелигиозных учений, во-первых, показывает, что они являются самостоятельным явлением, не имеющим духовной связи с основными религиями; во-вторых, вызывает сомнение сама возможность называть их собственно религиозным движением, а не каким-то мафиозным образованием, преследующим корыстные цели под ширмой религиозности¹.

Появление новых религиозных направлений, содержащих в себе признаки нетерпимости, основанных на религиозных противоречиях, принципиально отличных от ваххабизма, при этом поддерживающих насильственные способы достижения поставленных целей, еще раз подтверждает ошибочность придания религиозному экстремизму исключительно исламского оттенка. Религия не может выступать первопричиной возникновения каких-либо конфликтов. В периоды политических катаклизмов она иногда становится орудием, которое оппозиция вручает доведенному до отчаяния населению страны². Полагаем, что это дает нам легитимное основание сделать вывод о том, что религиозный экстремизм в чистом его виде в современном мире отсутствует, так как обязательно содержит в себе политическую и экономическую мотивации.

В этом случае хотелось бы сделать акцент на особой угрозе религиозного (сектантского) экстремизма для экономической безопасности государства. Она

---

¹ См.: *Кобец П.Н.* Основные факторы, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности со стороны религиозных тоталитарных сект, действующих в России // *Российский следователь.* 2007. № 22. С. 18–21.

² См.: *Религиозный экстремизм в современном мире: учебное пособие.* М., 2011.

определяется следующими факторами: а) необлагаемые налогами отчисления членами сект в созданные фонды; б) использование бесплатного труда сектантов; в) получение прибыли в результате реализации имущества, ранее принадлежавшего сподвижникам, и т. п.

Об экономической стабильности религиозных сект свидетельствуют проводимые ими широкомасштабные акции, выражающиеся в том числе и в распространении высококачественной идеологической литературы. В настоящее время на территории Российской Федерации наиболее распространена деятельность трех международных религиозных движений. Это религиозная секта «Нурджулар», миссионерское движение «Таблиги Джамаат» и исламская партия освобождения «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Их деятельность зарегистрирована в 25 регионах России и финансово поддерживается из-за рубежа,¹ используя при этом в своих целях этнонациональные, религиозные противоречия и существующие социально-экономические проблемы².

Деятельность религиозных сект представляет собой агрессивную экспансию, наносящую вред физическому и духовному здоровью людей, провоцирующую религиозно-политический экстремизм, создающую угрозу семье, обществу и государству и его экономической составляющей³.

Политический экстремизм. Изучению этого негативного феномена посвящено немало исследований. В частности, разработкой данной проблемы занимались и занимаются Р.А. Амирокова⁴, И.В. Воронов⁵, П.А. Кабанов¹, В.С. Ковалев², Е.Н. Гречкина³, Н.Е. Макаров⁴, Е.С. Назарова⁵, Н.А. Романов⁶ и др.

---

¹ См.: Васильев Э.А., Демковец О.В., Тесиц Д.А. Характеристика каналов и источников финансирования террористических и экстремистских организаций, действующих в Российской Федерации. М.: ВНИИ МВД России: Сборник материалов круглого стола «Особенности противодействия терроризму на современном этапе развития общества». 2007. С. 34 – 38.

² См.: Юрчевский С.Д. К вопросу о политическом экстремизме на Северном Кавказе и проблемах противодействия ему // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 347.

³ См.: Кобец П.Н. Основные факторы, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности со стороны религиозных тоталитарных сект, действующих в России // Российский следователь. 2007. № 22. С. 18–21.

⁴ См.: Амирокова Р.А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Черкесск, 2006.

⁵ См.: Воронов И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд.

Особенностью политического экстремизма является выбор непосредственного объекта посягательства, в качестве которого выступает область политики. При этом обосновывается применение насилия как инструмента борьбы за власть.

Политический экстремизм, как и религиозный, упоминается и в ряде нормативных правовых актов как самостоятельная его разновидность. В частности, ему посвящен Указ Президента России от 23 марта 1995 года № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»⁷. Однако названный нормативный правовой акт не закрепил понятия либо его конструктивных признаков, а лишь указал на возможные направления противодействия. В развитие данного документа в 2001 году был подготовлен аналитический обзор «О политическом экстремизме»⁸, в котором были изложены вопросы, касающиеся понятия, сущности, форм и видов политического экстремизма, а также анализа российского законодательства в сфере противодействия ему.

В резюмирующей части анализируемого обзора было отмечено, что в научной литературе выделяются следующие характерные устойчивые признаки политического экстремизма: политическая направленность экстремистской деятельности, осуществление ее в целях борьбы за власть; использование насилия или угро-

---

полит. наук. М., 2003.

¹ См.: *Кабанов П.А.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, 2006.

² См.: *Ковалев В.С.* Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.

³ См.: *Гречкина Е.Н.* Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006.

⁴ См.: *Макаров Н.Е.* Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2006.

⁵ См.: *Назарова Е.С.* Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001.

⁶ См.: *Романов Н.А.* Политический экстремизм как угроза безопасности страны: дис. ... д-ра полит. наук. М., 1997.

⁷ Российская газета. 1995. 25 марта.

⁸ Информационно-аналитические материалы Государственной Думы РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/2/4434/contents> (дата обращения 12.11.2014).

зы его применения в качестве основного метода своей стратегии при достижении политических целей; организованный характер деятельности, что способствует широкомасштабности и целенаправленности экстремистских выступлений; отказ субъектов политического экстремизма от компромиссов с политическими оппонентами, стремление добиться поставленных целей любыми средствами.

Вышеуказанные обстоятельства, с нашей точки зрения, явились посылком для выработки самостоятельного нормативного правового акта, направленного на борьбу с ним. И такая попытка была предпринята. В частности, Правительством РФ в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «О противодействии политическому экстремизму»¹. Законопроект определял правовые и организационные основы противодействия политическому экстремизму, устанавливал систему, формы и координацию действий государственных органов, а также принципы ответственности граждан и организаций за политические формы экстремистской деятельности.

Проект был направлен в Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций, который, изучив его, отметил, что в своей концепции закон имеет политико-правовое содержание, а статья, призванная раскрывать принципы противодействия, – «политико-декларативный характер».

В Комитете посчитали, что нерешенными остаются вопросы о высказываниях и действиях, совершаемых не членами общественных объединений, а также участниками массовых политических акций, во время которых, как показывает практика, совершается основное количество экстремистских действий. У представителей Комитета вызвало сомнение и предлагаемое авторами проекта закрепление на нормативном уровне права Президента на создание указом специального органа с любыми полномочиями в случае активизации политического экстремизма. Не считая возможным выносить законопроект на рассмотрение палаты, Комитет отметил, что вместо закона «О противодействии политическому экстремизму» целесообразно предложить законопроект «О полномочиях испол-

---

¹ Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/oficial/from_min/gd/415.htm (дата обращения 23.11.2014).

нительной власти в области противодействия политическому экстремизму», на чем деятельность по его обсуждению была прекращена.

Несмотря на то, что упомянутый выше законопроект так и не был принят, он содержал в себе ряд понятий, представляющих интерес для нашего исследования. В частности, в данном документе была предложена дефиниция политического экстремизма. В качестве основных ее признаков было указано определение спектра общественных отношений, непосредственно страдающих от политико-экстремистских посягательств. К таковым были отнесены общественные отношения, характеризующие обеспечение безопасности конституционного строя Российской Федерации, суверенитета и территориальной целостности России, от деяний, основанных на национальной, расовой или религиозной и политической мотивации¹.

В целом положительно оценивая инициативу закрепления легального определения дефиниции «политический экстремизм», хотелось бы отметить, что оно в основной своей массе отражает содержание уголовно-правовой концепции, заложенной в Уголовном кодексе РФ, что, с нашей точки зрения, затрудняет выделение политической разновидности экстремизма из всей массы противоправных экстремистских проявлений.

Вообще, в рамках политического экстремизма принято выделять экстремистов «левого» или «правого» толка. Целью «левых» является борьба за мировую революцию, цель «правых» – свержение правящей власти любыми средствами².

При этом ряд ученых соотносит политический экстремизм с политическим терроризмом как неразрывное целое. Этой точки зрения придерживаются П.А.Кабанов, Л.М. Дробижева, Э.А. Паин и другие ученые³. По их мнению,

---

¹ Проект Закона «О противодействии политическому экстремизму». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.africana.ru/racism/Russia/proekt.htm> (дата обращения 27.10.2014).

² См.: *Воронов И.В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 41.

³ См.: *Кабанов П.А.* Политический терроризм как политико-криминологическая категория и ее содержание // *Российский следователь.* 2008. № 3. С. 32–34; См.: *Дробижева Л.М., Паин Э.А.* Социальные предпосылки распространения экстремизма и терроризма // *Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом.* М., 2002. С. 40.

именно терроризм представляет собой разновидность политического экстремизма в наиболее радикальном его проявлении¹.

В завершение исследования политической разновидности экстремистской деятельности приведем слова Р.С. Тамаева, отметившего, что он, конечно же, оказывает деструктивное воздействие в области политики, где использование крайних мер, соответствующих им методов осуществляется *исключительно* в целях борьбы за власть. В этой связи его отличительной особенностью является способность синтезировать экстремистские проявления, происходящие в других областях жизни общества, и придавать им политическую окраску².

Молодежный экстремизм. Изучением этой разновидности экстремизма на доктринальном уровне занимались А.В. Ростокинский³, Ю.В. Маркова⁴, А.Т. Сиоридзе⁵, А.Ю. Евтюшкин⁶, Р.О. Кочергин⁷ и др.

Опять же исследуя нормативные правовые акты⁸, мы видим особую озабоченность государства реальной угрозой экстремизма для молодежной среды, однако на законодательном уровне молодежный экстремизм как самостоятельная разновидность исследуемого явления не закреплена. Это никоим образом не ума-

¹ См.: Дробизева Л.М., Паин Э.А. Социальные предпосылки распространения экстремизма и терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М., 2002. С. 40.

² См.: Тамаев Р.С. Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму: монография. 2-е изд. М., 2008. С. 26–27.

^{3 3} См.: Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

⁴ См.: Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.

⁵ См.: Сиоридзе А.Т. Групповой молодежный экстремизм: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁶ См.: Евтюшкин А.Ю. Молодежный политический экстремизм в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

⁷ См.: Кочергин Р.О. Противодействие молодежному экстремизму: правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.

⁸ О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52, ч. III, ст. 5622; О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 – 2015 годы»: постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 года № 795 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 41, ч. II, ст. 5250.

ляет характера и степени его общественной опасности, подрывающего нормальное нравственное, культурное и правовое развитие молодежи.

Проведенное исследование экстремистской преступности молодежи позволяет сделать вывод, что она в значительной степени детерминирована незначительной вовлеченностью молодежи в общественно полезную деятельность¹.

Все это усиливается провалами в социальной политике и воспитательно-профилактической работе с несовершеннолетними².

Это подтверждается и существующими статистическими данными. По данным ГИАЦ МВД России, в настоящее время в Российской Федерации действует более 150 экстремистских группировок, включающих в себя более 100 тысяч человек, что указывает на массовое увлечение молодежными неформальными организациями. Их основная масса сосредоточена в Москве, Санкт-Петербурге, Ростовской, Воронежской, Самарской, Мурманской и Нижегородской областях³. При этом в настоящее время молодежный экстремизм становится четко организованным и политизированным.⁴

Осознавая это, законодатель в 2007 году⁵ в качестве самостоятельного квалифицирующего признака закрепил в ч. 4 ст. 150 УК РФ «вовлечение несовершеннолетнего ... , а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Однако анализ судебно-следственной практики по ч. 4 ст. 150

---

¹ См.: Мелешко Н.П. Факторы молодежной экстремистской преступности // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / под ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 272.

² См.: Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М., 2005. С. 3; Трунцевский Ю.В., Латов Ю.В., Осокин Р.Б., Сочнев Д.В. Системное противодействие радикальным экстремистским течениям в молодежной среде. Монография. Тамбов. 2010. С. 37.

³ Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 09.10.2014).

⁴ См.: Батурич В.Ю. О проблемах борьбы с молодежным экстремизмом в современных условиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1. С. 52–56.

⁵ Федеральный закон от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

УК РФ показал, что в настоящее время отсутствуют факты привлечения виновных к уголовной ответственности по этомуотягчающему признаку¹.

Исследовав существующие в доктрине подходы, раскрывающие сущность молодежного экстремизма, мы приходим к выводу о том, что основная масса теоретиков и практиков соотносят его с явно отклоняющимся поведением в процессе самореализации, что выражается в приверженности к крайним взглядам и действиям².

Ученые отмечают, что представители молодежного экстремизма плохо организованы и не имеют достаточного опыта для проведения соответствующих акций. Их акции неэффективны и безрезультатны. В основной своей массе молодые экстремисты группируются вокруг уже существующей экстремистской организации или объединения.

В этом случае заслуживает внимания точка зрения А.Р. Попченко и Т.А. Петровой. По их мнению, первоначально молодой человек, пришедший в экстремистскую организацию, может и не являться экстремистом, однако трансформируется постепенно, посредством участия в ее деятельности. Результаты нашего исследования показали, что по активности и массовости движения доминируют националистические движения, ярким примером которых являются «скинхеды», представители «РНЕ», «Славянского союза» и других националистических организаций, борющиеся за «мнимую» чистоту нации. Конечно же, главным фактором его сверхактивного распространения выступает существование четко сформированной идеологии, носящей «привлекательный» для молодого поколения характер³.

---

¹ Анализу было подвержено 68 уголовных дел, возбужденных по ч. 4 ст. 150 УК РФ в Московской, Архангельской, Свердловской, Волгоградской, Нижегородской, Челябинской областях и Красноярском крае. Все эти преступления предполагали вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (в 86% случаев это преступления против собственности, в 9% – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, оставшиеся 5% – иные деяния.

² См.: *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. С. 19.

³ См.: *Попченко А.Р., Петрова Т.А.* Предупреждение правонарушений со стороны молодежных неформальных объединений экстремистской направленности: методическое пособие. М., 2006.

Именно поэтому в целях противодействия молодежному экстремизму особое внимание, на наш взгляд, следует уделять социализации несовершеннолетних. При этом главная роль должна отводиться семье, так как первичная социализация ребенка осуществляется именно в ней. И если этого не происходит, ребенок не только отчуждается от общества, но и не усваивает общепринятых нравственных, культурных и правовых ценностей¹, что и влечет за собой возникновение приверженности к крайним, то есть радикальным, способам решения возникающих проблем.

Кроме перечисленных выше, в доктрине уголовного права называются и другие разновидности экстремизма. Так, А.В. Павлинов выделяет *антигосударственный экстремизм*².

О.С. Жукова обосновывает наличие *информационного экстремизма*³.

Приверженность к крайним взглядам и методам воздействия для достижения групповых целей через призму этнического и религиозного компонента рассматривается О.А. Русаковым как *этнорелигиозный экстремизм*⁴.

Д.Е. Некрасов выделяет *расово-этнический экстремизм*⁵. П.А. Кабанов и Р.Р. Газимзянов обосновывают существование *криминально-политического экстремизма*⁶.

В доктрине существуют и иные научно-аргументированные разновидности экстремизма, перечень которых можно продолжать и далее.

¹ См.: Шляпникова О.В. О преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия) / под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 164.

² См.: Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; Павлинов А.В. Стратегия борьбы с насильственным антигосударственным экстремизмом и преступностью в условиях современной России. М., 2010. С. 13..

³ См.: Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 8.

⁴ См.: Русаков О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северо-Кавказского региона): дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. С. 9.

⁵ См.: Некрасов Д.Е. Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 9.

⁶ См.: Кабанов П.А., Газимзянов Р.Р. Криминальный политический экстремизм: понятие, сущность, виды. Казань, 2009.

Однако, проведя исследование существующих подходов, мы приходим к выводу о *нецелесообразности* выделения на законодательном уровне самостоятельных видов экстремизма, так как наличие бесчисленного их множества и дальнейшая трансформация самого исследуемого явления лишь создаст проблемы в их правовой оценке, тем самым усугубит эффективность противодействия. Но, как нами было заявлено и ранее, на доктринальном уровне такое выделение не только возможно, но и необходимо. Оно позволит более глубоко подойти к их изучению в целях выработки эффективных инструментов борьбы, исходя из их практической востребованности.

Подводя итог анализу существующих разновидностей экстремизма, особое внимание уделим *экономическому экстремизму*. Данный вид экстремизма как самостоятельная разновидность выделяется Б.А. Мыльниковым¹, Р.М. Афанасьевой², О.В. Кнителешотом³ и др.

Причины активного внедрения экстремизма в экономику обусловлены расслоением российского общества на бесчисленное количество классов, порождающих социальное неравенство, распространением общественных объединений, пропагандирующих экстремизм, а также правовыми пробелами, содержащимися в нормативных правовых актах, устанавливающих ответственность за совершение преступлений экономической и экстремистской направленности.

Даже Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴ при определении критериев экстремизма относит финансирование экстремизма к противоправной деятельности, способствующей его активному распространению и укреплению, тем самым прямо указывая на угрозу экстремизма для экономической безопасности государства. Об

---

¹ См.: Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 7–8.

² См.: Афанасьева Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. С. 26.

³ См.: Кнителешот О.В. Система противодействия политическому экстремизму в современном российском обществе: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2006. С. 57–58.

⁴ Российская газета. 2002. 30 июля.

этом также свидетельствует самостоятельная криминализация в 2014 году ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремизма»¹.

В большинстве своем финансирование экстремистской деятельности осуществляется путем совершения преступлений в сфере экономики, что несомненно указывает на повышение степени и уровня их общественной опасности. В настоящее время радикальная трансформация экстремизма в целом и экстремистских мотивов в частности указывает на то, что они стали часто проявляться при совершении экономических преступлений, тем самым создавая непосредственную угрозу экономической безопасности.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть наличие неразрывной связи экономической и национальной безопасности Российской Федерации, что четко установлено на нормативном уровне².

Вышеуказанные обстоятельства определяют необходимость совершенствования норм об ответственности за преступления в сфере экономики, совершаемые под влиянием экстремистских мотивов.

В целом субъект, совершающий экономическое деяние под влиянием экстремистских мотивов, причиняет тем самым вред не одному, а двум объектам уголовно-правовой охраны, что переводит это преступление на иной, более высокий уровень общественной опасности, что не может оставаться за рамками уголовной ответственности.

Так, например, преступление, устанавливающее ответственность за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, в современной России породило особый интерес у экстремистов. Особый всплеск рассматриваемого преступления произошел во время одного из мировых финансовых кризисов. Так, в 2005 году было зарегистрировано 31 494 преступления, что составило 65,8% прироста по отношению к предыдущему году. Прирост также был зафиксирован в 2009 году, после экономического кризиса 2008 года. За

---

¹ Статья введена в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. № 26 (часть I) ст. 3385.

² Российская газета. 2009. 19 мая.

последние пять лет наблюдается стабильное снижение количества рассматриваемых преступлений, например, за 2013 год оно составило 30,1%¹. Однако в 2014 году наблюдается существенное увеличение количества выявленных фактов фальшивомонетничества на 21,4 % по сравнению с предыдущим отчетным периодом. С учетом того, что Российская Федерация в 2015 году впадает в новую волну экономического кризиса, полагаем, что обоснованно можно предполагать и дальнейшее увеличение роста рассматриваемого деяния, что еще раз актуализирует поднятую нами проблему.

Мотивы, связанные с финансированием экстремизма и терроризма, не были присущи фальшивомонетчикам советского времени². Однако это становится все более распространенным на современном этапе. По данным ГУБЭП МВД России, основное производство поддельных рублей и иностранной валюты в настоящее время сосредоточено на территориях республик Северного Кавказа.

Учитывая вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что реализация «фальшивок» становится не только одним из главных инструментов финансирования экстремистов, но и эффективным способом подрыва экономической безопасности России³, что обуславливает необходимость введения в ряд преступлений экономической направленности, наиболее подверженных посягательствам со стороны экстремистских организаций, такого квалифицирующего признака, как *«совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»*⁴.

---

¹ 2005 год – 31 494 преступления (прирост 65,8%); 2006 год – 43 160 (прирост 37%); 2007 год – 34 149 (спад 20,9%); 2008 год – 29 192 (спад 14,5%); 2009 год – 45 251 (прирост 11,3%), 2010 год – 38 572 (спад 14,8%); 2011 год – 26 948 (спад 30,1%); 2012 год – 24 073 (спад 10,7%); 2013 год – 16 824 (спад 30,1%); 2014 год – 20 525 (прирост 21,4%) / Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru/stats> (дата обращения: 30.01.2015).

² См.: *Петрянин А.В.* Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг как угроза экономической безопасности и способ финансирования экстремизма // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2011. № 1. С. 316–321.

³ Более подробно этот вопрос рассмотрен в подготовленной нами монографии: *Петрянин А.В.* Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг как угроза экономической безопасности и способ финансирования экстремизма. Н. Новгород, 2011.

⁴ См.: *Петрянин А.В.* Уголовно-правовые средства противодействия отдельным формам экстремистских проявлений при совершении преступлений, посягающих на экономическую без-

Схожие признаки присутствуют и при совершении иных деяний в сфере экономики¹. Так, например, по мнению В.А. Терехина и Р.А. Санинского, выше-названная мотивация встречается и при совершении преступления, закрепленного в ст. 175 УК РФ, что требует более четких рекомендаций по расследованию таких деяний². От посягательств экстремистов в экономической сфере не застрахована и банковская система. Основными целями таких деяний, по мнению А.И. Леонова, являются не только хищение денежных средств с банковских счетов, но и использование финансовых организаций для придания правомерного вида полученной криминальной прибыли³.

Эффективным инструментом предупреждения экономических деяний, совершаемых на основе экстремистских мотивов, может стать институт конфискации. По этой причине считаем целесообразным расширить перечень конфискаци-

опасность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2011. № 2. С. 193–197.

¹ *Петрянин А.В.* Пути противодействия финансированию экстремизма криминальными доходами, полученными в результате посягательств на интеллектуальную собственность // Преступления против интеллектуальной собственности: материалы Международной научно-практической конференции, г. Н. Новгород, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Нижегородский филиал» 19–20 мая 2011 г. Н. Новгород, 2011. С. 265–269.

² *Терехин В.А.* Проблемы квалификации и расследования приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как разновидности корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма / В.А. Терехин, А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2011. № 1. С. 248–255; *Санинский Р.А.* Особенности характеристики объективных признаков ст. 175 УК РФ (Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) как разновидности корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма / Р.А. Санинский, А.В. Петрянин // Проблемы модернизации экономики и права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2011. С. 102–110; *Петрянин А.В.* Вопросы характеристики квалифицирующих признаков ст. 175 УК РФ (Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) и проблемы отграничения анализируемого состава от смежных как разновидности корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма // Экономическая эффективность права: состояние проблемы и направления ее решения в условиях преодоления последствий финансового кризиса, воссоздания и наращивания материального, интеллектуального, образовательного и культурного потенциала страны, формирования и развития процессов ее модернизации и устремленности к обретению статуса мировой державы на принципиально новой основе»: Всероссийская научно-практическая конференция, г. Н. Новгород, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Нижегородский филиал» 12.04.11. Н.Новгород: НФ ВШЭ, 2011. С. 245–253.

³ *Леонов А.И.* Некоторые особенности исследования банковской информации при поиске и установлении признаков легализации, совершаемой с участием фирм прикрытия в целях финансирования экстремизма / А.И. Леонов, А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2011. № 3. С. 178–183.

онных преступлений. Аргументы в пользу расширения конфискации будут нами представлены в следующем разделе диссертации.

Подводя итог исследованию экономического экстремизма, отметим, что его выделение как самостоятельной разновидности обосновано следующими факторами: наличие осознанности государством экономических предпосылок экстремистской деятельности; совершение преступления экономической направленности, основанного на экстремистской мотивации, ставит под угрозу не только экономическую безопасность, но и всю государственную безопасность; количественный рост преступлений в сфере экономики, совершаемых исключительно под воздействием экстремистской мотивации; все средства, полученные в результате совершения преступлений в сфере экономики, основанных на вышеуказанной мотивации, направляются на поддержание экстремистских организаций, тем самым усиливая их криминальную составляющую.

Полагаем, что вышеуказанные факторы являются основанием выделения экономического экстремизма, как самостоятельной разновидности.

Выводы по главе.

1. В законодательстве и доктрине отсутствует общепринятая концепция, отражающая понятие и основные признаки экстремизма. Однако представители науки и практики сходятся в исключительной политизированности исследуемого явления.

2. В целях повышения эффективности противодействия преступлениям экстремистской направленности считаем необходимым закрепить на нормативном уровне в рамках Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» дефиницию экстремизма, включающую в себя концептуальные признаки следующего содержания: *это состояние противоправной политической борьбы, направленной на подрыв общественной безопасности, конституционного строя, мира и безопасности человечества, основанной на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах.*

3. Многочисленные виды экстремизма, выделяемые как на нормативном уровне, так и в науке, чаще всего основанные на мотивации преступного поведе-

ния, не охватывают в полном объеме проявление экстремизма, что дает нам основание предположить возможным появление новых его разновидностей, в процессе активной трансформации рассматриваемого феномена.

4. Учитывая, что современные формы экстремизма активно внедряются и в экономическую сферу деятельности государства, целесообразно выделять *экономический экстремизм*, под которым следует понимать состояние противоправной политической борьбы, направленной на подрыв экономической безопасности как составной части национальной безопасности, выражающейся в совершении деяний в сфере экономики, основанных на мотивах политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

5. Экстремизм является эффективным инструментом передела экономических ресурсов, основанным на политической мотивации.

6. Терроризм как наиболее радикальная форма экстремизма представляет собой *состояние насилия, направленное на устрашение населения в форме совершения преступлений, подрывающих общественную безопасность, конституционный строй, а также мир и безопасность человечества (ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 277, 278, 279, 360 УК РФ)*, выражающееся в воздействии на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.

Глава 2

Российское уголовное законодательство как инструмент противодействия преступлениям экстремистской направленности: проблемы доктрины и практики

§ 1. Уголовная политика и концептуальные особенности в области уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности

Роль уголовной политики в борьбе с преступностью высока, поскольку она, исходя из сложившихся условий, влияющих на переоценку общественной опасности ряда деяний, обосновывает применение новой стратегии и тактики борьбы с преступностью, тем самым направляя законотворческую и судебную практику в нужное русло¹. При этом современная концепция уголовной политики должна «отражать процесс проникновения политического элемента в уголовно-правовую догму, их корреляции и взаимодействия»². Учитывая максимальную политизированность современного экстремизма, полагаем, что ее роль в борьбе с деяниями экстремистской направленности безусловна³. По мнению ряда авторов, точку зрения которых мы полностью разделяем, одной из причин широкомасштабного распространения экстремизма в России и является несовершенство уголовной политики,⁴ что требует разработки ее новой концепции⁵.

Актуальность и необходимость разработки обновленной (новой, современной) концепции уголовной политики на современном этапе подтверждается нали-

---

¹ См.: Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979. С. 8–9; Мацкевич И.М. Новая уголовная политика // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3. С. 168.

² Зубарева О.В. Теория уголовной политики: становление и развитие // Российский судья. 2011. № 1. С. 39.

³ См.: Петрянин А.В., Черных Е.Е., Кузьменко В.С. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2014. № 2 (26). С. 159–164.

⁴ См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 10–11.

⁵ См.: Звечаровский И.Э. О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. 2005. № 3. С. 32–34.

чием огромного количества дефиниций, определяющих ее содержание, с учетом особых основополагающих идей¹.

Так, одна группа ученых рассматривает ее как составную часть государственной политики². Этой точки зрения придерживается, в частности, и П.Н. Панченко, указавший на то, что, хотя в доктрине и вкладывают в уголовную политику различный объем и, соответственно, содержание, однако сущностная основа уголовной политики – это борьба с преступностью³.

Причем ученые, говоря об уголовной политике, особую роль в ее развитии, конечно же, отдают государству⁴.

Соглашаясь с общей концепцией предлагаемого подхода, отметим, что его основной идеей является определение цели уголовной политики и основного субъекта ее реализации.

Другая группа ученых особое значение в рамках уголовной политики придает ее принципам. В частности, по мнению Н.И. Загородникова, Н.А. Стручкова, Л.Д. Гаухмана и Ю.И. Ляпунова, они должны быть основаны на разработке и реализации широкого круга предупредительных мер через призму применения норм материального, процессуального и уголовно-исполнительного права⁵ и направлены на охрану общественных отношений от противоправных посягательств, с уче-

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Современное состояние уголовной политики в сфере противодействия экстремизму // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Н. Новгород. 2013. Ч.2 С. 212–218.

² См., например: *Дагель П.С.* Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. С. 8–11; *Беляев Н.А.* Понятие советского исполнительно-трудового права и основные принципы советской исправительно-трудовой политики // Вестник ЛГУ. Серия экономики, философии и права. 1958. № 5. Вып. 1. С. 118–119; См.: *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 32 и др.

³ См.: *Панченко П.Н.* Советская уголовная политика. Томск, 1988. С. 73.

⁴ *Исмаилов И.А.* Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью). Баку, 1990. С. 124; См.: *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовая политика: понятие и содержание // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 11. С. 134.

⁵ См.: *Загородников Н.И., Стручков Н.А.* Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 4.

том особенностей социально-экономического развития общества на определенном историческом этапе¹.

Роль принципов уголовной политики, безусловно, архиважна, в связи с этим они должны найти свое непосредственное закрепление в одноименной концепции.

По вопросу содержания принципов уголовной политики в науке существует несколько подходов. Так, по мнению А.М. Максимова, они в полном объеме соответствуют принципам уголовного права, закрепленным в УК РФ². Этой же точки зрения придерживается и Н.И. Матузов, относя дополнительно к ним научную и социальную обусловленность принимаемых мер; устойчивость и легитимность принимаемых решений; гуманность и нравственность; справедливость; гласность; сочетание интересов личности и государства³. Как видим, автор, излагая свое видение проблемы, несколько расширил содержание уголовно-правовых принципов.

Нам импонирует такой подход, так как уголовная политика охватывает больший круг общественных отношений, чем непосредственно уголовное право. В.Н. Кудрявцев совершенно справедливо включает в принципы уголовной политики такие, как личная ответственность и неотвратимость наказания⁴. Считаем, что они имеют существенное значение в противодействии преступлениям экстремистской направленности.

Заслуживает, на наш взгляд, внимания и точка зрения ученых, рассматривающих уголовную политику не только в рамках уголовного права, но и всего комплекса отраслей уголовно-правовой направленности. Впервые данный подход был высказан Ф. Листом, отметившим, что уголовная политика должна опираться не только на уголовное право, но и на криминологию в целях систематизации принципов и усиления эффективности борьбы с преступностью⁵. А.И. Коробеев, А.В. Усс, Э.Ф. Побегайло и Ю.В. Голик также считают, что основные направле-

---

¹ См.: Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. М., 1980. С. 4.

² См.: Максимов А.М. Параметры содержания уголовной политики и их применение к сфере обеспечения безопасности животного мира // Российский следователь. 2012. № 2. С. 19–21.

³ См.: Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов, 2000. С. 33.

⁴ См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 124–125.

⁵ Sehe: Liszt F. Strafrechtliche Aufsätze und Vorträge. Berlin, 1905.

ния уголовной политики должны быть сосредоточены на формировании эффективного уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права в целях улучшения качества их применения и выработки эффективных мер по предупреждению преступлений,¹ учитывая при этом их неразрывную связь. Некоторые ученые еще более широко представляют данный подход, обосновывая необходимость использования не только правовых, но и иных направлений совершенствования уголовной политики: социальных, экономических, медико-психологических и др.²

Соглашаясь с авторами, что только в совокупности и тесном взаимодействии смежных отраслей права можно достичь эффективности уголовной политики, оговоримся, что при ее разработке необходимо акцентировать внимание и использовать все инструменты для достижения соответствующих целей, как связанные, так и непосредственно не связанные с уголовно-правовыми средствами.

Принимая во внимание особое значение уголовной политики в противодействии экстремизму и учитывая уже существующие и проанализированные нами достижения, считаем, что необходима выработка понятия самостоятельной разновидности уголовной политики в сфере противодействия экстремизму, которая должна включать в себя предмет, принципы и инструменты достижения ее целей. Хотя, по мнению В.И. Гладких, именно это направление характеризуется крайней непоследовательностью и противоречивостью³.

В науке уголовного права была предпринята попытка разработки содержания уголовной политики в области противодействия экстремизму. В частности, по мнению С.Н. Фридинского, оно представляет собой соответствующую стратегию по противодействию этому отрицательному явлению, основанную на соответ-

---

¹ См.: *Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В.* Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 7; *Побегайло Э.Ф.* Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики // Рос. криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 24.

² См.: *Колесников В.В.* Эффективность уголовной политики в фокусе экономической теории права // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики: сборник материалов конференции. СПб., 2008. С. 97–102.

³ См.: *Гладких В.И.* Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5. С. 34–38.

ствующем комплексе социально-экономических, организационно-правовых, политических и иных мер¹.

Не умаляя достоинств данного определения, отметим и некоторые его спорные черты. *Во-первых*, вводя в оборот словосочетание «национальная безопасность», автор, с нашей точки зрения, оставляет открытым вопрос определения круга общественных отношений, непосредственно страдающих от экстремистской деятельности, что для уголовного права является крайне значимым и важным, так как по формальным признакам любое преступление вне зависимости от объекта посягательства ставит под угрозу эту разновидность безопасности. *Во-вторых*, С.Н. Фридинский указывает лишь на цель и меры, способствующие ее достижению. Однако, по нашему мнению, они не отражают специфических особенностей современного экстремизма, что дает нам основание рассматривать их как общие меры противодействия преступности в целом, хотя современная нормативная база содержит в себе законы, предусматривающие и специальные меры противодействия². *В-третьих*, считаем, что отсутствие в предлагаемом определении основных принципов такого противодействия также является пробелом предложенной дефиниции.

Не менее важным при выработке дефиниции уголовной политики противодействия экстремизму является формулирование ее целей. При этом согласимся с Г.М. Миньковским, отмечавшим, что уголовная политика должна быть направлена не только на наступательное воздействие на преступность, но и на сдерживание преступности в рамках профилактического ее направления³.

Учитывая особую важность уголовной политики в противодействии экстремизму, предлагаем авторское определение уголовной политики в сфере про-

---

¹ См.: Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 8–9.

² См., например: Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

³ См.: Миньковский Г.М. О задачах и направлениях теоретического решения проблем советской уголовной политики // Проблемы советской уголовной политики: межвузовский тематический сборник. Владивосток, 1985. С. 26.

тиводействия данному негативному явлению: это деятельность государственных и общественных объединений, включающая в себя научно обоснованную разработку эффективных правовых механизмов, направленных на противодействие экстремизму, выражающихся в реализации комплекса специально-политических и экономико-правовых мер, основанная на принципах законности, справедливости и неотвратимости ответственности.

Проведя исследование современного состояния уголовной политики в области противодействия преступлениям экстремистской направленности, мы столкнулись с проблемой отсутствия как в доктрине, так и на законодательном уровне общепризнанной концепции противодействия экстремизму. По нашему мнению, основной ее причиной является отсутствие четкой, неразрывной связи между правотворческой деятельностью и достижениями доктрины и практики в области развития направлений современной уголовной политики.

Связь уголовной политики и уголовного правотворчества безусловна, поскольку уголовная политика и есть правоформирующий фактор, в рамках которого уголовный закон выступает в качестве средства осуществления уголовной политики¹. При этом уголовное право выступает инструментом решения одной из наиболее важных задач, в частности, недопущения совершения деяний, являющихся преступными. Выполнение такой задачи напрямую зависит от эффективности уголовно-правовых норм, закрепленных в УК РФ, о чем в первую очередь свидетельствует востребованность в них. Ведь процесс криминализации обосновывается объективной необходимостью охраны ряда общественных отношений средствами уголовного права, а не желанием законодателя. Хотя в современном уголовном законодательстве, с нашей точки зрения, этот принцип зачастую нарушается, что указывает на снижение эффективности уголовного закона.

Определяя современное состояние уголовного правотворчества, следует согласиться с А.П. Кузнецовым, по оценке которого, законодателю не удастся избежать ошибок при формулировании важнейших уголовно-правовых положений. В

---

¹ См.: Ковалев М.И., Воронин Ю.А. Криминология и уголовная политика: учебное пособие. Свердловск, 1980. С. 22.

частности, при их конструировании не учитываются юридико-технические приемы, используемые в других отраслях законодательства, а также не всегда удачно используется соответствующая терминология при разработке и принятии таких законов. Противоречивость и создает проблемы в правильном применении соответствующих норм¹, что еще раз подтверждает отсутствие четкой связи уголовной политики с правотворчеством.

Безусловно, отмеченные выше замечания могут быть отнесены ко всему комплексу российского законодательства, направленного на противодействие экстремизму.

Исследовав существующие нормативные подходы в рассматриваемой области, мы пришли к выводу о том, что они не дают возможности для определения границ экстремизма, в том числе и его преступной формы, что и является одним из главных условий его широкомасштабного и безнаказанного распространения. В рамках данного параграфа нами будет предпринята попытка выработки авторской концепции по определению границ преступного экстремизма с указанием исчерпывающего перечня деяний экстремистской направленности. В основу предложенной концепции будут положены направления уголовной политики в исследуемой области, критерии, выработанные на основе существующих достижений науки и права, а также ретроспективный, международный и зарубежный опыт по противодействию экстремизму, ну и, конечно же, авторская точка зрения.

Актуальность и необходимость данного направления в первую очередь подтверждается существующей обширной нормативно-правовой базой, направленной на борьбу с исследуемым явлением, включающей в себя огромное количество документов, при этом содержащих принципиально отличающиеся подходы, что указывает на отсутствие у государства как единого мнения о признаках экстремизма, так и о механизмах противодействия. По этой причине считаем целесообразным провести исследование этих нормативных правовых актов в целях выявления, ар-

---

¹ См.: Кузнецов А.П. Преступления против государственной власти: комментарий к разделу X Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2005. С. 13–14.

гументации и обоснования тех признаков, которые и могут быть положены в основу вырабатываемой нами концепции.

Впервые в российском современном праве однокоренные с экстремизмом термины («экстремистски настроенные группировки»; «экстремистские цели»; «экстремистски настроенные элементы» и т. п.) были использованы в Указе Президиума Верховного Совета СССР № 1060-1 от 15 января 1990 года «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах»¹.

В дальнейшем подобные термины и словосочетания использовались в Заявлении Верховного Совета СССР от 20 февраля 1990 года № 1195-1 «О проведении демонстраций и митингов 25 февраля»², Постановлении Верховного Совета СССР от 5 марта 1990 года № 1299-1 «О положении в Азербайджанской ССР и Армянской ССР и мерах по нормализации обстановки в этом регионе»³ и в других нормативных правовых актах. Между тем они не давали какой-либо ясности в том, что понимается под экстремистской деятельностью⁴.

Мы считаем, что именно поэтому 12 февраля 1993 года Конституционный Суд РФ в рамках Постановления № 3-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 года № 1308 "О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации"» указал на отсутствие юридического значения понятия «экстремистские элементы», и его использование в правотворческой деятельности может привести в целом к нарушению конституционных основ. Данное обстоятельство свидетельствовало о потребности нормативного объяснения понятий, используемых в тексте соответствующих документов.

Осознавая вышеизложенное, бывший Генеральный прокурор РФ В.В. Устинов указывал, что отсутствие эффективной нормативной правовой базы проти-

---

¹ Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 3, ст. 40.

² Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 8, ст. 102.

³ Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11, ст. 160.

⁴ См.: *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 20.

водействия экстремизму в Российской Федерации не позволяет защитить российское общество от деструктивного воздействия проявлений экстремизма. Это и стало главной причиной принятия 25 июля 2002 года Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Этот документ должен был стать основным нормативным актом в борьбе с политическим экстремизмом¹.

Смысл разработки названного выше нормативного акта состоял в создании единого комплекса норм, выполняющих координирующую по отношению к отраслевому законодательству функцию в области противодействия противоправным формам экстремизма. В целом эта идея представляется вполне обоснованной, поскольку, как уже ранее было отмечено, правовую основу противодействия экстремистской деятельности составляет внушительный пласт законодательства, в котором субъектам правоприменения ориентироваться непросто. Также закрепление на федеральном уровне соответствующего понятийного аппарата теоретически должно существенно облегчить практику применения антиэкстремистских норм².

С момента принятия упомянутого ранее Закона он уже десять раз подвергался изменениям, которые были обусловлены активизацией экстремистских проявлений как в России, так и за рубежом.

Исходя из того, что анализируемый нормативный акт стал основополагающим законом, устанавливающим инструменты противодействия экстремизму, в него должны быть включены все конструктивные признаки исследуемого явления, раскрывающие его сущность. Однако, к сожалению, он их не содержит, а лишь определяет запрещенную экстремистскую деятельность, перечень которой постоянно уточняется. Закрепив данный список, законодатель, таким образом, ушел от перечисления исчерпывающего перечня преступлений экстремистской направленности. Поэтому такой подход породил проблемы применения как самого Закона, так и уголовного закона, поскольку он не содержит оснований для чет-

---

¹ См.: Устинов В.В. Создать общегосударственную систему предупреждения и пресечения экстремизма // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 52.

² См.: Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 86.

кого определения круга деяний, содержащих в себе признаки экстремизма. При этом сам Закон характеризуется высоким уровнем бланкетности¹. Например, признавая террористическую деятельность разновидностью экстремистской, исследуемый нормативный правовой акт отсылает правоприменителя к Федеральному закону от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»², который закрепляет виды противоправной террористической деятельности.

Это свидетельствует о том, что многие положения Закона нуждаются, на наш взгляд, в совершенствовании. И в первую очередь пункт 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», устанавливающий, что любое преступление, совершенное по мотивам, закрепленным в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ, признается экстремистским.

Исходя из вышеизложенного, любое деяние, являющееся преступным, в целом можно отнести к экстремистскому, так как данный вид поведения запрещен законом и, соответственно, выступает не просто крайней мерой, а мерой, выходящей за рамки дозволенного, и чаще всего еще содержит в себе мотивы, закрепленные в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Представляется, что данный подход является весьма радикальным и неправильным, поскольку не отражает особенностей изучаемого явления. Законодатель при создании указанного нормативного правового акта не заложил в него основную концептуальную идею, отражающую непосредственную сущность экстремизма, остановившись лишь на мотивации.

Как правильно аргументирует Е.Г. Чуганов, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» не содержит также четко сформулированного и общепризнанного определения экстремистской деятельности (экстремизма), фактически закрепляя лишь перечень деяний, замкнутых на уголовных преступлениях или административных правонарушениях, связанных с экстремизмом и терроризмом³, что делает данный документ чрезвычайно пробельным и малоэффективным.

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Уголовно-правовые средства противодействия отдельным формам экстремистских проявлений // *Следователь.* 2011. № 7. С. 6–9.

² *Российская газета.* 2006. 10 марта.

³ См.: *Чуганов Е.Г.* Экстремизм: проблемы уголовной политики // *Экстремизм и другие крими-*

Изложенное выше позволяет констатировать: российскому законодателю не удалось определить содержание экстремизма¹, что и явилось причиной отсутствия законодательной дефиниции рассматриваемого явления, хотя потребность в определении экстремизма в его правовом смысле совершенно справедлива².

Реализуемый в этом Законе законодательный подход указывает на то, что до сих пор государство не может определить границы экстремизма, тем самым создавая благоприятные условия для его распространения.

Полагаем, что закрепление в указанном нормативном правовом акте конструктивных признаков рассматриваемого явления, нашедших свое отражение в определении экстремизма, исключило бы необходимость уточнения запрещенных законом экстремистских проявлений и усилило бы превентивный характер Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Для общего представления о состоянии нормативно-правовой базы, на основе которой осуществляется борьба с экстремизмом, целесообразно проанализировать и некоторые другие правовые акты с учетом их юридической силы и содержательной части.

Ключевым документом, устанавливающим основы противодействия экстремизму, конечно же, является Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. Этот нормативный акт, обладающий высшей юридической силой на территории России, содержит в себе ряд концептуальных норм, устанавливающих меры по борьбе с рассматриваемым явлением³.

Во-первых, даже в преамбуле к Основному закону государства указывается на неприятие борьбы, основанной на неравенстве.

нальные явления. М., 2008. С. 7.

¹ См.: Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. С. 481.

² См.: Залужный А.Г. Экстремизм: сущность и способы противодействия // Современное право. 2002. № 12. С. 31.

³ См.: Петрянин А.В. Конституция Российской Федерации 1993 года как правовая основа противодействия экстремизму // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2014. № 1 (25). С. 318–320.

Во-вторых, статья 13 Конституции РФ включает в себя нормы, запрещающие какое-либо политическое или идеологическое доминирование¹.

В-третьих, согласно статье 17 Основного закона «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц»².

В-четвертых, в соответствии со статьей 19 Конституции России «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности»³. Таким образом, закрепленные в анализируемой норме положения также отражают принцип нетерпимости государства к проявлению определенного рода экстремизма.

Особое значение, по нашему мнению, в предупреждении исследуемого явления принадлежит части 2 статьи 29 Конституции РФ, в силу которой «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства»⁴. Причем сам Основной закон в статье 55 определяет, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»⁵, тем самым устанавливая возможные превентивные меры в отношении различных экстремистских проявлений.

Однако, как справедливо отмечает А.И. Долгова, в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» положения части 3 статьи 55 Конституции России отражены неполно. В статье 2 «Основные принципы проти-

---

¹ Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4, ст. 445.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4, ст. 445.

водействия экстремистской деятельности» указанного источника говорится, в частности, что такое противодействие должно основываться на принципе приоритета обеспечения безопасности Российской Федерации. При этом термин «безопасность Российской Федерации» не разъясняется, а в доктрине понимается по-разному, о чем отдельно нами будет сказано в последующих главах настоящего исследования.

Безусловно, Конституция страны является базовым источником осуществления борьбы с экстремизмом. При этом в правовой доктрине существуют два принципиально отличающихся подхода, определяющих ее роль в этом процессе.

Первый состоит в том, что вся совокупность конституционных норм, развивающихся в национальном законодательстве, фактически создает основу противодействия экстремизму¹.

Второй обосновывает, что соответствующей нормативной базой противодействия экстремизму могут быть лишь отдельные положения Конституции, которые запрещают деятельность, направленную на силовое изменение существующих основ конституционного строя Российской Федерации и нарушение ее целостности².

Мы считаем, что в данном случае первый подход является более справедливым, поскольку Конституция России как Основной закон государства определяет своей первостепенной задачей организацию нормальной жизнедеятельности и функционирования как непосредственно государственного аппарата, так и общества, и конкретных граждан. Это находит свое отражение в нормах, закрепленных в Конституции, включая преамбулу. Поэтому каждая статья Основного закона содержит в себе позиции, прямо или косвенно направленные на противодействие экстремизму.

Следующим, не менее значимым нормативным правовым актом, регламентирующим ответственность за экстремизм, является, конечно же, действующий

---

¹ См.: *Тамбаев Р.С.* Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму: монография. 2-е изд. М., 2008. С. 67.

² См.: *Чуганов Е.Г.* Экстремизм: проблемы уголовной политики // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 5.

щий Уголовный кодекс РФ. Его роль и значение в деле противодействия экстремизму столь высока, что мы хотели бы в рамках данного параграфа лишь тезисно остановиться на этапах развития уголовно-правовой концепции противодействия экстремизму. Более подробно вопросы уголовно-правовой оценки исследуемой группы деяний и направлений совершенствования уголовного законодательства будут рассмотрены в следующих главах исследования.

Первый этап такого противодействия был ознаменован принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹, повлекшим за собой криминализацию новых, ранее не известных правоприменителю деяний, закрепленных в статьях 282¹ и 282² УК РФ, а также определение исчерпывающего перечня преступлений экстремистской направленности в диспозиции статьи 282¹ УК РФ.

Второй – берет свое начало с принятием Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму»².

В этом законе излагается новая редакция диспозиции статьи 282² УК РФ и примечания к ней, где дается иное определение преступления экстремистской направленности.

Третий этап развития рассматриваемой стратегии считаем возможным связать с разработкой Верховным Судом Российской Федерации Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в рамках которого даны практические рекомендации по применению норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности, определены особенности этих деяний, отличающие их от смеж-

---

¹ О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст.3029.

² . Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

ных составов преступлений, что, безусловно, способствовало повышению эффективности работы правоохранительных органов в данной области.

Четвертый был ознаменован усилением ответственности за криминальные проявления экстремизма. В частности, серьезно увеличены санкции за уже закрепленные в УК РФ преступления экстремистской направленности, с переводом их в более общественно опасные категории, а также криминализированы новые составы преступления. С принятием в декабре 2013 г. Федерального закона «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» была введена новая статья 280¹ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»¹. Весьма показательным в данном случае является дата вступления этого Закона в силу – 9 мая 2014 года. По мнению А.Г. Хлебушкина, чью точку зрения мы полностью разделяем, криминализация этого состава является логичным продолжением развития направления по усилению состояния защищенности конституционного строя России от внешних угроз².

5 мая 2014 года стало важной датой в развитии уголовной политики в области противодействия экстремизму. Так, Федеральным законом № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введен еще один новый состав преступления, установивший ответственность за «Реабилитацию нацизма» в ст. 354¹ УК РФ³. Относя это деяние к экстремистскому, законодатель, тем не менее, расположил его в главе 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества», что указывает на переоценку значимости общественных отношений, непосредственно страдающих или ставящихся под угрозу причинения вреда при совершении преступлений экстремистской направленности, тем самым подтверждая выдвигаемую нами научную гипотезу.

---

¹ Собрание законодательства РФ.2013. № 52 (часть I), ст. 6998.

² См.: *Хлебушкин А.Г.* Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // *Российский следователь*. 2014. № 11. С. 25–29.

³ Собрание законодательства РФ.2014. № 19, ст. 2333.

Еще одним знаковым моментом в области противодействия экстремизму стало принятие Федерального закона от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

Учитывая значительный объем изменений, мы лишь проиллюстрируем ряд новелл, имплементированных в УК РФ этим Федеральным законом, которые, с нашей точки зрения, открывают новое направление уголовной политики в области развития концепции по противодействию экстремизму.

В частности, за преступления, содержащие в себе его признаки, перечень которых четко закреплен в ч. 5 ст. 56 УК РФ, установлены новые максимальные размеры наказаний в виде лишения свободы².

В рамках статьи 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание», закреплен новый отягчающий признак – «совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма».

Отдельной частью в ст. 282¹ «Организация экстремистского сообщества» установлена ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества.

Осознавая потребность в подрыве экономических основ экстремистских организаций, Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ в уголовный закон включен еще один новый состав преступления, берущий под охрану безопасность конституционного строя Российской Федерации – «Финансирование экстремизма».

Все это свидетельствует о принципиально новом направлении уголовно-правовой концепции в области противодействия экстремизму, которая построена не только на принципах ужесточения ответственности за совершение уже закреп-

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2014. № 19, ст. 2335.

² При частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров – более тридцати пяти лет.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (часть I), ст. 3385.

ленных в Уголовном кодексе деяний, но и криминализации новых, ранее не известных отечественному уголовному законодательству деяний¹.

Следующий нормативный правовой акт, затрагивающий исследуемый нами вопрос, – это Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 год. Он предусматривает административную ответственность за совершение некоторых правонарушений, косвенно свидетельствующих об экстремистски мотивированном поведении: например, статьи 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации», 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций» и др. Например, Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ в КоАП РФ была введена статья 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов»².

Как указывалось выше, экстремизм должен рассматриваться исключительно как противоправное поведение. При этом значение административного законодательства в рамках противодействия изучаемому явлению также достаточно высоко.

Нормы, затрагивающие вопросы противодействия экстремизму и в целом создающие представление о содержании законодательной концепции в рассматриваемой области, содержатся и в ряде других нормативных правовых актов³. В частности, Федеральный конституционный закон от 13 февраля 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» содержит в том числе и нормы, регламентирующие противодействие экстремизму. Так, обстоятельствами введения чрезвычайного положения может стать совершение следующих экстремист-

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Современные законодательные решения в области уголовно-правового противодействия экстремизму // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30 января 2015 г.). Москва: РГ-Пресс, 2015. С. 430–433.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

³ См.: *Петрянин А.В.* Сравнительно-правовой анализ современного неспециализированного российского законодательства, направленного на противодействие экстремизму: особенности и перспективы на примере анализа ряда федеральных нормативно-правовых актов // Закон и право. М. 2012. № 4. С. 82–85.

ских актов: «террористические акты; насильственные межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты и т. д.»¹.

Следующим антиэкстремистским нормативным правовым актом следует назвать Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»². Так, часть 4 статьи 6 названного источника «запрещает создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону»³.

К числу таких оснований относятся посягательства на общественную безопасность и общественный порядок, а также совершение деяний, непосредственно направленных на осуществление экстремистской деятельности.

Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» в статье 16 запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности⁴.

Нарушение установленных требований, которые закреплены в статье 44 указанного нормативного правового акта, является как основанием для ликвидации общественного объединения, так и основанием полного запрета его деятельности. Полагаем, что основные положения, закрепленные в названном источнике, можно назвать эффективным механизмом противодействия групповому проявлению экстремизма.

К числу нормативных правовых актов антиэкстремистского блока следует отнести и Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях»⁵. Так, в соответствии с частью 1 статьи 9 настоящего Закона «запрещаются создание и деятельность политических партий, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности»⁶, а в статье 41 устанавливается порядок ликвидации таких структур.

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2001. № 23, ст. 2277.

² Собрание законодательства РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

³ Там же.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1995. № 21, ст. 1930.

⁵ Российская газета. 2001. 14 июля.

⁶ Там же.

Продолжая рассмотрение вопроса о развитии законодательной концепции по противодействию экстремизму, необходимо упомянуть Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹.

Согласно данному документу распространение в предвыборных программах кандидатов либо избирательных объединений призывов, обосновывающих или оправдывающих экстремизм, дискредитирует как кандидата, так и избирательное объединение и исключает возможность их участия в выборах. При этом эти действия оцениваются как уголовно или административно наказуемые и влекут за собой соответствующий вид юридической ответственности.

Особого внимания заслуживает Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»².

В этом нормативном правовом акте законодатель закрепил ряд превентивных мер, направленных на предупреждение экстремизма. В частности, определен «полный запрет на размещение и распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещена»³.

Учитывая распространенность и доступность информационных ресурсов, а также их использование как источников распространения экстремистских материалов, 27 июля 2006 года был принят Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴, в части 6 статьи 10 закрепивший запрет на распространение «информации, которая направлена на

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 24, ст. 2253.

² Российская газета. 1992. 8 февраля.

³ Там же.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. I, ст. 3448.

пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность»¹.

Имея бланкетный характер, указанная норма четко определяет перечень отсылочных нормативных правовых актов, что, с нашей точки зрения, является достоинством данного документа, так как дает возможность установления перечня запрещенной к распространению информации².

В числе нормативных актов, раскрывающих содержание законодательной концепции в борьбе с экстремизмом, следует назвать и указы Президента России.

Одним из наиболее значимых из них, по нашему мнению, является Указ Президента РФ от 23 марта 1995 года № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»³. В документе отмечается, что «в Российской Федерации участились случаи разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни, распространения идей фашизма»⁴.

Президент России в этом акте поставил задачи и наметил мероприятия по повышению эффективности борьбы с экстремизмом. Как следует из документа, к ним могут быть отнесены:

«– во-первых, обеспечение координации работы всех государственных органов в области борьбы с фашизмом и политическим экстремизмом;

– во-вторых, усиление прокурорского надзора за соблюдением установленных Конституцией РФ норм о равноправии граждан;

---

¹ Там же.

² См.: *Петрянин А.В.* Современное состояние и качество нормативно-правовой базы по противодействию экстремизму // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. Н. Новгород. 2013. № 22. С. 224–226.

³ Собрание законодательства РФ. 1995. № 13, ст. 1127.

⁴ Там же.

– в-третьих, задержание и привлечение к установленной действующим законодательством ответственности лиц, пропагандирующих фашизм, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни»¹.

Особой заслугой анализируемого Указа явилось осознание руководством страны не только несогласованности действий государственных органов, но и отсутствия нормативно закрепленных дефиниций, отражающих суть экстремизма. В этой связи Президент предложил Российской академии наук представить в Государственно-правовое управление Президента РФ научное толкование понятия «фашизм» и связанных с ним категорий и терминов для подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство, а также рекомендовал Верховному Суду РФ обобщить судебную практику применения правовых норм, устанавливающих ответственность граждан, общественных объединений и средств массовой информации за нарушения гарантированного Конституцией РФ равенства прав и свобод человека и гражданина и дать разъяснения содержащихся в действующем законодательстве понятий и терминов, касающихся ответственности за действия, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Полученные результаты должны были лечь в основу проектов законов, направленных на создание правовых механизмов противодействия фашизму и иным формам экстремизма.

К сожалению, продекларированные в Указе цели и задачи не были выполнены в полном объеме, в том числе и в части, касающейся разработки соответствующего понятийного аппарата.

Осознание экстремизма как общенациональной проблемы нашло отражение и в Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», где отмечено, что «в будущем получают развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма»². Вышеуказанное

---

¹ Там же.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20, ст. 2444.

является основными источниками угрозы для национальной безопасности. Поэтому в нем продекларирована потребность «в постоянном совершенствовании правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма и экстремизма, а также других деяний, посягающих на основные права и свободы человека и гражданина, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй России»¹.

Инновационным в этой области является и принятая «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»².

Во-первых, в ней предпринята попытка определения объектов экстремистской деятельности, к которым отнесены интересы гражданского мира, общественная безопасность, государственная целостность, конституционный строй.

Во-вторых, она содержит ряд дефиниций, не нашедших отражения в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», что, по нашему мнению, является его логическим продолжением в развитии законодательной концепции в исследуемой нами области.

Пристальное внимание проблеме противодействия экстремизму уделяется и на уровне субъектов Российской Федерации. В этой связи территориальные законодательные органы также принимают нормативные правовые акты, устанавливающие направления борьбы с этим негативным явлением. Назовем лишь некоторые из них: Постановление правительства Москвы от 8 сентября 2009 года № 945-ПП «О дополнительных мерах по профилактике ксенофобии и этнополитического экстремизма в молодежной среде города Москвы»³; Распоряжение администрации Санкт-Петербурга от 7 июля 2003 года № 1669-ра «О Координационном совете по организации профилактической и воспитательной работы по недопущению экстремизма и национализма в молодежной среде»⁴; Распоряжение правительства Нижегородской области от 22 декабря 2009 года № 3151-р «Об утверждении Кон-

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20, ст. 2444.

² Утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014 Пр-2753 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 30.04.2015).

³ Вестник мэра и правительства Москвы. 2009. № 53.

⁴ Вестник администрации Санкт-Петербурга. 2003. № 8.

цепции областной целевой программы "Профилактика терроризма и экстремизма в Нижегородской области" на 2015 – 2017 годы»¹.

Существуют и иные не упомянутые нами нормативные правовые акты, в том числе и федерального уровня, играющие соответствующую роль в противодействии экстремизму на территории Российской Федерации и затрагивающие вопросы национальной безопасности (например, Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» и др.).

Несчетное количество нормативных правовых актов, прямо или косвенно затрагивающих проблемы борьбы с экстремизмом, обладающих при этом различной юридической силой, еще раз обосновывают необходимость не только выработки понятия экстремизма, но и общей концепции, соответствующей современным реалиям и потребностям.

Проведя исследование вышеизложенных нормативных правовых актов, мы приходим к выводу, что развитие законодательной концепции в рассматриваемой области в первую очередь лежит в плоскости определения спектра общественных отношений, страдающих при экстремистских посягательствах и раскрывающих его сущность. В качестве таковых законодатель аргументированно выделяет общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, нормальное функционирование конституционного строя, мир и безопасность человечества. Выдвигаемая нами гипотеза подтверждается и постоянно вносимыми изменениями в Уголовный кодекс Российской Федерации, затрагивающими вопросы борьбы с экстремизмом. Так, например, Федеральный закон № 302-ФЗ от 2 ноября 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» криминализировал три новых преступления в рамках главы 24 УК РФ: статья 205³ УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности; статья 205⁴ УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем»; статья 205⁵ УК РФ «Организация деятельности терро-

---

¹ Эталонный банк данных правовой информации губернатора и правительства Нижегородской области.

ристической организации и участие в деятельности такой организации»¹. Причем ст. 205⁴ и 205⁵ УК РФ «по сути являются текстуальными дубликатами»² ст. 282¹ и 282² УК РФ. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ включил в главу 29 УК РФ ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности». Вводя данные статьи, по своим основным конструктивным признакам схожие с нормами, закрепленными в ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества», ст. 282² УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» и ст. 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности»⁴, законодатель, по нашему мнению, в рамках уголовного законодательства также соглашается с тем, что экстремизм может создавать угрозу не одному, а нескольким объектам уголовно-правовой охраны, в частности, общественной безопасности и конституционному строю Российской Федерации. Дальнейшее развитие уголовно-правовой концепции в рассматриваемой области получило в результате криминализации ст. 354¹ «Реабилитация нацизма» Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵. Разместив это деяние, явно содержащее признаки экстремизма, в главе 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества», мы безоговорочно можем утверждать, что исследуемое явление создает непосредственную угрозу и обеспечению безопасности всего мира и человечества.

Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, дает нам легитимное основание для более четкого определения круга общественных отношений, непосредственно страдающих или ставящихся под угрозу причинения вреда при совершении преступлений экстремистской направленности, отражающих сущность экс-

---

¹ Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?66664> (дата обращения: 03.02.2015).

² Ростокинский А.В., Толпекин К.А. Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? // Российский следователь. 2014. № 18. С. 31–34.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (часть I), ст. 3385.

⁴ В рамках установления ответственности за финансирование террористической деятельности.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19, ст. 2333.

тремизма, что дает возможность для определения исчерпывающего перечня исследуемой группы деяний.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что первой концептуальной особенностью преступлений экстремистской направленности является то, что признаки, характеризующие их, не носят универсального характера и могут относиться только к деяниям, предусмотренным в главах 24, 29 и 34 УК РФ.

Анализ данных нормативных правовых актов также указывает и на то, что второй концептуальной особенностью рассматриваемой группы деяний является специальная мотивация их совершения.

Акцентируя на этом внимание, хотелось бы согласиться с мнением А.И. Рагога, отметившего, что в рамках ряда преступлений именно наличие мотивации и выступает необходимым условием наступления уголовной ответственности¹.

При характеристике экстремизма в целом и преступлений экстремистской направленности в частности чаще всего используется формулировка, закрепленная как в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ, так и в примечании к ст. 282¹ УК РФ: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»².

В науке уголовного права существуют различные классификации мотивов.

Фундаментальные исследования в рассматриваемой области научного познания были проведены П.С. Дагелем³, В.В. Лунеевым⁴, А.Н. Трайниным⁵ и рядом других ученых.

По нашему мнению, особое значение для уголовного права и, конечно же, для квалификации преступлений экстремистской направленности имеют класси-

---

¹ См.: Рагог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. Москва: Проспект. 2015. С. 152.

² Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

³ См.: Дагель П.С. Проблема вины в советском уголовном праве // Ученые записки Дальневосточного университета. Владивосток, 1968. С. 163.

⁴ См.: Лунеев В.В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. С. 52.

⁵ См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 221.

фикации, в основе которых лежат правовые и морально-этические оценки мотивов, поскольку они не только дают возможность более четко определить степень общественной опасности содеянного и максимально индивидуализировать наказание виновному, но и раскрыть концептуальные признаки противоправного поведения.

Основоположником такой классификации принято считать С.В. Познышева, выделявшего три группы мотивов: а) чувствования, побуждающие служить другим людям, то есть альтруистические; б) чувствования, побуждающие человека к удовлетворению собственных нужд, но без стремления причинить вред другим людям, то есть эгоистические; в) чувствования антиальтруистические, то есть направленные на причинение вреда другим людям (гнев, злоба, месть)¹.

Чаще всего решимость совершить преступление экстремистской направленности возникает у лица под влиянием антиальтруистических, низменных мотивов (побуждений). Их понятие отсутствует в уголовном законодательстве, хотя и используется в ряде статей УК (например, в ст. 153 и 155 УК РФ). В доктрине также нет единого понимания низменных мотивов. Данное обстоятельство порождает трудности при установлении их разновидностей и для правоприменения.

В этом случае мы поддерживаем точку зрения, указывающую на то, что низменные мотивы являются исключительно оценочными, что наделяет суд обязанностью их установления в целях определения характера и степени общественной опасности совершенного преступления².

Наиболее верной, на наш взгляд, является позиция, в соответствии с которой к низменным побуждениям следует относить только те, которые рассматриваются законодателем в качестве повышающих общественную опасность³. Исходя из данного условия, выделение низменных мотивов, влияющих на правовую оценку содеянного, возможно в следующих случаях: 1) низменный мотив лежит в

---

¹ См.: Познышев С.В. Очерки основных начал уголовного права. Общая часть. М., 1929. С. 132.

² См.: Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 280–281; См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постановочными материалами и судебной практикой / под ред. С.И. Никулина. М., 2002. С. 459; См.: Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 16.

³ См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 4: Состав преступления. С. 745.

основе формирования самостоятельного состава преступления; 2) низменные побуждения указаны в качестве отягчающих вину признаков в квалифицированных или особо квалифицированных составах; 3) низменные мотивы отнесены законодателем к отягчающим наказанию признакам, установление и доказывание которых обязательно по каждому уголовному делу.

Учитывая политико-экономическую мотивацию преступлений экстремистской направленности, считаем, что в качестве низменных нужно рассматривать не только закрепленные в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ и примечании к ст. 282¹ УК РФ, но и корысть, создание финансовой базы для борьбы за независимость, финансирование экстремистской и террористической деятельности, поддержание незаконных вооруженных формирований. Данные мотивы в современном обществе обрели высокую актуальность, о чем свидетельствует не только существование огромного количества незаконных вооруженных формирований и террористических организаций, но и самостоятельная криминализация таких деяний, как «финансирование терроризма» в рамках ст. 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности» и ст. 282³ «Финансирование экстремистской деятельности».

Акцентируя внимание на мотиве, хотелось бы подчеркнуть, что он включен в круг обязательств, подлежащих доказыванию в рамках любого уголовного дела, независимо от того, входит ли этот признак в состав конструктивных или нет. Мотив всегда должен быть установлен, так как именно он дает возможность правильно разрешить вопрос как о квалификации деяния, так и об индивидуализации наказания, что четко указано в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию»¹.

Проведенный нами анализ уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений экстремистской направленности, позволяет констатировать, что чаще всего решимость совершить такое преступление возникает у лица под влиянием низменных мотивов. Таковыми при совершении преступлений экстремистской направленности, как правило, выступают политические, расовые, этниче-

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

ские, национальные, религиозные мотивы, а также цель создания финансовой базы для осуществления террористической деятельности и поддержания незаконных вооруженных формирований (94,7% опрошенных сотрудников правоохранительных органов и ученых поддерживают эту точку зрения). Данная позиция также подкреплена проведенным анализом уголовных дел, из которого видно, что 96,8% из них, возбужденных по преступлениям экстремистской направленности, были совершены с вышеуказанными мотивами. Все это свидетельствует о необходимости уделять им особое внимание. В этой связи мы разделяем мнение Е.П. Сергуна, справедливо отметившего, что экстремистский мотив является одним из квалификационных признаков рассматриваемой нами группы преступлений¹ и, с нашей точки зрения, раскрывает еще одну концептуальную особенность экстремизма, выделяемую как в российском, так и в международном и зарубежном законодательствах.

Соглашаясь с мнением Е.П. Сергуна, хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что экстремистская мотивация имеет непосредственное значение не только при квалификации исследуемой группы преступлений, а в первую очередь при определении круга преступлений экстремистской направленности, так как содержание мотива дает основание для определения непосредственного объекта посягательства.

По этой причине считаем, что второй концептуальной особенностью преступлений экстремистской направленности является мотив совершения преступления.

Более детально содержание вышеуказанной мотивации, непосредственно имеющей значение для квалификации преступлений экстремистской направленности, будет рассмотрено в главе, посвященной проблемам квалификации исследуемой группы деяний.

Подводя итог концептуальным особенностям уголовно-правового противодействия экстремизму, с учетом авторского видения развития законодатель-

---

¹ См.: Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 106.

ной концепции в исследуемой области, необходимо констатировать, что качество и эффективность уголовно-правового противодействия в первую очередь зависит от возможности установления исчерпывающего круга преступлений экстремистской направленности. Считаем, что в основу их определения должен быть положен объект и мотив посягательства¹. Предлагаемый подход даст возможность унифицировать и систематизировать уголовное законодательство в рамках противодействия экстремизму и повысить эффективность борьбы с ним, что и будет предложено в следующих параграфах диссертационного исследования.

§ 2. Особенности систематизации преступлений экстремистской направленности

К числу основных проблем совершенствования законодательства в области противодействия преступлениям экстремистской направленности, по нашему мнению, относится вопрос о систематизации и унификации рассматриваемых норм, соответствующих при этом современной Концепции уголовно-правовой политики² и особым механизмам уголовного правотворчества.

Рассматривая этот вопрос, необходимо отметить, что выдвигаемая нами концепция в полном объеме соответствует современной концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации через призму целей и задач, в ней закрепленных. В частности, при разработке предложений в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности мы поддерживаем подход о недопущении расширительного толкования границ преступного поведения; необхо-

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Концептуальные особенности уголовно-правового противодействия экстремизму: теоретико-правовой аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. Н. Новгород, 2013. № 24. С. 153–158.

² Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889> (дата обращения: 30.10.2013).

димости развития механизмов систематизации и унификации уголовного законодательства и корректировки уголовного законодательства с учетом практики его применения¹.

Полагаем, что с помощью предлагаемых нами положений, направленных на повышение эффективности противодействия экстремизму, в полном объеме могут быть достигнуты вышеназванные цели. Осознание этих целей указывает на необходимость урегулирования особыми правовыми средствами, в частности, средствами, которыми обладает уголовный закон, вновь возникших или уже существующих общественных отношений. Потребность в создании новых норм, а также необходимость в систематизации существующих нормативно-правовых установлений выявляется не только в результате досконального изучения соответствующих правовых институтов. Об этом свидетельствует и практика применения закона, и правосознание, сформировавшееся в обществе. Так, К.К. Панько справедливо отмечает, что «правовые идеи, определяющие уровень правосознания общества, и уголовная политика являются своего рода визитной карточкой уголовного права нашего общества»². Таким образом, новые правовые инструменты противодействия экстремизму должны соответствовать сформировавшемуся общественному, экономическому и духовному мнению об авторитете и силе государства в борьбе с преступностью.

Учитывая вышеизложенное и основываясь на том, что сам законодатель при конструировании УК использовал технико-юридический прием распределения норм закона по разделам и главам, где основанием их разделения служит родовой и видовой объект преступления, следует констатировать необходимость дальнейшей систематизации норм уголовного закона, направленных на противодействие экстремизму, в рамках существующих глав, в соответствии с уже выработанными наукой уголовного права объектами посягательства.

---

¹ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889> (дата обращения: 30.10.2014).

² *Панько К.К.* Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография. Воронеж, 2004. С. 70.

Считаем, что систематизация норм является одним из направлений повышения эффективности уголовного закона и в теоретическом, и практическом планах, так как дает легитимное основание дифференцировать ответственность на основании признаков, положенных в ее основу.

Необходимость систематизации права в целях повышения его эффективности осознавалась на всех этапах развития права. Так, по мнению Г.Ф. Шершеневича, она необходима в целях повышения качества законотворческого процесса, познания и реализации норм права¹. «В теоретическом плане, – отмечает А.С. Палазян, – систематизация позволяет дать целостное представление о праве как в его действии, обнаруживаемом эмпирически, посредством анализа правовой практики, так и в его возможностях. В практическом плане это позволяет, во-первых, целенаправленно развивать существующее право во всех его существенных элементах, управлять правовыми процессами, определять перспективы изменений права. Во-вторых, это позволяет использовать правовые средства организации общественной жизни системно, во взаимной связи, преодолевать односторонность в реализации правовых средств, например, использовать их лишь в регулятивном или охранительном аспекте»².

Термин «систематизация» в праве обычно рассматривается как «процесс приведения (расположения) разрозненных элементов, некой их совокупности в определенный порядок, в определенную систему»³. При этом под системой в науке принято понимать объединение расчлененного в единое, с расстановкой по соответствующим местам⁴.

Так, по мнению И.И. Мозженко, признаками системы являются: четкость, жесткость, целостность и уникальность⁵. Раскрывая содержание этих свойств, ав-

---

¹ Цит. по: *Азми Д.М.* Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938 – 1946 годы). М., 2009. С. 11.

² *Палазян А.С.* Принципы систематизации функций права // *Юридический мир.* 2009. № 2. С. 51.

³ *Мозженко И.И.* Систематизация законодательства и ее признаки // *Конституционное и муниципальное право.* 2010. № 12. С. 6.

⁴ См.: *Философский энциклопедический словарь* / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., 2007. С. 415.

⁵ См.: *Мозженко И.И.* Систематизация законодательства и ее признаки // *Конституционное и муниципальное право.* 2010. № 12. С. 7.

тор акцентирует внимание на том, что при их наличии система будет представлять собой особую структуру, не подверженную изменениям под влиянием внешних сил.

Элементами определенной системы являются нормы права, изложенные в конкретных нормативно-правовых актах. В уголовном праве это нормы, непосредственно закрепленные в уголовном законе, систематизированные законодателем по определенным критериям и расположенные в составе различных разделов, глав, статей, частей и пунктов. Данное обстоятельство и предполагает их четкое не статичное закрепление в рамках нормативного правового акта. По этой же причине указанная система является целостной и уникальной. Все это указывает на то, что схожие нормы находятся в определенной связи между собой, и чем больше их разбалансированность, тем слабее их связь и, соответственно, эффективность. Это четко прослеживается на примере преступлений экстремистской направленности, которые бессистемно «разбросаны» по всему Уголовному кодексу РФ, о чем свидетельствуют проблемы, возникающие при квалификации соответствующих деяний, влекущие за собой отсутствие правовой реализации этих норм. Между тем одним из критериев эффективности законодательства является частота их применения¹.

Еще раз акцентируя внимание на необходимости систематизации преступлений экстремистской направленности, согласимся с мнением М.С. Жука, отмечающего, что иногда законодатель неверно оценивает значение родового и видового объектов при конструировании Особенной части Уголовного кодекса, и в ряде случаев было бы целесообразно и теоретически обоснованно переместить отдельные нормы из одной главы в другую². Полагаем, что это замечание в полной мере можно отнести и к преступлениям экстремистской направленности.

---

¹ См.: *Зражевская Т.Д.* Реализация конституционного законодательства: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1999. С. 204.

² См.: *Жук М.С.* Объект преступления как критерий построения системы институтов Особенной части уголовного права // *Общество и право.* 2010. № 5. С. 89.

В рамках предлагаемой нами систематизации норм, регламентирующих ответственность за эти преступления, в целях повышения их эффективности считаем, что необходима унификация соответствующих нормативных предписаний.

Нами были проинтервьюированы четыре группы специалистов. Первая группа – сотрудники полиции, вторая – представители Следственного комитета, третья – судьи, четвертая – лица, имеющие юридическое образование, непосредственно не занимающиеся борьбой с экстремизмом. На вопрос: *«Рассматриваете ли вы систематизацию и унификацию уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, как инструмент повышения эффективности борьбы с экстремизмом?»* – 77,4% полицейских и 81,5% сотрудников Следственного комитета дали положительный ответ, акцентировав свое внимание на том, что рассредоточенность и переизбыточность этих норм зачастую являются причиной ошибочных квалификаций, непривлечения виновных к должной уголовной ответственности, а также невыработки общей практики применения данных статей. Так, 62,8% судей также высказались за необходимость унификации уголовного антиэкстремистского законодательства, выделив как причину проблемы, возникающие при толковании признаков этих преступлений, порождающих сложности при их конкуренции. 54,9% опрошенных граждан, имеющих юридическое образование, не вдаваясь в особенности современного экстремизма, указали на общую востребованность унификации права в целом по причине упрощения его применения.

Полагаем, что полученные результаты еще раз подтверждают актуальность заявленной нами концепции о необходимости систематизации и унификации уголовного законодательства в области противодействия экстремизму.

Представители науки также отмечают, что унификация является составной частью национальной концепции уголовного права в реализации уголовной политики, и указывают на необходимость создания унифицированных уголовно-правовых норм¹.

---

¹ См.: Епифанова Е.В. России необходима концепция уголовно-правовой политики // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 26–31; и др.

Вообще, лексическое значение слова «унифицировать» – это привести к единообразию¹. В словарях европейских языков данный термин (unification, l'unification, unifizierung) трактуется аналогично². В общем, в правовой доктрине унификация рассматривается как придание законодательству качества единства³.

Однако в доктрине существуют и иные подходы к определению содержания унификации. Так, по мнению Н.Г. Дорониной, целесообразно двойственное ее определение, в узком и широком смыслах. В широком смысле унификация является способом гармонизации права, а в узком – представляет собой правотворческую деятельность по созданию единообразных норм или законов⁴. В.А. Егиазаров соотносит унификацию с «процессом выработки правовых норм для сходных отношений, независимо от того, в каких правовых формах осуществляется данный процесс»⁵. По мнению К.М. Беликовой, «унификация права – это создание одинаковых, единообразных, то есть унифицированных норм во внутреннем праве разных государств»⁶. Согласимся с мнением автора в том, что унификация является способом приведения норм к единообразию. Однако, на наш взгляд, она возможна не только на уровне международного, но и внутринационального права и даже конкретных отраслей.

На нормативном уровне понятие «унификация» используется как синоним слова «гармонизация», что дает нам основание рассматривать их тождественными. Примером могут служить Постановление МПА СНГ от 14 апреля 2005 года №

¹ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 834.

² См., напр.: *Duden. Deutsches Universalwörterbuch.* – Mannheim, 2003. – S. 1659; *Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française.* Paris, 2004. P. 2716; *Longman. Dictionary of contemporary English.* Edinburgh, 2001. P. 1572.

³ См.: *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства. Саратов, 1993. С. 159.

⁴ См.: *Доронина Н.Г.* Унификация и гармонизация в сфере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2005. № 1. С. 52.

⁵ *Егиазаров В.А.* Унификация гражданского законодательства участников Договора о создании Союзного государства // Право и экономика. 2000. № 9. С. 31.

⁶ *Беликова К.М.* Унификация договорного права: общее и специфическое в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА и Принципах европейского договорного права // Юрист. 2006. № 11. С. 22.

25-8 «О модельном законоотворчестве в Содружестве Независимых Государств»¹ и Программа гармонизации национальных законодательств и иных нормативных правовых актов государств – участников Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года, утвержденная решением Межгосударственного Совета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан². В вышеназванных документах используется следующая трактовка: «программа гармонизации (сближения и унификации) национальных законодательных и иных нормативных правовых актов», «в процессе сближения, унификации (гармонизации) национальных законодательств» и т. д.

Полагаем, что существующие доктринальные и законодательные подходы к определению содержания термина «унификация» указывают на необходимость систематизации законодательства, образующего целостную взаимосвязанную систему права. И в данном случае можно согласиться с К.Ю. Тотьевым, отметившим, что систематизация правовых норм и является основной целью унификации³.

По нашему мнению, рациональная унификация уголовного законодательства сократит количество уголовно-правовых норм и будет способствовать более правильному его применению, поскольку гораздо проще применять одну норму, нежели несколько охватывающих охрану единого объекта, при этом «болезненно» конкурирующих между собой.

В науке уголовного права ученые, исследующие проблемы противодействия преступности, также затрагивают вопросы унификации уголовного антиэкстремистского законодательства, предлагая при этом различные подходы к ее реализации.

Так, например, по мнению В.А. Бурковской, статьи 282¹, 282², а также статья 239 УК РФ содержат в себе трудно разграничиваемые составы преступлений,

---

¹ См.: Информационный бюллетень МПА СНГ. 2005. № 36. С. 256–284.

² См.: Российская газета. 1999. 30 октября.

³ См.: Тотьев К.Ю. Унификация антимонопольного законодательства России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 6. С. 10.

что, с ее точки зрения, предполагает необходимость их унифицирования путем устранения статей 282¹ и 282² УК РФ и внесения соответствующих изменений и дополнений в статью 239 УК РФ¹.

Соглашаясь с автором о необходимости унификации всего существующего антиэкстремистского законодательства, отметим, что это будет являться условием создания целостной его системы.

А.В. Павлинов, осознавая значимость затронутой проблемы, предлагает следующий авторский подход по наполнению содержания главы 29 УК РФ. По его мнению, она должна включать в себя преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 205, 205¹, 205², 208, 278, 279, 280, 282 УК РФ. При этом так же, как и В.А. Бурковская, поддерживая идею исключения из уголовного закона статей 282¹ и 282² УК РФ по причине их противоречивости².

В целом разделяя мнение автора о необходимости систематизации и унификации исследуемых деяний, следует отметить, что, *во-первых*, предлагаемый перечень не охватывает всех деяний, которые должны быть включены в эту группу (например, таких, которые предусмотрены в ст. 206, 207, 212, 239 УК РФ и иных, исходя из предложенного нами перечня); *во-вторых*, декриминализация статей 282¹ и 282² Уголовного кодекса РФ не решит проблем борьбы с экстремизмом, а лишь усложнит их. Исключая данные статьи из УК, считаем, что целесообразно на их основе создать более совершенные унифицированные уголовно-правовые нормы.

Вопросы унификации уголовного антиэкстремистского законодательства затронула в своей работе и В.В. Ревина, предложившая убрать из УК РФ статью 282¹ в случае модификации статьи 210 УК РФ³. Однако, на наш взгляд, при таком решении опять-таки пострадает систематизация, а именно не будут учтены различия в объектах соответствующих деяний.

---

¹ См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 344.

² См.: Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 275.

³ См.: Ревина В.В. Экстремизм в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 150.

Р.М. Узденов, поддерживая мнение о необходимости унификации норм, расположенных в главе 29 УК РФ, критикует излишнее выделение двух самостоятельных составов преступлений, закрепленных в статьях 282¹ и 282² УК РФ¹. Автором данной концепции предлагается исключить из уголовного закона статью 282² УК РФ, а на основе статьи 282¹ УК РФ создать единую норму, устанавливающую ответственность за организацию экстремистской организованной группы или экстремистского сообщества (организации).

Проведенное исследование, показавшее наличие различных доктринальных подходов и обоснований необходимости систематизации и унификации преступлений экстремистской направленности, еще раз подтверждает актуальность предложенной нами концепции.

Полагаем, что унификация норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности, представляет собой разновидность систематизации путем сокращения этих норм, через обеспечение определенного их тождества, в первую очередь основанного на особенностях объекта посягательства (общественная безопасность, конституционный строй, мир и безопасность человечества) и мотивации преступного поведения (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), в целях приведения их к единообразию и повышения эффективности их применения.

В целом, затронув общетеоретические вопросы систематизации и унификации российского антиэкстремистского законодательства, считаем необходимым более подробно остановиться на проблеме систематизации преступлений экстремистской направленности.

Мы в своей работе предпримем попытку систематизировать исследуемые деяния через призму ранее предложенной авторской концепции и существующие в этой области законодательные и доктринальные достижения.

---

¹ См.: Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 183.

Применительно к преступлениям экстремистской направленности вопрос об их систематизации до сих пор остается открытым как в доктрине, так и в законодательстве. Существующие сегодня системы этих деяний неоднозначны и порождают массу споров, так как носят разрозненный и без системный характер, направлены лишь на непосредственное обоснование видения конкретной авторской позиции. Нет ясности в этом вопросе и у законодателя¹.

Так, например, в рамках действующего российского уголовного законодательства были реализованы два отличительных друг от друга подхода, определяющих содержание преступлений экстремистской направленности.

Первый из них нашел свое отражение в УК РФ в процессе криминализации преступления, предусмотренного статьей 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества»², диспозиция которой включала в себя исчерпывающий перечень преступлений экстремистской направленности³.

Такой подход породил массу дискуссий как среди ученых, так и правоприменителей. *Во-первых*, не были понятны критерии, которые были положены в основу систематизации соответствующих преступлений⁴. *Во-вторых*, присутствовало ощущение произвольности в наборе тех преступлений, которые составили упомянутый выше перечень. *В-третьих*, хотя перечень и был закрытым, что упрощало непосредственно применение закона, однако он не включал в себя ряд

¹ См.: *Петрянин А.В.* Аргументация ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности // Юридическая техника: Ежегодник. № 7, часть 1 «Юридическая аргументация: теория, практика, техника». Сборник статей. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. С. 270–275.

² О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 № 112-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3029.

³ К таковым относились: воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148), воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149), хулиганство (ст. 213), вандализм (ст. 214), уничтожение или повреждение памятников истории или культуры (ст. 243), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282), которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

⁴ *Розенко С.В.* Экстремизм в России: состояние и проблемы уголовной ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 1. С. 129.

деяний, являющихся радикально экстремистскими, например, террористический акт, геноцид и т. д.

Редакция статьи 282¹ УК РФ от 24 июля 2007 года¹, которая действует и поныне, кардинально изменила существующий до этого подход к определению исследуемой группы преступлений. Перечень деяний, входящих в рассматриваемую группу, был исключен из диспозиции статьи. Вместо этого в статье 282¹ УК РФ появилось примечание 2, содержащее в себе легальное определение преступления экстремистской направленности, включившее в себя исключительно мотивацию преступного поведения.

Таким образом, круг преступлений экстремистской направленности стал практически неограниченным. В настоящее время к ним может быть отнесено любое деяние, закрепленное в Особенной части УК РФ, совершенное по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Отдельные авторы поддерживают реализованный законодательный подход, отмечая, что это вынужденная мера законодателя, поскольку многообразные проявления экстремистской деятельности стали реальной угрозой для безопасности общества и государства в целом².

Отчасти понимая бесперспективность развития этого направления, в рамках деятельности правоохранительных органов предпринимаются попытки определения четкого их перечня. В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 19 ноября 2009 года № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности»³ к рассматриваемой группе преступлений предлагается относить закрытый перечень

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон РФ от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

² См., напр.: *Кибальник А.* Борьба с экстремизмом и противоречивость уголовной политики // Уголовное право. 2008. № 2. С. 127; *Саркисов Д.Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12 и др.

³ СПС «КонсультантПлюс».

деяний¹, при условии, если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Кроме того, существует Указание Генпрокуратуры РФ № 744/11 и МВД России № 3 от 31 декабря 2014 года «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»², содержащее две самостоятельные группы, включающих в себя деяния, непосредственно относящиеся к экстремистским³.

Анализ положений, закрепленных в упомянутом Указании Генпрокуратуры и МВД России, позволяет констатировать, что, *во-первых*, система преступлений экстремистской направленности, изложенная в нем, является весьма условной; *во-вторых*, группы преступлений экстремистской и террористической направленности, входящих в нее, не соответствуют нормативным установлениям, отраженным в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ и в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». Все это дает нам основание сделать вывод о том, что предпринятая попытка определить систему экстремистских деяний и их исчерпывающий перечень является явно неудачной, так как не дает возможности оценить всего многообразия современного экстремизма.

Проблема систематизации преступлений экстремистской направленности на нормативном уровне, на наш взгляд, главным образом, связана с неопределенностью самого законодателя относительно содержания критериообразующих признаков рассматриваемой группы преступлений и отсутствием

---

¹ Закрепленные в статьях 136, 148, 149, 212, 239, 278–280, 282–282², 357 УК РФ, а также статьях 105, 111, 112, 115–117, 119, 141–142¹, 150, 213, 214, 243, 244, 281, 335, 336 УК РФ.

² Там же.

³ а) преступления, которые без наличия дополнительных условий непосредственно относятся к экстремистским: пункт «л» части 2 статьи 105, пункт «е» части 2 статьи 111, пункт «е» части 2 статьи 112, пункт «б» части 2 статьи 115, пункт «б» части 2 статьи 116, пункт «з» части 2 статьи 117, часть 2 статьи 119, пункт «б» части 1 статьи 213, статьи 280, 282, 282¹, 282², 282³, 357 УК РФ; б) деяния, которые могут быть отнесены к экстремистским при условии наличия в статистической карточке отметки о совершении преступления по мотивам ненависти либо вражды идеологической, политической, расовой, национальной, религиозной в отношении какой-либо социальной группы: части 3 и 4 статьи 111, статьи 136, 141, 142, 142¹, 148, 149, часть 4 статьи 150, статьи 212, 213, 214, 239, 243, 244, 278, 279, 335, 336, 254¹ УК РФ.

легального определения таких дефиниций, как «экстремизм» и «экстремистская деятельность», о чем нами говорилось уже неоднократно.

В доктрине также нет единства во мнениях в вопросе определения системы исследуемых деяний. В научных изысканиях существует бесчисленное количество предлагаемых классификаций, в основу которых положены различные критерии.

Первая группа ученых пытается обосновать выделение особой системы преступлений экстремистской направленности, основанной на критериях, заложенных в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», а также мотивации, закрепленной в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ, на основании которых предлагается определенный перечень этих деяний.

Так, по мнению А.С. Скудина, В.Д. Ларичева и Ю.С. Варанкиной, их целесообразно подразделить на две самостоятельные группы. Первая должна включать в себя деяния, предусмотренные статьей 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а вторая – преступления, совершаемые в соответствии с мотивами, закрепленными в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ¹.

Близка к изложенной выше позиции и точка зрения В.В. Ревинной и А.В. Гриненко², считающих, что при решении проблемы систематизации анализируемых деяний следует ориентироваться на положения, закрепленные в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», а также на мотивацию, нашедшую отражение в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ³.

Следует, однако, отметить, что соотношение Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» с соответствующими статьями уго-

---

¹ См.: Скудин А.С., Ларичев В.Д., Варанкина Ю.С. Правовые меры противодействия экстремизму: монография. М., 2012. С. 67.

² См.: Ревина В.В. Экстремизм в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 78–82; Гриненко А.В. Понятие и классификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 32–34.

³ По их мнению, к преступлениям экстремистской направленности относятся деяния, закрепленные в пункте «л» части 2 статьи 105, пункте «е» части 2 статьи 111, пункте «е» части 2 статьи 112, пункте «б» части 2 статьи 115, пункте «б» части 2 статьи 116, пункте «з» части 2 статьи 117, части 2 статьи 119, статьях 136, 141, части 4 статьи 150, пункте «б» части 1 статьи 213, части 2 статьи 214, пункте «б» части 2 статьи 205, статьях 205¹, 205², 206, 208, 212, 244, 278, 279, 280, 282, 282¹, 319, 360 УК РФ.

ловного закона, выделенными авторами, позволяет усомниться в их непосредственной взаимосвязи.

Е.П. Сергун, являющийся представителем этой же точки зрения, считает, что в основу системы преступлений экстремистской направленности должны быть положены только те критерии, которые отражены в действующем уголовном законодательстве. Поэтому, по его мнению, исследуемые деяния также делятся на две самостоятельные группы. Первая состоит из деяний, непосредственно содержащих в себе экстремистские мотивы¹. Вторая включает в себя все иные составы преступлений, совершаемых по мотивам, указанным в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ².

Как видим, предлагаемая система основывается на комбинированном подходе, который учитывает не только деяния, указанные в авторском перечне, но и все иные, совершенные по соответствующим мотивам. Полагаем, что потребность выделения конкретных видов преступлений экстремистской направленности в данном случае выглядит дискуссионно, поскольку они, как и вторая предлагаемая группа, основаны исключительно на экстремистской мотивации.

С.В. Борисов и А.В. Жеребченко³ также предлагают авторскую систему преступлений экстремистской направленности⁴.

Считаем, что она является весьма интересной. В отличие от ранее проанализированного подхода, авторы настаивают на выделении исчерпывающего круга деяний, входящих в эту систему, без возможности их расширения, даже при наличии экстремистской мотивации. В целом разделяя точку зрения С.В. Борисова и А.В. Жеребченко, полагаем, что предложенный перечень может быть расширен с учетом криминализации новых экстремистских деяний.

---

¹ П. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115; п. «б» ч. 2 ст. 116; п. «з» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 119; ч. 4 ст. 150; п. «б» ч. 1 ст. 213; ч. 2 ст. 214; п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ.

² См.: *Сергун Е.П.* Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 127–128.

³ См.: *Борисов С.В., Жеребченко А.В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности. М., 2010. С. 13.

⁴ Пункт «л» части 2 статьи 105, пункт «е» части 2 статьи 111, пункт «е» части 2 статьи 112, пункт «б» части 2 статьи 115, пункт «б» части 2 статьи 116, пункт «з» части 2 статьи 117, часть 2 статьи 119, часть 4 статьи 150, пункт «б» частей 1 и 2 статьи 213, часть 2 статьи 214, пункт «б» части 2 статьи 244, статьи 280, 282, 282¹, 282² УК РФ.

Вторая группа ученых предлагает альтернативные подходы при определении исследуемой нами системы преступлений и следующие классификации преступлений экстремистской направленности. Первая должна включать такие из них, которые посягают на различные сферы общественных отношений: а) деяния, непосредственным объектом которых являются конституционные права и свободы человека и гражданина (ст. 136, 148, 149 УК РФ); б) деяния, непосредственным объектом которых выступает общественная безопасность (ст. 205, 205¹, 208 УК РФ); в) деяния, посягающие на общественный порядок (ст. 212, 213, 214 УК РФ); г) деяния, направленные на общественную нравственность (ст. 243, 244 УК РФ); д) деяния, непосредственным объектом которых выступают основы конституционного строя и безопасности государства (ст. 278, 279, 280, 282¹, 280² УК РФ)¹.

В отличие от изложенных выше точек зрения, в основу анализируемой систематизации положен не мотив, а объект посягательства. Однако дискуссионным представляется выделение в качестве основных непосредственных объектов экстремистских деяний таких общественных отношений, как общественная нравственность. Мы не отрицаем, что они чисто гипотетически могут ставиться под угрозу причинения вреда или нарушаться при совершении преступлений экстремистской направленности, но, на наш взгляд, при этом рассматриваться лишь в качестве дополнительных или факультативных объектов.

В другой своей работе С.Н. Фридинский сформулировал и обосновал иную систему исследуемых преступлений, включающую в себя три самостоятельные группы деяний. В основу первой положены экстремистские побуждения, направленные на насильственное распространение экстремизма (ст. 280, 282, 282¹, 282² УК РФ). Вторую группу составили деяния, совершенные на основе экстремистской мотивации. Третью образовали деяния террористической направленности как наиболее радикальной формы экстремизма².

---

¹ См.: *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. С. 18.

² См.: *Фридинский С.Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.,

Таким образом, при разделении преступлений экстремистской направленности С.Н. Фридинский учитывал не только мотивацию, но и степень общественной опасности соответствующих деяний. Однако, на наш взгляд, перечень «чистых» экстремистских преступлений представлен весьма узко и включает в себя лишь те составы, которые закреплены в главе 29 УК РФ. Между тем, нормы о таких деяниях, безусловно, встречаются и в других главах уголовного закона. Хотя предложенный автором подход по четкому определению объектов преступлений экстремистской направленности, с нашей точки зрения, заслуживает внимания и поддержки, что нами было выделено в рамках предлагаемой авторской концепции.

Развитие научного направления в области определения исчерпывающего перечня общественных отношений, которые непосредственно страдают или ставятся под угрозу причинения вреда, нашло свое отражение и в работах В.А. Бурковской¹.

По ее мнению, в основу построения системы преступлений экстремистской направленности должно быть положено содержание видового объекта².

Р.М. Узденов, также являющийся представителем рассматриваемого направления, критерием систематизации рассматриваемой группы считает общественные отношения, обеспечивающие в той или иной мере безопасность конституционного строя Российской Федерации. По этому основанию он выделяет че-

---

2011. С. 9.

¹ См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 229.

² По ее мнению, систематизация вышеназванных деяний должна выглядеть следующим образом: а) деяния, посягающие на отношения, обеспечивающие реализацию основ конституционного строя в части охраны установленного в Конституции РФ (ч. 5 ст. 13, ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 30), а также в иных нормативных правовых актах (федеральные законы «О свободе совести и о религиозных объединениях», «Об общественных объединениях», «О противодействии экстремистской деятельности», «О борьбе с терроризмом» и др.) порядка создания и функционирования религиозных или общественных объединений либо других организаций (ст. 239, 282¹, 282² УК РФ); б) деяния, посягающие на отношения, обеспечивающие идеологическое многообразие (ст. 13 Конституции РФ), свободу слова и средств массовой информации (ст. 29 Конституции РФ) как составляющей части основ конституционного строя и общественной безопасности (ст. 280 УК РФ); в) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие конституционный запрет на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 282 УК РФ).

тыре группы таких общественных отношений: «а) отношения, обеспечивающие реализацию конституционного статуса личности (ст. 105, 108, 110 – 112, 114 – 117, 119 – 122, 124 – 133, 136 – 141, 148, 149 УК РФ); б) отношения, обеспечивающие реализацию конституционных основ экономических отношений (ст. 158 – 163, 165, 167, 169, 178, 179 УК РФ); в) отношения, обеспечивающие реализацию конституционных основ общественного строя (ст. 205, 206, 208, 212, 213, 214, 239, 243, 244, 353, 354, 357, 360 УК РФ); г) отношения, обеспечивающие реализацию конституционных основ государственного строя (ст. 277 – 282² УК РФ)»¹.

Частично соглашаясь с мнением Р.М. Узденова, что охрана конституционного строя, конечно же, выходит за рамки главы 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», отметим, что дополнительный объект в целом не отражает сущности совершаемого преступления и поэтому, с нашей точки зрения, не может быть положен в основу систематизации.

Продолжая научную дискуссию, А.В. Павлинов совершенно справедливо указывает на то, что преступления, непосредственно связанные с проявлением криминального антигосударственного экстремизма, расположены в разных главах Уголовного кодекса, что предопределяет их посягательство на различные группы охраняемых уголовным законом общественных отношений. Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о том, что предлагаемые сегодня систематизации преступлений экстремистской направленности, основная масса которых сосредоточена в главе 29 УК РФ, не могут охватывать их в полном объеме, в первую очередь из-за особенностей видового объекта данной главы. В результате он предлагает решать поставленный вопрос через призму выделения единого объекта экстремистских преступлений².

Однако, как мы ранее уже аргументировали, выделение лишь только объекта посягательства не будет являться достаточным основанием для формирования системы преступлений экстремистской направленности.

---

¹ Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 188.

² См.: Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 192–192.

И это были два наиболее распространенных подхода, существующих в уголовно-правовой доктрине, в целом имеющие существенное значение в области дальнейшего формирования законодательной концепции в области противодействия экстремизму.

Однако в науке существуют и иные точки зрения по рассматриваемому вопросу.

Так, например, М.Г. Жилкин с учетом рассредоточенности преступлений экстремистской направленности по различным разделам и главам Уголовного кодекса РФ предлагает свою систему преступлений экстремистской направленности, разделив их на пять самостоятельных групп: а) отдельно закрепленные в Уголовном кодексе проявления экстремизма (ст. 280, 282, 282¹, 282² УК РФ); б) деяния, относящиеся к экстремистским в соответствии с примечанием к ст. 282¹ УК РФ (ст. 148, 149, 213, 214, 243, 244 УК РФ); в) преступления террористической направленности (ст. 205, 205¹, 205² УК РФ); г) «сопутствующие» экстремизму преступления (ст. 105, 111, 112, 117, 126, 127, 127.1, 127.2, 167, 206, 208, 209 УК РФ и т. д.); д) преступления, совершенные на основании «экстремистской мотивации» (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ и т. д.).

Этот подход, с одной стороны, является весьма интересным, а с другой – частично дискуссионным.

Интерес и дискуссию вызывает, в частности, четвертая группа выделяемых деяний. Определив ее как «сопутствующую», автор закрепляет в ней те, которые зачастую квалифицируются по совокупности с преступлениями, включенными в первую или вторую группу. При этом нетрудно заметить, что они даже минимально не отражают специфические особенности экстремизма. Кроме того, их открытый перечень предполагает, что любое преступление, кроме перечисленных, может быть отнесено к указанной группе, что также ставит под сомнение ее выделение.

Исследовав законодательные и доктринальные подходы к определению преступлений экстремистской направленности, с учетом авторского видения дальнейшего развития законодательной концепции в области противодействия

криминальным формам экстремистских проявлений, полагаем, что в основу систематизации указанных деяний должны быть положены два неразрывных между собой критериообразующих признака, в целом и представляющих содержание антиэкстремистской концепции, – это видовой объект и мотив посягательства. Это и будет отражать непосредственную сущность современного экстремизма, на что нами было указано и обосновано в рамках параграфа, раскрывающего концепцию уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности.

На основании вышеизложенного и учитывая авторскую концепцию, предлагаемая нами система выглядит следующим образом:

1) преступления, причиняющие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану общественной безопасности России (ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212 УК РФ);

2) деяния, посягающие на общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации (ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³ УК РФ);

3) деяния, наносящие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества (ст. 354¹, 357, 360 УК РФ).

Наряду с этим предлагаем изложить примечание 1 статьи 282¹ УК РФ в следующей редакции: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, предусмотренные статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³, 354¹, 357, 360 УК РФ».

Вышеизложенные аргументы позволяют утверждать, что преступления, основанные лишь на мотивации политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо на мотивах ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, в связи с тем, что их непосредственный объект не связан с общественной безопасностью, конституционным строем, а также и миром и безопасностью человечества, не могут признаваться

преступлениями экстремистской направленности. Это дает нам основание для выделения самостоятельной группы деяний, основанной на наличии в действиях виновного отягчающего вину признака, указанного в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ¹.

Полагаем, что к данной группе могут быть отнесены следующие преступления, содержащие в себе соответствующий признак: пункт «л» части 2 статьи 105 УК РФ; пункт «е» части 2 статьи 111 УК РФ; пункт «е» части 2 статьи 112 УК РФ; пункт «б» части 2 статьи 115 УК РФ; пункт «б» части 2 статьи 116 УК РФ; «з» части 2 статьи 117 УК РФ; часть 2 статьи 119 УК РФ; часть 4 статьи 150 УК РФ; пункт «б» части 2 статьи 244 УК РФ.

К ней мы отнесли и другие деяния, не имеющие закрепления в статьях вышеуказанных отягчающих признаков, но совершенные по мотивам, указанным в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ.

Поэтому считаем вполне обоснованным и аргументированным выделение двух самостоятельных групп преступлений, образующих самостоятельные системы:

- 1) преступления экстремистской направленности;
- 2) деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Систематизировав преступления экстремистской направленности с учетом мотивации и объектов посягательств, обратимся к определению понятия этих деяний.

К сожалению, по данному вопросу в доктрине уголовного права также не существует общего подхода. Основная масса ученых, стремясь очертить круг рассматриваемых преступлений, высказывают мнение о том, что к ним могут относиться деяния, основанные на соответствующей экстремистской мотивации,² что

---

¹ То есть не преступление экстремистской направленности, а деяние, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

² См.: Бикеев И.И., Никитин А.Г. Уголовно-правовой анализ законодательства о противодей-

в целом соответствует положениям, закрепленным в примечании к ст. 282¹ УК РФ.

А.А. Васильченко и А.А. Швыркин, в целом разделяющие вышеназванный подход, предполагают рассматривать в качестве таковых еще и публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или субъекта РФ¹.

Е.П. Сергун вообще исключает необходимость закрепления в уголовном законе понятия «преступления экстремистской направленности». Но, вместе с этим, данная дефиниция, по его мнению, обязательно должна использоваться в науке российского уголовного права². Ученый считает, что при квалификации рассматриваемой группы преступлений достаточно лишь мотива, непосредственно указанного в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ.

С нашей точки зрения, анализируемый подход критичен по причине того, что преступления экстремистской направленности должны определяться не только с учетом особой мотивации преступного поведения, но также с учетом значимости нарушаемых при их совершении общественных отношений, что и предопределяет их самостоятельную разновидность, указывающую на особый вид и уровень общественной опасности.

Р.М. Узденов определяет принципиально иное направление в определении исследуемой группы преступлений. По его мнению, к ним могут быть отнесены только те деяния, которые непосредственно направлены на незаконное присвоение или изменение существующей власти, а также воздействие на принятие решения соответствующими субъектами в интересах экстремистов. К этой же груп-

---

ствии экстремистской деятельности и некоторые вопросы его совершенствования // Следователь. 2007. № 4. С. 3; См.: *Борисов С.В.* Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 13; См.: *Ревина В.В.* Экстремизм в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 84; См.: *Борисов С.В., Жеребченко А.В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие. М., 2010. С. 11.

¹ См.: *Васильченко А.А., Швыркин А.А.* Разграничение преступлений террористической и экстремистской направленности // *Экстремизм и другие криминальные явления.* М., 2008. С. 36.

² См.: *Сергун Е.П.* Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 129.

пе он относит и преступления, основанные не только на классических экстремистских мотивах, но и на половом признаке, а также должностном положении¹.

Из предлагаемой дефиниции видно, что автор предпринял попытку разделения преступлений экстремистской направленности на две группы. В первой объектом посягательства выступает конституционный строй и авторитет государственной власти. Вторая включает в себя любые деяния, совершенные по мотивам, указанным Р.М. Узденовым. Заслуживает внимания попытка автора в рамках предлагаемого определения выделить преступления экстремистской направленности в «чистом» их виде. Однако, на наш взгляд, они содержатся не только в главе 29 УК РФ, в связи с чем считаем необходимым расширить этот перечень.

Наличие принципиально отличающихся друг от друга проанализированных дефиниций, по нашему мнению, обусловлено тем, что, *во-первых*, экстремистские преступления – это сравнительно новая разновидность общественно опасных деяний, *во-вторых*, сказалось неоднозначное отношение ученых и практиков к проблеме законодательного решения о круге таких преступлений.

Подводя итог анализу точек зрения по вопросу выработки дефиниции «преступления экстремистской направленности», с учетом нашей авторской концепции, считаем, что в ее основу должны быть положены два критерия, дающие возможность для четкого определения рассматриваемой группы деяний, – объект и мотивация преступного посягательства.

Принимая их во внимание, мы определяем данные преступления как *деяния, направленные на подрыв общественной безопасности, конституционного строя и мира и безопасности человечества, основанные на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах, предусмотренные статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³, 354¹, 357, 360 УК РФ*. Считаем, что данная дефиниция должна найти свое закрепление в Федеральном законе «О противодействии экс-

---

¹ См.: Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 193.

тремистской деятельности» в рамках статьи 1, определяющей основные понятия, используемые в Законе.

Мы еще раз подчеркиваем, что предложенное нами определение позволяет сделать вывод о том, что признаки, характеризующие экстремистские преступления, не носят универсального характера и могут относиться только к преступлениям, предусмотренным в главах 24, 29 и 34 УК РФ.

§ 3. Проблемы применения (квалификации) норм об ответственности за преступления экстремистской направленности и направления их решения

Актуализируя выбранное нами научное направление, хотелось бы подчеркнуть, что квалификация преступлений имеет большое значение для правовой оценки деяний экстремистской направленности по причине их рассредоточенности по различным разделам и главам Уголовного кодекса РФ, что, в первую очередь, и определяет проблемы их правоприменения. Анализ сложившейся практики показал, что наиболее часто ошибки в квалификации указанных преступлений связаны с неправильным определением объекта соответствующего посягательства и установлением мотивов преступного поведения.

Н.К. Семернева совершенно справедливо отмечает, что основными причинами таких ошибок являются использование огромного количества оценочных понятий и нечеткая формулировка ряда уголовно-правовых норм, что не дает возможности для объективной оценки противоправного поведения¹.

Поэтому в целях выявления особенностей квалификации рассматриваемой группы деяний представляется методологически целесообразным провести исследование проблем их квалификации через призму элементов состава преступления.

С учетом того, что в соответствии с действующим законодательством любое деяние, при наличии экстремистской мотивации, может быть отнесено к ис-

---

¹ См.: Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М., 2010. С. 4.

следуемой группе, мы сочли возможным остановиться лишь на исследовании тех преступлений, которые порождают наибольшее количество споров, как в доктрине, так и в правоприменительной деятельности, с учетом предложенной нами концепции.

Осознавая особую роль *объекта преступления* при квалификации преступлений вообще и деяний экстремистской направленности в частности, необходимо в первую очередь исследовать данный элемент состава преступления.

Основываясь на ранее предложенной нами дефиниции экстремизма, считаем, что в качестве непосредственных объектов уголовно-правовой охраны при совершении рассматриваемой группы преступлений должны выступать общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, нормального функционирования конституционного строя, сохранения мира и безопасности человечества.

Между тем Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что преступления экстремистской направленности посягают не только на указанные выше публичные интересы, но и на закрепленные в Конституции РФ права и свободы человека¹. Полагаем, что такой вывод сделан высшей судебной инстанцией с учетом положений, закрепленных в преамбуле Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»².

Эти обстоятельства и придают особую значимость объекту в преступлениях экстремистской направленности, поскольку основная масса этих деяний посягает на два, а в некоторых случаях и на три объекта уголовно-правовой охраны (это и свидетельствует об их повышенной общественной опасности), что дает нам основание для выделения основного, дополнительного и факультативного его видов. При этом, с нашей точки зрения, посягательство на непосредственный объект зачастую происходит через первоначальное причинение вреда дополнительному или факультативному объектам.

---

¹ См.: О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. 2011. № 5518.

² Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

Отметим, что в рамках существующего законодательства этот принцип зачастую нарушается, поскольку непосредственным объектом признается то общественное отношение, которое не отражает сущности соответствующего деяния. Нарушается он и при квалификации преступлений экстремистской направленности.

Например, в случае признания убийства, предусмотренного пунктом «л» части 2 статьи 105 УК РФ, преступлением экстремистской направленности в качестве непосредственного объекта выступает жизнь человека. Однако по общим правилам квалификации преступления непосредственный объект и должен определяться исходя из мотивации совершаемого деяния, что нами уже отмечалось в предыдущем параграфе исследования.

Лицо, совершающее убийство, предусмотренное пунктом «л» части 2 статьи 105 УК РФ, безразлично относится к характеристикам потерпевшего, за исключением тех, которые определяют его мотив. Для него не имеют значения возраст, пол, семейное положение, род деятельности. Ему в данном случае важна расовая, религиозная, политическая или иная принадлежность, непосредственно связанная с мотивом совершения преступления (в 87,4% случаев это подтверждают и материалы изученных нами уголовных дел). То есть потерпевший для виновного обезличен и выступает лишь в качестве инструмента воздействия на то общественное отношение, которое непосредственно определяется его мотивом, и в данном случае в качестве такового могут выступать общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, безопасность конституционного строя и государства либо безопасность мира и человечества.

Все это находит свою четкую аргументацию при исследовании судебно-следственной практики. Примером сказанному может служить приговор Нижегородского областного суда по уголовному делу № 2-6К от 28 апреля 2010 года¹. Установлено, что целью нападений осужденных являлось причинение вреда собственности, жизни и здоровью лиц неславянской внешности в целях очищения территории проживания от иноверцев, что указывает на безразличие к дополни-

---

¹ См.: Архив Нижегородского областного суда.

тельным персональным характеристикам личности потерпевшего, за исключением его национальной принадлежности, что и выступило в качестве причины преступного поведения¹.

Материалы Нижегородского областного суда по уголовному делу № 2-14/10 от 15 июня 2010 года также свидетельствуют о том, что жизнь и здоровье при посягательствах на личность, основанных на экстремистской мотивации, являются лишь инструментом достижения поставленных целей. Так, С., являясь участником национал-социалистического движения и разделяя идеи о невозможности проживания на территории Российской Федерации лиц неславянской национальности, руководствуясь национальной ненавистью, решил объединить единомышленников в организованную группу для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности в отношении вышеуказанной категории лиц². Схожая позиция встречалась нами и в иных судебных решениях как в Нижегородской области, так и в других субъектах Российской Федерации.

Как мы полагаем, это дает нам легитимное основание утверждать, что жизнь и здоровье в рассмотренных случаях выступают в качестве дополнительного объекта. Учитывая мотивацию совершенных деяний, что в полном объеме было доказано в рамках расследования проанализированных уголовных дел, в качестве непосредственного объекта целесообразно рассматривать общественные отношения, направленные на обеспечение основ конституционного строя и безопасности государства.

В поддержку выдвигаемой нами научной гипотезы хотелось бы привести следующие аргументы.

Во-первых, в доктрине также существует схожая точка зрения, основываясь на которой, можно подчеркнуть, что причинение вреда непосредственному объекту при совершении преступлений экстремистской направленности в рамках обеспечения толерантности и терпимости между различными социальными группами и их представителями происходит за счет совершения деяний, в первую очередь

---

¹ Материалы уголовного дела № 2-6К.

² Материалы уголовного дела № 2-14/10 от 15 июня 2010 года.

посягающих на иной непосредственный объект, например, жизнь, здоровье, иные права и свободы личности, общественный порядок¹.

Во-вторых, этот юридико-технический прием все чаще и чаще реализуется в действующем уголовном законодательстве.

Например, возьмем за анализ ст. 162 («Разбой») УК РФ. Исходя из места расположения нормы, мы приходим к выводу о том, что непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются отношения собственности. Однако, если мы буквально исследуем содержание диспозиции этой статьи, а также положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», мы видим, что посягательству на собственность обязательно предшествует посягательство на жизнь и здоровье. То есть сначала причиняется вред, опасный для жизни и здоровья потерпевшего, либо создается реальная угроза его причинения, а только потом происходит нарушение имущественных отношений, отношений собственности.

По такому же алгоритму сформированы составы, закрепленные в ст. 277 УК РФ («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»); ст. 295 УК РФ («Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»); ст. 317 УК РФ («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»).

Схожая позиция, была частично реализована и в рамках ст. 205 УК РФ «Террористический акт» и ст. 206 УК РФ «Захват заложника». Понимая, что основной причиной охраны жизни в рамках «б» части 3 статьи 205 и части 4 статьи 206 УК РФ стали изменения, коснувшиеся уголовно-процессуального законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ), однако мы считаем, что в них учтен и реализован в том числе и предлагаемый нами подход, установивший, что жизнь человека при совершении террористического акта не может выступать в качестве непо-

---

¹ См.: *Борисов С.В.* Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 14; См.: *Хлебушкин А.* Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6. С. 74–81.

средственного объекта. Полагаем, что это указывает на обоснованность и аргументированность выдвигаемого нами предложения.

Данное обстоятельство может быть учтено и в отношении преступлений, предусмотренных пунктом «л» части 2 статьи 105; пунктом «е» части 2 статьи 111; пунктом «е» части 2 статьи 112; пунктом «б» части 2 статьи 115; пунктом «б» части 2 статьи 116; пунктом «з» части 2 статьи 117; части 2 статьи 119 УК РФ.

Вышеизложенное предопределяет необходимость создания самостоятельного состава преступления в главе 29 УК РФ, предусматривающего ответственность за посягательства на личность по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, которое может носить название «Экстремистское посягательство на личность». Считаем, что эта статья будет являться универсальной нормой, стоящей на охране жизни и здоровья личности в случае посягательства, основанного исключительно на экстремистской мотивации, определяя при этом правильную расстановку объектов уголовно-правовой охраны, где жизнь и здоровье выступают в качестве дополнительных или факультативных объектов.

Криминализация предлагаемого состава преступления должна повлечь за собой исключение из статей 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119 УК РФ такого квалифицирующего признака, как «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Не меньшее значение объект преступления имеет и в рамках преступлений экстремистской направленности, закрепленных в главе 29 УК РФ.

Так, относя деяние, ответственность за которое предусмотрена статьей 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), к исследуемой группе преступлений, мы сталкиваемся с проблемой определения его непосредственного объекта. Дело в том, что диспозиция статьи сконструиро-

вана как простая, а это не дает возможности установить обязательные признаки деяния, прямо или косвенно связанные с объектом посягательства.

По этой причине в доктрине уголовного права существует множество подходов по определению рассматриваемого непосредственного объекта. Так, по мнению Б.В. Яценко, таковым выступают общественные отношения, направленные на обеспечение внутренней безопасности России¹. Действительно, чаще всего публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности совершаются на территории России, что и предполагает непосредственное посягательство на внутреннюю безопасность. Однако, на наш взгляд, в данном случае страдает не только внутренняя, но и внешняя безопасность как взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы безопасности в целом. При этом также не исключен вариант совершения вышеуказанного деяния, содержащего призывы, направленные против России, за рубежом, что указывает на посягательства на внешнюю безопасность нашего государства и дает в данном случае основание на применение статьи 280 УК РФ с учетом закрепленного в части 3 статьи 12 УК РФ реального принципа действия уголовного закона в пространстве. В связи с этим необходимо рассматривать в качестве объекта безопасность в целом, без деления ее на внутреннюю и внешнюю.

По мнению А.Е. Беляева, в качестве непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного указанной статьей, выступают конституционные основы политической системы Российской Федерации². Не отрицая политизированности современного экстремизма, тем не менее, полагаем, что при совершении деяний экстремистской направленности страдает не только политическая составляющая конституционного строя.

Представляется, что при определении непосредственного объекта того или иного преступления в первую очередь следует обращаться к названию главы, в которой расположена соответствующая норма. Статья 280 УК РФ находит свое закрепление в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного

---

¹ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2004. С. 440.

² См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. В.И. Радченко. М., 2004. С. 454.

строю и безопасности государства», что дает нам основание предположить, что непосредственным объектом соответствующего деяния выступает конституционный строй России и в целом безопасность государства. Эту точку зрения поддерживает и С.Н. Фридинский¹.

Схожий, но более широкий подход с точки зрения содержания объекта названного преступления высказывает Р.С. Тамаев, рассматривающий в качестве такового не только основы конституционного строя и безопасность государства, но и конституционные права и свободы человека и гражданина, а также общественную безопасность и общественный порядок², что, по нашему мнению, выходит за рамки именно непосредственного объекта.

Имеются и другие взгляды о содержании объекта анализируемого состава.

Учитывая высокий уровень бланкетности диспозиции статьи 280 УК РФ и то, что большая часть ученых в рамках предлагаемых определений непосредственного объекта используют термины «конституционный строй» и «безопасность», считаем, что необходимо обратиться к анализу соответствующих категорий.

Юридический энциклопедический словарь определяет *конституционный строй* как систему социальных, экономических и политико-правовых отношений, устанавливаемых и охраняемых конституцией и другими конституционно-правовыми актами государства³. Обязательными признаками конституционного строя являются народный суверенитет, разделение властей, нерушимость и неотчуждаемость общепризнанных прав и свобод человека.

Так как обеспечение безопасности является одним из инструментов организации нормального функционирования конституционного строя, необходимо рассмотреть существующие законодательные и доктринальные подходы, раскрывающие содержание категории «безопасность».

---

¹ Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 97.

² См.: Тамаев Р.С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы: монография. М., 2009. С. 86.

³ См.: Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. М., 1996. С. 143.

Действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»¹ не содержит в себе легального определения понятия «безопасность»,² что, по мнению О.А. Петряниной, является его существенным пробелом³. Однако в нем указан спектр общественных отношений, являющихся ее составной частью. К таковым относятся общественные отношения, непосредственно направленные на обеспечение безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности и безопасности личности. Учитывая это, С.В. Степашин совершенно справедливо указывает, что *безопасность – это сложный комплексный правовой институт, включающий в себя механизмы экономического, политического, правового, социального и организационного характера*⁴.

Принимая во внимание вышесказанное, представляется, что *безопасность* следует определить как *обеспеченное арсеналом легитимных средств состояние общественных отношений, при котором реализуются социально значимые потребности человека и гражданина (личности), надежно защищены от внутренних и внешних угроз его личные права и свободы, обеспечивается развитие материальных и духовных ценностей общества, гарантируется территориальная целостность и суверенитет государства*⁵.

Считаем, что предложенная дефиниция отражает концептуальные особенности безопасности с учетом ее статического состояния и значимости общественных отношений, в рамках которых она обеспечивается.

Исходя из изложенного выше, следует сделать вывод о том, что безопасность конституционного строя и государства выступает неразрывным объектом

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2.

² Ранее действовавший Федеральный закон от 5 марта 1992 г. № 2464-1 «О безопасности» (Российская газета. 1992. № 103), в статье 1 раздела I закрепляющий общие положения, определял безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

³ *Петрянина О.А.* Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы / О. А. Петрянина, А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2013. № 21. С. 173–177.

⁴ См.: *Степашин С.В.* Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994. С. 78.

⁵ См.: *Петрянин А.В., Петрянина О.А.* Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2013. № 21. С. 173–177.

уголовно-правовой охраны, дополняющим и конкретизирующим друг друга, поэтому их рассмотрение как самостоятельных явлений следует признать неправильным, так как такой подход нарушает представление в целом о государственной безопасности. Принимая во внимание это обстоятельство, полагаем, что *в качестве основного непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного статьей 280 УК РФ, выступают общественные отношения, направленные на обеспечение безопасности конституционного строя и государства в целом.*

Хотя, исходя из изложенных в доктрине уголовного права точек зрения, касающихся данной проблемы, можно выделить и общий подход, в соответствии с которым в качестве непосредственного объекта преступлений, предусмотренных статьями 280, 282 и 282¹ УК РФ, выделяются основы конституционного строя¹. Вместе с тем ст. 282 УК РФ зачастую рассматривается как норма, ограничивающая право человека на свободу слова и свободу выражения своего мнения².

Однако, рассматривая содержание ст. 282 УК РФ, отметим, что ряд ученых к объекту анализируемого деяния относят конституционное равноправие граждан, предлагая рассматривать в качестве таковых честь и достоинство граждан, а также их конституционные права и свободы, принадлежащие им вне зависимости от национальности, расы или религии³. Схожего мнения придерживается и В.А. Бурковская⁴. Полагаем, что эта позиция, конечно же, заслуживает внимания, однако, по нашему мнению, является излишне широкой. Вышеназванные права находятся под отдельной уголовно-правовой охраной в рамках главы 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». В этой связи,

¹ Ржевский А.С. Экстремизм и его проявление в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 85.

² См.: Бешукова З. Свобода выражения мнения и противодействие экстремизму (анализ опыта России и Канады) // Уголовное право. 2014. № 4. С. 118–121.

³ См., например: Залиханова Л.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой, религиозной вражды: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 41–42; Абдуллаева Э.С. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (уголовно-правовой и криминологический анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. С. 32; Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика. М., 2005. С. 59–81; и др.

⁴ Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 240–241.

думается, что указанные общественные отношения могут выступать лишь в качестве дополнительного или факультативного объектов, которым причиняется вред наряду с основным непосредственным.

Дискуссионным является и вопрос, связанный с определением непосредственного объекта состава преступления, закрепленного в статье 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества». Анализ доктринальных источников позволяет констатировать, что в науке до настоящего времени не сформировалось единого мнения о его содержании.

Основной спор заключается в определении перечня как реально, так и потенциально нарушаемых общественных отношений. Учитывая многообъектность ст. 282¹ УК РФ, С.Н. Фридинский предпринял попытку более четкого определения этого круга, относя к таковым общественные отношения, обеспечивающие целостность и устойчивость государственной власти, стабильность государственного устройства и непосредственную внутреннюю безопасность страны¹.

А.Г. Хлебушкин, расширяя этот перечень, предлагает относить к ним и обеспечение конституционных основ межличностных отношений², а Н.В. Степанов – безопасность государства и общества³.

Хотя обеспечение безопасности конституционного строя связано не только с установлением нормального развития межличностных отношений либо безопасности государства и общества, так как включает в себя и иные блага и ценности, непосредственно направленные на нормальное функционирование конституционного строя в целом, однако мы разделяем анализируемую точку зрения, еще раз подтверждающую многообъектность исследуемого деяния.

В доктрине уголовного права существует также подход, в соответствии с которым состав преступления, предусмотренный статьей 282¹ УК РФ («Организация экстремистского сообщества»), имеет схожий основной непосредственный

---

¹ См.: *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 66–68.

² См.: *Хлебушкин А.Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 68–71.

³ См.: *Степанов Н.В.* Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 78.

объект с преступлением, предусмотренным статьей 282² УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»)¹, что, с одной стороны, указывает на их универсальность, с другой – на преимущество. Мы полностью разделяем такое мнение. Обобщив доктринальные достижения, а также лично авторскую точку зрения по рассматриваемому вопросу, полагаем, что *в качестве основного непосредственного объекта указанных составов преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность конституционного строя от внутренних и внешних угроз посредством реализации антиэкстремистского законодательства, возникающих при создании сообществ, организаций или объединений, непосредственная деятельность которых направлена на разжигание политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также участие в них.*

При рассмотрении преступлений экстремистской направленности, по нашему мнению, особое внимание следует обратить и на состав преступления, закрепленный в статье 213 УК РФ, устанавливающей ответственность за хулиганство. В настоящее время эта норма в существующей редакции породила массу дискуссий как в теории, так и на практике, которые свидетельствуют о том, что она в целом не отражает основной сущности этого деяния². Проблема, связанная с определением объекта этого посягательства, возникла после внесения в указанную норму изменений Федеральным законом от 24 июля 2007 года³.

Профессор Н.А. Колоколов, осознавая вышеизложенное, ассоциирует современную редакцию ст. 213 УК РФ с «резиновым составом преступления»⁴.

---

¹ См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 238.

² См.: Куприянов Е.И. Хулиганство – преступление, переходящее на личность // Российский следователь. 2013. № 8. С. 26–29.

³ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

⁴ См.: Колоколов Н.А. Хулиганство: генезис, эволюция и современное состояние состава преступления. Статья 1. История развития правового регулирования уголовной ответственности за хулиганство в России // Мировой судья. 2014. № 2. С. 2–8.

Для актуализации выделенного нами направления хотелось бы привести в пример нашумевшее уголовное дело № 1-170/12, возбужденное в Москве по факту «панк-молебна» в храме Христа-Спасителя. Группа из трех девушек (Толоконниковой Надежды Андреевны, Самуцевич Екатерины Станиславовны, Алехиной Марии Владимировны), назвавших себя «Pussy Riot», по мнению суда совершивших преступление, предусмотренное пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ, то есть «грубое нарушение общественного порядка, выражавшее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам религиозной ненависти или вражды и по мотивам ненависти в отношении какой-либо социальной группы группой лиц по предварительному сговору¹. Мы же считаем, что эта мотивация в действиях виновных отсутствовала, и ниже мы выскажем свои аргументы.

Действующая редакция статьи 213 УК РФ включает в себя два принципиально отличающихся друг от друга (в первую очередь, по непосредственному объекту) деяния: а) хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а»); б) хулиганство, совершенное по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотиву ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б»). Как указывает Ц.З. Апостолова, уголовно наказуемое хулиганство представлено ныне в виде двух качественно разных самостоятельных преступлений, одно из которых усугублено применением оружия, а другое – специальным мотивом². Полагаем, что это свидетельствует об отсутствии у законодателя представления о непосредственном объекте рассматриваемого деяния.

Как известно, мотивом «классического» хулиганства является умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя всем окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним³. И эту точку зрения поддерживает не только

---

¹ Архив Хамовнического районного суда г. Москвы.

² Апостолова Ц.З. Дискуссионные аспекты уголовно-правовой характеристики хулиганства в редакции Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Российский следователь. 2007. № 24. С. 8.

³ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г.

основная масса ученых, но Верховный Суд Российской Федерации. Мотив же, закрепленный в пункте «б» статьи 213 УК РФ, ставит под сомнение возможность установления классических признаков хулиганства. Полагаем, что совершение хулиганства, основанного на экстремистской мотивации, является персонифицированным деянием, так как оно обусловлено желанием виновного показать на неполноценность определенных личностей, относящихся к иным расам, национальностям, религиям, политическим и идеологическим или социальным группам. А это, в свою очередь, исключает непосредственное посягательство на общественный порядок в целом, так как в таком случае деяние направлено на интересы определенной социальной ячейки, а не всего общества. Это подтверждается и материалами рассматриваемого уголовного дела. В частности, по приговору Хамовнического районного суда от 17 августа 2012 года по уголовному делу № 1-170/12 по обвинению группы «Pussy Riot», отмечено, что *действия виновных были направлены не на посягательство на общественный порядок в целом, а лишь в отношении конкретной социальной группы – группы православных верующих*¹.

Принимая во внимание то, что в статье 213 УК РФ законодателем необоснованно объединены принципиально разные преступления, считаем, правильной укрепившуюся в доктрине позицию² о необходимости исключения из ст. 213 УК РФ пункта «б» части 1³.

Еще одной коллизией части 1 ст. 213 УК РФ является несоответствие ее содержания положениям ст. 63 УК РФ, закрепляющей отягчающие вину признаки. Так, в соответствии с ч.1 ст. 63 «экстремистский» мотив относится к признаку, отягчающему вину. Однако ч.1 ст. 213 УК РФ закрепляет его в качестве признака основного состава преступления, хотя в других статьях (например, ст. 105, 111,

---

№ 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

¹ Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы от 17 августа 2012 г. по уголовному делу № 1-170/12 // Архив Хамовнического районного суда г. Москвы. 2012.

² Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 21–23.

³ См.: *Петрянин А.В.* Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «Хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения // Юридическая техника: Ежегодник. № 7, часть 1 «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине». Сборник статей. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. С. 270–275.

112, 115 и др.) он выступает в качестве квалифицированного. Это дает нам основание сделать вывод о несоизмеримости наказания, назначаемого за совершение исследуемого вида хулиганства. Основываясь на общепризнанной концепции построения составов преступлений по характеру и степени общественной опасности, рассматриваемый признак в случае его оставления в ст. 213 УК РФ как минимум должен быть перенесен в ч. 2 этой статьи.

Мы полагаем, что законодатель, осознавая наличие вышеназванных проблем, для частичного их решения предложил новую редакцию ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», установившую ответственность за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих»¹. Однако это не снимает вопросов по определению признаков хулиганства, совершенного по экстремистским мотивам, а наоборот, порождает все новые и новые трудности при правовой оценке вышеназванных деяний в рамках их конкуренции.

Завершая характеристику объекта преступлений экстремистской направленности, отметим, что при его установлении в первую очередь следует ориентироваться на цели и мотивы преступного посягательства, направленные на непосредственный подрыв государственной безопасности через призму причинения вреда общественной безопасности, конституционному строю или миру и безопасности человечества. Указанные выше аргументы и свидетельствуют о наличии специфических особенностей, отличающих структуру и содержание объекта рассматриваемых преступлений от объектов иных общественно опасных деяний.

По вопросу определения содержания признаков *объективной стороны* экстремистских преступлений в теории и практике также существуют разногласия.

В частности, при рассмотрении состава преступления, предусмотренного статьей 280 УК РФ, основной проблемой является установление «публичности призывов».

---

¹ Российская газета. 2013. 2 июля.

В доктрине существуют принципиально отличающиеся друг от друга подходы к определению его содержания. Так, по мнению А.Р. Ратинова, М.В. Кроза и Н.А. Ратиновой, публичные призывы возможны только при наличии публики в количестве не менее двух человек¹.

В этом случае весьма интересна иная точка зрения профессора Кочои С.М., который считает, что количественный критерий самостоятельного значения не имеет, акцентируя свое внимание исключительно на призывах².

Все это, конечно же, и актуализирует рассмотрение поставленного вопроса. По нашему мнению, одной из причин криминализации публичных призывов как раз-таки и является привлечение к этому процессу большого (неопределенного) количества граждан. Полагаем, что о необходимости установления количественного критерия свидетельствует используемый в рассматриваемой норме уголовного закона термин «призыв», предполагающий обращение к неопределенному кругу лиц. В связи с этим применительно к составу преступления, закрепленному в статье 280 УК РФ, целесообразно считать *минимальным количественным критерием призываемых – не менее двух человек*, что в целом будет соответствовать содержанию буквального толкования рассматриваемого признака и наиболее распространённому подходу, сформировавшемуся как в доктрине, так и в правоприменительной деятельности.

Сложность представляет и содержание квалифицирующего признака, закрепленного в части 2 статьи 280 УК РФ, в частности, совершение деяния с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Указанный признак характеризует особый способ совершения преступления и для определения его содержания адресует правоприменителя в первую очередь к Закону РФ от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации»³.

---

¹ См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005. С. 45.

² См.: Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: монография. М., 2007. С. 44.

³ Российская газета. 1992. № 32.

Статья 2 анализируемого источника определяет понятие «массовая информация», под которой понимаются «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы»¹. Полагаем, что указание в законе на открытый круг получателей информации косвенно подтверждает наличие обязательного количественного критерия при установлении признаков публичности призывов к экстремистской деятельности. Об этом также говорят положения, закрепленные в Постановлении Пленума Верховного Суда № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в котором, в частности, указано, что о публичности призывов могут свидетельствовать *обращения к группе людей..., размещение обращений в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования*².

На основании вышеизложенного можно утверждать, что количественный критерий в рамках рассматриваемого состава преступления должен выступать в качестве обязательного признака и найти свое закрепление в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Упомянутая выше статья 2 Закона РФ «О средствах массовой информации», раскрывая понятие средств массовой информации, относит к ним периодические печатные издания, радио-, теле-, видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы периодического распространения массовой информации, в том числе газеты и журналы. Наиболее часто последние выступают в качестве средства пропаганды экстремистских идей.

Примером может служить приговор Бутырского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 1-882/06. Гражданин С. был привлечен к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное частью 2 статьи 280 УК РФ. С 2000 года он ежемесячно организовывал производство печатного издания – информационного бюллетеня «Радикальная политика», содержащего в себе намерения по

---

¹ Там же.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

противостоянию организационной структуре общества, государству, общепризнанным нормам, подтвержденным Конституцией РФ. Распространение бюллетеней производилось в общественных местах г. Москвы, при большом скоплении народа, как на возмездной, так и безвозмездной основе. Заинтересовавшимся лицам предлагалась подписка на данное периодическое издание. Этим С. добивался массового распространения своих взглядов и идей, изложенных в вышеуказанном печатном издании, пытаясь обострить в стране проблемы появления конфликтов на почве расовой, этнической и религиозной нетерпимости. Кроме этого, С. публично призывал к осуществлению экстремистской деятельности в форме финансирования. При этом наличие на страницах газеты призывов к осуществлению экстремистской деятельности подтверждается заключением психолого-лингвистической экспертизы¹.

Отметим, что Постановление Пленума Верховного Суда № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывает, что одним из способов распространения публичных призывов может выступать и сеть Интернет². В рамках исследования мы не ставим своей задачей рассмотрение вопроса о соотношении средств массовой информации и сети Интернет, однако считаем, что распространению экстремистских материалов через эту информационно-телекоммуникационную сеть необходимо уделить особое внимание по следующим причинам.

Анализ уголовных дел, возбужденных по статье 280 УК РФ, показал, что 87,5% дел, содержащих в себе признаки публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, сопровождались распространением экстремистских материалов через сеть Интернет». Полагаем, что именно поэтому, в том числе и для снятия существовавших ранее дискуссий в рамках правовой оценки содеянного, законодатель Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ дополнил

---

¹ См.: Архив Бутырского районного суда г. Москвы.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

³ Собрания законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N 26 (часть I) ст. 3.

ч. 2 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ словами «либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет».

Основными причинами такого резкого роста количества преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ, по нашему мнению, стали:

а) повышенная информатизация нашего общества, в том числе доступность сети Интернет;

б) в отличие от распространения печатной продукции, распространение экстремистских материалов в Интернете не требует никаких материальных затрат, что делает этот вид криминальной деятельности экономически выгодным;

в) простота и быстрота распространения;

г) более широкие масштабы распространения, влекущие увеличение количества вовлекаемых в экстремистскую деятельность;

д) наличие возможности оперативно реагировать на происходящие изменения и незамедлительно контактировать как с уже реальными, так и с потенциальными участниками экстремистской деятельности;

е) скрытность и латентность такой деятельности.

Озадачившись этой проблемой, мы провели анализ федерального списка экстремистских материалов. Взяв для исследования период с 2010 по 2014 год включительно, мы видим существенный рост количества таких материалов, размещенных в сети Интернет.

Так, если в 2010г. их было 105, то в 2014-м уже 376¹. Как мы видим, динамика прироста более чем в **350%** требует особого внимания к этому факту.

И это лишь часть обстоятельств, выводящих публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности на более высокий уровень общественной опасности. Эти же положения актуальны и в рамках ст. 280¹, 282 УК РФ.

Это, по нашему мнению, усиливает преступное воздействие на граждан, вовлекаемых в данную противоправную деятельность, увеличивает общественную опасность содеянного и должно наказываться более сурово.

---

¹ 2010 г. – 105 фактов; 2011 г. – 196 фактов; 2012 г. – 325 фактов; 2013 г. – 337 фактов; 2014 г. – 376 фактов. Данные взяты с официального сайта Министерства юстиции РФ / <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения 10.04.2015).

В целом список экстремистских материалов, формируемый Министерством юстиции РФ, в редакции по состоянию на 7 июня 2015 года включал в себя 2847 наименований¹. Впервые данный список был опубликован в «Российской газете» 9 июля 2007 года и включал в себя всего 14 наименований².

Особого внимания в вопросе отнесения материалов к экстремистским, конечно же, заслуживает их содержание.

Впервые в истории России в 2014 году к экстремистским материалам была отнесена диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук Мантаева А.А. на тему «Основы вероучения Ханафитов». Это решение было принято Теучежским районным судом Республики Адыгея 19.12.2014³.

Диссертация была обнаружена в одном из исправительных учреждений Республики Адыгея. На основании проведенной экспертизы в ней были установлены высказывания экстремистской направленности, основанные на религиозном признаке⁴.

Считаем, что этот факт открывает новый этап в области противодействия экстремизму. Во-первых, он демонстрирует, что современная наука, к сожалению, также становится объектом экстремистских посягательств. Во-вторых, это предполагает пересмотр научных концепций, как существующих, так и разрабатываемых в науке в области исследования экстремизма. В них недопустимо его оправдание. Научные подходы и достижения должны быть сосредоточены исключительно на поиске и разработке эффективных механизмов правового, социального, политического, философского и иного противодействия.

При этом анализ последнего опубликованного списка указывает на то, что значительная доля запрещенных экстремистских материалов находится в сети

---

¹ По данным, размещенным на сайте Министерства юстиции РФ. http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=12 (дата обращения 10.04.2015)

² Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 9 июля 2007 года // Российская газета. 2007. 14 июля.

³ Российская газета. 2015. № 6643.

⁴ Официальный сайт Муниципального образования «город Адыгейск». <http://adigeisk.ru/about/info/news/1560> (дата обращения 10.04.2015)

Интернет (**56%**). Считаем, что это стало причиной принятия Государственной думой Российской Федерации в конце 2013 года закона, предусматривающего возможность немедленной блокировки сайтов, содержащих призывы к массовым беспорядкам и иную экстремистскую информацию, и вступившего в силу с 1 февраля 2014 года¹.

Задавшись проблемой установления характера и степени общественной опасности сети Интернет как средства совершения преступлений экстремистской направленности, мы провели интервьюирование респондентов по следующим вопросам: *«Сравнивая общепризнанные средства массовой информации и сеть Интернет, какие, с вашей точки зрения, являются наиболее распространенными и доступными?»*. Доминирующее количество респондентов (87%), конечно же, отметили сеть Интернет, акцентируя внимание на общедоступности и простоте поиска нужного материала и ресурсов. *«Сталкивались ли вы с публичными призывами к экстремистской деятельности либо с распространением экстремистских материалов?»*. Основная масса респондентов (95%) дали отрицательный ответ. Такой низкий процент, с нашей точки зрения, в первую очередь определяется правовой неграмотностью населения, что в целом не дает возможности признать полученные результаты объективными. Однако для нашего исследования особое значение имеют результаты интервьюирования оставшихся 5%. На вопрос *«В каких формах вы наблюдали призывы к экстремистской деятельности либо распространение экстремистских материалов?»* – 96% респондентов ответили, что столкнулись с ней в общедоступной сети Интернет. Для подтверждения различий характера и степени общественной опасности используемых экстремистами средств массовой информации и сети Интернет мы провели также интервьюирование представителей блока правоохранительных органов (МВД, ФСБ, Следственного комитета РФ) по вопросу *«Считаете ли вы сеть Интернет»* более общественно опасным средством распространения экстремистских материалов,

---

¹ Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I), ст. 6963.

чем использование других средств массовой информации?». Полученные результаты были более чем показательны. 98% респондентов ответили «да».

Полагаем, что изложенные нами выше как объективные, так и субъективные аргументы дают нам основание для градации используемых в экстремистской деятельности средств по характеру и степени общественной опасности.

В этой связи предлагаем в качестве особо квалифицированного состава в статье 280 УК РФ закрепить особо отягчающий признак следующего содержания: *те же деяния, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).*

Причем вопрос, раскрывающий публичность таких призывов, должен рассматриваться через призму места, способа и обстановки совершения деяния¹.

Такая дифференциация должна быть проведена и в рамках ст. 280¹ УК РФ («Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации») и ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Продолжая исследование норм уголовного закона, содержащих в себе признаки экстремизма, и анализируя объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, устанавливающей ответственность за «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», следует обратить внимание на проблему правовой оценки такого признака, как «возбуждение»².

Например, Н.Ф. Кузнецова предлагает рассматривать в качестве «возбуждающей» лишь ту информацию, которая несет отрицательную оценку характеризующихся субъектов или социальных групп по признаку их принадлежности к

---

¹ См.: Михеев А.В. Особенности доказывания публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности в сети Интернет // Российский следователь. 2014. № 9. С. 7–10.

² В толковом словаре С.И. Ожегова приводятся следующие значения слова «возбуждение»: «1) вызвать, породить какое-либо состояние в ком-либо или чем-либо; 2) привести в возбужденное состояние; 3) настроить, восстановить кого-либо против кого-либо; 4) предложить для решения, поставить на обсуждение» (См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988. С. 91).

иной национальности, религии, расе или социальной группе. При этом данная информация, по мнению ученого, должна содержать в том числе и призывы к насильственным действиям против них¹.

Схожей точки зрения придерживается и высшая судебная инстанция. Так, в соответствии с пунктом 7 Постановления Пленума Верховного Суда № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» возбуждение ненависти или вражды может выражаться, например, в высказываниях, обосновывающих и оправдывающих необходимость применения геноцида, массовых репрессий, депортаций, применения насилия в отношении представителей каких-либо социальных групп².

Однако П.С. Яни считает, что для вменения указанного состава необходимо лишь совершение публичных действий, направленных на порождение у посягателей соответствующих мотивов. При этом они не должны включать в себя призывы к насилию³.

В этом случае мы полностью разделяем мнение профессора П.С. Яни. С нашей точки зрения, понятие «возбуждение», используемое в статье 282 УК РФ, должно рассматриваться как активное поведение, направленное лишь на возникновение враждебного состояния противостояния одной группы (личности) против другой группы (личности), основанного на экстремистской мотивации, непосредственно указанной в данной статье. При этом призывы к применению насилия могут быть, но они не должны являться обязательным признаком деяния.

Примером может служить обвинительное заключение по уголовному делу № 336541 в отношении гражданина Г., который в силу неприязненных отношений на почве национальности к гражданину К., действуя умышленно, с целью возбуждения ненависти и вражды, а также унижения достоинства человека по признакам национальности, публично, в общественном месте (на рынке), в присутствии посторонних лиц систематически высказывал оскорбления в адрес К. как

---

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 51.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

³ См.: Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 11–16.

представителя лица русской национальности. Действия и высказывания Г., согласно заключению экспертов № 0883/0884/03-1 от 30.04.2010, являлись оскорбительными, содержащими резко негативную оценку К. как представителя русской национальной группы, направленными на унижение чести и достоинства, возбуждение ненависти, вражды по отношению к представителям русской национальной группы, а также по отношению к К. как представителю русской национальной группы¹.

Имеются проблемы и в определении содержания объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества».

В частности, к числу дискуссионных относится вопрос об определении его признаков. Отметим, что термин «сообщество» упоминается как в нормах Общей части УК РФ (например, ч. 4 ст. 35 УК РФ), так и в статьях Особенной части уголовного закона (например, ст. 205⁴, 210 и 282¹ УК РФ). Логика подсказывает, что использование одного и того же термина в разных статьях уголовного закона предполагает одинаковое содержание характеризующих его признаков. Однако в нашем случае это правило не срабатывает.

Исследование признаков преступного сообщества, закрепленных как в статье 210, так и в части 4 статьи 35 УК РФ, позволяет констатировать, что законодатель употребляет как синонимичные категории термины *преступное сообщество* и *преступная организация*². Между тем в доктрине существует и другой подход, в соответствии с которым эти понятия различаются³. Так, А.Н. Мондохонов под преступной организацией понимает объединение организованных групп, а под преступным сообществом – объединение организаторов, руководителей или иных

---

¹ Архив Следственного комитета по Нижегородской области.

² Отметим, что в статье 282¹ УК РФ термин «преступная организация» не используется. Это указывает на неопределенность законодателя в выборе соответствующих категорий в нормах о «родственных» преступлениях, свидетельствует о проблемах в определении их содержания и усложняет применение нормы (См.: *Быков В.* Организация преступного сообщества (преступной организации) // *Законность.* 2010. № 2. С. 18–21).

³ См.: *Аганов П. В.* Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности : монография – СПб. : Издательство СПб ун-та МВД России, 2011. С. 60-61.

представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для осуществления преступной деятельности. По его мнению, такая дифференциация позволит правоприменителю четко определять указанные формы соучастия и правильно квалифицировать преступные деяния организаторов, руководителей и участников¹.

Этимология данных категорий и их толкование в доктрине указывает на то, что содержание понятия «организация» включает в себя организованное, планомерное и продуманное устройство, а также внутреннюю дисциплину, а «сообщество» – это объединение людей, имеющих общие интересы, цели².

Как видим, указанные выше понятия принципиально отличаются, поэтому вряд ли их можно считать синонимами. На наш взгляд, совместную организованную преступную деятельность следует определять термином «сообщество».

Отметим, что одним из признаков преступного сообщества (преступной организации) является совершение в ее составе только тяжких или особо тяжких преступлений. Однако в статье 282¹ УК РФ этот признак отсутствует, а имеется лишь указание на то, что экстремистское сообщество создается для совершения одноименной группы деяний. Это дает основание полагать, что в рамках ст. 282¹ УК РФ возможно совершение преступлений любой категории тяжести. Такое законодательное решение, на наш взгляд, является более правильным, нежели то, которое отражено в части 4 статьи 35 УК РФ и в статье 210 УК РФ. Хотя, С.А. Юдичева, выявив такое противоречие, считает, что экстремистское сообщество может выступать в качестве самостоятельной организованной формы преступной деятельности только в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений. С ее точки зрения, это четко будет указывать на то, что положения ч. 4 ст. 35 и ст. 282¹ УК РФ соотносятся как общая и специальная норма³.

---

¹ См.: *Мондохонов А.Н.* Преступная организация или преступное сообщество? // *Законность.* 2009. № 10. С. 35–37.

² *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М., 1985. С. 392, 649.

³ См.: *Юдичева С.А.* Актуальные проблемы юридического анализа составов преступлений организации экстремистского сообщества и участия в нем // *Новый юридический журнал.* 2013. № 2. С. 182–193.

Как конкуренцию части и целого предлагает соотносить экстремистское сообщество и банду А.Г. Хлебушкин, аргументируя свое мнение тем, что рассматриваемые формы соучастия являются лишь разновидностями организованной группы¹.

Исследовав существующие дискуссии по обозначенной проблеме, хотелось бы еще раз подчеркнуть необходимость унификации российского уголовного законодательства, в том числе и при использовании идентичных дефиниций. Полагаем, что термин «сообщество» как в рамках ч. 4 ст. 35, так и ст. 282¹ УК РФ должен иметь единый смысл. Поэтому из ч. 4 ст. 35 УК РФ необходимо исключить указание на категории деяний, поскольку определять качество криминальной деятельности преступного сообщества (преступной организации) через призму тяжести совершаемых преступлений – некорректно².

Еще одной особенностью построения как статьи 282¹, так и ст. 205⁴ УК РФ, отличающих их от схожих норм, является указание на то, что экстремистское сообщество и террористическое сообщество являются разновидностью организованной группы, что вытекает из законодательной формулировки. Хотя, по мнению П.С. Яни, это указывает лишь на структурированность преступного сообщества³, а В.М. Быков считает, что об этом свидетельствует профессионализм преступной деятельности⁴.

Не совсем определенной представляется позиция в этом вопросе В.П. Кашепова, который считает, что экстремистское сообщество является преступным сообществом, но при этом не обладает его основными признаками⁵. Представляется, что если указанный автор констатирует отсутствие признаков, объединяю-

---

¹ Хлебушкин А.Г. Квалификация нападений, совершаемых членами организованных групп по экстремистским мотивам // *Законность*. 2013. № 5. С. 21–25.

² См.: *Агапов П.В.* Проблемы противодействия организованной преступной деятельности / под науч. ред. Н.А. Лопашенко. М., 2009. С. 139; *Леньшин Д.И.* Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.9.

³ См.: *Яни П.С.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // *Российская юстиция*. 2011. № 10. С. 11–16.

⁴ См.: *Быков В.М.* Организация преступного сообщества (преступной организации) // *Законность*. 2010. № 2. С. 18–21.

⁵ См.: *Кашепов В.П.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // *Уголовное право*. 2007. № 3. С. 32.

щих экстремистское и преступное сообщество, то они как минимум не могут рассматриваться как общее и часть, что делает высказанную точку зрения весьма дискуссионной.

Некоторые ученые, исходя из буквального толкования диспозиции статьи 282¹ УК РФ, делают вывод о том, что экстремистское сообщество является разновидностью организованной группы, апеллируя при этом уровнем общественной опасности преступлений (ст. 15 УК РФ) и вложенными в него законодателем признаками¹. Полагаем, что констатация различий в наказаниях, указанных в санкциях статей 205⁴, 210 и 282¹ УК РФ, не может быть безусловным основанием отнесения экстремистского или террористического сообщества к разновидности организованной группы.

Противоречивостью отличается подход к решению данного вопроса С.Н. Фридинского. В частности, предлагая авторскую редакцию статьи 282¹ УК РФ, он исключил из ее диспозиции словосочетание «организованная группа», однако в примечании к ней автор, формулируя понятие экстремистского сообщества, указывает, что им следует считать структурированную организованную группу или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности². Как видим, в этой дефиниции автор относит экстремистское сообщество к разновидности организованной группы, признаки которой закреплены в части 3 статьи 35 УК РФ.

На наш взгляд, анализ законодательной формулировки, отраженной в статье 282¹ УК РФ, позволяет констатировать, что преступное сообщество (преступная организация) – это самостоятельная разновидность соучастия, а экстремистское сообщество – лишь разновидность организованной группы. Из этого вытекает, что при установлении признаков экстремистского сообщества следует исходить из положений, закрепленных в части 3 статьи 35 УК РФ. Однако с таким за-

---

¹ См.: *Борисов С.В., Жеребченко А.В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие. М., 2010. С. 195; См.: *Хлебушкин А.Г.* Квалификация деятельности экстремистской организации // *Законность.* 2012. № 3. С. 12–15.

² См.: *Фридинский С.Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. ... дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 11.

конодательным решением мы категорически не согласны по причине различного уровня общественной опасности названных форм соучастия.

Анализ судебной практики по вопросу определения признаков экстремистского сообщества показал, что суды достаточно часто рассматривают и устанавливают его признаки через призму преступного сообщества. Например, в соответствии с Определением Верховного Суда РФ от 26 августа 2010 года № 9-О10-40 признаками экстремистского сообщества являются его организованность, включающая в себя совокупность таких элементов, как наличие устава, руководителя, наличие определенной структуры, символики, дисциплины, системы мер воздействия на ее нарушителей¹.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», закрепляя понятие экстремистского сообщества, также исключило из предлагаемой дефиниции словосочетание «организованная группа», предложив рассматривать в качестве такового «устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений. При этом экстремистское сообщество может состоять из структурных подразделений (частей)»².

Продолжая аргументацию вышеизложенных выводов, полагаем, что Верховный Суд РФ в анализируемом Постановлении не в полной мере отразил сущность экстремистского сообщества, отметив лишь некоторые из его признаков. Причем они практически в полном объеме повторяют те, которые закреплены в части 3 статьи 35 УК РФ, определяющие организованную группу. Исключением является лишь выделение такого обязательного признака, как наличие организатора (руководителя). Хотя именно он и указан в качестве конструктивного в де-

---

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 26 августа 2010 г. № 9-О10-40.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

финиции, определяющей понятие преступного сообщества (преступной организации), в части 4 статьи 35 УК РФ. Такое положение не дает однозначного ответа на вопрос, в качестве какой формы соучастия рассматривается экстремистское сообщество. В.М. Быков совершенно справедливо отметил, что реализуемый законодательный подход указывает на потерю всякого юридического смысла разграничения организованной группы и преступного сообщества по признакам, закрепленным в частях 3 и 4 статьи 35 УК РФ¹.

Считаем, что экстремистское сообщество является самостоятельной разновидностью преступного сообщества, что еще раз подтверждается судебной практикой. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 4 февраля 2010 года № 47-009-82 указано, что под экстремистским сообществом понимается преступное сообщество, созданное для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности². «Преломление экстремистского сообщества через несколько различных форм соучастия представляется неприемлемым»³. Эта же позиция поддерживается и рядом ученых, проводящих фундаментальные исследования в области противодействия деятельности экстремистских сообществ⁴.

Мы полностью солидарны с мнением А.Н. Мондохонова, отметившего, что объективные признаки, отраженные в статье 282¹ УК РФ, должны исключать неединообразное их толкование и, соответственно, применение⁵.

На основании вышеизложенного считаем, что необходимо убрать из диспозиции статьи 282¹ УК РФ словосочетание «то есть организованной группы лиц», что, с нашей точки зрения, снимет существующую дискуссию.

Статья 282² УК РФ, устанавливающая ответственность за организацию деятельности экстремистских организаций, также далека от совершенства, и при

---

¹ См.: *Быков В.М.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: научный комментарий // *Право и политика.* 2011. № 9. С. 1477–1484.

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 4 февраля 2010 г. № 47-009-82.

³ См.: *Павлинов А.В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 275.

⁴ См.: См.: *Зубалова О.А.* Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. С.10–11.

⁵ См.: *Мондохонов А.Н.* Признаки преступного сообщества (преступной организации) // *Законодательство.* 2010. № 9. С. 38–40.

определении признаков объективной стороны этого деяния возникают проблемные вопросы.

В первую очередь появляется вопрос о том, какие организации признавать экстремистскими. Действующее уголовное законодательство не содержит в себе такого понятия. В этой связи правоприменитель должен обратиться к Федеральному закону от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹. В соответствии с пунктом 2 статьи 1 указанного источника под экстремистской организацией понимается «общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности»².

Согласно данному определению экстремистская организация может осуществлять свою преступную деятельность в таких формах, как: а) *общественное объединение*³; б) *религиозное объединение*⁴ или в) *иная организация*⁵.

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

² См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

³ *Общественное объединение* – это добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения (См.: Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21, ст. 1930). В качестве организационно-правовых форм общественных объединений могут выступать: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, политическая партия. В силу чрезмерной политизированности современного экстремизма последняя разновидность общественных объединений является наиболее распространенной формой его существования. Согласно ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» таковой признается общественное объединение, созданное в целях участия граждан РФ в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления» (См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 29, ст. 2950).

⁴ *Религиозное объединение* – это добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей (См.: О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39, ст. 4465).

⁵ Под *иными организациями* понимаются некоммерческие структуры, не являющиеся обще-

Для квалификации деяния по статье 282² УК РФ обязательным условием является наличие вступившего в силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности организации. В Определении Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 года № 1308-О-О разъясняется, что данная норма призвана обеспечить охрану общественных отношений по защите основ конституционного строя и безопасности государства, а также установленного законом порядка исполнения судебных решений и предусматривает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются в составе объединения, в соответствии с его целями и планами, под единым организованным руководством и с умыслом, направленным на поддержание деятельности объединения, заведомо для виновного запрещенной на основании судебного решения¹.

В настоящее время перечень таких организаций ведет Министерство юстиции РФ. Согласно официальной информации, размещенной на сайте Министерства, на территории РФ на 7 июня 2015 года запрещена деятельность 42 организаций². В основной своей массе они основаны на этническо-религиозной и националистической мотивации. Причиной этого является особенность современной эпохи, характеризующейся возрождением многих национально-этнических народов и их желанием к самостоятельности³. При этом список организаций, признанных на территории Российской Федерации террористическими, состоит из 23 пунктов⁴.

ственными или религиозными объединениями. Они могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ (См.: О некоммерческих организациях: Федеральный закон РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, ст. 145). В качестве иных видов некоммерческих организаций могут выступать: общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьи общества, некоммерческие партнерства, учреждения, автономные некоммерческие организации, социальные, благотворительные и иные фонды, ассоциации и союзы и др.

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1308-О-О.

² Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». [Электронный ресурс]. URL: http://minjust.ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 10.04.2015).

³ См.: *Шиян В.И.* Общественно опасные последствия этнических конфликтов // Юридический мир. 2014. № 7. С. 36–39.

⁴ Российская газета. 2015. № 6642.

Определяя ответственность по статье 282² УК РФ, следует отметить, что соответствующая организация не является экстремистским сообществом, поскольку в случае установления признаков последнего действия виновных должны быть квалифицированы по статье 282¹ УК РФ¹.

Схожая проблема существует и при разграничении экстремистской организацией и террористической. Так, 02.11. 2013 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», криминализирующий ст. 205⁵ УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»². Осознавая проблемы, возникающие при правовой оценке вышеназванных деяний, и в целях четкого их разграничения этим же Федеральным законом были внесены изменения и в ст. 282¹ УК РФ, в соответствии с которыми абзац первый части первой и абзац первый части второй, после слов «экстремистской деятельности», дополнен словами «за исключением организации, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими»³.

Имеются проблемы в определении признаков объективной стороны преступления и в других деяниях экстремистской направленности. Не является здесь исключением и статья 213 УК РФ («Хулиганство»), о которой мы упоминали выше. Хотя преступление, ответственность за которое предусмотрена названной нормой, на наш взгляд, нельзя в полной мере считать экстремистским, однако, учитывая ее современную законодательную формулировку, правоприменитель с неизбежностью сталкивается с вопросами квалификации этого деяния при совершении его по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в от-

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Экстремистское сообщество и экстремистская организация: технико-юридический анализ признаков // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов / Под ред. М.П. Полякова и К.М. Маштакова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. Вып. 19. 269 с. С. 145–155.

² Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?66664> (дата обращения: 30.01.2015).

³ Там же.

ношении какой-либо социальной группы. Основной проблемой при этом является отграничение преступления, предусмотренного пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ, от смежных составов преступлений (например, отраженных в п. «д» и «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ; п. «а» и «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ; п. «а» и «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ и др.).

В преступлении, предусмотренном пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ, в качестве противоправного выступает такое поведение виновного, которое грубо нарушает общественный порядок и выражает явное неуважение к обществу. Безусловно, наличие в норме оценочных признаков создает определенные сложности в квалификации соответствующего деяния.

Отметим, что в доктрине уголовного права до сих пор не существует единства во мнениях по поводу содержания понятия «грубое нарушение общественного порядка».

Так, по мнению Л.Д. Гаухмана, грубое – это существенное нарушение общественного порядка¹. Однако в данном случае автор заменяет одно оценочное понятие другим, что, конечно же, не является решением проблемы.

Б.В. Волженкин, С.К. Питерцев и В.В. Шимановский считают, что признаками грубого нарушения общественного порядка являются место, время, способ, характер наступивших последствий и продолжительность деяния и т. д.² Чуть позже Б.В. Волженкин указал также на то, что о грубости нарушения общественного порядка могут говорить и различные формы причиненного насилия, что вызвано личными неприязненными отношениями³.

Некоторые ученые утверждают, что о грубости также может свидетельствовать и психическое насилие как форма выражения неуважения к окружающим⁴.

---

¹ См.: *Гаухман Л.Д.* Расследование по делам о телесных повреждениях и хулиганстве. М., 1975. С. 19.

² См.: *Волженкин Б.В., Питерцев С.К., В. В. Шимановский* Расследование дел о хулиганстве: квалификация, процессуальные особенности и методика расследования: учебное пособие. Л., 1979. С. 17–18.

³ См.: *Волженкин Б.В.* Постановление Пленума Верховного Суда о судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений // *Уголовное право.* 2008. № 1. С. 24.

⁴ См.: *Григорян К.В.* Некоторые проблемы оптимизации практики применения уголовно-

Как видим, и в этом случае названные авторы лишь перечисляют соответствующие признаки, не раскрывая их содержания (например, изложение исчерпывающего перечня мест, где может быть совершено хулиганство, способов, последствий и т. д.).

Ничего не дает в плане уяснения сущности анализируемой категории и обращение к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»¹, поскольку оно практически дублирует вышеизложенные доктринальные подходы.

Такие же проблемы возникают и при определении признаков явного неуважения к обществу. Так, например, некоторые ученые считают, что критерием неуважения является место совершения преступления, причем это обязательно должно быть общественное место². Отметим, что эта позиция нашла свое законодательное закрепление в части 1 статьи 20.1 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за мелкое хулиганство.

Однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», давая характеристику такому оценочному понятию, указывает лишь на «умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним»³, не упоминая при этом о месте совершения преступления.

На наш взгляд, указание на место должно быть в обязательном порядке закреплено не только в упомянутом акте судебного толкования, но и в самом законе, поскольку логика подсказывает, что *нарушение общественного порядка возможно только в общественном месте*.

правовых норм об ответственности за хулиганство // Российский следователь. 2008. № 3. С. 16.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 3.

² См., например: *Кунашев А.* Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами // Законность. 2010. № 2. С. 47; *Волженкин Б.В.* Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 21; и др.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ, N 1, январь, 2008.

Следует отметить, что современное законодательство не содержит нормативного закрепленного понятия «общественное место». В доктрине существует множество подходов к его определению. В частности, А.В. Куделич считает, что в качестве такового должно рассматриваться место, непосредственно предназначенное для общения людей, вне зависимости от количественного присутствия граждан¹. Данную точку зрения также разделяет и А.П. Ключниченко². В.С. Егоров в своей авторской дефиниции общественного места предлагает под ним понимать места, постоянно или временно предназначенные для посещения неопределенным кругом лиц, исходя из их специально предусмотренного социального назначения³.

Мы согласны с мнением названных выше ученых о целесообразности определения перечня общественных мест. Однако считаем, что при посягательстве на общественный порядок в качестве критериеобразующих признаков общественного места должны выступать не только непосредственная его характеристика, но и обязательное указание на присутствие при совершении хулиганских действий граждан⁴. По этой причине В.Ф. Кириченко обоснованно утверждает, что неуважение к обществу возможно только в публичных проявлениях, а совершение идентичных с хулиганством действий в отсутствие людей не образует состава преступления, предусмотренного анализируемой статьей⁵.

¹ См.: Куделич А.В. Хулиганство и убийство в уголовном праве: общее и особенное: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 79.

² См.: Ключниченко А.П. Административная ответственность за хулиганство и проступки, совершенные на почве пьянства (по материалам практической деятельности органов МВД Украинской ССР): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1969. С. 16.

³ См.: Егоров В.С. Уголовная ответственность за хулиганство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 17.

⁴ Предлагаемый подход подтверждается и результатами анализа судебно-следственной практики. В частности, 97,2% уголовных дел, возбужденных по ст. 213 УК РФ, содержат в себе признак, указывающий на совершение преступления в общественном месте. При опросе представителей следственных и судебных органов по вопросу: «Является ли место совершения хулиганства (общественное место) обязательным признаком данного состава преступления?» – 99,5% дали положительный ответ. На вопрос: «Необходимо ли наличие посторонних для виновного лиц в момент совершения хулиганства для признания его таковым?» – 76,1% опрошенных ответили утвердительно; 20,6% – отрицательно, акцентировав свое внимание лишь на месте совершения преступления; 3,3% затруднились с ответом.

⁵ См.: Кириченко В.Ф. Об усилении борьбы с хулиганством. М., 1967. С. 7.

Другая группа ученых, одним из представителей которой является А.В. Кунашев, раскрывают исследуемый признак, исходя из мотивации преступного поведения, направленной, в первую очередь, на противопоставление себя окружающим, то есть неопределенному кругу лиц, вне зависимости от их принадлежности¹. Т.В. Долголенко, соглашаясь с данным подходом, делает вывод о том, что мотивация, указанная в пункте «б» части 2 статьи 213 УК РФ, и является разновидностью хулиганского мотива². Однако, на наш взгляд, последнее утверждение можно назвать достаточно спорным по причине отсутствия аргументов в его поддержку.

А.Н. Игнатов в своей работе, посвященной проблемам квалификации хулиганства, предложил третий подход к определению признака публичности. По его мнению, он не может носить обязательного характера по причине сужения понятия хулиганства³. Комментируя высказанную точку зрения, отметим, что мы соглашаемся с необходимостью унификации уголовно-правовых норм, в том числе и хулиганства, однако излишне расширительное толкование исследуемой нормы создает массу проблем при квалификации статьи 213 УК РФ, что влечет за собой снижение ее эффективности.

В этом вопросе, можно, на наш взгляд, согласиться с А.В. Ростокинским, указывающим, что «новеллы законодательства об ответственности за совершение хулиганства оказывают негативное воздействие на состояние борьбы с насильственной преступностью, включая экстремистское насилие»⁴. В этом же ключе рассуждают Ц.З. Апостолова и Б.В. Волженкин, совершенно справедливо отмечаящие, что современное законодательное определение хулиганства создало новые предпосылки для научных дискуссий, споров, а также коллизий в правоприменении.

---

¹ См.: Кунашев А.В. Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами // Законность. 2010. № 2. С. 44–47.

² См.: Долголенко Т.В. Убийства по экстремистским мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и их соотношение с другими составами преступлений // Современное право. 2010. № 2. С. 120–123.

³ См.: Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1971. Т. VI. Часть Особенная. С. 320.

⁴ Ростокинский А.В. О сходной сущности и различиях квалификации хулиганства и экстремизма // Российский следователь. 2007. № 7. С. 11–16.

менительной деятельности,¹ что указывает на ошибочность принятого законодательного решения².

Полагаем, что уйти от оценочной характеристики упомянутых выше признаков по объективным причинам невозможно. Это диктует необходимость максимальной их конкретизации. Представляется, что этому будет способствовать указание на место совершения преступления (общественное место) и то, что уголовно наказуемое хулиганство совершается с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Реализация данного предложения позволит, на наш взгляд, более эффективно применять анализируемую норму на практике и снимет вопросы в отграничении ее от административного правонарушения.

Завершить рассмотрение проблем оценки объективных признаков хулиганства можно словами А.А. Пионковского, В.Д. Меньшагина и В.М. Чхивадзе, отметившими, что хулиганству присуща исключительно публичная направленность как самих действий, так и вредных для общества последствий³. Поэтому нецелесообразно и даже ошибочно преступления, совершаемые по экстремистским мотивам, сводить к хулиганству⁴.

Рассматривая *субъективную сторону* исследуемой группы деяний, необходимо остановиться на мотивации преступного поведения, чаще всего и порождающей проблемы при квалификации преступлений экстремистской направленности⁵.

Преступление (в психологическом плане) есть частный вид деятельности человека. Поэтому уголовно-правовое понятие мотива преступления⁶ должно

¹ См.: Апостолова Ц.З. Дискуссионные аспекты уголовно-правовой характеристики хулиганства в редакции Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Российский следователь. 2007. № 24. С. 8–10.

² См.: Волженкин Б.В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 21.

³ См.: Пионковский А.А., Меньшагин В.Д., Чхивадзе В.М. Курс советского уголовного права: Особенная часть. М., 1959. Т. 2. С. 313.

⁴ См., напр.: Волженкин Б.В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 21; Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 21–23; и др.

⁵ См.: Петрянин А.В. Мотив преступления и проблемы его определения при совершении преступлений экстремистской направленности // Следователь. 2010. № 11(151). С. 8–12.

⁶ *Мотив* – побуждение, побудительная причина преступного поведения. В уголовном праве мотив как признак субъективной стороны известен давно. Он был введен в научный оборот

опираться на соответствующее психологическое определение. В психологии мотив рассматривается как фактор активного поведения личности, движущая сила, представляющая основу поведения человека. В целом рассматривая мотив как исходную побудительную причину, психологи, однако, не имеют общего мнения о том, какие конкретно факторы следует рассматривать в качестве двигателя воли человека, а следовательно, и мотивами. Одни утверждают, что в качестве такового выступают исключительно потребности человека, выражающиеся в нужде, которую испытывает человек в конкретной ситуации, и субъективно переживаемые в виде влечений и желаний. Другие же, признавая потребности основным фактором поведения человека, при этом не отрицают существования и других побуждений¹.

По нашему мнению, последняя точка зрения вполне может отвечать особенностям психологического содержания криминальной деятельности. Изучение субъективной стороны деяния свидетельствует о том, что обстоятельства, в которых оказывается лицо при совершении преступления, по-разному действуют на личность виновного. В одних случаях они порождают возникновение той или иной потребности как стимула к действию, в других – заглушают ее, вызывая противоправное поведение посредством активизации иных факторов.

Что касается мотивов, имеющих непосредственное значение при квалификации преступлений экстремистской направленности, то особую роль выполняют те, которые нашли свое непосредственное закрепление в УК РФ в результате принятия Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совер-

---

немецким ученым Вольфом. По мнению С.М. Ибрагимова, «термин “мотив” – это исключительно психологическая дефиниция, выработанная в рамках психологии и только потом уже перенесенная в уголовно-правовую сферу» (*Ибрагимов С.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристики низменных мотивов в преступлениях против личности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 36.*). Б.С. Волков совершенно справедливо отметил, что взаимосвязь психологического и уголовно-правового понятия мотива выражается как соотношение общего и частного (См.: *Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 57.*). При этом мотив преступления, как и мотив любого иного вида поведения, всегда является сигналом (детерминантой) к действию. Причем исключительно потребность дает почву для рождения мотива.

¹ См.: *Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 229.*

шенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму»¹ и Федерального закона от 10 мая 2007 года «О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»².

Полагаем, что причиной реализации такого подхода стала осознанность государством высокого уровня общественной опасности деяний, совершаемых на основе экстремистской мотивации, что повышает конфликтность общественных отношений³.

В частности, вышеуказанные федеральные законы изменили содержание пункта «е» части 1 статьи 63 УК РФ. При этом данный отягчающий признак также нашел свое отражение в качестве квалифицирующих признаков в ряде составов преступлений (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117 и др.).

Как видим, основными признаками указанного выше отягчающего обстоятельства являются ненависть или вражда, а уже потом их разновидности (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная). В этой связи целесообразно обратиться к этимологии соответствующих понятий.

В.И. Даль и С.И. Ожегов рассматривают термины «ненависть» и «вражда» как синонимичные⁴. Схожее мнение высказывает и И.Я. Козаченко, определяющий, что ненависть – это чувство вражды, вызванное единоличной или взаимной неприязнью в отношении как индивидуума, так и неопределенного круга лиц. При этом рассматривая вражду как негативное (отрицательное) отношение к конкретному человеку или группе людей по причине неопределенного круга событий, явлений или фактов⁵. Мы видим, что в качестве критериобразующих признаков ав-

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

² Собрание законодательства РФ. 2007. № 21, ст. 2456.

³ См.: *Кашепов В.П.* О значении мотива преступления при его квалификации // Комментарий судебной практики / под ред. К.Б. Ярошенко. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. Вып. 18. С. 111–128.

⁴ См.: *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1992. С. 106.

⁵ См.: *Козаченко И.Я.* Тоталитарная религия или религия тоталитаризма // Концептуальные проблемы современного российского судоустройства и судопроизводства: материалы научно-прак-

тор выделяет такие понятия, как «чувство» и «отношение». Полагаем, что в ряде случаев данные термины могут использоваться как синонимы, однако это не дает нам возможности определить авторское их содержание. Ряд других ученых также поддерживают этот подход¹, с которым мы принципиально согласны. Но в науке существует и иные точки зрения, раскрывающие отличительные черты этих явлений. Так, в психологии ненависть воспринимается как устойчивое, активное отрицательное чувство человека, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям либо ценностям. Она способна выражаться не только в соответствующих оценках, но и в активной деятельности. Чаще всего формированию ненависти предшествуют недовольство, отрицательные переживания и т. д.²

Схожую научную позицию выражает и В.И. Тюнин. Он отмечает, что причиной возникновения исследуемого негативного чувства является субъективная оценка определенных событий, явлений, фактов как отрицательных³. В продолжение вышесказанного С.В. Борисов, также поднимая эту проблему, аргументирует вывод о том, что термин «вражда» вообще является лишним, не требует закрепления его в законе, при этом обосновывая свой вывод существующими судебными решениями⁴.

Все вышеизложенное, конечно же, указывает на то, что возможная грань по содержанию рассматриваемых понятий так тонка, что объективно не дает возможности провести эту границу, и это указывает на их неразрывную связь. Именно поэтому считаем, что они должны рассматриваться как взаимодополняющие.

Раскрывая *политическое содержание преступной мотивации*, следует отметить, что политика – это деятельность в сфере отношений между большими социальными группами, нациями и государствами⁵, что предполагает весьма широ-

тической конференции (14 октября 2005 г.) / отв. ред. М.С. Саликов. Екатеринбург, 2006. С. 180.

¹ См., например: *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 64.

² См.: *Краткий психологический словарь*. М., 1985. С. 206.

³ См.: *Тюнин В.И.* Организация экстремистского сообщества // *Уголовное право*. 2006. № 3. С. 52.

⁴ Борисов С. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // *Уголовное право*. 2013. № 6. С. 4–9.

⁵ См.: *Краткий политический словарь*. М., 1989. С. 421.

кое ее толкование и в рамках преступлений экстремистской направленности, требует определенных уточнений.

В доктрине существует несколько подходов, раскрывающих содержание *политической мотивации* при совершении таких деяний. Например, Н.А. Егорова слишком широко трактует рассматриваемое понятие, относя к нему любое проявление политической ненависти или вражды, непосредственно связанное с определенной деятельностью потерпевшего и (или) субъекта преступления¹.

К сожалению, такое понимание этого мотива является частично неопределенным по своему содержанию, что не дает объективной возможности отграничить общеуголовное преступление от деяний экстремистской направленности даже при наличии специальных потерпевших (например, убийство представителя политической партии по мотиву личной неприязни и т. п.).

Считаем, что более правильной является точка зрения П.А. Кабанова. По его мнению, политическая ненависть в преступлениях экстремистской направленности представляет собой побуждение к совершению преступления в отношении лиц, придерживающихся иных политических взглядов, в целях борьбы за власть. Политическая вражда, считает указанный автор, включает в себя совершение каких-либо демонстративных действий, выражающих неприязнь к иным политическим оппонентам, основанную на особых политических убеждениях².

Полагаем, что П.А. Кабанов прав, поскольку политическая мотивация доминирует при совершении преступлений экстремистской направленности, что предопределяет ей особую значимость в качестве причин рассматриваемой группы преступлений. При этом политическая ненависть или вражда хотя и имеют общие признаки, однако различаются, в первую очередь – по форме реализации возникших политических мотивов.

---

¹ См.: Егорова Н.А. К вопросу о новых мотивах совершения преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 42.

² Кабанов П.А. Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности // Следователь. 2008. № 2. С. 57.

Исходя из содержания термина «идеология», *идеологическая мотивация* представляет собой ненависть или вражду, основанную на радикальном неприятии идей, которых придерживаются потерпевшие.

Наиболее распространенным является мнение, в соответствии с которым под ней следует понимать ненависть или вражду, возникшую по причине несовпадения представлений, понятий и взглядов у субъекта преступления и у потерпевшего. Полагаем, что в данном случае следует обратить внимание на два обстоятельства. *Во-первых*, при совершении преступлений экстремистской направленности, тем более основанных на идеологической мотивации, конкретный потерпевший выступает лишь как средство достижения поставленных целей, через воздействие на которое выражается негативное отношение к существующим порядкам и устоям. *Во-вторых*, на наш взгляд, содержание предложенной дефиниции не раскрывает возможных сфер, в которых возможна реализация данной мотивации, что делает предложенное понятие частично пробельным в исследуемой нами области.

Отметим, что в доктрине существует и такой подход, в соответствии с которым вышеуказанные мотивации рассматриваются как неразрывно взаимосвязанные. Так, например, по мнению А.Г. Никитина, политическая и идеологическая мотивации прослеживаются при совершении практически любого преступления, не согласующегося с государственными интересами¹. В целом соглашаясь с тем, что преступления экстремистской направленности могут включать в себя несколько мотивов, полагаем, что в таком случае необходимо устанавливать доминирующий, явившийся основной причиной совершения конкретного общественно опасного деяния, предопределяющий сущность совершенного или совершаемого преступления.

Еще одной разновидностью преступной мотивации в преступлениях экстремистской направленности является *расовая и национальная ненависть*. В ее основе, как правило, лежит представление о принадлежности потерпевшего к

---

¹ См.: Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 64.

иной расе или национальности. Представляется, что расовая ненависть тесно связана с ненавистью, возникающей на национальной почве, поэтому зачастую они дополняют друг друга. Однако возможно и их раздельное сосуществование в рамках формирования мотива при совершении преступлений экстремистской направленности.

В.И. Тюнин справедливо отмечает, что рассматриваемая мотивация может находить свое выражение при проведении национальных праздников, в стиле жизни, манере одеваться, в отношении к женщинам, представителям иных национальностей и т. д.¹

Конструктивным признаком *религиозной ненависти* является приверженность потерпевших к той или иной религии, воспринимаемой виновными как враждебная. С нашей точки зрения, основной проблемой современных религий, порождающей резкий всплеск преступлений на религиозной почве, является умышленно «ошибочная» трактовка религиозных источников. Субъекты толкования не всегда точно передают их смысл, а иногда и умышленно вкладывают в текст иное содержание в целях достижения результатов, соответствующих их потребностям. Примером может служить придание религиозной окраски исключительно политическим явлениям (республики Северного Кавказа, Афганистан, Израиль, Иран, Ирак, Сирия и т. д.). Особенностью религиозного экстремизма является состояние фанатизма, выражающееся в безукоризненной истинности религии и совершении действий, направленных на достижение ее целей любыми средствами². При этом религия при совершении преступлений экстремистской направленности выступает как инструмент оправдания насилия. Более того, современная религия во всех ее проявлениях становится способом политической борьбы за власть, территории и ресурсы.

Исследовав экстремистскую мотивацию, хотелось бы поднять вопрос о целесообразности ее закрепления на нормативном уровне. В частности, в доктрине

---

¹ См.: Тюнин В.И. Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. 2006. № 3. С. 53.

² См.: Эфиров С.А. Социальные импликации экстремистского сознания // Вопросы истории и критики буржуазной социологии. М., 1983. С. 6

существует подход, в соответствии с которым указание соответствующей мотивации в законодательстве является недостаточно обоснованным¹. Полагаем, что такая позиция спорна по причине имеющейся потребности в определении признаков экстремистской мотивации как в правоприменительной, так и научной деятельности, поскольку именно она и определяет содержание современного экстремизма, хотя и порождает трудности в ее установлении. Так, по мнению 78,4% опрошенных сотрудников правоохранительных органов, занимающихся выявлением и расследованием преступлений экстремистской направленности, основной проблемой при квалификации рассматриваемой группы деяний и является установление мотивации. Данную точку зрения также поддерживают 81,7% ученых-юристов.

Подводя итог в исследовании мотивов, хотелось бы подчеркнуть, что *в законодательстве должна быть в обязательном порядке закреплена экстремистская мотивация, при этом она должна содержать в себе основные признаки, характеризующие ее, а именно: полное отрицание оппонентов (потерпевших) по признакам их политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности, выражающееся в посягательствах или уничтожении оппонентов в процессе совершения преступлений экстремистской направленности.*

Еще один признак, характеризующий преступления экстремистской направленности и нашедший свое отражение в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ, – *совершение деяния по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.* Полагаем, что основной проблемой при установлении данного отягчающего обстоятельства является и будет являться определение признаков социальных групп, в отношении которых возможно совершение рассматриваемых преступлений. Считаем, что использование местоимения «какой-либо» указывает на то, что даже для самого законодателя этот вопрос является неопределенным. Это подтверждается и отсутствием разъяснений уполномоченных на то органов, а также сумбурно формирующейся судебной-следственной практикой.

---

¹ См.: *Лунеев В.В.* Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. 2009. № 9. С. 46–47.

В науке существует множество подходов к определению содержания социальной группы. Так, по мнению Р. Мертона, *социальная группа* должна обладать следующими обязательными признаками: а) количественный критерий и б) наличие взаимообусловленных связей, что и предопределяет принадлежность к конкретной группе¹. Предлагаемый подход дает общее представление о социальной группе, однако не представляет возможности для определения четких признаков тех, которые могут выступать в качестве объектов посягательств при совершении преступлений экстремистской направленности.

В этой связи отдельные авторы, осознавая это обстоятельство, предпринимают попытки по определению характерных черт социальной группы путем перечисления видов общностей. Например, Н.А. Ратинова и А.Р. Ратинов считают, что к таковым можно отнести членов религиозных, общественных или политических организаций и т. д.²

Однако и вышеизложенный подход не раскрывает в полном объеме сущности социальной группы, в рамках деяний экстремистской направленности.

А.В. Хлебушкин указывает на необходимость выделения двух самостоятельных объединений, включающих в себя как группу лиц, выделяемую на основе социально-биологических характеристик конкретной личности, так и общность, осуществляющую совместную деятельность³.

Понимая масштабы этой проблемы, мы полностью разделяем мнение А.Г. Кибальника и И.Г. Соломоненко, указавших, что отсутствие четких и понятных признаков какой-либо социальной группы, закрепленных в праве, по существу потенциально расширяет либо сужает границы уголовной репрессии⁴. Как спра-

---

¹ См.: Социология: учебник для юридических вузов / под ред. В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб., 2000. С. 156.

² См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика. М., 2005. С. 79.

³ См.: Хлебушкин А. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6. С. 74–81.

⁴ См.: Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 21–23.

ведливо указывает профессор В.Ф. Цепелев, с этой проблемой пока не разобрался и Верховный Суд Российской Федерации¹.

Считаем, что в этом случае признаки социальной группы должны отражать сущность современного экстремизма. В этом вопросе мы полностью разделяем мнение С.В. Борисова в том, что такие признаки должны быть социально значимыми². Поэтому в качестве таковых могут выступать только те, которые и явились причиной возникновения экстремистской мотивации, в частности, *отличаются от посягателей по признакам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности, что и явилось причиной противоправного (преступного) поведения.*

Определяя признаки **субъектов преступлений** экстремистской направленности, характеризующихся не только высоким уровнем организованности, но и транснациональности, полагаем, что в первую очередь мы должны отталкиваться от положений ст. 11 – 13 УК РФ, где говорится о том, что субъектами преступления могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. При этом не нужно забывать и рекомендации, содержащиеся в ряде международных нормативных правовых актов. Например, в соответствии с Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом³, и в частности в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Конвенции, страны-участницы обязаны оказывать совместную правовую помощь в борьбе с экстремизмом. Это дает основание предположить, что в качестве субъектов исследуемой группы деяний могут выступать как граждане России, так и иностранные лица, и лица без гражданства, независимо как от места совершения преступления, так и в отношении безопасности любого из государств – участников Конвенции. Вышеизложенное дает нам легитимное основание для деления субъектов, совершающие деяния

---

¹ См.: Цепелев В.Ф. Преступления экстремистской направленности: общие подходы и проблемы. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30 января 2015 г.). – Москва: РГ-Пресс, 2015. С. 418.

² См.: Борисов С.В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 4–9.

³ См.: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41, ст. 3941.

экстремистской направленности, на две самостоятельные категории. В случае совершения преступлений, непосредственно указанных в Конвенции, ответственности подлежит любое лицо, как являющееся, так и не являющееся гражданином России, и это характеризует первую группу. Причем в такой ситуации не имеет значения место совершения преступления. Ко второй группе субъектов можно отнести всех лиц, совершающих деяния экстремистской направленности, предусмотренные исключительно национальным законодательством, поскольку положения международной Конвенции на них не распространяются. В данном случае ответственность несут граждане Российской Федерации, вне зависимости от места совершения преступления, иностранные граждане, а также лица без гражданства в случае совершения преступлений экстремистской направленности на территории России. Как видим, международное сообщество по-своему определяет опасность исследуемых деяний, и эта дифференциация только усиливается на современном этапе (особенно учитывая процессы глобализации).

В современном праве зарубежных государств со всей очевидностью прослеживается тенденция усиления защиты национальных интересов. В первую очередь это касается стран, входящих в Европейское сообщество. Так, например, в соответствии с законодательством Франции любое деяние, совершенное иностранным гражданином вне территории Франции, посягающее на интересы французских граждан либо французских хозяйствующих субъектов, рассматривается как посягательство на интересы Франции в целом, со всеми вытекающими отсюда последствиями (универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве)¹.

Однако нормативные положения, регламентирующие действие названного принципа в действующем российском УК (ст. 11), на наш взгляд, не способны в полной мере защитить национальную безопасность Российского государства.

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Ответственность за преступления экстремистской направленности по уголовному законодательству Германии и Франции // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов / Под ред. М.П. Полякова и М.А. Пшеничнова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. Вып. 18. 182 с. С. 80–89.

Преступления экстремистской направленности, посягающие на интересы Российской Федерации либо гражданина России или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, совершенные иностранными гражданами за пределами России, но не признающиеся таковыми на территории иностранного государства, где они и были содеяны, вне всякого сомнения, причиняют вред непосредственно России и ее национальной безопасности. В этой связи представляется целесообразным применять к таким лицам положения части 3 статьи 12 УК РФ.

Проведя дальнейшее исследование субъектов преступлений экстремистской направленности, мы пришли к выводу о том, что всплеск экстремистской активности наблюдается у лиц в возрасте от 14 до 30 лет. Чаще всего это лица мужского пола, не находящиеся в браке, с низким уровнем образования и культуры. Доминирующее количество осужденных уже были ранее судимы, в том числе и за совершение преступлений экстремистской направленности¹.

Учитывая, что основная масса осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности не раскаивается в содеянном (74,3%), значительная масса из которых (45,8%) повторно совершают административные правонарушения либо преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, считаем целесообразным в статьях Уголовного кодекса РФ, посвященных преступлениям экстремистской направленности,² введение такого квалифицирующего признака, как «совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление экстремистской направленности». Необходимость его включения в соответствующие нормы УК РФ обусловлена не только нашей авторской позицией либо полученными результатами проведенного интервьюирования, но и мнениями других ученых, а также современными законодательными решениями. В частности, мы наблюдаем существенное усиление ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности,

---

¹ Более подробно социально-психологические признаки субъектов преступлений экстремистской направленности будут нами рассмотрены в следующем разделе нашего исследования.

² Статьи 136, 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 329, 354¹, 357 УК РФ.

о чем мы уже говорили ранее. Также мы наблюдаем имплементацию повторности в современное уголовное законодательство. В частности, в ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ¹. Понимая принципиальную разницу в объектах уголовно-правовой охраны преступлений против половой неприкосновенности личности и экстремистских деяний, однако учитывая высокий уровень их общественной опасности, считаем обоснованным реализацию рассматриваемого инструмента и в противодействии экстремизму как возможно нового направления законодательной концепции в исследуемой нами области. В качестве еще одного аргумента может служить и зарубежный опыт, о чем нами говорилось в рамках первого раздела диссертационного исследования, показавший эффективность реализации повторности как отягчающего вину признака.

Мы считаем, что повторное совершение преступления экстремистской направленности однозначно указывает на профессионализм преступника, поэтому согласимся с мнением Э.Ф. Побегайло, отметившего, что систематическое совершение не разнородных деяний явно свидетельствует о криминальном профессионализме личности² и требует наложения на это лицо дополнительных правоограничений, влекущих за собой определенные уголовно-правовые и общеправовые последствия для осужденного³. Игнорирование законодателем повторности как типичного варианта профессиональной криминальной активности, однозначно усиливающего характер и степень общественной опасности содеянного, является существенным пробелом национального уголовного законодательства⁴.

Применительно к рассматриваемой группе преступлений лицом, ранее судимым, должно признаваться лицо, в прошлом привлекавшееся к ответственности за совершение преступлений, перечень которых нами ранее был предложен как

---

¹ «Деяние, предусмотренное пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, **совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление** против половой неприкосновенности несовершеннолетнего».

² См.: Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3. С. 112.

³ См.: Понятовская Т.Г., Шаутаева Г.Х. Правовое значение судимости. Ижевск: Детектив-информ, 2003. С. 12.

⁴ См.: Галиакбаров Р.Р., Соколов В. Уголовный кодекс РФ: поправки с проблемами // Уголовное право. 2004. № 2. С. 15.

исчерпывающий и нашедший свое отражение в предлагаемой нами редакции примечания 1 к статье 282¹ УК РФ, если за ранее совершенное деяние лицо не было в установленном законом порядке освобождено от уголовной ответственности либо судимость за ранее совершенное лицом преступление не была погашена или снята.

В силу того, что для преступлений экстремистской направленности характерен универсальный принцип привлечения к уголовной ответственности, имеет смысл его распространять не только на лиц, впервые их совершивших, но и на тех, кто уже был ранее осужден за данные преступления на территории других государств. При совершении этими лицами деяния экстремистской направленности важно квалифицировать содеянное ими по предлагаемому нами квалифицирующему признаку с учетом наличия предыдущей судимости. Со стороны многих теоретиков и практиков могут последовать возражения о том, что судимость определяется в других государствах по иным критериям, чем в России. Однако в частях 1 и 3 статьи 12 УК РФ указаны правила привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление на территории иностранных государств. Верховный Суд РФ в своем постановлении мог бы установить правила учета судимости за международные преступления, совершаемые в другом государстве, принимая во внимание особенности исчисления судимости в национальных законодательствах.

Еще одним спорным вопросом при определении субъекта экстремистских преступлений является признак, закрепленный в пункте «б» части 2 статьи 282 и части 3 статьи 282¹ УК РФ, – «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения».

Принимая во внимание то обстоятельство, что анализируемые деяния могут совершать специальные субъекты, использующие свои служебные полномочия, можно сделать вывод о том, что в преступлениях, предусмотренных пунктом «б» части 2 статьи 282, части 3 статьи 282¹, части 3 ст. 282², части 2 ст. 282² УК РФ, возможно выделение факультативных объектов, что, несомненно, отражается на степени общественной опасности соответствующих деяний. В качестве таковых

выступают общественные отношения в сфере установленного законом режима функционирования службы в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, в Вооруженных силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, а также в коммерческих организациях независимо от формы собственности и в некоммерческих организациях, не являющихся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

В соответствии с пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» «*использование служебного положения* (п. «б» ч. 2 ст. 282 и ч. 3 ст. 282¹ УК РФ) выражается не только в умышленном использовании указанными выше лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности, на других лиц в целях совершения ими действий, направленных, в частности, на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе»¹.

Как видим, разъяснения суда, касающиеся определения такой категории, как *использование служебного положения*, изложены весьма «туманно», носят чересчур общий и неконкретный характер, что, безусловно, затрудняет применение этого признака на практике. Нет единства в этом вопросе и среди ученых².

В целом мы понимаем, что использование должностного положения и использование должностных полномочий не являются тождественными понятиями.

Однако, принимая во внимание то обстоятельство, что при совершении деяний специальным субъектом, использующим в том числе и свое должностное по-

---

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

² См., например: *Любимов А.А.* Преступления против собственности, совершенные с использованием служебного положения: вопросы законодательства и правоприменения // *Общество и право.* 2010. № 1. С. 165–167; *Безверхов А.Г.* Некоторые вопросы квалификации присвоения и растраты // *Уголовное право.* 2008. № 4. С. 8; и др.

ложение, в любом случае происходит подрыв авторитета государственной власти, что дает возможность для выделения факультативного объекта, и это, несомненно, отражается на степени общественной опасности соответствующих деяний.

Мы согласны с авторами, которые считают, что, кроме самой должности, правовой статус лица, использующего свои служебные полномочия, должен содержать такие признаки, которые как минимум могут способствовать совершению преступления в различных их проявлениях (например, облегчать, причинять вред в большем объеме, наличие публично-правовых функций и т. п.).¹ В этой связи С.В. Изосимов совершенно справедливо отмечает, что при определении данного квалифицирующего признака особую роль играет субъективный фактор, указывающий на то, что лицо, совершающее преступление, непосредственно использует свои полномочия для его совершения².

Полагаем, что в случае наличия у субъекта преступления признаков служебных полномочий, которые не способствовали совершению преступления как по объективным, так и по субъективным причинам, лицо не может рассматриваться как специальный субъект и его действия должны квалифицироваться как совершенные общим субъектом. Принимая во внимание данное обстоятельство, представляется, что необходимо внести уточнение в пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и изложить его в следующей редакции: *«К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201*

---

¹ См.: Волженкин Б.В. Корыстные злоупотребления по службе (хищения, взяточничество, злоупотребление служебным положением): уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991 // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 100.

² См.: Изосимов С.В. Теоретико-прикладной анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 465.

УК РФ, использующие свои полномочия для совершения преступлений экстремистской направленности. При этом к использованию служебных полномочий в том числе относится и оказание влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности, на других лиц в целях выполнения ими действий, направленных на совершении данной группы преступлений».

Считаем, что этим квалифицирующим признаком должны быть дополнены и ст. 280, 280¹ и 282 УК РФ.

В заключение полагаем необходимым остановиться на особенностях, присущих преступлениям, предусмотренным статьями 282¹ и 282² УК РФ. Речь идет о двух примечаниях к этим нормам, устанавливающих *специальные основания освобождения от уголовной ответственности*, реализация которых на практике сопряжено с определенными трудностями.

Отметим, что они могут быть применены только за участие в экстремистском сообществе или экстремистской организации, и не распространяются на лиц, совершивших деяния, предусмотренные другими частями статьи 281¹ и 282² УК РФ. Это вполне обоснованное законодательное решение, так как общественная опасность рассматриваемых преступлений различна.

Представляется, что поскольку деяния, отраженные в частях 2 статьи 282¹ и 282² УК РФ, являются преступлениями средней тяжести¹, то действия виновных в случае добровольного прекращения преступной деятельности могут быть рассмотрены как деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ). Применение указанной нормы Общей части, на наш взгляд, будет более эффективным инструментом по сравнению с положениями, закрепленными в примечаниях к ст. 282¹ и 282² УК РФ по следующим основаниям. *Во-первых*, указанные нормы содержат в себе безусловные основания освобождения от уголовной ответственности, то есть при их наличии правоприменитель обязан освободить виновного от уголовной ответственности, установив лишь единственный признак – добровольность. С нашей точки зрения, добровольность принятого решения о прекращении участия в экстремистском сообществе или экстремистской организации далеко не всегда свидетель-

---

¹ Максимальное наказание – четыре года лишения свободы.

ствуется о полном раскаянии виновного. *Во-вторых*, положения ст. 75 УК РФ устанавливают не одно, а несколько условий освобождения от уголовной ответственности. Наиболее значимыми из них, на наш взгляд, являются: а) совершение преступления впервые¹; б) применение рассматриваемого основания возможно по усмотрению суда².

В-третьих, что, с нашей точки зрения, является более значимым аргументом, это принципиальное отличие рассматриваемых деяний от преступлений, в рамках которых также закреплены безусловные основания освобождения от уголовной ответственности, заключающееся в характере и степени общественной опасности, например, закрепленных в ст. 126, 205 и 206 УК РФ. В указанных нормах наравне с основным объектом всегда страдает дополнительный, в качестве которого закреплены здоровье и жизнь человека, а в террористическом акте и отношения собственности. Все это свидетельствует о том, что они чаще всего сопряжены с наступлением общественно опасных последствий, которые отсутствуют при совершении деяний, указанных в ст. 282¹ и 282² УК РФ. Поэтому многообъектность и характер возможных последствий не только предопределяет, но и аргументирует создание этих поощрительных норм. Мы полностью разделяем мнение законодателя в том, что для более качественной охраны и спасения наиболее значимых общественных отношений, в качестве которых, конечно же, выступает жизнь и здоровье человека, и предотвращения причинения ущерба, отказ от совершения терроракта либо освобождение заложников, даже по требованию властей, частично реабилитирует виновного и аргументирует применение к нему такой нормы. Приведенные выше доводы позволяют сделать вывод, что в основу

---

¹ Считаем, что данное положение обязательно должно применяться при освобождении от уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности, так как лицо, повторно совершающее однородное преступление, однозначно не потеряло своей общественной опасности. В рамках же примечания к исследуемым нормам мы обязаны будем его освободить от уголовной ответственности даже в случае повторного совершения тождественного деяния.

² В законе определено, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, *может быть* освобождено от уголовной ответственности...». Формулировка «может быть» указывает на то, что суд вправе не освобождать лицо от уголовной ответственности даже при наличии всех обстоятельств, перечисленных в ст. 75 УК РФ, если возникнут сомнения в их искренности и подлинности, что и указывает в первую очередь на то, что лицо не потеряло своей общественной опасности.

рассмотренных поощрительных норм положена «предпочтительность не наступления более тяжких последствий»¹. А этого объективно нельзя сказать в случае добровольного прекращения участия в экстремистском сообществе или экстремистской организации.

Исходя из изложенного, полагаем, что следует исключить примечания 1 из статей 282¹ и 282² УК РФ и в случаях деятельного раскаяния применять положения статьи 75 УК РФ. Это, на наш взгляд, может стать еще одним эффективным инструментом борьбы с экстремизмом.

Все сказанное еще раз подчеркивает отсутствие единого подхода к правовой оценке деяний экстремистской направленности. По этой причине считаем необходимым рассмотреть и особенности их квалификации с учетом сложившейся судебно-следственной практики, в том числе затрагивающие вопросы конкуренции и совокупности преступлений.

В частности, анализ особенностей квалификации преступления, предусмотренного статьей 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества», показывает, что наиболее дискуссионным как в науке, так и в деятельности правоприменительных органов является вопрос отнесения сообщества к экстремистскому². Рассмотрение уголовных дел по статье 282¹ УК РФ показало, что в основной своей массе (83%) к таковым относятся сообщества религиозного толка³, а также ультраправые националистические организации⁴. Представленные результаты четко свидетельствуют о том, что судебно-следственные органы оценивают экстремистские сообщества в первую очередь по их радикальной национально-религиозной принадлежности.

---

¹ Потемкина А.Т. Содержание и уголовно-правовое значение деятельного раскаяния // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 127–132.

² 69% проинтервьюированных респондентов, являющихся представителями следственных и судебных органов, высказали озабоченность отсутствием указания в законе четких признаков экстремистского сообщества.

³ Ваххабитские и языческие группировки: «Хизб ут-Тахрир», «Джамаат таблиг», «Нурджулар», «Язычники-родноверы», «Родная вера» и т. д.

⁴ «Народная национальная партия», «Русское национальное единство», «Славянский союз», «Движение против нелегальной иммиграции», «Русский образ», «Союз офицеров», «Партия Свободы», «Blood & Honour Russia», «Combat 18 Russia», «Mad crowd», «Шульц-88», «Легион Вервольф», «Формат-18» и т. д.

Вот несколько примеров. *Р.* был признан виновным в организации экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ), а именно региональной организации «Русское Национальное Единство». В 2009 г. *Р.* была создана общественная организация НРОО «РНЕ», включающая в себя пять человек, имеющая свою структуру и лидера. Основной целью деятельности этой организации являлось распространение националистических идей, возбуждение национальной и религиозной вражды к лицам неславянской национальности¹.

А. был признан виновным в организации экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) «Национал-социалистическое движение», которое он создал в 2010 г. на территории г. Н. Новгород, взяв на себя роль лидера².

Основная масса уголовных дел, возбужденных по статье 282¹ УК РФ (96%), квалифицируется по совокупности с иными составами преступлений, как экстремистского, так и общеуголовного характера. При этом 61% из них квалифицируются по совокупности со статьей 282 УК РФ. Полагаем, что представленная совокупность подтверждает экстремистскую мотивацию участников экстремистского сообщества, что в том числе и ложится в основу обоснования признаков, не только закрепленных в статье 282 УК РФ, но и признаков статьи 282¹ УК РФ. В частности, в диспозиции данной статьи прямо указано: «Создание экстремистского сообщества, ... для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности...». Предпринятый законодательный подход, по нашему мнению, четко указывает на то, что квалификация действий лиц, совершивших преступление, предусмотренное статьей 282¹ УК РФ, без наличия в их противоправных актах иных предикатных деяний экстремистской направленности будет являться необоснованной. Этой позиции придерживаются также П.В. Агапов и А.Г. Хлебушкин, отмечающие, что определяющими факторами квалификации действий виновных по статье 282¹ УК РФ являются не только характер организованности соответствующей экстремистской структуры, но и совершение ее участ-

---

¹ Приговор Нижегородского областного суда по уголовному делу № 245196.

² Приговор Нижегородского областного суда по уголовному делу № 175462.

никами иных преступлений экстремистской направленности, чаще всего насильственного характера¹.

По результатам исследования материалов уголовных дел нами было установлено, что дополнительные преступные деяния, совершаемые виновными в рамках преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, как раз и подтверждают высокий уровень организации экстремистского сообщества и его цели.

Например, гражданин Ш. был осужден по части 1 статьи 282¹ и пункту «в» части 2 статьи 282 УК РФ. Он создал четко структурированную организацию, одним из направлений деятельности которой было распространение националистических идей, возбуждение национальной и религиозной вражды к лицам неславянской национальности путем распространения данной информации с помощью сети Интернет².

Гражданин К., осужденный по части 2 статьи 282¹ и части 1 статьи 282 УК РФ, являющийся активным участником экстремистского сообщества, реализуя свой умысел на возбуждение ненависти и вражды, а также унижение достоинства человека по признакам национальности, публично, в общественном месте – на рынке, в присутствии посторонних лиц систематически высказывал оскорбления в адрес В. как представителя лица русской национальности, а именно говорил ей: «Еще раз ты, славянская тварь, сука, поставишь так свою машину, то я ее сожгу!»; в адрес С. «Ты – русская свинья»; в адрес И.: «Ты – русская проститутка»³.

Однако на практике встречаются случаи ошибочной квалификации действий лиц по статье 282¹ УК РФ. Чаще всего данные проблемы возникают при определении признаков самого экстремистского сообщества, о которых мы говорили в предшествующем параграфе. Так, например, *Нижегородским областным*

---

¹ См.: Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Обзор судебной практики по применению ст. 282.1 («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282.2 («Организация деятельности экстремистской организации») Уголовного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»; Агапов П. В. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания : пособие / П. В. Агапов ; под науч. ред. Н. А. Лопашенко. – СПб. : Издательство СПб ун-та МВД России, 2011. С. 15.

² Приговор Московского городского суда по уголовному делу № 361488.

³ Приговор Ростовского областного суда по уголовному делу № 124581.

судом граждане К., К. и В. были осуждены по частям 1 и 2 статьи 228¹ УК РФ за организацию, руководство и участие в экстремистском сообществе. При этом суд не установил в действиях виновных всех признаков преступного сообщества. По мнению Верховного Суда РФ, созданная К. группа, хотя и объединяла лиц, разделяющих идеи неформального движения «Скинхеды», однако признаками экстремистского сообщества не обладала¹. Верховный Суд РФ счел необходимым отметить, что созданная группа характеризуется устойчивостью, о чем свидетельствует планирование преступлений, распределение ролей, конспирация, поэтому является организованной группой². По этой причине приговор относительно осуждения К. по части 1 статьи 282¹ УК РФ, К. и В. – по части 2 статьи 282¹ УК РФ подлежит отмене, а дело – прекращению производством за отсутствием в их действиях состава данных преступлений. Схожая позиция встречается и в ряде других решений³. Полагаем, что такая проблематика еще раз подтверждает актуальность закрепления в действующем уголовном законодательстве признаков экстремистского сообщества.

В рамках раскрытия особенностей квалификации преступлений, предусмотренных статьями 282¹ и 282² УК РФ, а также пунктом «л» части 2 статьи 105 УК РФ, чаще всего возникает вопрос об их совокупности. Исследовав судебную следственную практику, мы получили следующие результаты.

Анализ приговоров по пункту «л» части 2 статьи 105 УК РФ показал, что в 73% случаев применения данной нормы действия виновных квалифицируются по совокупности со статьями 282¹ и 282² УК РФ.

Например, в г. Тюмень в вечернее время члены экстремистского сообщества в количестве более десяти человек, испытывая ненависть к некоренным жителям Российской Федерации по национальному признаку, напали на прохо-

---

¹ Признаками экстремистского сообщества являются его организованность, включающая в себя совокупность таких элементов, как наличие устава, руководителя, определенной структуры, символики, дисциплины, системы мер воздействия на ее нарушителей. См.: Кассационное определение Верховного Суда от 26 августа 2010 г. № 9-О10-40.

² Там же.

³ Приговор Калужского районного суда Калужской области по уголовному делу № 261973; Приговор Ковровского городского суда по уголовному делу № 318547; Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга по уголовному делу № 169430; и др.

дившего мимо Г., гражданина Республики Азербайджан, повалили на землю и с целью лишения его жизни нанесли множественные удары по голове и телу потерпевшего, а также несколько ударов стеклянной бутылкой по голове и шесть ударов ножом в грудь, шею и живот Г. Смерть Г. наступила на месте происшествия. Действия виновных квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных частями 1, 2 статьи 282¹, пунктами «ж», «д», «л» части 2 статьи 105 УК РФ»¹.

К. и В., являясь участниками экстремистского сообщества, созданного для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности, встретились на трамвайной остановке «Комсомольское шоссе» и направлись гулять по Ленинскому району Н. Новгорода с целью поиска лица неславянской национальности для совершения на него нападения по мотивам национальной ненависти. Проходя около рынка «Заречный», расположенного на территории Ленинского района г. Н. Новгород, К. и В. увидели ранее незнакомого им А., узбека по национальности. К. предложил В. совершить нападение на А. с целью его убийства. Действуя умышленно, с целью убийства А., по мотивам национальной ненависти к лицам неславянской национальности, организованной группой лиц, совместно и согласованно, В. догнал А., схватил того рукой за левое плечо и нанес ему три удара клинком ножа в правое плечо. В это же время К. также подбежал к А. и нанес тому удар ногой в область бедра, отчего А. упал. Продолжая свои противоправные действия, направленные на причинение смерти А., К. нанес А. не менее трех ударов клинком ножа в область груди и спины, в результате чего наступила смерть потерпевшего. Действия виновных квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных частями 1, 2 статьи 282¹, пунктами «ж», «л» части 2 статьи 105 УК РФ»².

Считаем, что это еще раз подчеркивает обоснование признаков, закрепленных в данных статьях, в первую очередь указывающих на совершение противоправных действий, основанных на экстремистской мотивации. Учитывая, что ос-

---

¹ Приговор Тюменского областного суда по уголовному делу № 270490.

² Приговор Нижегородского областного суда по уголовному делу № 235890.

новной идеей доминирующего количества экстремистских сообществ и экстремистских организаций является уничтожение оппонентов, преступления против жизни и здоровья представляют собой основу их противоправной деятельности и наиболее часто встречаются в рамках правовой оценки экстремистских деяний.

Однако в рамках квалификации преступлений экстремистской направленности не исключаются случаи квалификации действий виновных исключительно по пункту «л» части 2 статьи 105 УК РФ, без какой-либо совокупности.

По нашему мнению, это никаким образом не нарушает правил квалификации, так как экстремистская мотивация, закрепленная в пункте «л» части 2 статьи 105 УК РФ, может выступать в качестве самостоятельного криминообразующего признака, тем самым исключая наличие обязательного условия дополнительной квалификации по статьям 282¹ или 282² УК РФ в случае отсутствия признаков данных преступлений в действиях виновных.

Например, Б. и С., действуя умышленно, с целью убийства, по мотивам национальной ненависти к лицам неславянской национальности и из хулиганских побуждений, руководствуясь явным неуважением к обществу и общепринятым нормам морали, желая противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение, по предварительному сговору проследовали внутрь торгового помещения «Шаурма», расположенного на территории автостанции «Канавинской», где напали на М. и нанесли ему поочередно руками и находившимся в указанном торговом помещении чайником, используя его в качестве оружия, не менее восьми ударов в область головы, шеи и туловища. После этого Б. и С., вооружившись имевшимся у них ножом, используя его в качестве оружия, нанесли также поочередно М. четыре удара в область спины и шеи, в результате чего потерпевший скончался на месте. Действия виновных квалифицированы по пунктам «ж», «и», «л» части 2 статьи 105 УК РФ¹.

Проходя по дворовой территории дома № 9 «в» по ул. Чкалова Канавинского района г. Н. Новгород, Д. и С. увидели М. Определив в М. представителя неславянской национальности, Д. предложил С. совершить нападение на М. с целью

---

¹ Приговор Городского суда г. Москвы по уголовному делу № 327530.

его убийства, по мотиву национальной ненависти, на что С. дал свое согласие. После этого Д. и С., убедившись в отсутствии в данном месте посторонних лиц, предварительно вооружившись ножом и отверткой, окружили М. и с целью его убийства по мотиву национальной ненависти к лицам неславянской национальности, действуя в составе группы лиц, совместно и согласованно напали на него, нанося при этом имеющимися при них ножом и отверткой, каждый – множественные, не менее одиннадцати, удары в жизненно важные органы – шею и грудную клетку потерпевшего, в результате чего он погиб на месте. Действия виновных квалифицированы по пунктам «ж», «л» части 2 статьи 105 УК РФ¹.

Исследуя особенности квалификации статьи 282² УК РФ, мы также обнаруживаем отсутствие единого подхода к ее применению. Анализ судебно-следственной практики показал наличие двух принципиально отличающихся друг от друга способов правовой оценки этого преступления. Что касается первого подхода, то в основу его применения положена отработанная практика по статье 282¹ УК РФ, указывающая на наличие в доминирующем своем большинстве совокупности с иным деянием, основанным на экстремистской мотивации. Однако, с нашей точки зрения, эти деяния содержат в себе принципиально отличающиеся фундаментальные признаки, что четко указывает на невозможность применения аналогичных подходов при их правовой оценке.

Основные отличия заключаются, в первую очередь, в признаках экстремистского сообщества и экстремистской организации.

Так, экстремистское сообщество по своему определению представляет собой криминальную структуру, основной целью которой выступает подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности. Экстремистская же организация приобретает форму запрещенной только в случае наличия судебного запрета на осуществление своей деятельности, что не является признаком экстремистского сообщества. При этом деятельность экстремистской организации рассматривается как преступная вне зависимости от ее целей.

---

¹ Приговор Нижегородского областного суда по уголовному делу № 204711.

Однако в деятельности правоохранительных органов встречаются случаи, когда объединение, признанное судом экстремистской организацией, обладая при этом признаками экстремистского сообщества, совершает преступления экстремистской направленности. В этих случаях содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 282¹ и 282² УК РФ и иными составами, основанными на экстремистской мотивации.

Так, в г. Казани Республики Татарстан под руководством А. действовало Татарстанское региональное отделение общероссийского патриотического движения «Русское национальное единство» (ТРО «РНЕ»), не прошедшее, в нарушение статьи 24 Федерального закона «Об общественных объединениях», государственную регистрацию. Решением Верховного суда Республики Татарстан деятельность ТРО «РНЕ» была признана экстремистской и запрещена на территории Республики Татарстан, после чего А. приостановил деятельность ТРО «РНЕ».

Жители г. Казани Б., В. и Г., зная о запрете деятельности ТРО «РНЕ» на территории Республики Татарстан, с целью возобновления и реорганизации его деятельности объединились между собой и организовали проведение собраний жителей города по привлечению в экстремистскую организацию новых членов. Вышеуказанные лица под руководством А. совершили ряд преступлений экстремистской направленности, что, как констатировал суд, свидетельствовало о преобразовании экстремистской организации в экстремистское сообщество, основной сферой деятельности которого было проведение агитационных мероприятий, направленных на возбуждение национальной, расовой ненависти и вражды, унижение национального достоинства, пропаганду исключительности, превосходства и неполноценности граждан по признаку их отношения к национальной и расовой принадлежности, в том числе совершения преступлений, основанных на экстремистской мотивации. Советским районным судом г. Казани действия виновных были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282.2, 282.1 и рядом других статей УК РФ¹.

---

¹ Приговор Советского районного суда г. Казани по уголовному делу № 381901.

Второй подход, реализуемый в рамках применения анализируемой статьи, показал, что в значительном количестве (в 71% изученных материалов уголовных дел, возбужденных по данной статье) отсутствует совокупность с иными составами преступлений. Считаем, что он полностью обоснован и является наиболее верным, исходя из признаков преступления, закрепленных в статье 282² УК РФ, не устанавливающих в качестве обязательного условия наличия в действиях виновных дополнительных противоправных деяний.

И. осужден по части 2 статьи 282² УК РФ. Являясь активным членом межрегиональной общественной организации «НБП», деятельность которой запрещена решением Московского городского суда от 19 апреля 2007 года как экстремистская, он распространял с целью привлечения молодежи агитационные материалы «НБП»¹.

А. осужден по части 2 статьи 282² УК РФ за участие в международной партии исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», которая признана террористической, и ее деятельность запрещена Решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года².

Исследование судебной-следственной практики показало наличие еще одной существенной проблемы в рамках правовой оценки деяний, содержащих в себе признаки экстремизма. В частности, это касается установления признаков, закрепленных в ч.2 ст. 214 УК РФ «Вандализм».

Так, в соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» отмечено, что если наряду с вандализмом совершены действия, предусмотренные статьей 282 УК РФ³, содеянное квалифицируется по совокупности со статьей 282 УК РФ, а в некоторых случаях и со ст. 280 УК РФ.

---

¹ Приговор Арзамасского городского суда Нижегородской области по уголовному делу № 181037.

² Приговор Челябинского областного суда по уголовному делу № 226004.

³ Например, если на памятники нанесены надписи или рисунки соответствующего содержания, в присутствии посторонних лиц высказывались националистические лозунги.

И в этом вопросе возникает проблема отнесения надписей или рисунков к экстремистским, так как именно от этого зависит квалификация деяний.

Полученные нами результаты дают основания сделать следующие выводы.

В случае изображения *недоступных для всеобщего понимания* экстремистских текстов и рисунков, в соответствии со сложившейся судебной практикой, действия виновных охватываются только частью 2 ст. 214 УК РФ (см. изображения 1, 2, 3, приложение 5).

Эта же квалификация применяется и при размещении *общеизвестной* нацистской символики, символики, сходной с нацистской до степени смешения, символики экстремистских организаций, оскорбительных изображений знаков или эмблем религиозной, мировоззренческой символики РФ (см. изображения 4, 5, приложение 5).

В случае изображения *доступных для всеобщего понимания* материалов, направленных на разжигание ненависти и вражды или унижение человеческого достоинства, деяние квалифицируется по совокупности ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

В случае нанесения надписей, содержащих *доступные для всеобщего понимания экстремистские призывы на совершение преступлений*, действия виновных содержат в себе признаки ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 280 УК РФ.

В случае размещения *доступных для всеобщего понимания экстремистских призывов к совершению иных дискриминационных, но при этом не преступных действий* они оцениваются в рамках ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

От правильности квалификации зависит не только соответствие деяния и назначенного за него наказание, но и подследственность. Так, если преступление, предусмотренное ст. 214 УК РФ, расследуется органами внутренних дел, то совокупность ст. 214 и 282 УК РФ – это уже подследственность Следственного Комитета РФ, а совокупность ст. 214 и 280 УК РФ – Федеральной службы безопасности РФ.

Проведенный анализ применения норм, регламентирующих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, показал от-

сутствие единообразной практики их реализации, что указывает на частичную пробельность и противоречивость статей 280, 282, 282¹, 282² УК РФ. Выявленные недостатки обосновывают необходимость совершенствования антиэкстремистского законодательства, в том числе и в рамках Уголовного кодекса РФ. По этой причине нами разработан проект изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», раскрывающий ряд дискуссионных моментов, не нашедших отражения в его действующей редакции.

Далее, развивая направление по совершенствованию уголовного законодательства в области противодействия экстремизму, в первую очередь основанного на принципах систематизации и унификации уголовного законодательства, хотелось бы выделить следующие перспективы.

Во-первых, с учетом того, что терроризм – это проявление экстремистской деятельности¹, механизмы борьбы с ним должны носить общий системный и унифицированный характер, в том числе и при назначении уголовного наказания.

В настоящее время в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130 ФЗ, увеличен максимальный срок лишения свободы при полном или частичном сложении наказаний до 30 лет по совокупности преступлений и до 35 лет – по совокупности приговоров при совершении преступлений террористической направленности.

Поддерживая это законодательное решение, считаем, что оно должно применяться в преступлениях экстремистской направленности. Однако учитывая различную категоризацию исследуемых деяний, полагаем применять это правило только в случае совершения тяжких или особо тяжких преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма.

На основании вышеизложенного предлагаем следующую редакцию ч. 5 ст. 56 УК РФ: *«В случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмот-*

---

¹ Эта позиция закреплена как в международном, так и в российском законодательстве. Данную точку зрения разделяем и мы.

ренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211, статьями 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360 настоящего Кодекса, а также тяжких или особо тяжких преступлений экстремистской направленности, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров – более тридцати пяти лет».

Во-вторых, схожий механизм должен быть реализован и в ст. 73 УК РФ «Условное осуждение» при закреплении запретов на его назначение.

Считаем, что пункт а.1 ст. 73 УК РФ должен быть изложен в следующей редакции: *«осужденным за преступления, предусмотренные частью первой статьи 205, частями первой и второй статьи 205.1, статьей 205.2, частью второй статьи 205.4, частью второй статьи 205.5, частями первой – третьей статьи 206, статьей 360 настоящего Кодекса, а также за тяжкие и особо тяжкие преступления экстремистской направленности».*

В качестве основного аргумента таких предложений выступает существующее сегодня направление развития российского законодательства в области противодействия экстремизму и терроризму, основанное на усилении ответственности за совершение одноименных деяний, выражающееся как в криминализации новых преступлений террористической и экстремистской направленности, так и в увеличении санкций в рамках уже существующих статей УК РФ.

Но, в целом разделяя такое направление, нам бы хотелось согласиться с мнением И.М. Мацкевича, отметившего, что ужесточение ответственности за экстремизм может быть целью законодателя, но лишь одной из, а не единственной¹.

Выводы по главе.

1. Специфика современного экстремизма не дает нам возможности унифицировать абсолютно все уголовно-правовые нормы, направленные на борьбу с этим негативным явлением, однако предлагаемый нами вариант будет являться

---

¹ См.: *Мацкевич И.М.* О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3–5.

условием создания блока уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за совершение наиболее общественно опасных преступлений экстремистской направленности с новыми, улучшенными формальными и содержательными характеристиками. Считаем, что унификация в предлагаемой нами форме будет также являться эффективным инструментом укрепления государственности путем более качественной охраны ее безопасности.

2. Предлагается авторское понятие унификации норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности, представляющей собой разновидность систематизации путем сокращения этих норм, через обеспечение определенного их тождества, в первую очередь основанного на особенностях объекта посягательства (общественная безопасность, конституционный строй, мир и безопасность человечества) и мотивации преступного поведения (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), в целях приведения их к единообразию и повышения эффективности их применения.

3. Предложена авторская концепция, устанавливающая следующие критерии определения исчерпывающего перечня преступлений экстремистской направленности:

– мотив (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы);

– объект (общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, нормального функционирования конституционного строя, сохранности мира и безопасности человечества).

4. Полагаем, что в главе 29 УК РФ должны быть расположены две группы преступлений: 1) нормы о преступлениях, которые могут быть криминализованы в этой главе, и 2) нормы, включающие в себя деяния, уже существующие в УК.

В первую группу предлагаем включить нормы о преступлениях, требующих их криминализации в рамках процесса унификации.

К таковым может быть отнесена ранее предложенная ст. 278¹ «Антиконституционный террористический акт», а также **статья 282⁴ УК РФ «Экстремистское посягательство на личность»**.

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы –
наказывается...*(преступление средней тяжести).*

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, совершенного по мотивам, указанным в части первой настоящей статьи, –
наказывается...*(тяжкое преступление).*

3. Убийство, совершенное по мотивам, указанным в части первой настоящей статьи, –
наказывается...*(особо тяжкое преступление).*

В рамках предлагаемых санкций к данной статье мы так же, как и в ранее предложенных ст. 278¹ «Антиконституционный террористический акт», ст. 360¹ «Международный террористический акт», считаем целесообразным остановиться лишь на категоризации преступлений, но с обязательным включением экономических санкций.

Ко *второй группе* преступлений необходимо отнести деяния, ответственность за которые предусмотрена следующими статьями УК РФ:

а) статьей 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»; б) 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»; в) статьей 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»; г) статьей 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества»; д) статьей 282² УК РФ «Организация деятельности

экстремистской организации»; е) статьей 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности».

4. *Преступления экстремистской направленности – это деяния, направленные на подрыв общественной безопасности, конституционного строя и мира и безопасности человечества, основанные на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах, предусмотренные статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³, 354¹, 357, 360 УК РФ.*

5. Сформулирована авторская редакция примечания 1 к статье 282¹ УК РФ следующего содержания: *«Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, предусмотренные статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³, 354¹, 357, 360 УК РФ».*

6. Предложена классификация преступлений экстремистской направленности, основанная на авторской концепции:

1) *преступления, причиняющие вред общественным отношениям, направленным на обеспечение общественной безопасности России (ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212 УК РФ);*

2) *деяния, посягающие на общественные отношения, создающие условия нормального функционирования конституционного строя Российской Федерации (ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³ УК РФ);*

3) *деяния, наносящие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества (ст. 354¹, 357, 360 УК РФ).*

7. *Основным непосредственным объектом состава преступления, закрепленного в ст. 280 УК РФ, выступают общественные отношения, направленные на обеспечение безопасности конституционного строя и государства в целом.*

8. *Составы преступлений, закрепленные в ст. 282¹ и 282² УК РФ, имеют схожий основной непосредственный объект – общественные отношения, обеспечивающие безопасность конституционного строя от внутренних и внешних*

угроз посредством реализации антиэкстремистского законодательства, возникающие при создании сообществ, организаций или объединений, непосредственная деятельность которых направлена на разжигание политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также участие в них.

9. Предлагается предусмотреть отягчающий признак в ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», в ст. 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» следующего содержания: *те же деяния, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).*

10. Считаем, что экстремистское сообщество является самостоятельной разновидностью преступного сообщества, и по этой причине *предлагаем исключить из диспозиции статьи 282¹ УК РФ словосочетание «то есть организованной группы лиц».*

11. *Предлагается исключить примечания 1 из статей 282¹ и 282² УК РФ, а в случаях деятельного раскаяния применять положения статьи 75 УК РФ.*

12. *В рамках предложенной группы преступлений экстремистской направленности предлагается введение следующего квалифицирующего признака – «совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление экстремистской направленности».*

13. В Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» предлагается внести следующие изменения:

– пункт 10 Постановления изложить в следующей редакции: *«К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся долж-*

ностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ, использующие свои полномочия для совершения преступлений экстремистской направленности. При этом к использованию служебных полномочий в том числе относится и оказание влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности, на других лиц в целях выполнения ими действий, направленных на совершение данной группы преступлений»;

– пункт 11 Постановления изложить в следующей редакции: «В случаях совершения вандализма, уничтожения или повреждения памятников истории и культуры, надругательства над телами умерших и местами их захоронения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы содеянное квалифицируется соответственно по статьям 214, 243 или 244 УК РФ. Если наряду с указанными деяниями совершены действия, предусмотренные статьями 280, 282 УК РФ (например, если на памятники нанесены надписи или рисунки соответствующего содержания, в присутствии посторонних лиц высказывались националистические лозунги либо экстремистские призывы), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответственно статьями 214, 243 или 244 УК РФ и статьями 280 и 282 УК РФ.

При этом в случае изображения недоступных для всеобщего понимания экстремистских текстов, символики и рисунков действия виновных охватываются только частью 2 ст. 214 УК РФ.

Изображение доступных для всеобщего понимания материалов, направленных на разжигание ненависти и вражды или унижение человеческого достоинства квалифицируется по совокупности ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

В случае нанесения надписей, содержащих доступные для всеобщего понимания экстремистские призывы на совершение преступлений, действия виновных содержат в себе признаки ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 280 УК РФ.

При размещении доступных для всеобщего понимания экстремистских призывов к совершению иных дискриминационных, но при этом не преступных действий они должны квалифицироваться по совокупности ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ»;

– закрепить следующие дефиниции: *социальная группа – это группа, отличающаяся от посягателей по признакам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности, что и явилось причиной противоправного (преступного) поведения; экстремистская мотивация – полное отрицание оппонентов (потерпевших) по признакам их политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности, выражающееся в посягательствах или уничтожении оппонентов в процессе совершения преступлений экстремистской направленности;*

– применительно к составу преступления, закрепленному в статье 280 УК РФ, считать *минимальным количественным критерием призываемых – не менее двух человек;*

– признавать ранее судимыми за совершение преступлений экстремистской направленности в том числе и лиц, ранее осужденных за данные деяния на территории других государств – участников международных конвенций по борьбе с экстремизмом, судимость у которых не снята или не погашена в установленном законом порядке.

14. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» закрепить следующее положение: *«Нарушение общественного порядка возможно только в общественном месте при обязательном присутствии людей. Под общественным местом следует понимать места, постоянно или временно предназначенные для посещения неопределенным кругом лиц, исходя из их специально предусмотренного социального назначения».*

15. Выработано авторское определение уголовной политики в сфере противодействия экстремизму: *это деятельность государственных и общественных*

объединений, включающая в себя научно обоснованную разработку эффективных правовых механизмов, направленных на противодействие экстремизму, выражающихся в реализации комплекса специально-политических и экономико-правовых мер, основанная на принципах законности, справедливости и неотвратимости ответственности.

16. Разработан проект изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹.

17. Предложена следующая редакция ч. 5 ст. 56 УК РФ: «*В случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211, статьями 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360 настоящего Кодекса, а также тяжких или особо тяжких преступлений экстремистской направленности при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров – более тридцати пяти лет*», и пункта а.1 ст. 73 УК РФ: «*осужденным за преступления, предусмотренные частью первой статьи 205, частями первой и второй статьи 205.1, статьей 205.2, частью второй статьи 205.4, частью второй статьи 205.5, частями первой – третьей статьи 206, статьей 360 настоящего Кодекса, а также за тяжкие и особо тяжкие преступления экстремистской направленности*».

---

¹ Приложение № 1.

РАЗДЕЛ III
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Глава 1
Состояние и причины
преступлений экстремистской направленности

*§ 1. Современное состояние и динамика преступлений
экстремистской направленности в России*

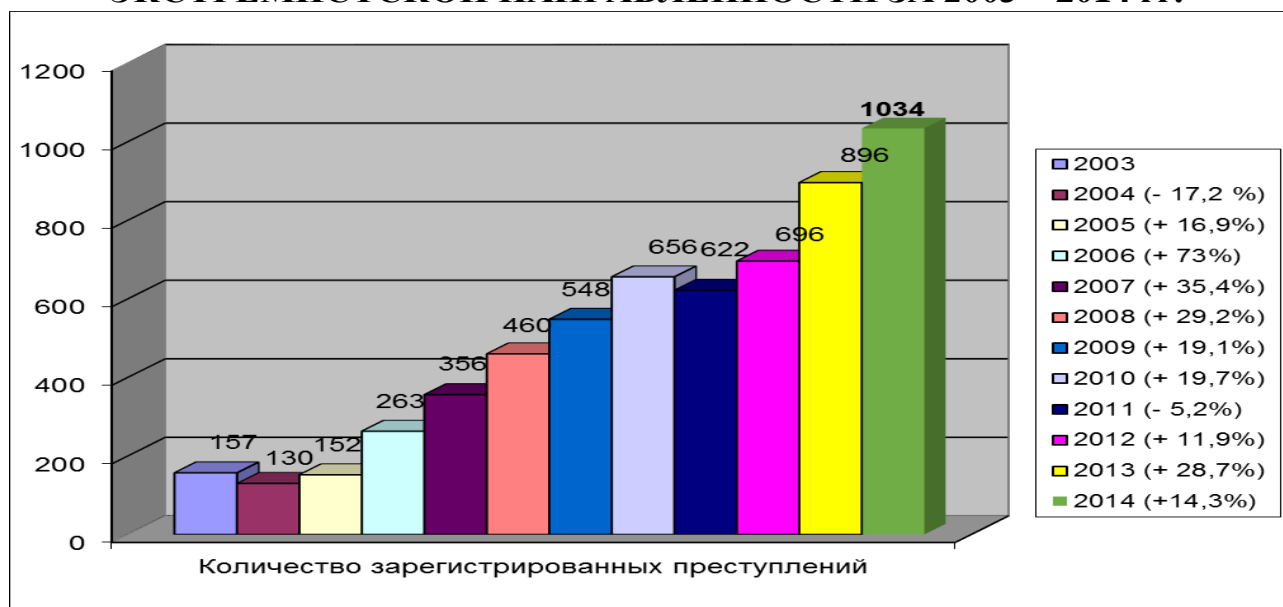
Уголовно-правовое противодействие деяниям экстремистской направленности, подкрепленное криминологическими средствами, имеет принципиально важное значение, поскольку создает надежную преграду криминальным формам проявления экстремизма. В этой связи возникает необходимость в формировании систематизированного блока взаимосвязанных и принципиально новых научных знаний, которые должны стать частью уже сложившейся системы, составляющей содержание криминологической науки. Эти знания, образуя круг важных положений, выводов и предложений, существенно дополняют ее арсенал. Поэтому представляется целесообразным восполнить существующий пробел и, основываясь в том числе на соответствующих эмпирических данных, дать общую характеристику состояния экстремистской преступности и определить ее основные причины.

Отметим, что в период с 2008 по 2014 год количество деяний экстремистской направленности, нашедших свое отражение в уголовно-правовой статистике, росло темпами, непосредственно опережающими рост преступности в целом. При этом общее же количество преступлений в России за этот период характеризуется плавным снижением. Так, если в 2003 году было зарегистрировано всего 157 деяний исследуемой группы, то в 2014 году, по данным статистической отчетности МВД России, их было 1034. И это самый высокий показатель за весь исследуемый

период. На этом фоне количество преступлений экстремистской направленности увеличилось более чем в 6,5 раза (см. диаграмму 1, приложение 4).

Диаграмма 1

**ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЗА 2003 – 2014 гг.¹**

Сравнительно невысокие показатели преступлений экстремистской направленности в начале формирования статистической отчетности исследуемой группы деяний обусловлены внесенными в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности"»² новеллами. Криминализация новых, ранее не известных правоприменителю деяний, закрепленных в статьях 282¹ и 282² УК РФ, а также определение исчерпывающего перечня преступлений экстремистской направленности, нашедших свое закрепление в диспозиции статьи 282¹ УК РФ, указывают на то, что судебнo-следственная практика по делам рассматриваемой категории преступлений в указанный период лишь только начинала формироваться. Проблемы, возникающие при применении этих норм, в частности отсутствие общего понимания криминообразующих признаков данных составов преступлений, без-

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2003 – 2014 гг.

² О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3029.

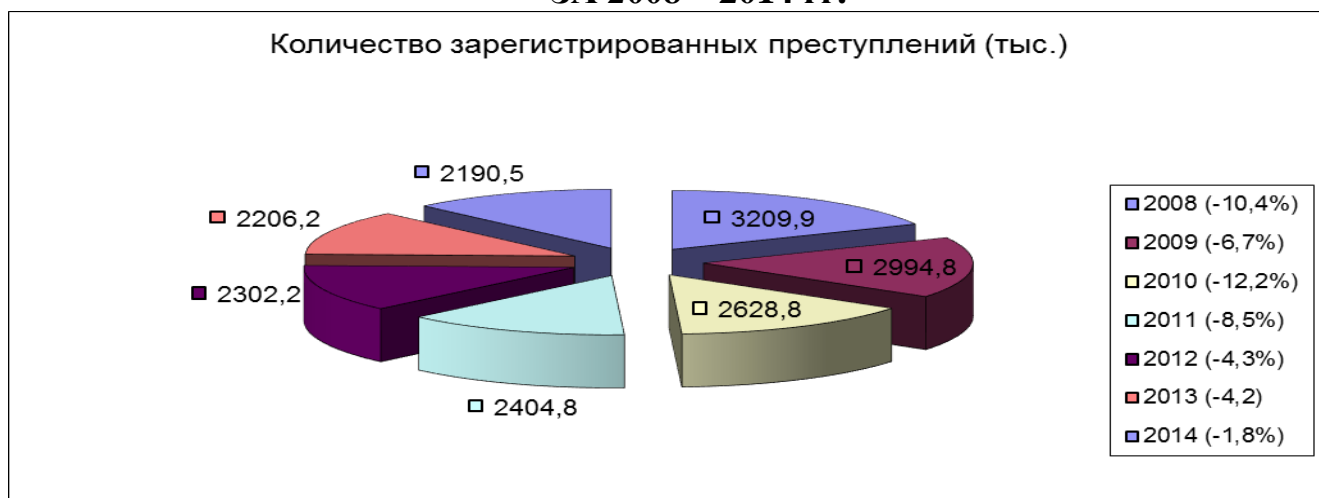
условно, искажали данные статистики, что, в свою очередь, препятствовало объективному отражению масштабности экстремизма и выработке мер по противодействию деяниям экстремистской направленности.

Необходимо отметить, что и в науке в этот момент также не сформировалось единого мнения по квалификации вновь криминализированных составов, о чем свидетельствуют многочисленные комментарии, учебники и монографии¹. Это еще больше усложняло и без того непростую ситуацию по оценке противоправных признаков экстремизма.

Особое внимание необходимо также обратить и на стабильность ежегодного прироста преступлений экстремистской направленности – в среднем 20 процентов, при условии стабильного снижения преступности в целом за последние пять лет (см. диаграмму 2, приложение 4).

Диаграмма 2

ДАнные О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ ЗА 2008 – 2014 гг.²

По мнению большинства проинтервьюированных респондентов (68%), доминирующей причиной такого роста является укрепление позиций экстремистских организаций, влекущее за собой их повышенную криминальную активность. Однако другая группа респондентов (23%) связывают данный факт с качеством работы правоохранительных органов, выражающейся в выработке новых, более

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2004; Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса РФ: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М., 2005; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2004.

² Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2008 – 2014 гг.

эффективных подходов по правовой оценке различных экстремистских проявлений. Значительная роль в данном вопросе принадлежит Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в рамках которого даны практические рекомендации по применению норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности, определены особенности этих деяний, отличающие их от смежных составов преступлений, что, безусловно, способствовало повышению эффективности правоприменительной деятельности в рассматриваемой области.

На опасность криминальных форм экстремистских проявлений указывает и увеличение удельного веса преступлений экстремистской направленности начиная с 2003 года¹. Хотя на этом же этапе наблюдается резкое снижение случаев совершения террористических актов как наиболее радикальной формы проявления экстремизма (см. диаграмму 3, приложение 4).

Диаграмма 3

ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 205 УК РФ, ЗА 2003 – 2014 гг.²

¹ Удельный вес преступлений экстремистской направленности составил: 0,024% в 2010 году; 0,026% в 2011 году; 0,031% в 2012 году; 0,037% в 2013 году, 0,41% в 2014 году.

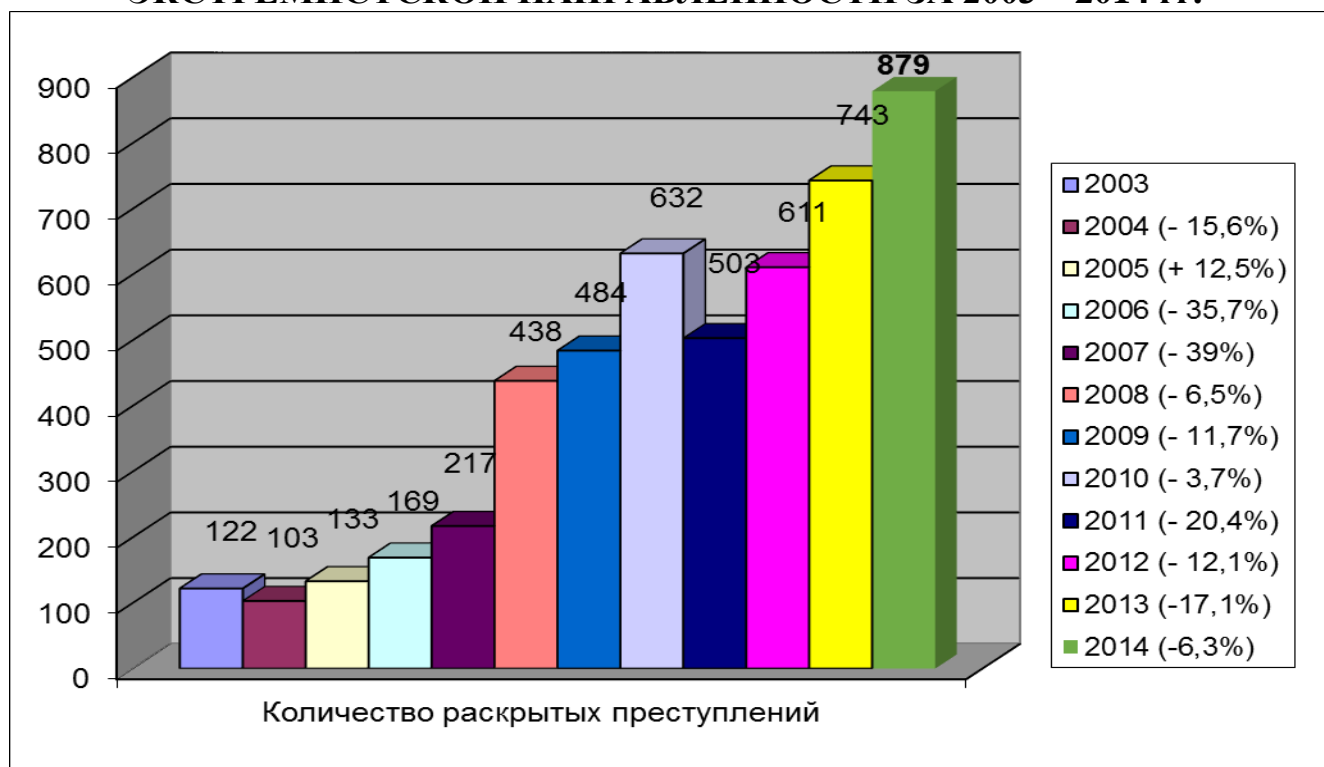
² Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2003 – 2014 гг.

Наибольшее количество террористических актов в рассматриваемом периоде было зарегистрировано в 2003 году (561 преступление). Тогда наблюдался резкий всплеск террористической активности. Наименьшее количество было зафиксировано в 2008 году (десять преступлений). Такая тенденция не свидетельствует об уменьшении общественной опасности экстремизма. Считаем, что это указывает лишь на то, что применение таких радикальных форм экстремистской деятельности стало менее эффективным, не принося желаемого результата. В этом случае экстремизм можно отождествлять с вирусом, который постоянно мутирует, приобретая при этом новые формы, эффективные инструменты борьбы с которым в праве еще не сформированы.

Определяя особое значение в области противодействия экстремизму деятельности правоохранительных органов, полагаем, что о качестве их работы могут также свидетельствовать данные о раскрытых преступлениях (см. диаграмму 4, приложение 4).

Диаграмма 4

**ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕ РАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЗА 2003 – 2014 гг.¹**

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2003 – 2014 гг.

Они указывают на то, что доказывание по делам о преступлениях экстремистской направленности на протяжении всего исследуемого периода представляло сложность. Это говорит не только о потребности в повышении квалификации соответствующей категории работников правоохранительных органов, но и о совершенствовании рекомендаций, даваемых Верховным Судом Российской Федерации, а также норм уголовного закона.

Проведенное нами исследование показало высокий уровень латентности преступлений экстремистской направленности, что свидетельствует о несоответствии приведенных выше статистических данных реальному объему криминального экстремизма. По мнению ряда ученых, настоящий уровень рассматриваемой группы деяний может в разы превышать цифры, заявленные в официальной статистике¹. Эта озабоченность также высказывается и представителями правоохранительных структур².

Обозначенное выше подтверждается результатами проведенного нами интервьюирования респондентов³. При этом лишь малая их часть (18%) не сталкивалась, с их точки зрения, с какими-либо проявлениями экстремизма.

Несомненно, особую опасность латентности преступлений экстремистской направленности придает деятельность правоохранительных органов, «зацикленных» на выполнении и соблюдении показателей, положенных в основу оценки качества их работы. По этой причине в ряде случаев встречается практика умышленно ошибочной квалификации деяний, когда преступление экстремистской направленности перестает быть таковым и плавно «перетекает» в принципиально

---

¹ См.: Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 107–108.

² По мнению специалистов МВД России, проблемы правовой оценки современных форм экстремистских проявлений отрицательно влияют на практику применения норм уголовного закона, что влечет за собой не отражение в уголовно-правовой статистике всей масштабности экстремизма. По их мнению, в перспективе попытки дестабилизировать социально-политическую ситуацию в стране лидерами экстремистских группировок, их духовными и финансовыми кураторами из-за рубежа будут продолжены, что требует от государства, его правоохранительных органов концентрации усилий и дальнейшей целенаправленной работы. [Электронный ресурс]. URL: http://contrast.mvd.ru/news/show_18426 (дата обращения: 20.11.2014).

³ 68% респондентов отметили, что, будучи очевидцами преступлений экстремистской направленности, уклоняются от сообщения о данном факте в правоохранительные органы.

иное деяние. Эту позицию подтверждают 44% опрошенных представителей правоохранительных органов.

Вышеизложенное еще раз указывает на очевидность высочайшего уровня латентности преступлений экстремистской направленности. По этой причине фактические темпы роста исследуемой группы преступлений значительно превышают динамику их выявления.

Исследовав проблемы практики применения норм уголовного закона, регламентирующих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, мы пришли к выводу, что основными причинами такого высокого уровня латентности являются следующие факторы и обстоятельства:

- пробельность и противоречивость современного антиэкстремистского законодательства (**мы выделяем это в качестве главной причины**);¹
- низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов², влекущий за собой как ошибки, так и умышленные действия, искажающие правовую оценку различных форм экстремистских проявлений;
- правовой нигилизм основной массы современного российского общества;
- широкомасштабная, неконтролируемая миграция.

Проведенный нами анализ статистических данных, а также опрос представителей правоохранительных органов показал, что наиболее распространенными преступлениями экстремистской направленности и соответственно наиболее проблемными с точки зрения практики применения (из ранее предложенного нами перечня) являются деяния, закрепленные в статьях 280, 282, 282¹ и 282² УК РФ.

Ярким примером могут служить статистические данные о вышеназванных преступлениях как на территории Российской Федерации в целом, так и на территории Приволжского федерального округа и Нижегородской области (см. таблицы 1, 2).

---

¹ По нашему мнению, данный фактор является главным обстоятельством, влияющим на повышенный уровень латентности экстремизма, по причине отсутствия законодательного закрепления четких его признаков, что и стало основной проблемой, возникающей при квалификации преступлений экстремистской направленности, что непосредственно находит свое отражение в уголовно-правовой статистике.

² См.: *Дашков Г.В.* Криминологическая составляющая в политической воле // *Lex Russica*. 2008. Т. LXVII. № 4. С. 885.

Таблица 1

**СВЕДЕНИЯ О ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 280, 280¹, 282, 282¹, 282² УК РФ,
ЗА 2008 – 2014 гг.¹
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья/год	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Ст. 280	29	45	51	61	94	143	180
Ст. 280¹							8
Ст. 282	182	223	272	242	354	492	588
Ст. 282¹	18	19	23	17	18	20	23
Ст. 282²	24	20	27	67	57	61	43

Таблица 2

**СВЕДЕНИЯ О ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 280, 280¹, 282, 282¹, 282² УК РФ, ЗА 2008 – 2014
гг.²
НА ТЕРРИТОРИЯХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья/год	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Центральный федеральный округ							
Ст. 280	4	9	10	12	16	22	42
Ст. 280¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	68	64	126	43	59	97	121
Ст. 282¹	6	2	3	8	1	7	7
Ст. 282²	3	7	-	10	16	6	8
Южный федеральный округ							
Ст. 280	7	6	5	8	5	2	9
Ст. 280¹	-	-	-	-	-	-	7
Ст. 282	19	16	11	16	31	39	33
Ст. 282¹	2	4	-	1	-	2	2
Ст. 282²	-	1	-	8	2	3	4
Северо-Западный федеральный округ							
Ст. 280	2	7	4	8	22	34	28
Ст. 280¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	23	27	27	35	60	71	73
Ст. 282¹	1	-	-	-	-	1	2
Ст. 282²	-	1	2	2	2	2	2
Дальневосточный федеральный округ							
Ст. 280	4	5	7	8	15	5	15
Ст. 280¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	9	11	12	10	11	15	33

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2008 – 2014 гг.

² Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2008 – 2014 гг.

Ст. 282 ¹	4	-	-	-	1	-	-
Ст. 282 ²	1	2	2	1	-	-	-
Сибирский федеральный округ							
Ст. 280	6	8	5	5	10	30	17
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	18	22	30	26	51	62	60
Ст. 282 ¹	1	-	2	3	1	-	2
Ст. 282 ²	-	1	4	5	6	4	5
Уральский федеральный округ							
Ст. 280	2	5	4	8	3	11	20
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	10	45	20	21	33	67	74
Ст. 282 ¹	1	4	5	-	-	1	3
Ст. 282 ²	1	1	4	8	4	16	13
Приволжский федеральный округ							
Ст. 280	4	8	3	3	4	15	20
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	1
Ст. 282	30	32	25	56	55	83	128
Ст. 282 ¹	3	9	11	4	14	2	6
Ст. 282 ²	19	7	14	27	25	27	7
Северо-Кавказский федеральный округ							
Ст. 280	7	2	13	11	17	22	29
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	7	9	21	29	33	47	52
Ст. 282 ¹	-	-	2	1	1	5	1
Ст. 282 ²	-	1	1	6	-	1	4

Представленные результаты показывают, что наиболее часто встречающимися являются преступления, предусмотренные статьями 280 и 282 УК РФ. Причем исследуемая группа деяний наиболее распространена на территориях Центрального и Приволжского федеральных округов, характеризующихся многонациональным, многоконфессиональным обществом, в том числе максимально насыщенным мигрантами. Полагаем, что это и объясняет высокую активность экстремистов. При этом любое начало преступной деятельности, предполагающее придание ей повышенного общественного резонанса, основанного на экстремистской мотивации, обязательно включает в себя активную противоправную агитацию и пропаганду. По мнению Р.М. Узденова, именно это и является обязательным предшествующим этапом последующих насильственных акций экстремизма, что соответствует идеологии экстремистов¹.

¹ См.: Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 94–95.

Схожая картина наблюдается и на территории и Нижегородской области.

Таблица 3

**СВЕДЕНИЯ О ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 280, 280¹, 282, 282¹, 282² УК РФ, ЗА 2008 – 2014
гг.¹**

НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья/год	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Ст. 280	-	-	-	-	1	1	-
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	1	4	3	6	3	5	8
Ст. 282 ¹	0	8	2	2	8	9	6
Ст. 282 ²	1	1	0	6	2	4	3

Стабильность ежегодного роста исследуемой группы преступлений предопределяет актуальность рассмотрения вопроса о перспективах динамики ее развития. Осознавая объективную невозможность предоставления достоверных данных, отражающих ее, считаем допустимым предложить авторское видение развития исследуемой группы деяний с учетом существующего сегодня и прогнозируемого уровня экстремистского противостояния.

Полагаем, что в ближайшие несколько лет количество преступлений, предусмотренных статьями 280, 282, 282¹ и 282² УК РФ, а также недавно криминализируемых деяний в ст. 280¹, 282³ и 354¹ УК РФ, будет отличаться ежегодным ростом. Например, по ст. 280¹ УК РФ «Публичные призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации», вступившей в действие 9 мая 2014 г., за неполный год и в целом при отсутствии практики ее применения уже было возбуждено и находится в производстве восемь уголовных дел. О возможном росте могут свидетельствовать ряд как объективных, так и субъективных факторов. В частности, это подтверждается не только несовершенством антиэкстремистского законодательства, но и наметившейся тенденцией обострения национально-религиозных отношений и на территории России, и во всем мире, а также количественным ростом экстремистских организаций, в связи с чем логично предположить, что увеличится и число совершаемых ими деяний. Основная часть

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2008 – 2014 гг.

проинтервьюированных респондентов, среди которых были как обычные граждане, так и представители правоохранительных структур, в общей своей массе (72%) высказали озабоченность последующим ростом различных форм проявлений экстремизма, в том числе и криминальной. При этом основную боязнь у респондентов вызывают последствия экстремистских акций, влекущие за собой не только причинение реального ущерба, но и, в первую очередь, утрату авторитета власти и доверия к государственному аппарату у населения. Осознанность данного обстоятельства есть и у представителей государственных структур. В частности, ярким примером могут служить ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. В своих выступлениях В.В. Путин неоднократно акцентировал свое внимание на необходимости сохранения национальной и духовной идентичности. По его мнению, «ближайшие годы будут решающими и, может быть, даже переломными, и не только для нас, а практически для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен, а может быть, даже и потрясений. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера»¹.

Исходя из анализа статистических показателей рассматриваемой группы преступлений, можно выделить, в частности, следующие *тенденции развития преступлений экстремистской направленности*: а) дальнейшее увеличение количества исследуемых преступлений; б) повышение степени их общественной опасности вследствие появления новых форм экстремистских проявлений; в) сохранение высокого уровня латентности.

Учитывая столь неоптимистические прогнозы, хотелось бы отметить возможные последствия преступлений экстремистской направленности и их особенности.

Во-первых, мы полагаем усиление националистического и религиозного противостояния в России.

---

¹ Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/выступления/17118> (дата обращения: 20.12.2012); Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 27.12.2013); Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173> (дата обращения: 29.12.2014).

Во-вторых, активное проникновение экстремизма в ранее не подверженные его влиянию сферы государственной и общественной деятельности. Например, ранее мы уже констатировали проникновение экстремистских проявлений в современную науку.

В-третьих, увеличение геополитических конфликтов, основанных на экстремистской мотивации и влекущих значительное количество невинных жертв.

В-четвертых, подрыв авторитета государственной власти.

В-пятых, утрата общечеловеческих и общеправовых ценностей.

Все вышеизложенное указывает на необходимость выработки более эффективных мер по противодействию экстремизму, чем существующие сегодня. При этом деятельность правоохранительных органов в области предупреждения преступлений экстремистской направленности должна быть научно обоснована и направлена на выявление обстоятельств, способствующих их совершению¹.

Полагаем, что эффективность такого противодействия в первую очередь зависит от универсальности применяемых механизмов, которые могут найти свое выражение в следующих правовых и организационных мерах: а) унификация антиэкстремистского законодательства; б) создание межведомственных комиссий по противодействию экстремизму с участием общественности и представителей всех религиозных и этнических конфессий; в) постоянный мониторинг общественного мнения по вопросам терпимости в обществе; г) воспитание молодого поколения, основанное на принципе толерантности.

Можно с уверенностью сказать, что размеры и последствия преступлений экстремистской направленности стали и будут реальной угрозой для национальной безопасности государства. Такой вывод неоднократно делался и в многочисленных выступлениях руководства МВД России².

---

¹ Криминология: учебник для юридических вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 494.

² См., например: Новая газета. 2007. 18–21 января. С. 1–3; Московский комсомолец. 2009. 7 февраля. С. 2; Российская газета. 2009. 18 июня. № 4934 (110); Официальный сайт МВД России. Выступление министра внутренних дел РФ генерал-полковника полиции В.А Колокольцева на расширенном заседании коллегии министерства 21 марта 2014 года. [Электронный ресурс]. URL:// <https://mvd.ru/document/2850548> (дата обращения: 17.01.2015) и др.

Безусловно, национальная безопасность государства во многом зависит от социально-экономического благосостояния социума, от способности государственных структур регулировать складывающиеся в обществе отношения, устанавливать приемлемые и общие для всех правила поведения, направленные на его сплочение. В современных условиях экстремизм, основной задачей которого является раскол общества, нарушает баланс интересов общества и государства и создает благоприятные условия для его развития, что, безусловно, отрицательно сказывается на стабильности российской государственности в целом.

Опыт зарубежных государств также показывает на то, что преступность экстремистской направленности в целом не уменьшается. Несмотря на активное использование в изучении экстремизма научного инструментария, проблемы, связанные с определением его понятия, содержания и признаков, все же остаются. Эти же проблемы присутствуют и при рассмотрении деяний, основанных на экстремистской мотивации.

§ 2. Причинный комплекс преступлений экстремистской направленности

Резкий всплеск экстремистских проявлений, в первую очередь основанных на социальных конфликтах, порождающих радикальные противостояния как на территории России, так и во всем мире, предполагает необходимость изучения причинного комплекса экстремизма. Однако в утвердительной форме хотелось бы заявить об отсутствии одной причины. С нашей точки зрения, современный экстремизм характеризуется множеством причин, которые в совокупности и являются толчком для распространения экстремистской идеологии. Считаем, что в качестве одной из них и, по нашему мнению, наиболее распространенной, выступают со-

циально-экономические факторы. Именно они и порождают обострение и эскалацию экстремистской деятельности¹.

К выделяемой нами группе факторов следует отнести: обнищание населения, усугубляемое активно развивающимся мировым экономическим кризисом, привлекающее за собой постоянно увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, безработицу и демографический кризис². Выделяя их, следует отметить, что наличие неравенства (в первую очередь, экономического) предопределяет утрату чувства патриотизма, необходимости правомерного поведения, что указывает на масштабность конфликтов, основанных на националистических идеях и ценностях³. Все это усиливается и нестабильной политической ситуацией.

При этом успех экстремистских акций возможен лишь при широкой поддержке со стороны значительных масс населения, партий или движений, нередко пропагандирующих насильственные способы изменения власти или ситуации в стране⁴. Вышеуказанное и предполагает усиливающуюся пропаганду, направленную на повышение социальной напряженности.

Еще одной из значимых причин резкого всплеска экстремистской активности в России является также маргинализация основных слоев общества как результат его расслоения на немислимое количество классов, при этом не имеющих четких границ⁵. В ходе проведенного нами интервьюирования респондентов по вопросу:

¹ См.: *Павлинов А.В.* Стратегия борьбы с насильственным антигосударственным экстремизмом и преступностью в условиях современной России. М., 2010. С. 28; См.: *Павлинов А.В.* Экстремизм на Украине: криминологический анализ, правовая оценка, уроки // *Российский следователь.* 2014. № 16. С. 33–37.

² См.: *Мелешко Н.П.* Факторы молодежной экстремистской преступности // *Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом* / под ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 270.

³ См.: *Бирюков В.В.* В отношении изменений, внесенных в Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» // *Военно-юридический журнал.* 2007. № 12. С. 11–13.

⁴ См.: *Фещенко П.Н.* Место социальной напряженности в причинном комплексе экстремизма и терроризма // *Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы* / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 59–60; См.: *Фещенко П.Н.* К вопросу о количественных и качественных характеристиках социальной напряженности как криминогенного фактора // II Межвузовский круглый стол «Проблемы борьбы с преступностью: история, современность, перспективы». Киров, 10 октября 2014 г.: сборник докладов. Киров: Аверс, 2014. С. 90–95.

⁵ См.: *Арутюнов Л.С., Касьяненко М.А.* О некоторых причинах этнического экстремизма в современном российском обществе // *Таможенное дело.* М., 2007. № 4. С. 9.

«*Можете ли вы определить свою классовую принадлежность?*» – 83,7% опрошенных ответили отрицательно. Часть респондентов, отнесших себя к какому-либо классу, затруднились определить его признаки. При этом доминирующим критерием, определяющим классовую принадлежность, явилась материальная обеспеченность (94,6%). Лишь малая доля респондентов в качестве критериеобразующих элементов называли образование (2,1%), профессиональную деятельность (2,9%), и только 0,4% опрошенных отнесли к таковым духовное и культурное воспитание.

В основном интервьюированные выделяли три возможных класса: богатые, бедные и средний класс. 48,4% отнесли себя к среднему, аргументируя это тем, что их достаток покрывает минимальные потребности, но не дает возможности увеличивать свои имущественные фонды. 5,4% считают, что принадлежат к классу богатых, и указывают на существующий материальный достаток, покрывающий все потребности, а также на наличие недвижимости, автомобилей и бизнеса. 46,2% отнесли себя к классу бедных, констатируя наличие существенных материальных трудностей при удовлетворении минимальных человеческих потребностей в питании, получении медицинских и иных социальных услуг¹.

Как видим, результаты опроса показывают, что значительная масса населения (46,2%) относит себя к малоимущим слоям, что, в первую очередь, и порождает социальную напряженность, в том числе выражающуюся в росте экстремистских настроений и как логическое продолжение в совершении преступлений экстремистской направленности.

Это признает и само государство в лице ряда должностных лиц. Например, Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка еще в 2007 году в своем докладе, посвященном анализу преступлений экстремистской направленности в России, указал, что возможными причинами столь заметного роста этих деяний являются имущественное неравенство и отсутствие социальных перспектив для многих молодых людей². К сожалению, это не перестало быть актуальным и сегодня.

---

¹ Интервьюирование было проведено в декабре 2014 г. – феврале 2015 г.

² <http://lenta.ru/news/2007/04/13/extreme/>

В рамках определения роли и значения рассматриваемой причины нами был задан еще один вопрос респондентам: «Допускаете ли вы аморальное поведение, совершение административного правонарушения или преступления в целях улучшения своего материального благосостояния?». Утвердительный ответ дали 41,7% опрошенных. 26,3% ответили, что допускают совершение административных правонарушений: мелкого хищения, обмана покупателя и прочее. 12,6% готовы совершить такие преступления, как присвоение или растрата, получение взятки, коммерческий подкуп, незаконное предпринимательство и т. п. И лишь 19,4% исключают в своем поведении любые формы аморально-противоправного поведения в целях улучшения своего благосостояния.

Таким образом, получая даже незначительную имущественную выгоду, сегодня граждане готовы совершать любые действия, в том числе и противоправного характера, для добычи средств к существованию, что указывает на непосредственную экономическую подоплеку экстремизма.

В этой связи можно согласиться с Р.М. Абызовым, что современное общество утратило способность к конструктивному ненасильственному решению общественно-политических обострений¹, в том числе имеющих экономическую окраску. Утрата веры в наличие возможных ненасильственных инструментов решения существующих проблем, с нашей точки зрения, обусловлена резкими переменами, произошедшими в политике, экономике и праве, что влечет за собой процесс тяжелой адаптации к новым условиям, в том числе и через призму социальных противоречий.

Потребность в добыче средств для существования порождает и рост неконтролируемой миграции, которая также является одной из причин современного экстремизма². По мнению А.И. Долговой, главной причиной совершения как ми-

---

¹ См.: Абызов Р.М. О понятии и причинах экстремизма в российском обществе // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 24.

² См.: Петрянин А.В. Миграция как фактор, влияющий на распространение фальшивомонетничества // Миграция. Межэтнические отношения. Преступность: сборник статей. Н. Новгород, 2005. С. 157–161; Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 189–190; См.: Павлинов А.В. Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом и другими проявлениями

грантами преступлений, так и деяний против них, в том числе и экстремистской направленности, является наличие у них социально-экономических, социально-психологических, организационных проблем, возникающих в процессе социализации в новой для них общности¹.

Хотя миграция и имеет под собой исключительно экономические предпосылки, однако она в том числе стимулирует рост националистических настроений местного населения, влечет возникновение условий для межнациональных конфликтов² в процессе борьбы за перераспределение пока еще существующих, но уменьшающихся ресурсов³.

Определяя миграцию в качестве одной из причин экстремизма, следует отметить ее негативные тенденции и последствия. Согласимся с мнением В.М. Баранова, который отметил, что она представляет угрозу экономической безопасности России; является причиной роста уровня коррупции; свидетельствует о слабости государственной власти; создает реальную угрозу уже и так критической демографической ситуации Российского государства; стимулирует рост националистических настроений у лиц, проживающих на территории России; создает условия для возникновения межнациональных конфликтов; ухудшает благосостояние народа; способствует росту криминализации общества; ослабляет стремление желающих мигрировать в Россию; наносит ощутимый ущерб интересам Российской Федерации в международной сфере⁴.

экстремистской деятельности: исчерпаны ли ресурсы? // Труды института государства и права российской академии наук. Современная уголовная политика России: проблемы и перспективы. № 3. 2014. С. 123–130.

¹ См.: Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 711.

² См.: Баранов В.М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2004. С. 35–36.

³ См.: Арефьев А.Ю. Обеспечение прав человека в оперативно-разыскной профилактике преступлений, совершаемых в России мигрантами из Средней Азии и Закавказья // Проблемы дискриминации граждан по национальному признаку и деятельность правоохранительных органов в современной России: материалы международного научно-практического семинара / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2006. С. 135.

⁴ См.: Баранов В.М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты: сборник статей / под ред. В.М. Баранова.

Считаем, что миграция также выступает в качестве причины возникновения конфликтов, основанных и на религиозной почве. Об этом свидетельствуют многие политические, межнациональные и другие противоречия, все чаще принимающие религиозную окраску¹.

Экстремизм ксенофобского толка в современной России характеризуется не просто нетерпимостью к другому человеку, основанной на расовых, языковых, национальных, религиозных либо социальных отличиях. Сегодня это чаще всего систематические действия, являющиеся неотъемлемой частью жизни как отдельных индивидуумов, так и определенных групп, характеризующиеся выражением неприятия общепризнанных ценностей и образа жизни путем совершения противоправных деяний, направленных на оскорбление, причинение морального и физического вреда, а также смерти оппонентам. Преступления, совершаемые на основе национальных, расовых, религиозных притязаний, уже вышли за рамки частных случаев и стали государственно значимыми негативными антиобщественными явлениями в многонациональной, поликонфессиональной стране. Причины и истоки такой деятельности носят системный политический, социальный, экономический, моральный и нравственный характер².

Еще одной причиной экстремизма (и, соответственно, преступлений экстремистской направленности) выступают возникающие противоречия с общепринятыми правилами и нормами поведения. Известно, что противоречия (противостояния) являются нормальной формой общественного развития, но экстремизм – это их крайняя форма³.

Основной причиной вышеназванного противостояния можно назвать правовой нигилизм значительного количества членов современного российского обще-

---

Н. Новгород, 2004. С. 35–36.

¹ См.: *Яворский М.А.* Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России // *Юридический мир*. 2008. № 11. С. 22–25.

² См.: *Павлинов А.В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 134.

³ См.: *Красиков В.И.* Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., 2006. С. 57.

ства, влекущий за собой политическую нестабильность в обществе¹. С данным подходом солидарен и А.А. Малиновский².

Ю.С. Калинин и В.П. Хрыков видят в правовом нигилизме инструмент формирования экстремистской идеологии³. Действительно, отмеченные выше обстоятельства указывают на несформированность политической и правовой культуры среди значительной части населения, что, безусловно, питает экстремизм и усиливает его позиции.

Особое влияние правовой нигилизм оказывает на современную молодежь, влечет активное распространение идеологии и практики нацизма, расизма и ксенофобии, что и обуславливает резкий и стабильный рост преступлений рассматриваемого вида, совершаемых лицами в возрасте от 14 до 30 лет. Все большее распространение среди молодежи получают неформальные движения, основанные исключительно на культе насилия, с ярко выраженными признаками расово-националистической идеологии⁴.

Некоторые ученые, определяя экстремизм в целом как негативное явление, при этом не отдавая предпочтения ни одной из выделяемых сегодня в доктрине его разновидностей, рассматривают в качестве причин, в первую очередь, биологическую предрасположенность человека к противостоянию, основанному на половом и этнокультурном расколе человечества. Ко второй группе они относят социальные причины, находящие свое отражение в политическом и экономическом угнетении населения. К третьей – духовные, укорененные в процессах общечеловеческой и индивидуальной персонализации⁵.

В этом случае особого внимания заслуживает, на наш взгляд, позиция профессора Г.Н. Горшенкова, который наряду с указанными выше причинами выде-

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2005. С. 65–66.

² См.: Малиновский А.А. Психологические аспекты криминального экстремизма // Юридическая психология. М., 1998. С. 106.

³ См.: Калинин Ю.С., Хрыков В.П. Влияние правового нигилизма на формирование политического экстремизма в России // Адвокат. 2007. № 12. С. 25–28.

⁴ См.: Колобов О.А. Национал-экстремистские молодежные организации: монография / О.А. Колобов [и др.]. Н. Новгород, 2007. С. 47.

⁵ См.: Красиков В.И. Экстремизм: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., 2006. С. 56–63.

ляет и административно-бюрократические факторы, указывающие на вседозволенность государственных структур и их безнаказанность¹. Ярким примером этого, по мнению профессора В.А. Номоконова, могут служить принимаемые государством радикальные политические решения, идущие вразрез с общественным мнением (например, принятие в 2008 году решения о повышении таможенных пошлин на иномарки, повлекшее множество акций недовольства, повышение в 2015 году ставки рефинансирования и т. п.)².

Все это, конечно же, влечет ослабление авторитета органов государственной власти, ее учреждений и институтов³, что приводит не только к его утрате, но и становится условием появления значительного количества не согласных с существующим курсом и желающих занять место «у руля» власти.

Считаем, что необходимо также не забывать о прогрессирующих сегодня идеях нацизма и расизма. Причем эти идеи становятся частыми причинами массовых конфликтов. Примером может служить массовая драка, произошедшая в Москве в декабре 2010 года. Противостояние возникло между жителями Москвы и Дагестана, Кабардино-Балкарии, в результате чего был убит человек. Причиной всего этого стал конфликт, возникший между футбольными болельщиками, часть из которых являлись активными участниками ультраправых экстремистских организаций «Движение против нелегальной миграции» и «Славянская сила»⁴. Вообще, проблема нацизма и расизма является общемировой и требующей незамедлительного решения.

---

¹ См.: Горшенков Г.Н. Противодействие экстремизму: учебное пособие. Н. Новгород, 2011.

² Номоконов В.А. Политические факторы правового нигилизма и экстремизма // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А.И. Долговой. М., 2010. С. 215.

³ См., например: Малков В.Д. Криминологическая характеристика, детерминанты и предупреждение терроризма // Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. М., 2004. С. 305; Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 192; Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 189–190; и др.

⁴ См.: Песков А.Н. Расизм, национальный и религиозный экстремизм на Олимпийских играх и других спортивных мероприятиях. История и реальность (криминологический анализ, предупреждение и пресечение экстремизма в спорте) // Спорт: экономика, право, управление. 2012. № 3. С. 23–29; См.: Песков А.Н. Терроризм и проблемы обеспечения безопасности Олимпийских игр // Право и государство: теория и практика. 2013. № 7 (103). С. 139–145.

Анализ причин экстремизма позволяет еще раз утвердительно заявить, что объективно невозможно выделить их исчерпывающий перечень, так как они носят комплексный характер, в основной своей массе основаны на отсутствии в обществе толерантности, поэтому в рамках проведенного нами исследования предлагаем указать лишь наиболее значимые. В качестве таковых, на наш взгляд, выступают: а) социально-экономические причины; б) неконтролируемая миграция; в) отсутствие общегосударственной и общенациональной идеологии; г) отсутствие цензуры в средствах массовой информации; д) несовершенство антиэкстремистского законодательства; е) низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом; ж) отсутствие программ толерантного воспитания населения и особенно молодежи.

Причинный комплекс преступлений экстремистской направленности обусловливается, как правило, особенностями современных разновидностей экстремизма¹. В этой связи необходимо исследовать их причины с учетом выделяемых в доктрине видов, так как предлагаемый нами подход даст возможность определения более четких границ причинного комплекса исследуемого явления, что в дальнейшем будет способствовать выработке эффективных инструментов противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Учитывая, что в настоящее время **религиозный экстремизм** носит весьма организованный и устойчивый характер, считаем целесообразным остановиться на анализе его причин.

Обращение к существующим религиозным и иным учениям служит мощным фактором воздействия на людей в целях их привлечения на свою сторону. Вместе с тем это может стать почвой для возникновения достаточно больших масс, несогласных с подобной идеологией. Именно это и является инструментом противостояния, который не только объединяет сторонников экстремистской идеологии, но и повышает в их глазах свой собственный статус.

---

¹ См.: Алиев У.А. Уголовно-правовые и криминологические особенности предупреждения религиозного экстремизма // Российский следователь. 2012. № 15. С. 36–38.

Так, например, П.Н. Кобец считает, что распространение квазирелигиозных учений в конце XX века следует связывать с экзистенциальным вакуумом – отсутствием у людей смыслообразующих ценностей бытия, а также потерей нравственной, социальной ориентировки¹.

В целом разделяя отмеченную выше идею, мы соглашаемся с мнением Р.А. Санинского, отметившего, что проблема распространения религиозного экстремизма, кроме всего прочего, обуславливается наличием и возникновением целого ряда причин, к числу которых следует отнести и слабую антиэкстремистскую деятельность традиционных религий, влекущую за собой бесконтрольное распространение религиозно-экстремистских идеологий².

При этом «умышленно» ошибочная трактовка ряда религиозных догм влечет за собой возникновение необоснованного религиозного фанатизма, являющегося причиной возникновения этнорелигиозных конфликтов.

Глубоко исследовав эту проблему, М.А. Яворский предлагает выделять внешние и внутренние причины экстремизма рассматриваемого вида. По его мнению, к их *внешним факторам* следует относить: затянувшиеся кризисы как в экономике, так и в социальном секторе государственной деятельности; ослабление авторитета государственной власти, а также отсутствие общепризнанных инструментов цивилизованной политической борьбы; религиозную неграмотность населения.

В качестве *внутренних* автор называет: конфессиональные и политические противоречия отдельных религиозных лидеров; отсутствие межрелигиозного (межконфессионального) диалога³.

---

¹ См.: Кобец П.Н. Основные факторы, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности со стороны религиозных тоталитарных сект, действующих в России // Российский следователь. 2007. № 22. С. 18–21.

² Санинский Р.А. Причинный комплекс религиозного экстремизма: особенности и тенденции / Р.А. Санинский, А.В. Петрянин // Современные проблемы российского частного и публичного права: сборник научных трудов межвузовской научной конференции (восьмой выпуск) / под ред. к. ю. н., доцента С.М. Хужина, к. ю. н., доцента О.Ш. Рашидова, к. ю. н., доцента А.М. Хужина. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2013. С. 146–153.

³ См.: Яворский М.А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России // Юридический мир. 2008. № 11. С. 22–25.

В целом вышеизложенное заслуживает внимания, так как отчасти отражает не только сущность современного религиозного экстремизма, но и исследуемого нами феномена в целом.

Именно поэтому хотелось бы согласиться с тем, что ранее многоконфессиональность и многонациональность Российского государства выступали инструментом укрепления стабильности в стране. Однако в современной России эта исторически сложившаяся традиция была нарушена, в результате чего возникла реальная угроза раскола государственности. Геополитическое положение и полиэтническая характеристика российского общества сегодня становятся причиной современного экстремизма.

В.А. Бурковская, расширяя причинный комплекс религиозного экстремизма, к таковым относит еще несколько групп факторов. В частности, факторы, относящиеся к институту семьи, а также нравственности, духовности, образованию, здравоохранению, воспроизводству населения, обеспечению национальной безопасности и правопорядка. При этом указывает на то, что предлагаемая система не является исчерпывающей¹.

Указанные причины рассматриваемой разновидности экстремизма, на наш взгляд, в большей мере раскрывают его сущность и подтверждают выдвигаемые нами концептуальные особенности экстремизма как негативного социального явления, приоритетно имеющего в качестве причин множество факторов.

Множественность причин религиозного экстремизма, как и любой иной его разновидности, подтверждается и результатами проведенного нами социологического исследования. В ходе проведенного интервьюирования респондентов на вопрос: «Как вы относитесь к религиям, которые вы не исповедуете?» – 62,8% выразили свое отрицательное отношение. 31,4% указали на безразличие к иным религиям, и лишь 5,8% респондентов положительно оценили значение неисповедуемых религий, указав при этом на необходимость улучшения межконфессиональных отношений.

---

¹ См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 174–187.

Опрашиваемым был поставлен также вопрос: «*В чем вы видите причину обострения межрелигиозных отношений?*». 62,6% отметили, что религия является основной причиной социального неравенства; 21,8% указали на постоянно происходящие вооруженные конфликты, основанные исключительно на религиозной почве; 15,6% – на неограниченное и даже излишнее проникновение религии во все сферы жизни общества и государства.

При рассмотрении причин религиозного экстремизма нельзя обойти вниманием и влияние, которое оказывают на него религиозные секты. По мнению ряда ученых, они представляют собой агрессивную экспансию, наносящую вред духовному и физическому здоровью людей, провоцируя при этом религиозно-политический экстремизм¹.

В завершение рассмотрения причин религиозного экстремизма необходимо отметить, что, хотя они и носят комплексный характер, их отличительными особенностями выступают религиозная безграмотность населения, низкий уровень нравственности и духовности.

Учитывая активизацию политической борьбы в современной России, считаем, что целесообразно остановиться на анализе причин **политического экстремизма**.

Так, Л.С. Рубан в качестве таковой небезосновательно называет навязывание правящим классом социально-политических нововведений, не традиционных для данного общества или региона². На наш взгляд, это проявляется в основном в условиях продвижения курса правящей элиты, являющегося неприемлемым для конкретных культур и национальностей. При этом такие действия могут также выражаться в неуважении к языку, культуре и религии (подобные события происходят, например, в Латвии и Эстонии), что и выступает основанием разжигания экстремистских конфликтов.

---

¹ Кобец П.Н. Основные факторы, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности со стороны религиозных тоталитарных сект, действующих в России // Российский следователь. М., 2007. № 22. С. 18–21.

² См.: Рубан Л.С. Региональные конфликты и политическая девиация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1995. № 3. С. 102.

Говоря о причинах исследуемого вида, П.А. Кабанов упоминает об идеологических расколах внутри крупных политических партий или общественных движений, справедливо указывая, что они приводят не только к серьезным внутривнутриполитическим конфликтам, но и к развитию различных форм криминального политического экстремизма¹. Поддерживая эту позицию, отметим, что внутривнутриполитическая борьба, основанная на желании остаться у власти, с нашей точки зрения, предопределяет возникновение экстремистских волнений, которые и являются не только нелегитимным, но и сверхэффективным инструментом борьбы за нее, при этом становясь орудием передела экономических ресурсов, что еще раз подтверждает экономическую подоплеку и политического экстремизма.

Продолжая рассмотрение этого направления, хотелось бы подчеркнуть, что значимой причиной политического экстремизма, конечно же, является отсутствие в обществе общегосударственной идеологии². Поэтому создание такой «национальной идеи», объединяющей все российское общество, должно стать первоочередной задачей современной власти.

Учитывая высокий уровень политизированности преступности в целом и экстремизма в частности, к причинам роста экстремистских деяний, основанных на политической мотивации, конечно же, следует относить и низкое качество деятельности правоприменительных органов, поскольку именно несоответствие практики применения соответствующих норм задачам государственной политики в области противодействия экстремизму является главной причиной, препятствующей эффективной борьбе с этим явлением³. В этом же ключе рассуждает М. Краснов, отмечающий, что число поступающих сегодня в суды дел, связанных с проявлениями политического экстремизма, и по количеству, и по общественной

---

¹ См.: Кабанов П.А. Криминологический анализ основных политических причин, детерминирующих политическую преступность // Российский следователь. 2007. № 19. С. 16–19.

² См.: Чуфаровский Ю.В. Терроризм – глобальная проблема современности (методологический анализ) // Следователь. 1998. № 5. С. 38.

³ См.: Лапаева В.В. Политический и религиозный экстремизм: проблемы совершенствования законодательства // Адвокат. 2001. № 10. С. 5–13.

значимости инкриминируемых виновным преступных деяний не соответствует фактической распространенности и общественной опасности этих преступлений¹.

По этой причине в рамках нашего исследования было проведено интервьюирование респондентов по вопросу: «Выделяете ли вы политический экстремизм как самостоятельную разновидность экстремизма?». Положительно ответили 56,8%, обосновав свой ответ тем, что экстремизм – это исключительно политическая преступная деятельность. 32,7% ответили отрицательно, соотнося его с общеуголовной насильственной преступностью. 10,5% опрошенных затруднились ответить. На вопрос: «В чем вы видите причины политического экстремизма?» – 72,5% ответили, что причиной является борьба за власть, в том числе и преступными способами. 5,3% опрошенных выделили в качестве таковой преступную деятельность политических фанатиков. 16,7% отметили, что причиной является потребность определенных политических движений в переделе экономических ресурсов. 5,5% указали на неясность политических перспектив.

Подводя итог рассмотрению причин политического экстремизма, отметим, что, по нашему мнению, к их числу следует относить причины, влекущие за собой утрату авторитета государственной власти среди населения, активное использование политическими оппонентами преступных методов борьбы, а также отсутствие четкой государственной идеологии о нетерпимости противоправного поведения, в том числе и экстремистской направленности.

Учитывая то обстоятельство, что основной контингент экстремистских организаций составляют лица от 14 до 30 лет, считаем необходимым уделить особое внимание и причинам *молодежного экстремизма*.

Исследуя их, значительная масса ученых относят к таковым формальный характер воспитания в семье, эмоциональную депривацию, объективные трудности в реализации воспитательных функций, включающие в себя в том числе и эконо-

---

¹ См.: Краснов М. Противодействие политическому экстремизму: теория и судебно-следственная практика // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 34.

мические факторы¹, что еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что экстремизм в целом имеет экономические предпосылки.

К таковым, конечно, целесообразно отнести и распространение в средствах массовой информации экстремистских материалов², желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточную социальную зрелость, а также небогатый профессиональный и жизненный опыт³.

В науке существуют и иные подходы к рассматриваемой проблеме. Так, Ю.Р. Вишневецкий и В.Т. Шапко относят к ним стремление к самостоятельности, автономности и независимости⁴. По их мнению, вышеуказанные причины повышают значение неформальных межличностных отношений, связанных с противоречивыми подходами к инструментам социального контроля, что влечет за собой рост влияния на молодежь идей правого и левого радикализма и в целом экстремизма⁵.

Полагаем, что стремление к самостоятельности, автономности и независимости – это, скорее, результат, нежели причина экстремистских проявлений, направленных на дезорганизацию молодежи в целях увеличения потенциальных членов молодежных экстремистских организаций, поэтому считаем правильным в качестве причин в данном случае выделять то, что способствует возникновению у молодежи потребности в самостоятельности, автономности и независимости.

В этой связи нам ближе позиция А.В. Патюкова, отмечающего, что отсутствие должного контроля за воспитанием и развитием детей и подростков, недостаточное внимание к проблемам, существующим в сфере образования, влекут за собой появление и распространение отклонений в поведении на этапе взросления

---

¹ См.: *Маркова Ю.В.* Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 92; *Фридинский С.Н.* Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // *Юридический мир*. 2008. № 6. С. 23–25; *Ещенко С.А.* Экстремизм: понятие и причины распространения // *Общество и право*. 2008. № 3. С. 37–39.

² См.: *Мусаелян М.Ф.* О причинах современного российского молодежного экстремизма // *Российская юстиция*. 2009. № 4. С. 43–46.

³ См.: *Бааль Н.Б.* Девиантное поведение в механизме формирования криминального экстремизма в молодежной среде // *Вопросы ювенальной юстиции*. 2008. № 4. С. 17–21.

⁴ *Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т.* Парадоксальный молодой человек // *Социс*. 2006. № 6. С. 26–35.

⁵ См. там же.

человека, в период становления и формирования мировоззрения. Данное обстоятельство и является причиной резко развивающегося молодежного экстремизма¹.

Мы соглашались с тем, что уровень и система современного образования, в том числе создающая условия его недоступности, однозначно становятся условием возникновения несогласных с существующим подходом, что находит отражение в том числе и в усилении существующих причин экстремизма и опять же его экономической составляющей.

Эту же точку зрения разделяют В.И. Чупров и Ю.А. Зубок².

Вникнув в глубину проблемы, Д.И. Аминов и Р.Э. Оганян причинами молодежного экстремизма, в первую очередь, называют негативные последствия общего снижения управляемости социальными процессами, усложнение механизма формирования общественного сознания, а также появление целого ряда нерегулируемых сегментов в общем правовом поле³.

Полагаем, что авторы частично правы, так как отсутствие общегосударственной и общенациональной идеи, затрагивающей интересы всех членов общества и тем более молодежи как нашего будущего, конечно же, создает необходимые условия для зарождения экстремистских идей.

Учитывая современные достижения в изучении причин молодежного экстремизма, а также нашу авторскую позицию по данному вопросу, можно констатировать, что в качестве основной выступает неопределенность молодежи в современных социально-политико-экономических условиях, приводящая к отсутствию уверенности в завтрашнем дне и невозможности долгосрочного планирования. Вышеуказанные обстоятельства приводят к дезадаптации в новой системе жизни, что влечет усиление социального протеста через призму асоциального поведения⁴.

---

¹ См.: Патюков А.В. Факторы, способствующие возникновению и развитию экстремизма в молодежной среде // Военно-юридический журнал. 2010. № 8. С. 34.

² См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции: монография. М., 2009.

³ См.: Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М., 2005. С. 41.

⁴ См.: Бааль Н.Б. Экстремистские молодежные организации в современной России // История государства и права. М., 2007. № 17. С. 4–6.

Важнейшее место в характеристике причинного комплекса молодежного экстремизма занимает институт семьи. Роль семьи становится наиболее значимой в случае дестабилизации других социальных институтов (школа, вуз, улица и т. п.)¹.

При этом особое внимание при выявлении причин молодежного экстремизма необходимо уделять, конечно же, процессу излишней информатизации населения. Отсутствие эффективного инструмента фильтрации предлагаемой информации (цензуры) и предопределяет возникновение повышенного интереса к идеологии экстремистской направленности.

Исследуя этот вопрос, мы полностью разделяем мнение А.И. Бастрыкина, указавшего, что наличие молодежного экстремизма обусловлено доступом граждан к подобной информации. «Рассказы о националистических организациях на телеэкранах зачастую создают им неоправданную рекламу, заинтересовывают молодежь, но не разъясняют суть и причины возникновения этого явления»². В этой связи необходимо проведение такой вещательной политики, которая будет соответствовать курсу современной демократической России, направленному на повышение толерантности в обществе и особенно в молодежной среде.

Полученные нами научные результаты нашли свое подтверждение и в рамках проведенного интервьюирования респондентов по следующим вопросам: «*Существует ли в современной России молодежный экстремизм?*» – 77,4% опрошенных ответили: «Да», указывая при этом на возрастной ценз основной массы лиц, входящих в молодежные экстремистские движения: это лица до 30 лет. 14,8% сказали: «Нет», акцентируя внимание на том, что молодежь выступает лишь в качестве инструмента борьбы, а организаторы – это лица старше 30 лет. 7,8% затруднились ответить. При ответе на вопрос: «*Что вы рассматриваете в качестве основной причины молодежного экстремизма?*» – 9,4% респондентов выделили излишнюю информатизацию молодежи (телевидение, Интернет); 5,9% – отсутствие общепринятых молодежных движений (аналогов пионерии и комсомола); 10,5% – недостаток семейного и школьного воспитания; 27,5% – отсутствие уверенности в

---

¹ См.: Черникова И.А., Фортунуич М.В., Яковлев О.В. Предкриминальное поведение несовершеннолетних, совершивших умышленные преступления: монография. М., 2007. С. 28.

² Бастрыкин А.И. На защите прав несовершеннолетних // Законность. 2009. № 9. С. 3–7.

будущем; 46,7% – отсутствие четко выраженной государственной молодежной политики.

Подводя итог анализу причин молодежного экстремизма, важно отметить, что в качестве основных выступают не только отсутствие у молодежи четких политических ориентаций, но и общего представления о общечеловеческих, общественных ценностях и толерантности, что является благоприятным условием для навязывания со стороны экстремистских организаций псевдодемократических политических, националистических или религиозных взглядов, содержащих в себе нетерпимость к оппонентам и призывы к их физическому уничтожению. Это и предопределяет использование современной молодежи ввиду ее социальной незащищенности в качестве инструмента политической борьбы, в том числе основанной на межконфессиональной и межнациональной почве¹.

Рассмотрев причины современного экстремизма и существующих его форм, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что выделение его единственной причины объективно невозможно.

*Основными причинами изучаемого явления являются не противоречия религий, наций, рас или политических воззрений, которые выступают лишь в качестве предлога или инструмента борьбы, а **общая депрессия всего общества**, возникшая в результате происходящих политических и социально-экономических реформ и кризисов, усиливающаяся специфическим геополитическим положением и полиэтничным составом населения России.*

---

¹ См.: Кадакоева М.М., Стройкова А.С. Молодежный экстремизм // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / под ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 263.

Глава 2

Криминологическая характеристика личности экстремиста и его жертв. Предупреждение преступлений экстремистской направленности

§ 1. Криминологическая характеристика личности преступника и жертв преступлений экстремистской направленности

Человек – это сложное биосоциальное существо, в котором социальные и биологические характеристики настолько тесно переплетены, что в детерминации поведения порой они трудноотделимы. Наиболее устойчивыми биосоциальными свойствами являются наследственность, психические свойства, интеллектуальные и волевые качества, ценностные установки и доминирующие потребности и интересы.

При совершении лицом деяния, как правило, еще нельзя говорить о личности преступника как о самостоятельном типе, отличающемся от прочих граждан. С точки зрения уголовного права, это всего-навсего субъект преступления. Лиц, их совершивших, от других отличает не характеристика общественной опасности, а только факт совершения или несовершения деяния¹.

Исследование личности преступника является одной из центральных задач комплекса дисциплин криминального цикла, в том числе уголовного права и криминологии². Потребность в ее изучении предопределяется необходимостью установления причин совершаемых деяний, а также всех юридически значимых обстоятельств противоправного поведения в целях оптимизации общей, специальной и индивидуальной профилактики³. Так как именно личность преступника и является одной из основных причин совершения преступления⁴.

---

¹ См.: Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 117.

² См.: *Антоян Ю.М.* Причины преступного поведения. М., 1992; См.: *Антоян Ю.М.*, Тимошина Е.М. Причины преступности в России: монография. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. 348 с.

³ См.: *Кургузкина Е.Б.* Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 12.

⁴ См.: *Авласенко В.А.* Личность преступника – члена религиозных сект: криминологический и психологический анализ // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 30; См.: *Павлов В.Г.* Субъект преступления в уголовном праве. СПб., 1999. С. 25; См.: *Антоян Ю.М.*, *Кудрявцев В.Н.*, *Эминов В.Е.* Личность преступника. М., 2004. С. 47; См.: *Антоян Ю.М.*, *Эминов В.Е.* Личность пре-

Личность экстремиста интересна тем, что вне зависимости от его мотивации он стремится к всеобщему счастью через насильственное очищение¹. Исследование такой личности, мотивов и целей их деятельности представляет возможность соответствующим образом квалифицировать совершенные ими деяния, а также спрогнозировать дальнейшие варианты девиантного поведения экстремистской направленности. В связи с этим проблема ее изучения предполагает исследование процесса становления такой личности, а также причин и условий, способствующих формированию антисоциальных установок, влияющих на деформацию уже сложившихся моральных ценностей².

«Опасность современного российского экстремизма заключается не только в дестабилизации социально-политической ситуации в стране, вовлечении индивидуумов в противоправную экстремистскую деятельность, но и в отрицательном воздействии на их личность, формировании нравственной и мировоззренческой деградации»³. Поэтому изучение этой категории лиц необходимо, так как только человек является носителем криминальной экстремистской мотивации.

Полагаем, что рассмотрение его характеристик целесообразно осуществлять с учетом его специально криминологических признаков, к которым могут быть отнесены: социально-демографические; уголовно-правовые; характер различных сфер жизнедеятельности и социальных связей; нравственно-психологические признаки; физико-биологические характеристики⁴.

Характеризуя социально-демографические признаки лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, мы провели анализ уголовных дел и выяснили, что 96,8% осужденных составляют лица мужского пола, 3,2% – женщины. Определяя возрастные характеристики, важно отметить, что всплеск экс-

---

ступника. Криминологическое-психологическое исследование: монография. М., 2015. 368 с.; См.: Гришин Б.П. Характеристика личности преступников, совершающих захват заложников // Российский следователь. 2007. № 6. С. 27.

¹ См.: Фридинский С.Н. Личность экстремиста // Юридическое образование и наука. 2011. № 4. С. 37.

² См.: Петрянин А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2012. № 20. С. 104–109.

³ Мусаелян М.Ф. О личности экстремиста // Военно-юридический журнал. 2010. № 2. С. 20–23.

⁴ См.: Российская криминологическая энциклопедия. М., 2000. С. 298–302.

тремистской активности наблюдается в возрасте от 14 до 18 лет – 72,7% от общего числа (это отмечают большинство ученых, исследующих данную проблематику¹); от 18 до 25 лет – 15,3%; от 25 до 30 лет – 9,6%. Оставшиеся 2,4% – это лица старше 30 лет. Последняя возрастная категория чаще всего включает в себя организаторов и руководителей экстремистских организаций, основная масса которых имеют высшее образование и являются редакторами ксенофобских изданий либо в иной форме осуществляют издание подобных материалов². Половозрастная характеристика лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, дает нам возможность выделить следующие их доминирующие характеристики: это лица мужского пола в возрасте от 14 до 30 лет. При этом 72,7% из данной возрастной категории высказали обеспокоенность невозможностью прогнозирования своего будущего. Это и предопределяет готовность и потребность к восприятию влияния извне, что создает условия для целенаправленного формирования и коррекции личности, в том числе и противоправного характера³.

Проведенный анализ подтверждает, что молодежная среда наиболее уязвима для экстремизма. По мнению В.А. Бурковской, экстремизм в молодежной среде проявляется в деформациях сознания⁴, что указывает на повышенную маргинализацию молодежи и связанный с этим рост страхов существования.

Именно поэтому согласимся с мнением А.В. Ростокинского, отмечающего, что причиной такой деформации являются возникающие в процессе кризиса проблемы ее социализации, а также обретения социально значимых свойств и качеств, что и выступает существенным криминогенным фактором⁵.

---

¹ См., например: *Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006; *Маркова Ю.В.* Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008; *Узденов Р.М.* Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; и др.

² См.: *Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 154.

³ См.: *Игошев К.Е., Миньковский Г.М.* Проблема, которая волнует всех (вместо предисловия) / По неписаным законам улицы... М., 1991. С. 24.

⁴ См.: *Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 140.

⁵ См.: *Ростокинский А.В.* Преступления экстремистской направленности как проявления суб-

Рассматривая наличие брачно-семейных отношений, мы выяснили, что 91,8% осужденных не находились в браке. При этом не требует особых доказательств постулат о том, что одной из основных причин девиантного поведения большинства экстремистов является неблагополучная семья, с учетом ее социально-экономических и внутрисемейных взаимоотношений.

Проведенное интервьюирование показало, что более 64,8% опрошенных жили в семье с четко устоявшимися экономическими трудностями, из них 82,7% воспитывались в неполных семьях с неблагоприятным семейным климатом.

Особое значение в рамках криминологической характеристики экстремистов имеет уровень образования, непосредственно связанный с социальным и культурным статусом личности, а также в целом со сформировавшимися жизненными установками. По уровню образования лица, совершившие преступления экстремистской направленности, распределились следующим образом: неполное среднее образование – 10,8%; среднее – 46,9%; среднее специальное – 29,5%; высшее – 4,9%; неоконченное высшее – 7,9%.

Таким образом, необходимо констатировать, что основная масса экстремистов имеет средний образовательный уровень, что непосредственно указывает на связь наличия образования с возрастными характеристиками изучаемой категории лиц.

При исследовании их места проживания и происхождения нами не были выявлены наиболее часто встречаемые группы, соответствующие какому-либо типу. Полагаем, что это указывает на отсутствие влияния рассматриваемых условий на формирование экстремистской активности.

Существенное значение при характеристике личности экстремиста имеет наличие или отсутствие постоянных источников существования. Среди осужденных за преступления экстремистской направленности 56,2% не имели постоянного источника дохода, из них 29,6% находились на иждивении у близких род-

---

культурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 26–27; См.: *Ростокинский А.В.* Ещё раз об атрибутах криминальных субкультур // Научные труды № 2 (3) 2014. Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. Саратов: Саратовский источник, 2014. С. 119–126.

ственников, 37,8% уволились или были уволены с работы, и только 6% имели постоянную работу (работали на заявленном месте работы более шести месяцев). При этом 94,8% из них занимались низкоквалифицированной и малооплачиваемой трудовой деятельностью. Заслуживает внимания тот факт, что все 100% исследуемых и имеющих постоянное место работы отметили несоответствие (несоизмеримость) вида выполняемых ими работ и оплаты труда, что и явилось одной из причин их участия в экстремистских выступлениях. Таким образом, у основной массы лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, с учетом рассмотренных социально-демографических характеристик, произошло отчуждение от труда с сохраняющимися при этом материальными потребностями, направленными на удовлетворение личностных интересов.

Учитывая тесную взаимосвязь образования с трудовой деятельностью, отметим, что оно в настоящее время не всегда является безоговорочным условием построения успешной карьеры, и получение достойного рабочего места. Кроме того, честный труд не гарантирует материального благополучия. В то же время пример преуспевающих девиантов и их безнаказанность подталкивает к несоблюдению и нарушению закона¹.

Проведенный анализ уголовных дел показал, что 29,4% осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности ранее уже были судимы. При этом 44,8% из них были ранее осуждены за посягательства на личность (по бои, истязания, умышленное причинение вреда здоровью), 26,6% – за хулиганство и вандализм, 15,7% – за хищения, и лишь 12,9% – за преступления экстремистской направленности. 96% респондентов признались в том, что ранее уже совершали преступления как экстремистской, так и иной направленности, однако по ним не привлекались к уголовной ответственности. Приведенные цифры еще раз дают нам основание констатировать, что преступления экстремистской направленности характеризуются повышенным уровнем латентности. Полагаем, что представленные результаты также указывают на масштабное вовлечение в совер-

---

¹ См.: Рубан Л.С. Девиация как проблема безопасности // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 73.

шение преступлений экстремистской направленности лиц, ранее не подверженных данной мотивации, что также повышает общественную опасность экстремизма.

Опрос лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, выявил, что большая их часть (74,3%) не раскаиваются в содеянном и высказывают желание и готовность повторного совершения однородных преступлений. При этом 92% из них не признают себя экстремистами и настаивают на правоте совершаемых ими действий, что указывает на наличие у них четко сформированной морально-ценностной ориентации экстремистского толка. Они достаточно подробно рассказывают о мотивах своих действий, настаивая на их идеологической основе, например приводя многочисленные доводы о необходимости «очищения России от инородцев» и т. п.¹

При характеристике социально-демографических особенностей экстремистов следует обращать внимание на их отношение к алкоголю и наркотикам. В частности, в рамках проводимого исследования было установлено, что 86,4% осужденных за преступления экстремистской направленности в момент совершения деяния находились в состоянии опьянения, при этом 16,2% из них – в состоянии наркотического, 77,5% из них отметили, что исключительно данное состояние их и подтолкнуло на совершение преступлений экстремистской направленности. Таким образом, алкоголь и наркотики являются одной из причин распространения экстремизма, так как лицо, употребляющее их, становится весьма агрессивным, недоброжелательным и циничным.

Проблемной, по нашему мнению, является и национально-религиозная составляющая социально-демографических признаков личности экстремиста.

В ходе интервьюирования респондентов по вопросу: *«Каково ваше представление о национальной или религиозной принадлежности экстремистов?»* – 88,1% респондентов указали на лиц, являющихся представителями иных вер, при этом не видя особой разницы между исповедуемых ими религиями. Аргументи-

---

¹ См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 150.

руя свое мнение, они основывались исключительно на религиозном, чаще всего исламском аспекте, приводя примеры произошедших в России резонансных террористических актов и захватов заложников за последние десять лет¹.

Анализ уголовных дел по преступлениям экстремистской направленности показал частично иные результаты по схожим вопросам. Так, что касается вероисповедания виновных, то в основном (76%) это лица, исповедующие ислам и православие. Это подтверждает и их соответствующую национальную принадлежность.

Лишь 4,5% опрошенных указали, что экстремизм не может отождествляться с конкретной религией или национальностью, так как это общемировая проблема.

В этой связи уместно сослаться на мнение Ю.Е. Пудовочкина и Ю.В. Марковой, отмечающих, что любой мотив, выражающийся в ненависти или вражде, однозначно имеет политическую, идеологическую, расовую, национальную, религиозную или социальную окраску².

---

¹ Это следующие акты (краткая справка от автора): 23–26 октября 2002 г. – теракт на Дубровке: группа чеченских боевиков под руководством чеченского сепаратиста Мовсара Бараева захватила свыше 900 заложников в здании Театрального центра на Дубровке (Москва). Все террористы были уничтожены в ходе штурма здания, заложники освобождены, но более 120 человек погибли от действия усыпляющего газа, примененного спецназом при штурме, в сочетании с тяжелыми условиями, в которых находились заложники; 5 июля 2003 г. – на аэродроме в Тушино (Москва) две чеченские террористки осуществили взрыв во время рок-фестиваля «Крылья». Погибли 16 человек, около 50 ранены; 6 февраля 2004 г. – взрыв мощностью 4 кг в тротиловом эквиваленте, осуществленный террористом-смертником в поезде на перегоне между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» Московского метрополитена. Погибли 42 человека, около 250 ранены; 1–3 сентября 2004 г. – террористический акт в Беслане: группа террористов захватила свыше 1300 заложников в здании школы № 1. В результате теракта погибли около 350 человек, половина из них – дети. Свыше 500 ранены; 21 августа 2006 г. – взрыв на Черкизовском рынке в Москве. В результате взрыва погибли 14 человек, ранен 61 человек; 18 февраля 2007 г. – взрыв в ресторане быстрого обслуживания «Макдоналдс» в Санкт-Петербурге. Пострадали шесть человек, среди них – двое детей; 29 марта 2010 г. произошел взрыв на станции метро «Лубянка», во втором (по другой версии – в третьем) вагоне. Еще один взрыв произошел на станции «Парк Культуры». В результате терактов погибли 40 человек, 85 ранены; 24 января 2011 г. в Москве в аэропорту Домодедово подорвал бомбу террорист-смертник. По данным Минздравсоцразвития РФ, 37 человек погибли (включая террориста), ранения разной степени тяжести получили 130 человек; 29 декабря 2013 г. в Волгограде в здании железнодорожного вокзала террорист-смертник взорвал бомбу. Погибло 18 человек, 49 ранены; 30 декабря 2013 г. в Волгограде террористом-смертником был подорван троллейбус. Погибло 16 человек, 25 ранены // http://ru.wikipedia.org/wiki/Террористические_акты

² См.: Пудовочкин Ю.Е. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления против несовершеннолетних // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 75–77; Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних

Ставя националистический вопрос одним из главных при определении личности экстремиста, в ходе проведенного нами опроса респондентам был задан следующий вопрос: «*Как вы относитесь к лозунгу ЛДПР и ее лидера В.В. Жириновского “Россия для русских”?*». Положительно отнеслись к такому призыву 39,8% опрошенных, акцентируя внимание на том, что Россия – исконно русское государство, а также на наличии чувства неравенства и притеснения со стороны иных национальностей. На вопрос: «*Считаете ли вы этот лозунг экстремистским?*» – 61,4% респондентов ответили положительно. Как видим, результаты проведенного интервьюирования указывают на существующую сегодня проблему этнорелигиозных отношений в России, что создает благоприятные условия для распространения экстремизма.

Подобные убеждения формируются, прежде всего, на основании собственного опыта. Человек отмечает широкое распространение бытового национализма, выражающегося в применении насилия, оскорблений или унижений других людей в связи с их национальной, расовой принадлежностью и вероисповеданием¹.

Значительную роль в обострении этнорелигиозных отношений играют и средства массовой информации, постоянно освещающие различные факты противостояний, придавая при этом им исключительно экстремистскую окраску. В связи с этим Е.М. Юцкова, на наш взгляд, совершенно справедливо отметила, что современные средства массовой информации своими радикальными выступлениями провоцируют национальную рознь, вражду, а также рост национализма². Эти обстоятельства предопределяют возникновение серьезных проблем между государством и СМИ, в том числе и при реализации права на свободу слова³. Осознавая необходимость решения вышеуказанной проблемы, согласимся с мнением О.А. Колобова, Д.В. Сочнева и М.И. Шамова, считающих, что основным инструментом

экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 76.

¹ См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 141.

² См.: Юцкова Е.М. Вовлечение женщин и молодежи в террористическую деятельность // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 91.

³ См.: Дашков Г.В. О свободе слова и проблемах игнорирования ее носителей // Человек: преступление и наказание. 2011. №2. С. 9.

в данном случае должно стать общественно-государственное регулирование, направленное на поддержание в информационном пространстве общеколлективных ценностей и интересов¹.

Анализ характера различных сфер жизнедеятельности и социальных связей лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, свидетельствует об их низком культурном и духовном уровне. При этом современная культура в основном ориентирована на материальное потребление, что предопределяет ее скорее криминогенный потенциал, чем духовный антипод². Таким образом, она создает лишь внешний эффект и зачастую легко может трансформироваться в криминальную субкультуру с соответствующими нравственно-психологическими характеристиками, противоречащими общечеловеческим ценностям³.

Нравственно-психологические качества личности экстремиста также имеют свои особенности. В частности, определенная специфика характеризует их мотивационную сферу, которая, по мнению В.В. Лунеева, как раз и является инструментом гиперактивного поведения человека⁴. При этом современная криминальная среда представляет собой устойчивую систему взаимодействия различных категорий граждан асоциальной направленности, где действуют неформальные нормы, в том числе противоправного поведения, что и создает благоприятные условия для формирования экстремистской идеологии, содержащей в себе нравственные, этические и даже философские идеи, оправдывающие экстремизм и составляющие базу для субкультуры этой среды⁵.

Вышеуказанное предопределяет наличие следующих психологических качеств у экстремистов: ярая приверженность к какой-либо идеологии, фанатизм;

---

¹ См.: Колобов О.А., Сочнев Д.В., Шамов М.И. Информационный терроризм в современном российском обществе: монография. Н. Новгород, 2007. С. 87.

² См.: Иншаков С.М. Культура и ее воздействие на преступность // Преступность и культура / под ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 10.

³ См.: Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (уголовно-правовой и криминологический анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 107.

⁴ См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 107.

⁵ См.: Овчинский В.С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 17.

экстремальность деятельности и ее группоцентрический характер; ориентация на насилие и устрашение¹.

По мнению М.Ф. Мусаеляна, психологические предпосылки становления террористического и экстремистского типов личности можно разделить на три самостоятельные группы: социальные и психологические особенности макросреды; индивидуальные особенности человека; склонности лица к противоправной деятельности, содержащей в себе признаки экстремизма либо терроризма².

Существенное значение при определении личности экстремиста также имеют его психофизические свойства, в основном носящие исключительно негативный характер. Например, повышенная агрессия, мстительность, эгоизм и др.³.

Рассматривая физико-биологические характеристики, согласимся с мнением профессора Н.И. Дорохова, отмечающего, что в качестве причин экстремистского поведения могут выступать такие подсознательные импульсы, как комплекс неполноценности и психологические фрустрации⁴, что непосредственно усиливает ненависть к окружающим. При этом личность преступника-экстремиста, как правило, имеет следующие особенности: а) она формируется в условиях интенсивного противоправного и аморального поведения окружающих (семья, друзья); б) характеризуется наличием системы аморальных проступков и разного рода правонарушений, которые повторяются и после принятия мер воздействия; в) ей свойственно отчуждение от ценностно-нормативной системы общества и государства; г) ей чуждо чувство социальной ответственности; д) для нее привычна внешняя негативная оценка своего поведения; е) ей свойственна выработка социально-психологических механизмов самозащиты; ж) ее характеризует активность в ситуации совершения преступления⁵.

---

¹ См.: Юрасова Е.Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. 2008. № 4. С. 27–35.

² См.: Мусаелян М.Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) // Адвокат. 2010. № 6. С. 22–33.

³ См. там же.

⁴ См.: Дорохов Н.И. Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты // Военно-юридический журнал. 2006. № 5. С. 18–23.

⁵ См.: Красильников А. Личность террориста: криминологический аспект // Законность. 2008. № 5. С. 46–48.

Все вышеизложенное акцентирует внимание на необходимости исследования типологий личностей экстремистов.

В доктрине существует множество аргументированных подходов к определению типов экстремистов. В настоящем исследовании мы остановимся на анализе лишь тех, которые, с нашей точки зрения, представляют особый научный интерес и обосновывают выдвигаемую нами концепцию.

Так, например, Р.С. Тамаев выделяет два типа и в их основу кладет место совершения преступления: а) *экстремист, осуществляющий свою противоправную деятельность в регионах, борющихся за национальную «независимость»* (Чечня, Дагестан и т. п.); б) *экстремист, совершающий преступления в крупных мегаполисах, финансовых и промышленных центрах*. По его мнению, первому присуща деятельность, направленная на создание независимого государства насильственным путем, том числе в форме призывов борьбы с «неверными», второму – желание продемонстрировать свою «индивидуальность и уникальность» путем нарушения общепризнанных антисоциальных установок, в том числе основанных на расовой или религиозной неприязни¹.

Полагаем, что выделение всего двух типов личности, причем в основу которых положены критерии, раскрывающие место совершения деяний, а также исключительно расово-религиозный оттенок, может характеризовать лишь одну из разновидностей личности – расово-религиозного экстремиста.

М.Ф. Мусаелян предлагает свою типологию личности преступника-экстремиста: а) *рядовой экстремист-исполнитель*; б) *лидер (главарь) экстремистской организации (группировки) или экстремистского сообщества*; в) *ближайшие идейные соратники (сподвижники) вождя-идеолога (экстремиста-идеолога)*; г) *вождь-идеолог (экстремист-идеолог)*. При этом автор два последних выделяемых им типа относит к «элите» экстремистского движения².

¹ См.: Тамаев Р.С. Организация правоохранительной деятельности в сфере противодействия экстремизму: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 27, 28; См.: Тамаев Р.С., Беяева Т.Н. Вопросы организации правоохранительной деятельности по противодействию экстремизму // Вестник Московского университета МВД России. М., 2012. № 4. С. 166–170.

² См. там же.

Предлагаемая классификация, с нашей точки зрения, заслуживает внимания по причине градации личностей по характеру и степени организованности. Однако она не раскрывает самой сущности экстремизма и может быть применена при характеристике принципиально других форм преступной деятельности.

Р.М. Узденов¹ также предлагает свою авторскую типологию, положив в ее основу степень подверженности субъекта влиянию экстремистских воззрений.

Полагаем, что предложенная типология объективно не может раскрыть особенности личности экстремиста, поскольку определяет лишь его приверженность к экстремистским воззрениям. Мы не отрицаем значимости положенного в основу данной классификации критерия, однако считаем, что он может лишь отражать уровень и характер общественной опасности личности экстремиста, но не более того. Считаем, что выделение одного критерия при определении типологии личности экстремиста не дает возможности раскрыть те его специфические черты, которые в основной своей массе и подталкивают его на совершение преступления. Исследование личности должно носить комплексный характер, включать в себя несколько критериев, дающих возможность подчеркнуть те его личные особенности, которые и подтолкнули лицо встать на путь противоправного поведения.

В этом случае мы разделяем мнение Р.М. Узденова, указавшего, что главной проблемой в изучении личности экстремиста является выделение на доктринальном уровне большого количества разновидностей экстремизма и, как следствие, разноплановость причин, толкающих человека на путь противоправной экстремистской деятельности². В связи с этим полагаем, что наиболее востребованной будет являться типология личности экстремиста, основанная на ранее предложенной нами концепции, в частности основанной на мотивации преступного поведения, что, безусловно, в доминирующей степени определяет специфические особенности экстремиста. Причем особое значение мотива в рамках формирования экстремистского поведения осознается и государством в рамках определения ис-

---

¹ См.: Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 118–119.

² См. там же. С. 101.

следуемой группы преступлений¹. По этой причине считаем, что этот критерий и должен являться главным основанием при определении типа личности экстремиста. Однако для полного раскрытия сущности экстремистского поведения установления только мотива недостаточно. Считаем, что в рамках изучения личности экстремиста необходимо выделение и второго критерия, раскрывающего характер выполняемой роли при совершении экстремистских действий. *Полагаем, что полномасштабное изучение экстремистов возможно только через мотивационно-ролевую типологию, в которой предлагается выделять следующие типы: а) экстремист-лидер (идеолог); б) экстремист-исполнитель; в) экстремист-мститель; г) экстремист-альтруист.*

Особую значимость в рамках исследования личности экстремиста, конечно же, имеет *экстремист-лидер. Это лицо, являющееся идеологом и организатором соответствующей экстремистской деятельности, устанавливающее четкие правила поведения в возглавляемой им организации, цели и задачи их деятельности, а также жесткую ответственность за нарушение дисциплины.* Примерами таких лидеров могут быть Джохар Дудаев, Шамиль Басаев, Усама бен Ладен, Хаттаб. Полагаем, что для исследования будет интересна их социально-демографическая характеристика, не присущая другим выделяемым нами типам. Во-первых, это их возрастная характеристика (57–69 лет). Это свидетельствует о том, что они уже были в полном объеме сформированы как личность. Это лица, имеющие громадный жизненный опыт во многих сферах жизнедеятельности. Во-вторых, они имели высшее или неоконченное высшее образование. Например, Джохар Дудаев с отличием окончил высшее учебное заведение. В-третьих, все они характеризовались окружающими как трудолюбивые, творческие, умные и религиозные личности. В-четвертых, были женаты и имели детей. Однако сегодня

---

¹ В частности, п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»; примечание к ст. 282¹ УК РФ «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса».

в ряде случаев наблюдается и омоложение лидеров экстремистских группировок. Примером могут служить такие организаторы, как Артур Рыно¹ и Павел Скачевский², совершавшие преступления экстремистской направленности в несовершеннолетнем возрасте³, Илья Горячев 1982 года рождения, являющийся лидером общественного движения «Русский образ»⁴. Они частично обладали схожими личностными характеристиками с лидерами террористических организаций.

Лидер чаще всего выступает и в качестве экстремиста-идеолога. Его также характеризуют четко сформировавшееся состояние конфликта с окружающими, не разделяющими его идеологических взглядов,⁵ а также желание распространения и навязывания своей идеологии окружающим, отрицание инакомыслия, нетерпимость к оппонентам, обоснование применения насилия. Основным способом донесения своей идеологии выступают эмоциональные инструменты воздействия на психику и сознание людей.

Экстремист-исполнитель в большей степени и характеризует основную массу экстремистов, мнение о которых и формирует представление у общества о них. Это лица, непосредственно принимающие участие в публичной экстремистской деятельности, являющиеся активными участниками проводимых экстремистских акций. Каждого из них к такому участию подталкивают самостоятельные личностные мотивы. В частности, это могут быть идеологические, товарищеские, корыстные и другие. В качестве отдельного мотива целесообразно выделить самореализацию, включающую в себя в том числе желание стать «героем». Названная мотивация, подтвержденная анализом уголовных дел, дает основание отметить, что в основной своей массе это лица, обладающие следующими специфическими

¹ Артур Рыно, учащийся Московского художественного училища прикладного искусства.

² Павел Скачевский, студент Российского государственного университета физкультуры.

³ Новости Московского городского суда «Мосгорсуд вынес вчера приговор самой жестокой в истории России группировке националистов. Ее участников признали виновными в 19 убийствах, совершенных на почве национальной вражды». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/news/?id=79> (дата обращения: 22.08.2014)..

⁴ Горячев Илья Витальевич, 30.05.1978 года рождения, в 2004 году закончил Государственный университет гуманитарных наук, в 2004 году поступил в аспирантуру Института славяноведения РАН, отчислен из аспирантуры после второго года обучения.

⁵ См.: Мусаелян М.Ф. О личности экстремиста // Военно-юридический журнал. 2010. № 2. С. 20–23.

чертами. Во-первых, это соответствующая возрастная категория (14 – 30 лет). Во-вторых, лица с невысоким образовательным и культурным уровнем. В-третьих, характеризующиеся отсутствием четких жизненных ценностей и общественно значимых интересов. В-четвертых, не имеющие постоянного источника дохода.

Экстремист-мститель – это лицо, обладающее четкой личностной установкой, чаще всего возникшей в результате гибели близких от рук противников. Экстремист-мститель ассоциируется со смертником (шахидом), приносящим себя в жертву. При этом, мстя за близких, он продолжает их идеи. Их мотивация объясняется соответствующими кровными узам и семейными традициями, передаваемыми из поколения в поколение. К этой же категории могут быть отнесены и религиозные фанатики, которые рассматривают собственное жертвоприношение как инструмент спасения мира. Эта разновидность личности экстремиста обладает следующими признаками: наличие комплекса неполноценности, возрастная и психологическая незрелость, социальное отчуждение, самооправдание, нетерпимость к иным убеждениям и взглядам. Примером может служить Зарема Мужаева, единственная задержанная до совершения террористического акта смертница. Она родилась в семье с низким материальным достатком, для нее характерна повышенная внушаемость, хитрость, расчетливость, лживость¹.

Экстремист-альтруист. Лицами, относящимися к данному типу, руководят мотивы, возникшие в результате субъективного осознания несправедливости в любой области общественной или государственной деятельности. Основным его лейтмотивом является желание осуществить преобразования на основе субъективного понимания справедливости. Они осознают добровольно принятую на себя «миссию» спасения мира, что и позволяет реализовать свои агрессивные стремления. Данный тип может встречаться во всех разновидностях выделяемых в науке видов экстремизма. Чаще всего экстремист-альтруист таким образом самоутверждается и самореализуется в жизни. В некоторых случаях они одержимы манией величия и скандальной известности. Примером могут стать участники

---

¹См.: *Бакин А.А.* Криминологические и патопсихологические особенности женщин, принимающих активное участие в террористической деятельности // Вестник национального антитеррористического комитета. 2012. № 1. С. 70–71.

панк группы «Pussy Riot», совершившие хулиганские действия в Храме Христа-Спасителя. Они жаждали славы и широкой известности после их ареста за совершение вышеназванных действий¹.

Необходимо отметить, что вышеприведенная типология условна и в действительности имеют место смешанные типы личностей экстремистов. Именно поэтому среди вышеназванных типов возможно выделение следующих их подвидов, исходя из мотива преступного поведения: а) религиозный; б) идеологический; в) политический; г) расовый; д) национальный.

Полагаем, что *отличительной особенностью религиозного, расового и национального экстремиста является наличие у него приверженности к конкретному религиозному течению, расе или национальности с выраженным отрицанием оппонентов, являющихся приверженцами иных религий, рас или национальностей, вплоть до их полного физического уничтожения. Данных лиц также характеризует ярко выраженный фанатизм, в том числе проявляющийся в обосновании ритуальных убийств и суицидальных актов.*

Политический экстремист также имеет свои признаки. *Данный тип отрицает важность существующей политической системы, основанной на действующем законодательстве. Склонен к насильственному свержению государственного строя, а также к посягательствам на политических лидеров. Активно занимается пропагандой своего политического течения путем распространения агитационной информации с помощью Интернета, листовок, а также организации несанкционированных митингов и массовых беспорядков с использованием провокационных лозунгов и действий. Основу рассматриваемого типа представляют маргинальные слои населения, испытывающие проблемы в самореализации.*

Идеологический экстремист характеризуется наличием четко сформированной идеи, противоречащей общепринятым нормам права и морали в конкретном обществе или государстве². Предложенная идея предлагает иную систему

¹ Лунеев В.В., Нечевин Д.К. «Панк-молебен» в Храме Христа-Спасителя и его политическое и криминологическое значение // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3. С. 314.

² См.: Толкачев К.Б. К вопросу о сущности идеологии экстремизма // Вестник ВЭГУ. 2012. № 2 (58). С. 58.

ценностей, построенную на принципиально иных приоритетах, соответствующих потребностям и интересам идеологов.

Характеризуя личность преступника, совершающего деяния экстремистской направленности, следует иметь в виду, что сами по себе они не криминогенны. Однако в условиях их взаимодействия с потребностями и мотивацией они могут принимать криминальную окраску. Поэтому данные свойства являются существенным компонентом обобщенного представления о преступлениях экстремистской направленности и имеют важное значение для разработки и осуществления мер противодействия изучаемому явлению.

Отличительная черта экстремиста – формирование особого стиля поведения, характеризующегося радикальным противостоянием, основанным на применении насилия, вплоть до физического уничтожения, к лицам, не поддерживающим его идеологию. Именно поэтому более глубокое изучение личности экстремиста должно носить комплексный характер и включать в себя исследование не только мотивации преступного поведения, но и роли конкретного индивидуума в совершении преступлений экстремистской направленности.

Осознавая значение характеристик личности экстремиста для криминологической характеристики преступлений экстремистской направленности, не стоит забывать о важности изучения *виктимологических аспектов* этой темы.

Современная виктимология является комплексной отраслью знания, относительно самостоятельным и знаковым учением в рамках криминологической науки¹.

Определяя актуальность и необходимость рассмотрения виктимологических особенностей преступлений экстремистской направленности, отметим, что изучение виктимологии позволяет также определить роль жертвы в механизме совершения конкретного преступления и решить вопросы наказания за противоправное

---

¹ См.: Франк Л.В. Потерпевшие от преступлений и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977; Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000. С. 68.

поведение¹, именно поэтому проведение криминологического исследования без ее анализа будет являться неполным и неточным.

В криминологии не существует общепринятого подхода к изучению жертвы преступления. Многие ученые предлагают свои типологии, предлагая при этом принципиально различные их характеристики².

Мы считаем, что предложенные в науке подходы к изучению жертвы преступлений лишь дополняют друг друга и в своей совокупности могут быть положены в основу изучения жертв преступлений экстремистской направленности. В целях детального изучения виктимологических особенностей исследуемой группы деяний предлагаем использовать подход, реализованный нами в рамках изучения личности преступника с учетом его специально-криминологических характеристик.

Определяя социально-демографические признаки жертв преступлений экстремистской направленности, мы выяснили в ходе анализа уголовных дел, что 77,4% потерпевших – это лица мужского пола, 22,6% – женского. Проведенное нами исследование показало отсутствие четкой возрастной категории, наиболее подверженной деяниям экстремистского характера. Необходимо отметить равномерное распределение возрастных характеристик среди жертв преступлений экстремистской направленности. С небольшим отрывом выделяется категория в возрасте от 14 до 18 лет – 28,7% от общего числа, от 18 до 25 лет – 22,7%, от 25 до 30 лет – 18,6%, от 30 до 40 лет – 15,4%, оставшиеся 14,6% – это лица старше 40 лет. Возрастная характеристика жертв преступлений экстремистской направленности указывает на то, что потенциальной жертвой рассматриваемой группы деяний может стать любой человек. Однако, учитывая незначительное превышение в рассматриваемых категориях, следует констатировать, что наиболее уязвимыми являются лица в возрасте от 14 до 18 лет, что говорит об особой роли молодежной среды в процессе формирования экстремистских настроений.

---

¹ См.: *Гантелганиев Р.Г.* Криминальная виктимология: понятие, виды и степень виктимности // *Мировой судья.* 2009. № 7. С. 7–9.

² См.: *Васильев В.Л.* Юридическая психология. М., 1991. С. 271; См.: *Платонов К.К.* О психологической структуре личности. М., 1968. С. 69 и др.

Исследуя брачно-семейные характеристики, а также уровень жизни и образования жертв преступлений экстремистской направленности, констатируем, что их социальный статус принципиально не отличается друг от друга и вышеуказанные характеристики не влияют на процесс виктимизации личности.

Следующий момент – взаимоотношения потерпевшего с преступником. Анализ уголовных дел показал, что 92,6% жертв были не знакомы с преступником на момент совершения преступления; 7,4% – знакомы. Полученные результаты еще раз подтверждают тот факт, что потенциальная возможность стать жертвой экстремистских посягательств весьма велика.

Особого внимания в рамках характеристики жертв преступлений экстремистской направленности заслуживает национально-религиозная принадлежность.

Интервьюирование респондентов по вопросу: *«Как вы охарактеризуете жертву экстремизма с учетом национально-религиозной принадлежности?»* – показало, что 42,8% опрошенных отождествляют жертву экстремизма с лицами, исповедующими религии, представителями которых не являются интервьюированные; 27,4% выделяют в качестве жертв лиц, исповедующих ту же религию, что и опрашиваемые; 29,8% констатировали, что у жертв преступлений экстремистской направленности отсутствует национально-религиозная принадлежность.

Анализ уголовных дел по данному вопросу показал небольшое разночтение с результатами интервьюирования респондентов. В частности, изучение материалов судебно-следственной практики по преступлениям экстремистской направленности дало следующие результаты: 46,2% потерпевших – это лица, являющиеся по сравнению с виновными представителями иных религий и национальностей; 35,5% – лица, принадлежащие к тем же национальностям и исповедующие ту же религию, что и преступник; 18,3% – мигранты из дальнего и ближнего зарубежья с учетом их национально религиозной принадлежности.

Вышеуказанные обстоятельства определяют наличие в современной России экстремистских противостояний, с учетом многонациональности и многоконфессиональности, исключительно между гражданами, непосредственно проживающими на ее территории.

В рамках криминологического изучения жертв преступлений экстремистской направленности в целях выявления возможного типа жертвы респондентам был задан вопрос: *«Подвергались ли вы посягательствам со стороны экстремистов?»*. На этот вопрос 87,4% респондентов ответили отрицательно; 6,7% дали положительный ответ, акцентируя при этом внимание на расово-религиозной принадлежности нападавших, а также скандируемых лозунгах в процессе совершаемых посягательств; 5,9% респондентов затруднились с ответом.

Полагаем, что представленные результаты не дают однозначного ответа на вопрос об уровне виктимности жертв преступлений экстремистской направленности, в первую очередь из-за возникающих сложностей в определении круга изучаемых посягательств со стороны потенциальных жертв. Данные обстоятельства, по нашему мнению, однозначно влияют на увеличение уровня латентности изучаемой группы деяний.

О высоком уровне латентности преступлений экстремистской направленности также свидетельствуют результаты интервьюирования по следующему вопросу: *«Обратитесь ли вы в правоохранительные органы в случае совершения в отношении вас преступления экстремистской направленности?»*. Так, 48,1% опрошенных ответили положительно и отметили, что вне зависимости от вида и тяжести совершенного деяния поступят именно так; 25,4% опрошенных обратятся в правоохранительные органы только в случае совершения в отношении их тяжких или особо тяжких преступлений, непосредственно посягающих на жизнь и здоровье; 8,8% предпочитают разбираться сами; 13,5% для решения возникшей проблемы обратятся за помощью к друзьям или знакомым, а 4,2% никуда обращаться не будут по причине низкого качества работы правоохранительных органов, а также из-за боязни будущей мести со стороны виновных.

Отсутствие у основной массы опрошенных (51,9%) желания обращаться в правоохранительные органы в случае совершения в отношении их преступлений экстремистской направленности является одним из условий, способствующих распространению этой группы деяний.

Индикатором состояния виктимизации в рамках активно распространяющихся преступлений экстремистской направленности является общественное мнение населения о своей защищенности от анализируемой группы противоправных посягательств¹. В связи с этим мы задали респондентам следующий вопрос: «*Рассматриваете ли вы потенциальную возможность стать жертвой экстремизма?*», на который 71,3% проинтервьюированных ответили положительно; 10,7% дали однозначно отрицательный ответ; 18% респондентов затруднились с ответом.

Представленные результаты четко демонстрируют наличие социальной напряженности, основанной исключительно на экстремистской мотивации, что влечет за собой развитие неконтролируемого процесса социальных волнений.

В рамках изучения виктимологических аспектов особое значение имеет возможность классифицировать жертв преступлений экстремистской направленности.

В современной криминологии существует большое количество таких классификаций².

¹ См.: *Ситковский А.Л.* Криминальная виктимизация в России: состояние и тенденции развития // Российский следователь. 2010. № 20. С. 26–33; См.: *Ситковский А.Л., Бицадзе Г.Э.* Формирование системы виктимологической профилактики преступлений // Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: состояние и перспективы: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (г. Москва, 8 декабря 2011 г.) / Отв. ред.: Яковлев О.В. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. С. 154–156.

² См., например: *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Виктимология. СПб., 2000; *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб., 2002; *Варчук Т.В., Вишневецкий К.В.* Виктимология. М., 2008; *Квашин В.Е.* Основы виктимологии. М., 1999; *Задорожный В.И.* Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений. М., 2006; *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступлений и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977; *Антонян Ю.М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступлений. М., 1973; *Задорожный В.И.* Особенности виктимного поведения жертв преступлений // Международное публичное и частное право. 2006. № 1. С. 15–17; *Кабанов П.А.* Криминологическая типология жертв политических преступлений в отечественной криминальной политической виктимологии // Адвокатская практика. 2007. № 6. С. 7–12; *Гаджиева А.А.* Понятие «жертвы преступления» в современных виктимологических исследованиях // Черные дыры в российском законодательстве. 2008. № 5. С. 114–115; См.: *Цыбелов А.А.* Классификация жертв преступлений экстремистской направленности // Законность. 2008. № 11. С. 54–56; См.: *Цыбелов А.А.* Некоторые особенности преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности // Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Верховного суда Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, 3–4 октября 2013 г.). С. 234–236; См.: *Гаджиева А.А.* К вопросу о классификации жертв преступ-

Соглашаясь с мнением Д.В. Ривмана и В.С. Устинова в том, что поведение жертвы преступления и самого преступника имеет тесное социально-психологическое взаимодействие, которое оказывает потенцирующее влияние в механизме совершения конкретного преступного поведения¹, на наш взгляд, на виктимизацию личности в рамках совершаемых преступлений экстремистской направленности особое влияние оказывают их мотивы и цели.

Считаем, что мотивы и цели рассматриваемой группы преступлений определяются существующими разновидностями экстремизма, определяющими их концептуальные особенности. Общеизвестно, что жертвы религиозного или политического экстремизма принципиально отличаются от жертв иных его разновидностей, что и предопределяет индивидуальную виктимность, состоящую из особых личностных и ситуационных компонентов.

Основываясь на вышеизложенном, полагаем, что в основу классификации жертв преступлений экстремистской направленности, как и в ранее изложенной нами типологии личности экстремиста, должна быть положена мотивация преступного поведения. Именно она, по нашему мнению, является наиболее теоретико-прикладной по сравнению с иными предлагаемыми в науке, так как отражает условие, используемое законодателем при определении признаков экстремизма. Считаем, что второй критерий, выделяемый нами в типологии личности экстремиста (ролевая составляющая), при исследовании жертв показал, что не имеет существенно значения. В связи с этим предлагаем следующую авторскую классификацию жертв преступлений экстремистской направленности: а) *жертва религиозного экстремизма*; б) *жертва идеологического экстремизма*; в) *жертва политического экстремизма*; г) *жертва расового экстремизма*; д) *жертва национального экстремизма*.

На наш взгляд, виктимологическое изучение данной проблемы должно быть связано с разработкой концептуальных и прикладных основ организации полити-

---

лений террористической и экстремистской направленности (региональный аспект) // Российский следователь. 2010. № 8. С. 23–24; См.: Гаджиева А.А. Значение виктимологической пропаганды в борьбе с преступностью // Вестник Дагестанского государственного университета. № 2. Махачкала. 2014. С. 138–142 и др.

¹ См.: Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000. С. 68.

ки в области виктимологической безопасности путем создания соответствующей нормативной правовой базы, комплексных виктимологических программ, а также виктимологического просвещения населения.

Однако, принимая во внимание характеристики потенциальной жертвы преступлений экстремистской направленности, автор констатирует отсутствие четких социально-биологических характеристик, определяющих состояние виктимности личности, что обуславливает наличие «массовой виктимности».

Резюмируя рассмотрение виктимологических особенностей, отметим, что своевременное, достаточное и адекватное реагирование на них является обстоятельством, способствующим борьбе с анализируемой группой преступлений, что, в свою очередь, выступает одной из важных составляющих всего комплекса стратегии противодействия этому социальному злу.

Считаем, что классифицирование видов экстремизма, личности преступника или жертв преступлений экстремистской направленности, основанное на идентичных критериях, позволит раскрыть сущность современного экстремизма и выработать эффективные инструменты противодействия изучаемому негативному явлению.

Проведенное нами исследование уголовных дел по преступлениям экстремистской направленности, а также результаты интервьюирования респондентов позволяют констатировать, что в абсолютном большинстве случаев субъектами преступлений экстремистской направленности являются лица в возрасте от 14 до 30 лет со средним образовательным и низким культурным уровнем, не имеющие постоянного источника дохода, что порождает отсутствие общественно значимых интересов и предопределяет наличие достаточного объема свободного времени, сил, энергии в целях криминальной самореализации.

Результаты исследования также свидетельствуют о доминировании национально-религиозных причин, способствующих процессу активной виктимизации личности в рамках совершаемых преступлений экстремистской направленности, что указывает на наличие состояния повышенной национально-религиозной напряженности в современной России.

Основную массу экстремистов объединяет крайне низкий уровень материальной обеспеченности, что указывает на схожесть их социальных групп, являющихся благоприятной почвой для распространения исследуемого явления. Однако вряд ли стоит делать вывод о том, что экстремизм – это удел исключительно малообеспеченной части населения. Рассматриваемые группы населения лишь выступают в качестве непосредственных участников экстремистских акций, а организаторы этих движений являются весьма обеспеченными гражданами, вливающими свои капиталы в рассматриваемую преступную деятельность в целях борьбы за власть и последующего передела и увеличения своих экономических ресурсов.

§ 2. Направления и особенности предупреждение преступлений экстремистской направленности

Предупреждение преступлений – это процесс выявления и устранения причин преступного поведения с учетом криминологических особенностей личности преступника, жертвы преступлений, а также уровня латентности конкретной разновидности противоправного поведения.

Поэтому особая роль в предупреждении преступлений принадлежит существующей и развивающейся государственной политике, направленной в том числе и на противодействие общественно опасным деяниям.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать необходимые меры и осуществлять адекватные масштабам явления правовые действия по защите общества¹. Хотя современное состояние этого противодействия не позволяет защитить суверенитет государства от внешних угроз². Одной из причин этого стал развал ранее существовавшей эф-

---

¹ См.: Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: дис. ... д-ра филос. наук. Душанбе, 2009. С. 269.

² См.: Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. К вопросу о понятии финансовой преступности // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 302.

фективной системы предупреждения преступности, существовавшей в Советском Союзе¹. Сегодня государство пытается восполнить этот пробел, в том числе и в рамках противодействия экстремизму. Полагаем, что такими шагами стали принятие Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года², а в последующем образование Федерального агентства по делам национальностей. Указ о его создании Президент России подписал 31 марта 2015г.³

При этом необходимо помнить о том, что предупреждение является лишь одним из инструментов, составляющих систему борьбы с преступностью. Оно не является эффективным в случае отрыва от общеорганизационной и правоохранительной деятельности в ее карающем и праввосстановительном аспектах⁴.

Учитывая то обстоятельство, что предупреждение в качестве основной задачи преследует цель снижения уровня преступности, необходимо констатировать, что оно является универсальной и одновременно – функцией уголовной и неуголовной юстиции, а также частью общей системы социальной профилактики⁵.

В настоящее время существует достаточно большое количество нормативных правовых актов, прямо или косвенно направленных на предупреждение экстремизма, которые были нами подробно проанализированы в процессе исследования.

Особое значение, конечно же, имеет Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», на чем хотелось бы сделать особый акцент, так как именно в нем определены основные направления такого противодействия. В частности, к ним относятся: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и усло-

---

¹ См.: *Ястребов В.Б.* Шаги на пути возрождения системы предупреждения преступлений // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3. С. 24.

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014 Пр-2753 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 30.04.2015)

³ Указ Президента РФ от 31.03.2015 № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 14, ст. 2106.

⁴ См.: *Долгова А.И.* Причинные комплексы организованной преступности и терроризма, направления государственной политики их предупреждения // Профилактическая деятельность государства как одно из основных средств сдерживания преступности в РФ: материалы международной научно-практической конференции. М., 2006. С. 10.

⁵ См.: *Вицин С.Е.* Системный подход и преступность. М., 1980. С. 104.

вий, способствующих ее осуществлению, а также выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц¹.

Одним из последних стало принятие Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года². В рамках этого документа была принята попытка в закреплении ряда дефиниций, характеризующих экстремизм³, установлении основных источников экстремизма, а также главных целей и задач государственной политики в области противодействия экстремизму.

Не умаляя значение этого документа, хотелось бы отметить ряд пробельных моментов и противоречий, содержащихся в нем.

Основным пробелом и соответственно главной проблемой анализируемого нормативного правового акта, как и Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности, является отсутствие в нем основополагающей дефиниции «экстремизм», что и ставит под сомнение содержание понятий, нашедших свое закрепление в разделе 1 Стратегии, закрепляющей общие положения. Все это указывает на то, что законодатель еще не разобрался в самой сущности экстремизма⁴.

Анализ этих дефиниций показал, что они носят обобщенный характер, давая возможность при незначительной их трансформации использовать и в иных стратегиях, направленных на борьбу с другими общественно опасными деяниями. Например, понятие «противодействие экстремизму»⁵. В частности, исключив из него однокоренные с экстремизмом слова, мы теряем его идею. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что законодатель при его формировании использо-

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014 Пр-2753 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 30.04.2015).

³ Идеология экстремизма, проявления экстремизма, субъекты противодействия экстремизму, противодействие экстремизму.

⁴ См.: *Вайле С.П.* Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). С. 59–62.

⁵ Это деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма.

вал лишь общепризнанные инструменты предупреждения преступности в целом, ни один из которых не отражает особенностей экстремизма. То же самое замечание может касаться и понятия «субъекты противодействия экстремизму»¹.

В качестве отдельного замечания хотелось бы отметить использование законодателем неюридических терминов, существенно усложняющих понимание содержания этого нормативного правового акта. Например, такого словосочетания, как «радикальная идея», смысл которого может быть трансформирован как в положительное, так и отрицательное его направление.

В целом, можно выделить и другие замечания, в том числе указывающие на отсутствие четких рекомендаций в области межведомственного сотрудничества в борьбе с экстремизмом.

По этой причине считаем, что на федеральном уровне должен быть разработан и принят более объемный нормативный правовой акт, исключающий вышеназванные пробелы и противоречия. Полагаем, таковым должна стать «Национальная концепция противодействия экстремизму», проект которой нами предложен по результатам проведенного исследования.

Не менее значимой, по нашему мнению, также являлась Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001 – 2005 годы)², которая, конечно же, должна была получить свое дальнейшее развитие. Её заказчиком являлось Министерство образования Российской Федерации. Именно по этой причине основной акцент делался на молодое поколение России. В рамках реализации этой программы была проведена масса мероприятий. В частности, разработаны научно-методические основы профилактики экстремизма и формирования установок толерантного сознания. Созданы и внедрены социокультурные и образовательные

---

¹ Это деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма.

² Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 года № 629 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 36, ст. 3577.

технологии, направленные на снижение напряженности, основанной на политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной нетерпимости.

Итоги реализации этой программы отражены в отчете Министерства образования РФ Правительству России «О ходе реализации федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». В качестве основных выводов были отмечены следующие: наличие социальной напряженности, основанной на социально-экономических, этнических, культурных и межконфессиональных мотивах; обоснована необходимость формирования культуры переговоров, поиск компромиссов, а также вхождения России в международное правовое пространство противодействия экстремизму¹.

Особая роль в деле общей и специальной профилактики преступлений экстремистской направленности также принадлежит Министерству внутренних дел РФ, в деятельности которого профилактика экстремизма является самостоятельным направлением работы органов внутренних дел. Это стало причиной создания Департамента по противодействию экстремизму МВД России, с соответствующими территориальными подразделениями в субъектах Российской Федерации².

Таким образом, существующая система российского законодательства, отражающая правовую концепцию противодействия экстремизму, в целом обладает достаточно полным набором правовых мер, позволяющих эффективно осуществлять борьбу с этим явлением и его профилактику. Однако имеющийся потенциал правового противодействия экстремизму не всегда используется в полной мере в силу недостаточной эффективности правоприменительной деятельности, а также в связи с существующими пробелами в законодательном регулировании рассматриваемого вопроса, что требует дальнейшего совершенствования этих мер³. Каче-

---

¹ Толерантность против ксенофобии / под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Институт социологии РАН, 2005.

² Собрание законодательства РФ. 2008. № 37, ст. 4182.

³ См.: *Певцова Е.А.* Экстремистские проявления в поведении молодежи в период правовых реформ и кризисных явлений в государстве: проблемы профилактики // *Российская юстиция.* 2009. № 7. С. 13–22; См.: *Певцова Е.А.* Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи: монография. М., 2012. 320 с.

ственно разработанная нормативно-правовая база является важнейшим условием эффективности предупреждения преступлений¹. Учитывая всеобъемлющий характер современного российского антиэкстремистского законодательства, мы задались вопросом об его эффективности. Нами был задан вопрос респондентам – лицам, непосредственно связанным с противодействием экстремизму (судьи, сотрудники прокуратуры, Следственного комитета, ОВД, ФСБ): «*Является ли, по вашему мнению, современное антиэкстремистское законодательство эффективным инструментом противодействия экстремизму?*». Основная масса респондентов (81,5%) оценила рассматриваемое законодательство как неэффективное. В качестве основных причин были названы: пробельность законодательства – 54,7%; высокий уровень бланкетности – 26,3%; высокий уровень оценочных критериев – 15,1%; противоречия и разночтения анализируемых нормативных правовых актов – 3,9%. Проведенный нами анализ мер предупреждения экстремизма показал, что основная масса из них нуждается в совершенствовании в целях создания более эффективного механизма противодействия исследуемого явления.

Считаем, что для устранения ряда причин неэффективности антиэкстремистского законодательства целесообразно обратиться в том числе и к достижениям доктрины в данной области.

В науке предупреждение преступлений экстремистской направленности должно рассматриваться многоаспектно, в том числе с учетом уровня профилактической деятельности. Поэтому С.Н. Поминов предлагает трактовать предупреждение экстремизма в широком и узком смыслах. *Широкое понимание* этого процесса предполагает наличие системы мер, направленных на преодоление субъективных и объективных предпосылок возникновения экстремизма, реализуемых путем целенаправленной деятельности по устранению или уменьшению факторов, способствующих существованию экстремизма. *В узком смысле* – это деятельность, направленная на нейтрализацию различных форм проявления экстремизма путем выявления и устранения причин преступлений экстремистской

---

¹ См.: Жалинский А.Э. Условия эффективности профилактики преступлений. М., 1978. С. 47.

направленности, а также условий, способствующих их совершению, и оказания предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением¹.

Предлагаемые уровни противодействия заслуживают внимания, однако в соответствующих трактовках имеются, на наш взгляд, спорные моменты. В частности, полагаем, что к их числу следует отнести и виктимологическое направление, которое также должно рассматриваться как элемент индивидуального предупреждения исследуемой группы деяний.

Особое внимание в рамках предупреждения преступлений экстремистской направленности целесообразно уделять мерам общесоциального и специального предупреждения.

Общесоциальное предупреждение преступности в современной криминологии рассматривается как осуществление мер политического, идеологического, экономического и правового характера, непосредственно не ставящих перед собой специальных задач по борьбе с преступностью и предупреждению преступлений и правонарушений, но в целом направленных на создание благоприятных условий для существования общества², влекущих за собой сокращение числа преступлений.

Объектом общесоциального предупреждения преступлений выступают причины и условия, порождающие противоречия в сферах экономических, политических, межнациональных и межконфессиональных отношений³. Эти причины и являются основными в противоправном поведении, в том числе и экстремистской направленности. На наш взгляд, совершенно права Ю.В. Маркова, считающая, что даже частичное решение таких противоречий может привести не только к снижению социальной напряженности и преступности, но также и стабилизации криминологической ситуации в целом⁴.

---

¹ См.: *Поминов С.Н.* Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13.

² См.: *Маркова Ю.В.* Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 98.

³ См.: *Старков О.В.* Предупреждение преступлений: учебное пособие. М., 2005. С. 28–29.

⁴ *Маркова Ю.В.* Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 97.

Учитывая значение общесоциального предупреждения, отметим необходимость сосредоточения внимания общества и государства, главным образом, на экономической поддержке лиц, потенциально способных стать как подверженными экстремистской идеологии, так и жертвами преступлений экстремистской направленности. При этом данные преобразования в первую очередь должны проводиться в семейно-бытовой, образовательной и социальной сферах¹, наиболее значимых для любого члена нашего общества, вне зависимости от иных ценностных ориентаций, таких как религия, политика и т. п.

Претерпевание индивидами недостатка в объеме и качестве вышеуказанных сфер влечет за собой возникновение негативного отношения к учебе и труду, а также к базовым ценностям общества, что и является основной причиной криминализации личности, в том числе экстремистской направленности.

В настоящее время в доктрине существует значительное количество подходов, определяющих рассматриваемое нами направление. Обобщив их, мы приходим к выводу о том, что общая профилактика экстремизма должна быть основана на мерах социально-экономического, политического, культурно-воспитательного, правового, информационного и идеологического характера².

Полагаем, что все указанное выше должно находить свое отражение в организации жизнедеятельности общества и государства в целом, находя непосредственное закрепление на нормативном уровне в виде социально-политических и социально-экономических программ развития.

---

¹ См.: Сиоридзе А.Т. Групповой молодежный экстремизм (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 29.

² См.: Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 103; См.: Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М., 2005. С. 123; См.: Скудин А.С. Предупреждение экстремистской деятельности // Российский следователь. 2010. № 18. С. 35–37; См.: Варанкина Ю.С., Ларичев В.Д., Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: монография. М., 2012. 160 с.; См.: Ещенко С.А. Меры противодействия проявлению экстремизма в России: постановка проблемы // Общество и право. 2009. № 2. С. 12; См.: Павлинов А.В. Современные проблемы борьбы с экстремизмом в России // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 358–359; См.: Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: дис. ... д-ра филос. наук. Душанбе, 2009. С. 279.

Нам представляется очевидным, что в качестве самостоятельного направления предупреждения преступлений экстремистской направленности необходимо выделять миграционную политику. Учитывая, что мигранты выступают как в качестве преступников, так и в качестве жертв, требуется усилить контроль над их потоками. По мнению В.Е. Петрищева, этого можно достичь путем: 1) обоснованного определения квот мигрантов; 2) четкого планирования расселения, размещения и трудоустройства мигрантов; 3) научно обоснованной адаптации мигрантов к новым условиям; 4) усиления мер борьбы с незаконной миграцией¹.

Безусловно, противодействие экстремизму предполагает постоянный мониторинг этого негативного социального явления (изучение состояния, структуры и динамики), анализ причин и условий, способствующих совершению этих преступлений, разработку мер профилактики, а также изучение свойств личности преступников и потерпевших².

Считаем, что особую роль в деле предупреждения экстремизма может и должна сыграть общегосударственная идеология, направленная на сплочение общества и государства, на достижение общественно полезных целей, одной из которых будет являться нетерпимость со стороны всех членов общества к преступному поведению в целом и к экстремизму в частности.

Опыт Советского государства показал, что предлагаемый инструмент является сверхэффективным и востребованным в настоящее время, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами интервьюирования по вопросу: *«Нужна ли в России общенациональная идея (идеология), затрагивающая интересы каждого индивидуума?»*. 77,2% респондентов ответили: «Да»; 14,6% высказали сомнения в ее востребованности и необходимости, но не дали однозначного отрицательного ответа; и лишь 8,2% радикально отрицают целесообразность внедрения и поддержания общегосударственной идеологии.

---

¹ См.: *Петрищев В.Е.* Некоторые проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации // *Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы* / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 336.

² См.: *Ещенко С.А.* Меры противодействия проявлению экстремизма в России: постановка проблемы // *Общество и право*. 2009. № 2. С. 11–15.

Представленные результаты показывают на потребность современного общества в сплочении и желании вести продуктивный диалог с существующей властью при условии осознания совместной востребованности. Актуальность данного направления постоянно обозначается и первыми лицами нашего государства. В частности, в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации В.В. Путин постоянно заявляет о необходимости усиления чувства патриотизма и сплочения нации¹. Учитывая, что повышение уровня патриотизма сегодня является одной из главенствующих государственных задач, в том числе и в борьбе с экстремизмом², все это стало причиной разработки и принятия Правительством Российской Федерации Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014 – 2020 годы³.

Исследуя паспорт данной программы, мы видим, что ее государственным заказчиком выступает не одно, а целых три федеральных министерства (Министерство регионального развития Российской Федерации; Министерство культуры Российской Федерации; Министерство образования и науки Российской Федерации) и одно федеральное агентство (Федеральное агентство по делам молодежи).

Основными целями и задачами этой программы являются не только укрепление единства российской нации, но и гармонизация межнациональных отношений.

Весьма интересен выбранный подход к определению ее результативности. В частности, в качестве соответствующих индикаторов указаны: состояние межнациональных отношений, формирующееся на основе общественного мнения, уровень толерантности, наличие соответствующих региональных программ и др.

---

¹ Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/выступления/17118> (дата обращения: 20.12.2012); Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 27.12.2013).; Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173> (дата обращения: 29.12.2014).

² См.: *Талынев В.Е., Якушин В.В.* Патриотизм как основа противодействия экстремизму // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 6–8. С. 26–31.

³ Официальный сайт Российского правительства. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/4022> (дата обращения: 29.12.2014).

В анализируемой программе четко определены и ожидаемые ее результаты. В частности, повышение уровня толерантности до 85%, а также достижение 65% от общего числа граждан, рассматривающих существующие межнациональные отношения как положительные.

Еще раз подтверждая ее значимость в области противодействия экстремизму, заметим, что достижение поставленных целей и задач должно быть тесно связано с идеологической составляющей, непосредственно исходящей от политических лидеров страны.

В этой связи следует согласиться с мнением К.Е. Игошева, Т.Г. Гасанкадиева и Д.В. Бойкова, отмечающих, что идеология является одним из основных инструментов, обеспечивающих общую направленность всей системы профилактической деятельности, в том числе и в вопросах противодействия экстремизму¹.

Осознавая это, в настоящее время государство пытается возродить данный институт через призму реализуемых политико-социальных проектов. Примером может служить созданное общественное движение «Общероссийский народный фронт»².

При этом в Декларации об образовании «Общероссийского народного фронта» закреплена непосредственная связь с существующей властью в лице В.В. Путина и Д.А. Медведева³.

Учитывая цели и принципы «Общероссийского народного фронта», а также содержание основного лозунга «Мы верим в нашу победу, в победу России», можно констатировать, что в современной России как властью, так и обществом осознана востребованность в реализации общегосударственной идеологии во всех сферах жизни общества и государства. Общественно полезная идеология повлекла за собой возникновение принципиально нового этапа развития российской гос-

---

¹ См.: Игошев К.Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: учебное пособие. Горький, 1976. С. 39; Гасанкадиев Т.Г., Бойко Д.В. Противодействие экстремизму как одно из направлений правоприменительной политики современной России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 10–14.

² Официальный сайт «Общероссийского народного фронта» // <http://narodfront.ru/docs/about/goals.html>

³ <http://narodfront.ru/docs/about/declaration.html>

ударственности. Сторонниками данного общественного движения выдвинут и лидер – В.В. Путин, авторитет которого неоспорим и поддерживается основной массой населения России.

Полагаем, что это существенно укрепляет позиции созданной организации, влияет на увеличение ее членов, что будет являться эффективным инструментом решения общегосударственных задач и, конечно же, предупреждения преступлений, в том числе и экстремистской направленности.

Представляется, что все это способно позитивно повлиять на рост доверия между обществом и государством, так как существующие сегодня условия реализации права являются непосильными для основной массы населения, а также организационно и технически невыполнимыми¹.

Важнейшим субъектом профилактики преступлений экстремистской направленности, бесспорно, должны быть и средства массовой информации. Повышенная информатизация современного общества ставит СМИ вне конкуренции, например, с публичными выступлениями, печатной литературой и другими способами обмена информацией. Ни у кого не вызывает сомнения, что они выступают в качестве эффективного инструмента формирования общественного сознания и широко используются для достижения политических, национальных, экономических и иных целей. Причем в зависимости от стоящих задач оказываемое влияние может быть как положительным, так и отрицательным, о чем свидетельствует вся мировая практика.

Считаем, что для профилактики негативного воздействия средств массовой информации на общественное мнение, в целях снижения уровня экстремизации общества, целесообразно внедрение цензуры, субъектами которой должны стать представители государственных и общественных организаций. При этом особое внимание необходимо уделять электронным ресурсам, основу которых составляет Интернет. Как нами ранее уже было отмечено, основная масса преступлений экстремистской направленности совершаются путем размещения в нем материалов, содержащих в себе призывы к совершению деяний, исключительно основанных

---

¹ См.: Баранов В.М. Идея законопроекта // Юридическая техника. Н. Новгород. 2007. № 1. С. 32.

на мотивации нетерпимости по признаку расы, национальности, религии и т. п. В этой связи прав Ю.Д. Денисов, который предлагает на законодательном уровне упростить процедуру ограничения доступа к интернет-сайтам противоправного толка, например, путем направления в адрес провайдеров актов прокурорского реагирования (представлений) с приложением заключений соответствующих специалистов и информации органов внутренних дел либо ФСБ, в которых обосновывалась бы необходимость ограничения доступа к конкретным сайтам, исходя из специфики представленной в них информации¹. Полагаем, что это и стало причиной принятия закона, предусматривающего возможность немедленной блокировки сайтов, содержащих призывы к массовым беспорядкам и иную экстремистскую информацию². Кроме активного межведомственного взаимодействия правоохранительных органов³, также представляется целесообразным шире использовать активность гражданского общества на данном направлении путем создания «горячей линии» для сообщений о фактах и адресах размещения информации экстремистского характера⁴, так как ограничение доступа к конкретным сайтам не гарантирует того, что эти экстремистские материалы не появятся на других ресурсах с частично измененным названием⁵. Все вышеизложенное предполагает принятие специального законодательства, регламентирующего ответственность за размещение экстремистских материалов в сети Интернет.

Завершая рассмотрение мер общей профилактики экстремизма, следует констатировать, что успех может быть достигнут только в случае реализации систем-

---

¹ См.: Денисов Ю.Д. Противодействие экстремизму в сети Интернет // Законность. 2009. № 6. С. 3–5.

² Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I), ст. 6963.

³ См.: Баранов Ю.А. Об опыте межведомственного взаимодействия и профилактике экстремизма. Авторский материал прокурора Ростовской области Ю.А. Баранова // Прокурор. 2014. № 1. С. 48–51.

⁴ См.: Кесарева Т.П. Экстремизм в сети Интернет и проблемы противодействия ему // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 263.

⁵ См.: Практика прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму в сети Интернет // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 277.

ного подхода, что и предопределяет необходимость рассмотрения в рамках проводимого нами исследования мер специальной предупредительной деятельности.

Акцентируя внимание на особой роли специального предупреждения, отметим, что в первую очередь оно должно отражать особенности изучаемого явления. Эффективность предупредительной деятельности во многом зависит от специфической правовой природы рассматриваемого феномена¹. Это и предполагает рассмотрение целенаправленной деятельности государственных органов, институтов гражданского общества, отдельных граждан по выявлению, ослаблению, нейтрализации и устранению факторов, порождающих, способствующих распространению и (или) росту общественной опасности отдельных видов экстремизма².

Например, рассматривая религиозный экстремизм, в первую очередь необходимо говорить о недопущении межнациональных и межконфессиональных конфликтов³.

В качестве первостепенной задачи должен быть усилен и контроль над регистрацией и деятельностью на территории Российской Федерации международных и российских религиозных объединений, что мы сегодня частично и наблюдаем.

Эффективность борьбы против религиозного экстремизма, по мнению С.А. Ещенко, в нашей стране во многом зависит и от того, насколько последовательно и строго выполняются требования закона, запрещающего проявления различных форм экстремистской деятельности⁴.

В современной доктрине существуют и иные подходы, направленные на предупреждение и профилактику религиозного экстремизма. Так, рассматривая ваххабизм как наиболее общественно опасную форму исследуемого вида экстремизма, В.И. Колесников предлагает криминализировать пропаганду ваххабизма⁵. Та-

---

¹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 303.

² См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 333.

³ См.: Фридинский С.Н. Противодействие осуществлению экстремистской деятельности // Законность. 2008. № 6. С. 28–31.

⁴ См.: Ещенко С.А. Меры противодействия проявлению экстремизма в России: постановка проблемы // Общество и право. 2009. № 2. С. 11–15.

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2004/04/d2119> (дата обращения: 22.08.2014).

кой же позиции придерживается и М.А. Алиев, считающий указанный путь эффективной мерой борьбы¹.

Интересный подход предлагает Э.Т. Жээнбеков, заявляя, что одним из направлений предупреждения религиозного экстремизма должна стать реализация профилактических мер, направленных на улучшение межрегиональных отношений с учетом соблюдения их интересов².

Представляется, что указание автором на связь религиозного и политического экстремизма не требует дополнительных аргументов. Кроме того, такой вывод перекликается с нашим заключением об исключительной политизированности современного экстремизма и использовании религии лишь как инструмента политической борьбы, направленной на уничтожение существующих сегодня культурно-цивилизационных общностей и разрушение государственных образований в целях перераспределения экономических ресурсов и национальных богатств.

В целом же, по мнению ученого, с которым мы также соглашаемся, предупреждение религиозного экстремизма, как и любой другой его разновидности, должно включать в себя широкий комплекс мер, причем не только политико-религиозной направленности³.

В этой связи особое значение в рассматриваемой области имеет деятельность по совместному объединению усилий в предупредительной деятельности. Пресечение религиозного экстремизма возможно только в условиях объединения стремлений религиозных организаций, правоохранительных органов, общественности и граждан, создания атмосферы неприятия любой формы религиозной нетерпимости, что и должно стать отправной точкой в предупреждении анализируемого вида экстремизма⁴.

---

¹ См.: *Алиев М.А.* Характер общественной опасности ваххабитско-религиозного экстремизма и его уголовно-правовое определение // *Российский следователь.* 2008. № 5. С. 19–21; *Алиев У.А.* Уголовно-правовые и криминологические особенности предупреждения религиозного экстремизма // *Российский следователь.* 2012. № 15. С. 36–38.

² См.: *Жээнбеков Э.Т.* Профилактические меры противодействия религиозному экстремизму // *Российский следователь.* 2006. № 7. С. 41–44.

³ См.: *Жээнбеков Э.Т.* Профилактические меры противодействия религиозному экстремизму // *Российский следователь.* 2006. № 7. С. 41–44.

⁴ См., например: *Забарчук Е.Л.* Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности рос-

Осознавая потребность в предупреждении религиозного экстремизма и учитывая его специфические особенности, важно иметь представление об уровне религиозности населения, обращая внимание при этом на приверженность отдельных групп индивидуумов к тем или иным радикальным течениям, существующим на конкретной территории. Именно анализ состояния течений экстремистской направленности должен лежать в основе предупредительной деятельности. При этом основным инструментом должны стать просветительская работа о традиционных конфессиях и создание всесторонней межконфессиональной системы толерантности.

Принимая во внимание, что классическое и доктринальное восприятие¹ экстремизма непосредственно связывается с политической его составляющей, а также с учетом предложенной нами дефиниции экстремизма, противодействию политическому экстремизму должно быть уделено особое внимание.

Полагаем, что перечень мер противодействия политическому экстремизму может быть расширен и должен включать в себя в том числе и: а) совершенствование системы социального и политического мониторинга; б) ведение пропагандистской работы среди населения – разъяснение сути экстремизма, его истоков и методов противодействия; в) повышение политической культуры и правовой грамотности граждан, в том числе воспитание граждан в духе демократии, правовое просвещение и образование в области прав и свобод человека, форм и методов их защиты².

сийской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 3–10; Сальников Е.В. Взаимодействие органов местного самоуправления и антитеррористических комиссий в деле борьбы с экстремизмом и терроризмом: проблемы и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 3.

¹ По мнению Е.В. Сальникова, экстремизм представляет собой современную политическую преступность, направленную против демократических основ осуществления политического процесса (См.: Сальников Е.В. Трансформация категории экстремизма как становление современной политической преступности // Безопасность бизнеса. 2008. № 4. С. 29).

² См.: Макаров А.В., Макаров Н.Е. Правовая основа профилактики политического и религиозного экстремизма в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11. С. 8–14.

Подчеркиваем, что предлагаемые меры общего характера могут выступать не только инструментом противодействия политическому экстремизму, но и экстремизму в целом.

Осознавая потребность в организации более четкого сотрудничества государственных органов в рамках противодействия политическому экстремизму, важно указать на частичную пробельность предлагаемого механизма. Считаем, что улучшение качества работы и увеличение количества правоохранительных органов и иных государственных структур не может являться панацеей в борьбе с экстремизмом. Учитывая, что его уровень в первую очередь зависит от состояния общества, деятельность государственных органов, осуществляющих противодействие изучаемому явлению, должна находиться в тесной взаимосвязи со структурами общества.

В настоящее время на доктринальном уровне существует множество подходов, определяющих направления противодействия и молодежному экстремизму.

В качестве специальных мер предлагается выделять: а) оптимизацию координирующей и направляющей роли комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства при территориальных (районных, окружных) администрациях в проведении профилактических мероприятий; б) развитие сети спортивных секций, спортивных и неспортивных клубов, кружков, объединений, финансируемых за счет средств городских бюджетов; в) усиление контроля со стороны правоохранительных органов за деятельностью досуговых учреждений (в особенности игровых заведений и баров, клубов, предлагающих посетителям алкогольные напитки), в первую очередь в ночное время¹; г) активизация привнесения идей дружбы народов как основы процветания Российского государства по всем направлениям учебно-воспитательной работы; д) активизация работы молодежных организаций правопослушной направленности².

---

¹ См.: Николаева Ю.В. Виктимологическая профилактика преступлений: объект, субъект, правоотношения // Административное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 73–77.

² См.: Попченко А.Р., Петрова Т.А. Предупреждение правонарушений со стороны молодежных неформальных объединений экстремистской направленности: методическое пособие. М., 2006. С. 25–26.

Считаем, что указанные меры заслуживают внимания по следующим обстоятельствам. *Во-первых*, авторы связывают социализацию непосредственно с экономической стабилизацией, что подтверждает нашу гипотезу о наличии экономических предпосылок развития современного экстремизма. *Во-вторых*, развитие учений, связанных с толерантностью, на различных этапах развития молодежи и особенно в процессе обучения несовершеннолетних в школах, средних и высших образовательных учреждениях под лозунгом «Дружба народов – это путь процветания России» будет являться эффективным инструментом нейтрализации экстремистской идеологии. В рамках развития такого направления, по мнению М.Ф. Мусаеляна, которое разделяем и мы, в школьные программы необходимо ввести курсы по изучению традиций и религий народов России для более глубокого познания национального состава Российской Федерации. Все это должно стать частью общегосударственной образовательной программы¹. *В-третьих*, о чем нами ранее уже говорилось, возрождение молодежных организаций по типу ранее существовавших (пионерское движение, ВЛКСМ и т. п.) в настоящее время является настоятельной необходимостью, осознаваемой не только обществом, но и властью.

Так, в процессе интервьюирования респондентов был задан вопрос: «*Существует ли в России потребность в возрождении государственных молодежных объединений?*». Положительный ответ дали 58,4% от общего числа респондентов. 94,5% опрошенных лиц утвердительно ответили на вопрос о том, вступили бы они в такую организацию или нет. На вопрос: «*Какую цель вы преследовали бы в случае вступления в данную организацию?*» 28,5% ответили, что желают принимать участие в политической жизни государства; 22,4% создание данных организаций рассматривают как инструмент решения социальных проблем; 18,8% утверждают, что создание данных организаций сблизит общество и власть, что повлечет за собой повышение авторитета власти; 16,9% считают, что развитие данных организаций будет являться эффективным инструментом предупреждения

---

¹ См.: Мусаелян М.Ф. Профилактика экстремизма – важнейшее направление противодействия экстремизму в Российской Федерации // Адвокат. 2009. № 7. С. 95–99.

преступлений среди молодежи, в том числе и экстремистской направленности; 13,4% уверены, что наличие данных общественных движений повысит уровень толерантности российского населения.

Полученные результаты свидетельствуют о желании современной российской молодежи участвовать в легальной политической жизни. На это же указывает и то, что она не противопоставляет себя существующей власти, а поддерживает существующий строй и проводимые реформы. Осознавая это, государство в настоящее время пропагандирует необходимость и востребованность участия молодежи в политической жизни. Примером может служить создание всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России»¹.

Полагаем, что создание подобных молодежных организаций является перспективным и эффективным инструментом социализации молодежи с учетом привития основных нравственных и правовых ценностей, в первую очередь направленных на предупреждение противоправного поведения.

В.И. Чупров и Ю.А. Зубок к числу первоочередных мер по предупреждению различных форм экстремистских проявлений в молодежной среде относят: а) активизацию и проведение государственной молодежной политики, доходящей до каждого члена молодежной среды; б) повышение жизненного уровня молодежи, а также расширение возможностей для самореализации; в) проведение в стране социально справедливой и социально ориентированной политики; г) формирование институтов правового государства и гражданского общества; д) повышение ответственности за нарушение правопорядка².

Предложенные меры заслуживают внимания по причине актуализации значения молодежной политики в рамках активно развивающегося демократического общества России.

Учитывая особую опасность выделяемого нами *экономического экстремизма*, считаем целесообразным рассмотреть вопрос о мерах противодействия указанному виду исследуемого явления. Систему профилактических мер в данном

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mger2020.ru/statutes> (дата обращения: 20.09.2014).

² См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. С. 216.

случае необходимо строить через повышение эффективности борьбы с преступлениями в сфере экономики. Поскольку доходы, полученные в процессе совершения экономических деяний, составляют львиную долю средств, направляемых на финансирование экстремизма, основные механизмы противодействия этому явлению должны быть направлены на подрыв экономических основ экстремистских организаций. Наиболее эффективным инструментом, на наш взгляд, здесь мог бы стать институт конфискации имущества.

Отметим, что в науке уголовного права ведется активный поиск альтернативных мер уголовно-правового характера. В связи с этим представляется актуальной проблема насыщения мер уголовной ответственности правовыми средствами, направленными, в первую очередь, на предупреждение преступлений, устранение причин и условий, порождающих их или способствующих им¹.

Полагаем, что таким действенным средством и могла бы стать конфискация имущества – новый по форме и содержанию инструмент противодействия преступлениям. Причем свою эффективность конфискация уже доказала как на предшествующих этапах развития Российского государства², так и за рубежом, что нами было отмечено в первом разделе диссертационного исследования.

Актуальность применения конфискации определяется ее социально-правовой значимостью как эффективного уголовно-правового инструмента противодействия. Ее применение призвано способствовать восстановлению социальной справедливости³, что и является одной из первостепенных задач современного уголовного права.

Современный механизм конфискации имущества может обеспечить подрыв экономических основ экстремизма посредством отчуждения у преступников незаконно приобретенных денег, ценностей и иного имущества. При этом конфиска-

---

¹ См.: *Найденко В.Н.* Конфискация имущества как правовой инструмент противодействия этнонациональному экстремизму // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 116.

² См.: *Жукова А.С.* О применении имущественных санкций в истории отечественного уголовного законодательства // История государства и права. 2013. № 24. С. 40–48.

³ См.: *Степанищев А.В.* Проблемы правового регулирования применения конфискации имущества. М., 2002.

цию не следует рассматривать в качестве самостоятельной формы реализации уголовной ответственности, она лишь объективно обременяет наказание¹.

Особое значение в контексте противодействия преступлениям экстремистской направленности она приобрела после подписания и ратификации Конвенции о борьбе с финансированием терроризма².

Учитывая закрепленные в Конвенции принципы, в рамках обновленного института конфискации действующее российское уголовное законодательство предусматривает механизм ее применения за совершение экстремистских преступлений. Между тем указанная мера уголовно-правового характера в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 104¹ УК РФ может быть применена только за закрытый перечень общественно опасных деяний, что не исчерпывает всего спектра видов таких преступлений и в целом противоречит положениям, закрепленным в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ, где закреплено понятие преступлений экстремистской направленности. Учитывая, что законодательный подход, реализованный в исследуемой нами области, указывает на то, что любое деяние может быть признано экстремистским при наличии соответствующей мотивации, считаем, что подрыв экономических основ экстремизма должен быть аналогичным. По нашему мнению, предлагаемый механизм выведет борьбу с преступлениями экстремистской направленности на более качественный уровень. В связи с этим предлагаем изменить редакцию ч. 1 ст. 104¹ УК РФ и включить в нее пункт «д» следующего содержания: *«...денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений экстремистской направленности или направленных на их финансирование»*.

Этот правовой инструмент борьбы с экстремизмом позволит: укрепить и диверсифицировать правовые основы профилактики и предупреждения экстремист-

---

¹ См.: Шнитенков А.В. Новое в уголовном законодательстве // Уголовный процесс. 2006. № 8. С. 3–6; См.: Шнитенков А.В. Законодательные новеллы как отражение деформации уголовно-правовой политики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: Сборник научных трудов X международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетию Конституции Российской Федерации: спецвыпуск / Отв. ред.: Ковалева Н.В. Кострома: Изд-во Костромск. госуд. технол. ун-та, 2014. С. 139–142.

² Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: заключена в г. Нью-Йорке 10 января 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5. Данная конвенция была ратифицирована Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ.

ской деятельности; расширить возможности подрыва каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности; квалифицированно подходить к решению вопроса об ответственности за экстремистскую деятельность и терроризм, а также пособничество им; сформировать правовые основы и механизмы ликвидации последствий террористических актов (например, возмещение ущерба за счет конфискованного имущества)¹.

При этом наряду с общими функциями (восстановительной, специально-превентивной и общепредупредительной) конфискации как правовому инструменту противодействия преступлениям экстремистского характера присущи и специальные функции: 1) лишение виновных лиц имущества, полученного в результате совершения преступления; 2) восстановление нормативной основы отношений собственности и нормальной экономической деятельности; 3) подрыв экономической основы экстремизма и экстремистской деятельности; 4) изъятие орудий и иных средств совершения преступлений экстремистского характера; 5) обеспечение возмещения ущерба, причиненного проявлениями экстремизма; 6) фискальная функция². Это усиливает роль данной меры уголовно-правового характера в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности и дает основание рассматривать ее в качестве средства, усиливающего уголовное наказание³.

Конфискация имущества в исследуемой области может получить и дальнейшее развитие. Так, в настоящее время в Государственной думе Российской Федерации рассматривается законодательный проект о расширении перечня субъектов, к которым может быть применена рассматриваемая мера уголовно-правового характера. В частности, к таковым предлагается относить не только непосредственных субъектов террористических преступлений, но и их близких родственников,

---

¹ См.: *Найденко В.Н.* Конфискация имущества как правовой инструмент противодействия этнонациональному экстремизму // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 119.

² См.: *Гулый А.А.* Нужно ли России возобновление института общей конфискации имущества? // Юрист. 2006. № 4. С. 62–63.

³ *Ревин В.П.* Особенности конфискации имущества в уголовном законе // Российский следователь. 2007. № 24. С. 13–14.

которые не могут доказать законность приобретенного имущества¹. И здесь наблюдается непосредственная связь с положениями Федерального закона № 35 ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006². В настоящее время положения этого нормативного акта закрепляют порядок возмещения ущерба, причиненного в результате теракта, который может осуществляться в том числе и за счет имущества родственников, полученного от террористической деятельности³.

Считаем, что еще одним, не менее значимым направлением предупреждения исследуемой группы деяний, должна стать работа с лицами, уже осужденными за совершение преступлений экстремистской направленности и отбывающими наказание в соответствующих исправительных учреждениях. Так как причиной экстремистского поведения являются не какие-либо сильно выраженные психические отклонения, а приобретенные склонности, причиной которых связаны с культурно-средовыми факторами⁴.

В настоящее время в местах лишения свободы находится около 1100 лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности⁵. Именно поэтому необходимо задаться вопросом, способно ли современное уголовное наказание решить проблему преступности в целом⁶ и деяний экстремистской направленности, в частности.

Рассмотрение вопроса о значении уголовно-исполнительной системы в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности представляется целесообразным начать с обзора международных и российских нормативных правовых актов, определяющих значение и обоснование выбранного нами направления.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/15/rodstvenniki.html> (дата обращения 22.02.2015г.)

² Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

³ Сухаренко А. В ответе за теракт // ЭЖ-Юрист. 2013. № 45. С. 14.

⁴ См.: Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 107–122.

⁵ См.: Гнедов Е.В. Противодействие насильственному экстремизму // Российский следователь. 2014. № 10. С. 34–36.

⁶ См.: Дикаев С.У. Некоторые вопросы современной наказательной политики России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 18. С. 116.

Принятые Резолюцией ООН от 30 августа 1955 года «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными»¹ являются оформленными на нормативном уровне правилами, устанавливающими обращение с осужденными к лишению свободы.

Особое значение в рамках формирования уголовно-исполнительной политики имеет пункт 58 указанных Правил, закрепивший одну из основных целей современной уголовной политики – «защиту общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование»².

Полагаем, что вышеуказанная цель должна стать основой современной уголовно-исполнительной политики в процессе реализации наказания, связанного с лишением свободы. Именно поэтому она должна быть направлена не только на обеспечение прав и свобод осужденных, но и стать эффективным инструментом охраны жизни, здоровья и других прав всех членов общества³.

На федеральном уровне основополагающим документом в данной области является «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»⁴. Значимость уголовно-исполнительной политики в рамках развития и совершенствования пенитенциарной системы Российской Федерации предопределена выделением в Концепции самостоятельного раздела, посвященного основным направлениям развития уголовно-исполнительной систе-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 22.08.2014).

² [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 22.08.2014).

³ Российский курс уголовно-исполнительного права. В 2-х т. Т. 1 Общая часть: учебник / Е.А. Антонян, Ю.М. Антонян, С.А. Борсученко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2012. С. 67; См. Яворский М.А. Совершенствование деятельности УИС России как элемента государственного механизма противодействия экстремизму: правовые и организационные аспекты // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1 (80). С. 19–23.

⁴ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43, ст. 5544.

мы, первая статья которого имеет говорящее само за себя название – «Совершенствование уголовно-исполнительной политики». В соответствии с этой нормой в рамках совершенствования уголовно-исполнительной политики планируется осуществить ряд мероприятий.

Учитывая специфику преступлений экстремистской направленности, полагаем, что на некоторые из закрепленных в Концепции мер следует обратить особое внимание. К ним, в частности, можно отнести: а) совершенствование уголовно-исполнительного законодательства РФ, направленного на изменение структуры уголовно-исполнительной системы; б) создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы. Считаем, что в рамках названных мероприятий необходимо создание исправительных учреждений либо участков на территории уже существующих учреждений, где будут проходить свое исправление только осужденные за преступления экстремистской направленности. Представляется ошибочной позиция авторов, утверждающих, что содержание осужденных, в первую очередь, должно основываться на их пенициарных и психолого-педагогических признаках, а не на характере совершенных ими деяний¹. Реализуемый сегодня подход, предусматривающий помещение лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, в непрофилированные исправительные учреждения является не только малоэффективным, но и, наоборот, способствующим росту экстремистских проявлений, в том числе среди осужденных, ранее не имеющих экстремистских проявлений. Анализ обстановки в исправительных учреждениях, расположенных на территории Нижегородской, Московской, Самарской, Ростовской областей, показал, что социальная напряженность среди осужденных напрямую зависит от нахождения в конкретных исправительных учреждениях виновных в совершении преступлений экстремистской направленности, распространяющих идеологию радикального противостояния².

---

¹ См.: Мелентьев М.П. Классификация осужденных к лишению свободы и вопросы назначения им вида исправительного учреждения // Российский следователь. 2002. № 3. С. 32–33.

² Данные представлены ГУФСИН России по Нижегородской, Московской, Самарской, Ростовской областям.

Предпринимаемые попытки в ряде исправительных учреждений Нижегородской области, направленные на изоляцию осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности от основной массы осужденных даже на непродолжительное время, например, помещение их в штрафной изолятор за нарушение режима, показали снижение экстремистской активности среди других виновных. Это обстоятельство диктует необходимость применения к различным категориям осужденных (в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, а также прошлой преступной деятельности) неодинакового объема карательного воздействия. Воспитательная работа с ними должна строиться с учетом типологических особенностей их личности и иных психолого-педагогических особенностей. Такой же позиции придерживаются и ряд других авторов, указывающих на необходимость содержания лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, в специально созданных для этого исправительных учреждениях¹.

Учитывая, что основными средствами исправления осужденных являются социальная и психолого-педагогическая работа, считаем, что их реализация в рамках специально созданных исправительных учреждений или участков, в которых должны содержаться лица со схожей преступной (экстремистской) направленностью, будет более эффективной, нежели в учреждениях, в которых содержатся осужденные с различной криминальной мотивацией². Все это указывает на необходимость прекращения в целом коллективного содержания осужденных³.

Такой подход отражен, в частности, в статьях 8 и 67 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. В них предусмотрено деление осужден-

---

¹ См., например: *Павлов И.Н.* Некоторые аспекты реализации принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 6. С. 23; *Махиборода Н.И., Сысоев А.М.* Некоторые аспекты пенитенциарного воздействия на осужденных к лишению свободы за преступления экстремистской направленности // Гражданин и право. 2007. № 2. С. 50–53; и др.

² См.: *Петрянин А.В.* Пенологические особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2013. № 23. С. 101–106.

³ См.: *Дикаев С.У.* Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и проблемы организации отбывания наказания в виде лишения свободы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 25. С. 65.

ных по различным категориям в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного деяния, прошлых судимостей, пола, возраста и других особенностей личности осужденных. Кроме этого, указанный нормативный правовой акт определяет цели раздельного содержания, в качестве которых выступают: а) неказание негативного воздействия на других осужденных; б) повышение эффективности индивидуальной профилактики¹.

Полагаем, что такая дифференциация способна создать все необходимые предпосылки для эффективного исполнения наказания и в значительной мере позитивно повлиять на формирование системы исправительных учреждений².

Между тем статья 73 УИК закрепляет принципиально иной подход. В частности, в соответствии с частью 1 данной нормы осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены. Правда, при этом предусмотрены и некоторые исключения. Во-первых, иной порядок может распространяться на лиц, которые по состоянию здоровья требуют помещения в соответствующие учреждения, для обеспечения личной безопасности, а также с их согласия. Во-вторых, часть 4 анализируемой статьи включает в себя исчерпывающий перечень деяний, за совершение которых возможно применение иного порядка определения места отбывания лишения свободы. К таковым относятся преступления, направленные против существующего общественного порядка и безопасности, основ государственного устройства, государственной власти (ст. 126, ч. 2 и 3 ст. 127¹, ст. 205 – 206, ст. 208 – 211, 275, 277 – 279, 281, 282¹, 282², 317, ч. 3 ст. 321, ч. 2 ст. 360 УК РФ).

---

¹[Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 02.05.2014).

² См.: *Донец Е.В.* Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы в соответствии с требованиями Минимальных стандартных правил обращения с заключенными // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.* 2006. № 5. С. 41; См.: *Донец Е.В.* Некоторые вопросы сравнительного анализа института дифференциации уголовной ответственности в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве // *Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН.* Преступление. Наказание. Исправление. № 4 (24). Вологда: Изд-во Волог. ин-та права и экон. ФСИН России, 2013. С. 83–88.

Учитывая существенное значение такого положения, важно отметить, что основным недостатком части 4 статьи 73 УИК РФ является закрепление исчерпывающего перечня деяний.

Мы поддерживаем точку зрения С.П. Середы о том, что в части 4 статьи 73 УИК РФ законодатель «упустил» целый ряд преступлений, имеющих экстремистскую направленность и представляющих не меньшую опасность для государственной власти, общественной безопасности и общественного порядка, мира и безопасности человечества¹.

На наш взгляд, при определении таких деяний, за совершение которых целесообразно применение особого порядка, возможно закрепление не только конкретного их перечня, но и наиболее значимых объектов уголовно-правовой охраны и мотивации преступного посягательства.

Вышеуказанные обстоятельства обосновывают предлагаемое нами решение о создании специальных исправительных учреждений либо участков для осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности. В этой связи считаем целесообразным пункт 4 статьи 1 раздела 3 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года изложить в следующей редакции: *«дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, а также лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим, с другой стороны)»*.

Предлагается также изложить в новой редакции часть 4 статьи 73 УИК РФ: *«Осужденные за преступления, предусмотренные статьей 126, частями второй и третьей статьи 127¹, статьями 205 – 206, 208 – 211, 275, 277 – 279, 281, 282¹,*

---

¹ См.: *Середа С.П.* Роль места отбывания наказания в виде лишения свободы в реализации принципов гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 29–34.

282², 317, частью третьей статьи 321, частью второй статьи 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также за совершение иных деяний экстремистской направленности, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме, осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы».

В целом учитывая разноплановость современного экстремизма и постоянную его трансформацию и мутацию, считаем, что система противодействия экстремизму должна быть основана на активном решении существующих организационных, правовых проблем, а также проблем взаимодействия субъектов предупреждения экстремизма.

Завершая рассмотрение вопросов предупреждения преступлений экстремистской направленности, хотелось бы отметить, что все указанные выше меры должны носить комплексный характер и быть ориентированы на пресечение экстремистских действий не только уголовно-правовыми, но и иными предупредительно-профилактическими мерами.

С учетом специфических особенностей изучаемого негативного явления предлагается следующее авторское *определение предупреждения преступлений экстремистской направленности*: это деятельность общих или специальных субъектов профилактики, направленная на нейтрализацию и устранение факторов, влияющих на становление и развитие причин преступлений экстремистской направленности.

По итогам криминологического блока исследования экстремизма как негативного социального и правового явления нами разработан проект Национальной концепции противодействия экстремизму в Российской Федерации, включающий в себя нормативно-правовые, экономические, общественные и организационные механизмы пресечения и предупреждения экстремизма¹.

---

¹ См.: Приложение № 2.

Выводы по главе.

1. Основной причиной экстремизма является социальная депрессия всего общества, возникшая в результате происходящих политических и социально-экономических реформ и кризисов, усиливающаяся специфическим геополитическим положением и полиэтническим составом населения России.

2. Проведенное исследование показало, что *субъекты преступлений экстремистской направленности обладают следующими схожими признаками: это лица в возрасте от 14 до 30 лет со средним образовательным и низким культурным уровнем, не имеющие постоянного источника дохода и общественно значимых интересов. В рамках рассмотрения личности экстремиста предложена их мотивационно-ролевая типология.*

3. *Предупреждение преступлений экстремистской направленности – это деятельность общих или специальных субъектов профилактики, направленная на нейтрализацию и устранение факторов, влияющих на становление и развитие причин преступлений экстремистской направленности.*

4. Предложен проект *Национальной Концепции противодействия экстремизму в Российской Федерации.*

5. Предложена авторская редакция «д» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ следующего содержания: *«...денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений экстремистской направленности или направленных на их финансирование».*

6. Проведенное исследование показало малую эффективность существующей уголовно-исполнительной системы в рамках противодействия преступлениям исследуемой группы.

7. В целях повышения роли пенитенциарных органов в противодействии экстремизму считаем целесообразным проводить исправление исследуемой группы осужденных в специально отведенных участках или исправительных учреждениях.

8. Предлагается следующая редакция пункта 4 статьи 1 раздела 3 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

до 2020 года: «дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, **а также лиц, совершивших преступления экстремистской направленности**, расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим, с другой стороны)»;

– и **части 4 статьи 73 УИК РФ:** «Осужденные за преступления, предусмотренные статьей 126, частями второй и третьей статьи 127¹, статьями 205 –206, 208 –211, 275, 277 – 279, 281, 282¹, 282², 317, частью третьей статьи 321, частью второй статьи 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, **а также за совершение иных деяний экстремистской направленности**, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме, осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации было проведено теоретико-прикладное исследование противодействия преступлениям экстремистской направленности с учетом существующего международного, национального и зарубежного опыта. Была разработана и предложена авторская концепция по определению преступлений экстремистской направленности. Раскрыто содержание наиболее дискуссионных вопросов, возникающих при характеристике объективных и субъективных признаков этих общественно опасных деяний, закрепленных в действующем российском законодательстве, изложена авторская позиция по данным вопросам. Проведенное теоретико-прикладное исследование позволило выработать и сформулировать комплекс наиболее значимых выводов, которые составили основу положений, вынесенных автором на защиту. Они нашли свое отражение как во введении к диссертации, так и непосредственно в ее тексте с описанием их теоретического обоснования. Во избежание дублирования материала считаем целесообразным в заключение исследования остановиться не на выводах по работе, которые уже нашли в ней свое отражение, а на других отдельных проблемных аспектах рассматриваемой темы, указывающих на возможные дальнейшие перспективы развития антиэкстремистского законодательства. Хотя эти вопросы и поднимались в диссертации, однако не получили надлежащей теоретической аргументации в связи с тем, что они в целом не охватывались предметом, целями и задачами настоящего исследования.

При проведении фундаментального исследования невозможно объять необъятное. Поэтому считаем, что в исследовании изучению должны быть подвергнуты лишь те вопросы, которые могут быть реализованы в рамках существующего правового поля. Все это дает основания для их законодательной и правоприменительной реализации. Полученные достижения также способны внести необходимые коррективы как в целом в формирование современной уголовно-правовой доктрины, так и в направления уголовно-правовой политики, в том числе и в области противодействия преступлениям экстремистской направленности.

В проблемное поле выбранной нами темы исследования входит разработка теоретических основ дифференциации ответственности за преступления экстремистской направленности.

Полагаем, что логика развития общественных отношений в области обеспечения безопасности государства предопределяет изучение проблем, связанных как с развитием экстремизма и новых его форм, так и дифференциацией ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности, с учетом определения их четких критериев, реализация чего возможна только в рамках систематизации и унификации существующего уголовного законодательства.

Актуальность развития данных направлений предопределяется возникновением новых форм экстремистских проявлений, не урегулированных правом, что создает благоприятные условия для их распространения.

Примером могут служить возникающие и активно реализующиеся на мировой арене ненасильственные формы экстремизма в виде массовых и неожиданно хорошо организованных народных волнений. Это четко отработанные иностранные технологии, применяемые сегодня очень активно и в России. Причинами акций протестов могут служить любые поводы – от недовольства результатами выборов до произвола чиновников и масштабов коррупции. Считаем, что это наработанные методики против нашей страны с тем, чтобы исключить ее как конкурента в глобальном мире. Примером может служить книга Джина Шарпа «От диктатуры до демократии»¹, в которой изложено 180 методик ненасильственного свержения власти. Они основаны на базовых человеческих свойствах и особенностях, на смелости и стойкости. То есть люди выступают за что-то и настаивают на своем. И они делают это на политическом поле. Основной концепцией ненасильственных форм свержения существующего строя является использование «ненасилия» как вид «оружия».

За прошедшие годы технологии ненасильственного сопротивления отработаны до мелочей: методики управления толпой и привлечения активистов на местах, клише речовок и анекдотов, работа с социальными сетями в Интернете, так-

---

¹ См.: Шарп Д. От диктатуры до демократии. М., 2005.

тика взаимоотношений с полицией и средствами массовой информации, мобилизационные схемы.

Вышеизложенное предопределяет вопрос, который уже неоднократно поднимался как на диссертационном¹, так и на монографическом² уровнях, о необходимости унификации и систематизации уголовного права, что еще раз подтверждает актуальность предложенных нами направлений.

Своеобразным итогом унификации и систематизации уголовного законодательства, направленного на противодействие современному экстремизму и появляющимся новым его формам, может стать создание самостоятельной главы 29¹ УК РФ «Преступления экстремистской направленности», систематизирующей существующие деяния, а также предлагаемые для криминализации, с учетом специфики родового, видового и непосредственных объектов и мотивов их совершения.

Представляется, что подготовленное диссертационное исследование открывает новые направления для дальнейшего поиска решений, связанных с совершенствованием законодательной и правоприменительной деятельности, направленной на противодействие преступлениям экстремистской направленности.

---

¹ См.: *Смирнова Л.Е.* Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

² См.: *Кругликов Л.Л.* Унификация в уголовном праве. СПб., 2008.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ*Законодательные, нормативные и иные официальные документы*

1. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
2. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений : принята 25 ноября 1981 года Резолюцией 36/55 на 73-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Консультант-Плюс».
3. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма : принята 9 декабря 1994 года Резолюцией 49/60 на 84-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. – М., 1997. – Т. 3.
4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью : принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».
5. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам : принята 18 декабря 1992 года Резолюцией 47/135 на 92-м пленарном заседании 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. – М., 1997. – Т. 2.
6. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2001 года // Дипломатический вестник. – 2001. – № 7.
7. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 12.
8. Договор «О сотрудничестве в охране внешних границ государств – членов Евразийского экономического сообщества» от 21 февраля 2003 года // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 13. – Ст. 1458.
9. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 7. – Ст. 632.

10. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года // Сборник международных договоров СССР. – М., 1993. – Вып. XLVI.

11. Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS № 90). Заключена в Страсбурге 27 января 1977 года // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 3. – Ст. 202.

12. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVII. М., 1974.

13. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVII. М., 1974.

14. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (принята в г. Нью-Йорке 14 декабря 1973 г. Резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 3. М., 1997.

15. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года // Сборник международных договоров СССР. М., 1989. Вып. XLIII.

16. Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, принятую в Монреале 23 сентября 1971 года (Монреаль, 24 февраля 1988 г.) // Действующее международное право: сборник. Т. 3.

17. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10 марта 1988 г.) // СЗ РФ. 2001. № 48. Ст. 4469.

18. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 10 ноября.
19. О средствах массовой информации : Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 7. – Ст. 300.
20. Об уголовной ответственности за государственные преступления : Закон от 25 декабря 1958 года // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 8.
21. Об уголовной ответственности за государственные преступления : Закон СССР от 25 декабря 1958 года // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 10.
22. О проведении демонстраций и митингов 25 февраля : заявление Верховного Совета СССР от 20 февраля 1990 года № 1195-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 8. – Ст. 102.
23. Кодекс РФ об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 1.
24. Конвенция о физической защите ядерного материала. Принята в г. Вене 26 октября 1979 года на межправительственной конференции // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 18. – Ст. 239.
25. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (СЕТС № 196). Заключена в Варшаве 16 мая 2005 года // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2393.
26. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята в г. Нью-Йорке 15 декабря 1997 г. Резолюцией 52/164 на 72-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 35. – Ст. 3513.
27. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята в г. Нью-Йорке 9 декабря 1999 г. Резолюцией 54/109 на 76-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 5.
28. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1969. – № 25. – Ст. 219.

29. О гражданских и политических правах : международный пакт от 16 декабря 1966 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
30. Модельный закон о противодействии экстремизму // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – 2009. – № 44.
31. Послание Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2010. – 30 ноября.
32. О положении в Азербайджанской ССР и Армянской ССР и мерах по нормализации обстановки в этом регионе : постановление Верховного Совета СССР от 5 марта 1990 года № 1299-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 11. – Ст. 160.
33. О модельном законодательстве в Содружестве Независимых Государств : постановление МПА СНГ от 14 апреля 2005 года № 25-8 // Информационный бюллетень МПА СНГ. – 2005. – № 36.
34. О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации : постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий : в 2 ч. / сост. В. С. Кулагина, В. А. Щепачков ; под общ. ред. и с предисл. Г. Ф. Весновской. – Курск: ГУИПП «Курск», 1999.
35. О дополнительных мерах по профилактике ксенофобии и этнополитического экстремизма в молодежной среде города Москвы : постановление правительства Москвы от 8 сентября 2009 года № 945-ПП // Вестник мэра и правительства Москвы. – 2009. – № 53.
36. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» : постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 года № 795 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 41. – Ч. 2. – Ст. 5250.
37. О красном терроре : постановление СНК от 5 сентября 1918 года // СУ РСФСР. – 1918. – № 65. – Ст. 710.

38. О Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы) : постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 года № 629 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 36. – Ст. 3577.

39. Об утверждении Положения о порядке определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом : постановление Правительства РФ от 18 января 2003 года № 27 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 4. – Ст. 329.

40. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности : приказ Генерального прокурора РФ от 19 ноября 2009 года № 362 // СПС «КонсультантПлюс».

41. Программа гармонизации национальных законодательств и иных нормативных правовых актов государств – участников Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года, утвержденная решением Межгосударственного Совета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // Российская газета. – 1999. – 30 октября.

42. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (SUAPROT) : подписан в г. Риме 10 марта 1988 года // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 48. – Ст. 4470.

43. О Координационном совете по организации профилактической и воспитательной работы по недопущению экстремизма и национализма в молодежной среде : распоряжение администрации Санкт-Петербурга от 7 июля 2003 года № 1669-ра // Вестник администрации Санкт-Петербурга. – 2003. – № 8.

44. Об утверждении Концепции областной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Нижегородской области на 2012–2014 годы» : распоряжение правительства Нижегородской области от 22 декабря 2009 года

№ 3151-р // Эталонный банк данных правовой информации губернатора и правительства Нижегородской области.

45. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 года № 1772-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

46. О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 года № 1760-р // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ч. 3. – Ст. 5622.

47. Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости : резолюция ООН от 18 декабря 2008 года // СПС «КонсультантПлюс».

48. О Программе государств – участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года : решение Совета глав государств СНГ // Содружество : информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 2000. – № 2 (35).

49. О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008–2010 годы : решение Совета глав государств СНГ // СПС «КонсультантПлюс».

50. О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2011–2013 годы : решение Совета глав государств СНГ // СПС «КонсультантПлюс».

51. О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2014–2016 годы: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств: принято в г. Минск 25 октября 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс»

52. Уголовно-исполнительный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

53. Уголовный кодекс РСФСР. – М., 1996.

54. Уголовный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

55. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 23 марта 1995 года № 310 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 13. – Ст. 1127.

56. О мерах по противодействию терроризму : Указ Президента РФ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 8. – Ст. 897.

57. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.

58. О дополнительных мерах по обеспечению прав советских граждан, охране суверенитета Союза ССР на территории Литовской ССР : Указ Президента СССР от 21 марта 1990 года № 3 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 13. – Ст. 207.

59. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1989. – № 16. – Ст. 397.

60. О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» и изложении его в новой редакции» : Указ Президиума ВС РСФСР от 11 сентября 1989 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1989. – № 37. – Ст. 1074.

61. Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах : Указ Президиума Верховного

Совета СССР № 1060-1 от 15 января 1990 года // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 3. – Ст. 40.

62. О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры России № 399/11 и МВД России № 1 от 28 декабря 2009 года (ред. от 30.04.2010) // СПС «КонсультантПлюс».

63. О безопасности : Федеральный закон № 2464-1 от 5 марта 1992 года // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 769.

64. О безопасности : Федеральный закон № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 года // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

65. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ч. 1. – Ст. 3452.

66. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3029.

67. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму : Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4008.

68. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : Федеральный закон № 121-ФЗ от 20 июля 2012 года // Российская газета. – 2012. – № 166 (5839).

69. О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : Федеральный закон от 27 июля 2006

года № 148-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ч. 1. – Ст. 3447.

70. О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : Федеральный закон от 10 мая 2007 года № 71-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 21. – Ст. 2457.

71. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6963.

72. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

73. О политических партиях : Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

74. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

75. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

76. О свободе совести и о религиозных объединениях : Федеральный закон РФ от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

77. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ч. I. – Ст. 3448.

78. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания : Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2789.

79. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

80. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

81. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3941.

82. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2003 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2004.

83. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2004 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2005.

84. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2005 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2006.

85. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2006 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2007.

86. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2007 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2008.

87. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2008 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2009.

88. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2009 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2010.

89. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2010 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2011.

90. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2011 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2012.

91. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2012 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2013.

92. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2013 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2014.

93. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2013 год. – М. : ГИЦ МВД России, 2015.

Монографии, учебники и учебные пособия

94. *Агапов, П. В.* Проблемы противодействия организованной преступной деятельности : монография / П. В. Агапов ; под науч. ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2009.

95. *Агапов, П. В.* Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности : монография / П. В. Агапов ; под ред. В.В. Меркурьева. – М. : Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2013.

96. *Агапов, П. В.* Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания : пособие / П. В. Агапов ; под науч. ред. Н. А. Лопашенко. – СПб. : Издательство СПб ун-та МВД России, 2011

97. *Азми, Д. М.* Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 годы) / Д. М. Азми. – М. : Юркомпани, 2009.

98. *Александров, А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А. И. Александров / науч. ред. В. З. Лукашевич. – СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2003.

99. *Алексеев, А. И.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006.

100. *Алферов, Ю. А.* Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных : монография / Ю. А. Алферов. – М. : Изд-во РИПК МВД РФ, 1994.

101. *Аминов, Д. И., Оганян, Р.Э.* Молодежный экстремизм / Д. И. Аминов, Р.Э. Оганян. – М. : Триада, 2005.

102. Анализ мотивации преступлений террористического характера: аналитический обзор ВНИИ МВД России. – М., 2008.

103. *Антонян, Е. А.* Российский курс уголовно-исполнительного права. В 2-х т. Т. 1. Общая часть: учебник / Е. А. Антонян, Ю. М. Антонян, С. А. Борсученко и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М.: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2012.

104. *Антонян, Ю. М.* Причины преступного поведения / Ю. М. Антонян. – М. : Академия МВД России, 1992.

105. *Антонян, Ю. М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступлений : учебное пособие / Ю. М. Антонян. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1973.
106. *Антонян, Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – М.: Щит-М, 1998.
107. *Антонян, Ю. М.* Российское уголовно-исполнительное право. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть: учебник / Е. А. Антонян, А. В. Бриллиантов, А. Я. Гришко и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М.: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2011.
108. *Антонян, Ю. М., Тимошина, Е. М.* Причины преступности в России: монография / Ю. М. Антонян, Е. М. Тимошина. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013.
109. *Антонян, Ю. М., Кудрявцев, В. Н., Эминов, В. Е.* Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – М., 2004.
110. *Антонян, Ю. М., Эминов, В. Е.* Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование: монография / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – М., 2015.
111. *Бажанов, С. В.* Уголовно-процессуальная политика, экономика и право : монография / С. В. Бажанов. – Владимир : ВлЮИ Минюста России, 2003.
112. *Беккариа, Ч.* О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2004.
113. *Беляев, Н. А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н. А. Беляев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
114. *Бехруз, Х. Н.* Сравнительное правоведение : учебник для вузов / Х. Н. Бехруз. – М., 2008.
115. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998.
116. *Борисов, С. В., Жеребченко, А.В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности : учебное пособие / С. В. Борисов, А.В. Жеребченко. – М. : Волтерс Клувер, 2010.

117. *Борисов, С. В.* Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / С. В. Борисов, А. П. Дмитренко, В. А. Осипов, Е. А. Русскевич; отв. ред. Н. Г. Кадников. – М.: Юриспруденция, 2012.
118. Борьба с терроризмом касается каждого (Библиотечка «Российской газеты»). – М., 2003. – Вып. 13.
119. *Босхолов, С. С.* Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С. С. Босхолов. – М., 1999.
120. *Бояр-Созонович, Т. С.* Международный терроризм: политико-правовые аспекты / Т. С. Бояр-Созонович. – Киев ; Одесса, 1991.
121. *Варчук, Т. В.* Виктимология : учебное пособие / Т. В. Варчук, К. В. Виш-невцкий. – М. : Юнити-Дана, 2008.
122. *Васильев, В. Л.* Юридическая психология: учебник для юридических вузов / В. Л. Васильев. – М., 1991.
123. *Витюк, В. В.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность / В. В. Витюк, С. А. Эфиоров ; отв. ред. Г. В. Осипов. – М. : Наука, 1987.
124. *Вицин, С. Е.* Системный подход и преступность : учебное пособие / С. Е. Вицин. – М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1980.
125. *Власов, В. И.* Экстремизм: сущность, виды, профилактика: учебно-методическое пособие / В. И. Власов ; под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова. – М., 2003.
126. *Волженкин, Б. В.* Служебные преступления / Б. В. Волженкин. – М. : Юристъ, 2000.
127. *Волженкин, Б. В.* Расследование дел о хулиганстве: квалификация, процессуальные особенности и методика расследования : учебное пособие / Б. В. Волженкин, С. К. Питерцев, В. В. Шимановский ; 2-е изд., перераб. и доп. – Л., 1979.
128. *Волков, Б. С.* Детерминистическая природа преступного поведения / Б. С. Волков ; науч. ред. В. П. Малков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975.
129. *Волков, Б. С.* Мотив и квалификация преступлений / Б. С. Волков ; под ред. Ф. Н. Фаткуллина. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1968.

130. *Волков, Б. С.* Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Б. С. Волков ; науч. ред. М. Д. Лысов. – Казань, 1982.

131. Выявление закономерностей формирования умысла на совершение преступлений террористического характера: методические рекомендации. – М. : ВНИИ МВД РФ, 2008.

132. *Гаухман, Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2005.

133. *Гаухман, Л. Д.* Расследование по делам о телесных повреждениях и хулиганстве / Л. Д. Гаухман. – М. : Изд-во МВД СССР, 1975.

134. *Гаухман, Л. Д., Ляпунов Ю.И.* Понятие советской уголовной политики и ее основные направления / Л. Д. Гаухман, Ю.И. Ляпунов. – М. : Академия МВД СССР, 1980.

135. *Герцензон, А. А.* Квалификация преступления / А. А. Герцензон. – М. : Изд-во ВЮА КА, 1947.

136. *Герцензон, А. А.* Уголовное право и социология. Проблемы социологии, уголовного права и уголовной политики / А. А. Герцензон. – М. : Юрид лит., 1970.

137. *Глухова, А. А.* Виктимологические факторы преступности : учебное пособие / А. А. Глухова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005.

138. *Горшенков, Г. Н.* Криминологический словарь / Г. Н. Горшенков. – Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2004.

139. *Горшенков, Г. Н.* Противодействие экстремизму : учебное пособие / Г. Н. Горшенков. – Н. Новгород, 2011.

140. *Дагель, П. С.* Проблемы советской уголовной политики : учебное пособие / П. С. Дагель. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1982.

141. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Терра, 1985. – Т. 4.

142. *Даньшин, И. Н.* Уголовно-правовая охрана общественного порядка / И. Н. Даньшин. – Харьков : Изд-во Харьковского ун-та, 1971.
143. Действующее международное право : в 3 т. / сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. – М. : Юрайт, 1997. – Т. 3.
144. *Дзержинский, Ф. Э.* Избранные произведения: в 2 т. / Ф. Э. Дзержинский. – 3-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 1 : 1897–1923.
145. *Долгова, А. И.* Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики / А. И. Долгова, А. Я. Гуськов, Е. Г. Чуганов. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010.
146. *Дьяков, С. В.* Государственные преступления и государственная преступность / С. В. Дьяков. – М. : БЕК, 1999.
147. *Екимов, С. О.* Административная деятельность органов внутренних дел : учебник / С. О. Екимов ; под ред. В. П. Сальникова. – М., 2005.
148. *Ерохина, К. В.* Традиционная формальная логика : учебно-методическое пособие / К. В. Ерохина. – 2-е изд., испр. – Саратов, 2000.
149. *Жалинский, А. Э.* Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – М. : ТК «Велби», изд-во «Проспект», 2006.
150. *Жалинский, А. Э.* Условия эффективности профилактики преступлений / А. Э. Жалинский. – М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1978.
151. *Загородников, Н. И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников. – М. : Госюриздат, 1961.
152. *Загородников, Н. И.* Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел : учебное пособие / Н. И. Загородников. – М. : МВШМ МВД СССР, 1979.
153. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А. И. Ахани ; пер. с перс. М. С. Пелевина ; предисл. Ю. Н. Волкова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2008.
154. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / И. С. Власов [и др.] ; отв. ред. И. С. Власов. – М. : Городец-издат, 2002.

155. Зарубежный опыт антитеррористической деятельности : учебное пособие / Р. А. Журавлев [и др.] ; под ред. А. И. Гурова. – М. : ВНИИ МВД России, 2001.
156. *Игошев, К. Е.* Проблема, которая волнует всех (вместо предисловия) / По неписаным законам улицы... / К. Е. Игошев, Г. М. Миньковский. – М. : Юрид. лит., 1991.
157. *Игошев, К. Е.* Социальный контроль и профилактика преступлений : учебное пособие. – Горький : ГВШ МВД СССР, 1976.
158. *Иншаков, С. М.* Криминология : учебник / С. М. Иншаков. – М., 2000.
159. *Исмаилов, И. А.* Преступность и уголовная политика. Актуальные проблемы борьбы с преступностью / И. А. Исмаилов. – Баку : Азернешр, 1990.
160. *Истомин, А. Ф.* Особенная часть уголовного права : учебное пособие (альбом схем) / А. Ф. Истомин. – М. : ИНФРА-М, 1998.
161. История России: полный энциклопедический справочник. – М., 2003.
162. *Кабанов, П. А.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование) / П. А. Кабанов. – Казань : Новое знание, 2006.
163. *Кабанов, П. А., Газимзянов, Р. Р.* Криминальный политический экстремизм: понятие, сущность, виды / П. А. Кабанов, Р. Р. Газимзянов. – Казань, 2009.
164. История государства и права СССР / под ред. Г. С. Калинина, А. Ф. Гончарова. – М. : Политиздат, 1972. – Ч. 1.
165. *Кан, Г. С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. – М. : Изд-во «Пробел», 1997.
166. *Кашепов, В. П.* О значении мотива преступления при его квалификации // Комментарий судебной практики / под ред. К. Б. Ярошенко. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. Вып. 18.
167. *Квашиш, В. Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений / В. Е. Квашиш. – М. : Nota Bene, 1999.
168. *Келина, С. Г.* Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцева. – М. : Наука, 1988.

169. *Кириченко, В. Ф.* Об усилении борьбы с хулиганством / В. Ф. Кириченко. – М. : Знание, 1967.
170. *Ковалев, М. И.* Криминология и уголовная политика : учебное пособие / М. И. Ковалев, Ю. А. Воронин. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1980.
171. *Козлов, А. П.* Понятие преступления / А. П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
172. *Колобов, О. А., Сочнев, Д. В., Шапов, М. И.* Информационный терроризм в современном российском обществе: монография. – Н. Новгород, 2007.
173. Национал-экстремистские молодежные организации : монография / О. А. Колобов [и др.]. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2007.
174. *Кони, А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. / А. Ф. Кони. – М. : Юридическая литература, 1966. – Т. 2.
175. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. – М. : Проспект, 2010.
176. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева. – М., – 2004
177. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. – М. : КОНТРАКТ, 2012.
178. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А. И. Рарог. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011.
179. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. – М. : ТК «Велби», изд-во «Проспект», 2004.
180. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. – М. : Юрайт, 2012.
181. Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С. И. Никулина. – М. : Юрайт, 2002.
182. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Швейцария, Европейский Союз, Соединенные Штаты

ты Америки, Бразилия : учебное пособие / сост., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Макаков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Бек, 2001.

183. *Коробеев, А. И.* Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А. И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1991.

184. *Короленко, В. Г.* Собрание сочинений : в 5 т. – Л. : Издательство художественной литературы, 1990. – Т. 3.

185. *Костомаров, Н. И.* Русская история в описаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – М., 2006.

186. *Кочои, С. М.* Расизм: уголовно-правовое противодействие : монография / С. М. Кочои. – М., 2007.

187. *Красиков, В. И.* Экстрим. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания / В. И. Красиков. – М. : Водолей Publishers, 2006.

188. Краткий политический словарь / сост. Л. Оников, Н. Шишлин. – М. : Издательство политической литературы, 1989.

189. Краткий психологический словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985.

190. Криминология: учебник / под ред. В. Д. Малкова. – М. : ЗАО «Юстицинформ», 2004.

191. Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО «Юстицинформ», 2006.

192. Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского. – М. : БЕК, 1998.

193. Криминология / под общ. ред. А. И. Долговой. – М. : Криминологическая Ассоциация, 1999.

194. *Кропоткин, П. А.* Записки революционера / П. А. Кропоткин. – М., 1990.

195. *Кругликов, Л. Л.* Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999 гг.) / Л. Л. Кругликов. – Ярославль, 1999.

196. *Кругликов, Л. Л.* Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2008.
197. *Кудрявцев, В. Н.* Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – М. : НОРМА, 2007.
198. *Кудрявцев, В. Н.* Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юридическая литература, 1972.
199. *Кудрявцев, В. Н.* Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Норма, 2001.
200. *Кудрявцев, В. Н.* Преступность и нравы переходного общества / В. Н. Кудрявцев. – М. : Гардарика, 2002.
201. *Кудрявцев, В. Н.* Криминология / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – М. : Издательская группа «Юрист», 2004.
202. *Кузнецов, А. П.* Преступления против государственной власти: комментарий к разделу X Уголовного кодекса Российской Федерации / А. П. Кузнецов. – М. : Российская академия юридических наук, изд-во «Вектор – ТиС», 2005.
203. *Кузнецов, А. П.* Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: система преступлений и их классификация : учебное пособие / А. П. Кузнецов, Н. Н. Маршакова. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородской правовой академии, 2008.
204. *Кузнецов, А. П.* Государственная тайна в зарубежном уголовном законодательстве : учебное пособие / А. П. Кузнецов, К. О. Папеева, С. М. Паршин. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородской правовой академии, 2005.
205. *Кузнецова, Н. Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова ; науч. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Городец, 2007.
206. *Куринов, Б. А.* Научные основы квалификации преступлений : учебное пособие / Б. А. Куринов. – М. : МГУ, 1984.
207. Курс советского уголовного права: в 4 т. / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1968. – Т. 1: Часть общая.
208. Курс советского уголовного права : в 6 т. – М. : Наука, 1971. – Т. VI.

209. Курс советского уголовного права: Преступление: в 6 т. / под общ. ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1970. – Т. 2.
210. Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1968. – Т. 1.
211. *Ланда, Р. Г.* Причины и факторы радикализации ислама. Ислам на современном Востоке / Р. Г. Ланда. – М., 2004.
212. *Ланцов, С. А.* Террор и террористы / С. А. Ланцов. – СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004.
213. *Левицкий, Г. А.* Квалификация преступлений (общие вопросы) / Г. А. Левицкий. – М., 1967.
214. *Лейст, О. Э.* История политических и правовых учений / О. Э. Лейст. – М. : Издательство «Зерцало», 2000.
215. *Ленин, В. И.* Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря на Всероссийском съезде Советов. 5 – 9 декабря 1919 года // Ленин В. И. ПСС. – Т. 39. – М. : Издательство политической литературы, 1970.
216. *Ленин, В. И.* О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Ленин В. И. ПСС. – Т. 36. – М. : Политиздат, 1974.
217. *Ленин, В. И.* Пять лет российской революции и перспективы мировой революции: доклад на IV Конгрессе Коминтерна // Ленин В. И. ПСС. – Т. 45. – М. : Издательство политической литературы, 1970.
218. *Литвин, А. Л.* Красный и белый террор. 1918–1922 / А. Л. Литвин. – Казань : Татарское газетно-журнальное изд-во, 1995.
219. *Лохвицкий, А.* Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. – СПб. : Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871.
220. *Лунеев, В. В.* Мотивация преступного поведения / В. В. Лунеев ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1991.
221. *Лунеев, В. В.* Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика : учебное пособие / В. В. Лунеев. – М. : Издательство Военного университета, 1980.

222. *Малков, В. П.* Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ : учебное пособие / В. П. Малков ; под ред. В. Ф. Кириченко. – М., 1971.
223. *Мальцев, В. А.* Основы политологии : учебник для вузов / В. А. Мальцев. – М., 1997.
224. *Мальшева, Д. Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности: развивающиеся страны Азии и Африки в 70–80-е годы / Д. Б. Мальшева. – М. : Наука, 1991.
225. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. – М. : Наука, 1982.
226. *Мельгунов, С. П.* Красный террор в России / С. П. Мельгунов. – М. : СП «РУСО», «P.S.», 1990.
227. Министерство внутренних дел. 1802–1902: Исторический очерк. – СПб., 1902. – С. 123: [репринтное издание. – М., 2002].
228. *Миронов, Г. Е.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век / Г. Е. Миронов. – М., 1995.
229. Мотив преступления // Российская юридическая энциклопедия. – М. : Издательский дом ИНФРА-М., 1999.
230. Наказание и исправление преступников / под ред. Ю. М. Антояна. – М., 1992.
231. *Наумов, А. В.* Российское уголовное право : курс лекций: в 3 т. / А. В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – Т. 3: Особенная часть (главы 11–21).
232. *Наумов, А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М. : БЕК, 1996.
233. *Наумов, А.В.* Практика применения Уголовного кодекса РФ: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / А.В. Наумов. М., 2005.
234. *Никифоров, Б. С.* Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М. : Госюриздат, 1960.
235. Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. – М. : ЛексЭст, 2002.

236. *Новоселов, Г. П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М. : Норма, 2001.
237. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. / ред. кол.: В.И. Бородулин, А.П. Горкин [и др.] // – М., 2001.
238. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов / под ред. В. В. Лазарева. – М. : Юрист, 1994.
239. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1988.
240. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка: около 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. – М., 1985.
241. *Орлов, В. Н.* Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты: монография / В. Н. Орлов – М.: МГЮА имени О. Е. Кутафина; ООО «Издательство «Элит», 2011.
242. *Павлинов, А. В.* Стратегия борьбы с насильственным антигосударственным экстремизмом и преступностью в условиях современной России / А. В. Павлинов. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2010.
243. *Павлов, В. Г.* Субъект преступления в уголовном праве / В. Г. Павлов. – СПб. : Герда, 1999.
244. Памятники русского права. – М., 1957. – Вып. 6 : Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года.
245. Памятники русского права / под ред. К. А. Софроненко. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1961. – Вып. 8 : Законодательные акты Петра I.
246. Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. – М. : Госюриздат, 1955. – Вып. 3 : Судебник 1497 года.
247. *Панченко, П. Н.* Советская уголовная политика. Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет / П. Н. Панченко : под ред. В. К. Бабаева. – Томск. : Изд-во Том. ун-та, 1988.
248. *Панько, К. К.* Методология и теория законодательной техники уголовного права России : монография / К. К. Панько. – Воронеж : Воронеж гос. ун-т, 2004.

249. *Певцова, Е. А.* Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи: монография. / Е. А. Певцова. – М., 2012.

250. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2009.

251. *Петрянин, А. В.* Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг как угроза экономической безопасности и способ финансирования экстремизма : монография / А. В. Петрянин. – Н. Новгород, 2011.

252. *Пионтковский, А. А.* Курс советского уголовного права. Особенная часть / А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. – М. : Госюриздат, 1955. – Т. 1.

253. *Платонов, К. К.* О психологической структуре личности / К. К. Платонов. – М., 1968.

254. *Познышев, С. В.* Очерки основных начал уголовного права. Общая часть / С. В. Познышев. – М., 1929.

255. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX века) : сборник документов / сост. Е. И. Щербакова [и др.]. – М. : АИРО-XX, 2001.

256. Политология: энциклопедический словарь / под ред. Ю. И. Аверьянова [и др.]. – М. : Издательство Московского коммерческого университета, 1993.

257. *Понятовская, Т. Г., Шаутаева, Г. Х.* Правовое значение судимости / Т. Г. Понятовская, Г. Х. Шаутаева. – Ижевск : Детектив-информ, 2003.

258. *Попченко, А. Р., Петрова, Т. А.* Предупреждение правонарушений со стороны молодежных неформальных объединений экстремистской направленности : методическое пособие / А. Р. Попченко, Т. А. Петрова. – М. : ВНИИ МВД России, 2006.

259. Правила синтаксиса и грамматики. – М., 1985.

260. Правила синтаксиса и грамматики. – М., 2003.

261. Предупреждение и борьба с терроризмом: российский и зарубежный опыт законодательного регулирования (этноконфессиональный аспект) // Аналитический вестник Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации. – Серия «Государственное строительство и конституционные права граждан». – М., 2003. – Вып. 17.

262. Противодействие экстремистской деятельности в России : учебное пособие / под ред. Д. А. Барина, О. А. Мартыновой. – Хабаровск, 2009.

263. *Рарог, А. И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А. И. Рарог. – М.: Проспект, 2015.

264. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1981.

265. *Прохоров, Л. А.* Уголовное право / Л. А. Прохоров, М. Л. Прохорова. – М. : Юрист, 2004.

266. *Пудовочкин, Ю. Е.* Учение о составе преступления : учебное пособие / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2009.

267. *Пятин, С. Ю.* Комментарий к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) // СПС «Гарант».

268. *Разгильдиев, Б. Т.* Уголовно-правовая политика: понятие и содержание / Б. Т. Разгильдиев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – № 11.

269. *Рарог, А. И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – СПб. : Юр. центр Пресс, 2003.

270. *Ратинов, А. Р.* Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / А. Р. Ратинов, М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; под ред. А. Р. Ратинова. – М. : Юрлитинформ, 2005.

271. *Ривман, Д. В.* Виктимология / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. – СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2000.

272. *Ривман, Д. В.* Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002.

273. *Рогов, В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. / В. А. Рогов. – М. : Юристъ, 1995.

274. Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2003.

275. Российская криминологическая энциклопедия: Преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / А. И. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. А. И. Долговой. – М. : Норма – Инфра-М, 2000.
276. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – М. : Юридическая литература, 1985. – Т. 3: Акты земских соборов.
277. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – М. : Юридическая литература, 1987. – Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма.
278. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – М. : Юридическая литература, 1991. – Т. 8: Судебная реформа.
279. *Румянцев, О. Г., Додонов, В. Н.* Юридический энциклопедический словарь / О. Г. Румянцев, В. Н. Додонов. – М., 1996.
280. *Рууд, Ч.* Фонтанка, 16: политический сыск при царях / Ч. Рууд, С. А. Степанов. – М. : Мысль, 1993.
281. *Саидов, А. Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / А. Х. Саидов ; отв. ред. В. А. Туманов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Юрист, 2009.
282. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1974. – Вып. XXVII.
283. Сборник международных договоров СССР. – М. : Международные отношения, 1989. – Вып. XLIII.
284. Сборник международных договоров СССР. – М.: Международные отношения, 1991. – Вып. XLV.
285. Сборник постановлений пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 1997.
286. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. – М., 1953.
287. *Семернева, Н. К.* Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие / Н. К. Семернева. – М. : Проспект ; Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2010.

288. *Сенякин, И. Н.* Специализация и унификация российского законодательства / И. Н. Сенякин ; под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1993.
289. *Скляр, С. В.* Вина и мотивы преступного поведения / С. В. Скляр. – СПб. : Изд-во «Юр. Центр Пресс», 2004.
290. *Скудин, А. С.* Правовые меры противодействия экстремизму : монография / А. С. Скудин, В. Д. Ларичев, Ю. С. Варанкина. – М. : Юрлитинформ, 2012.
291. *Солопанов, Ю. В.* Ответственность за фальшивомонетничество : учебное пособие / Ю. В. Солопанов. – М. : НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1963.
292. *Социология : учебник для вузов / В. П. Сальников [и др.] ; под общ. ред. В. П. Сальникова, С. В. Степашина.* – СПб. : Лань, 2000.
293. *Старков, О. В.* Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ / О. В. Старков, С. Ф. Милюков. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
294. *Старков, О. В.* Предупреждение преступлений : учебное пособие / О. В. Старков. – М. : Юристъ, 2005.
295. *Степанищев, А. В.* Проблемы правового регулирования применения конфискации имущества : монография / А. В. Степанищев. – М. : ВНИИ МВД, 2002.
296. *Соединенные Штаты Америки: конституция и законодательные акты / под ред. О. А. Жидкова.* – М. : Прогресс-Универс, 1993.
297. *Сыч, К. А.* Уголовное наказание как система : монография / К. А. Сыч. – Рязань : Рязанский институт права и экономики МВД России, 1995.
298. *Сюкияйнен, Л. Р.* Мусульманское право: вопросы теории и практики / Л. Р. Сюкияйнен ; отв. ред. В. А. Туманов. – М. : Наука, 1986.
299. *Таганцев, Н. С.* Курс русского уголовного права / Н. С. Таганцев. – СПб., 1874. – Вып. 1.
300. *Таганцев, Н. С.* Русское уголовное право : лекции: в 2 т. / Н. С. Таганцев. – М. : Издательство «Наука», 1994. – Т. 2: Часть Общая.

301. *Таганцев, Н. С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 года / Н. С. Таганцев. – СПб., 1904.

302. *Таганцев, Н. С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н. С. Таганцев. – СПб. : Типография Стасюлевича, 1892.

303. *Тальберг, Д. Г.* Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Д. Г. Тальберг. – Киев : Т-во печ. дела и торг. И. Н. Кушнерев и Ко в Москве, Киев. отделение, 1889. – Т. 1.

304. *Тальберг, Д. Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века / Д. Г. Тальберг. – М. : Типография Московского университета, 1912.

305. *Тамаев, Р. С.* Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму : монография / Р. С. Тамаев. – 2-е изд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.

306. *Тамаев, Р. С.* Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы : монография / Р. С. Тамаев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.

307. *Томсинов, В. А.* Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / В. А. Томсинов. – М. : Зерцало, 1998.

308. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004.

309. *Трайнин, А. Н.* Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1957.

310. *Трунцевский, Ю.В.* Системное противодействие радикальным экстремистским течениям в молодежной среде / Ю. В. Трунцевский, Ю. В. Латов, Р. Б. Осокин, Д. В. Сочнев: Монография. – Тамбов: Из-во Першина Р. В., 2010.

311. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под общ. ред. В. И. Радченко. – М. : ЗАО «Юстицинформ», 2004.

312. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – М. : Юристь, 2004.

313. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2004.
314. Уголовное уложение 1903 года. – СПб. : Сенатская типография, 1903.
315. Уголовный кодекс Грузии. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
316. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Коробеева, пер. с кит. Д. В. Вичикова. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
317. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2010.
318. Уголовный кодекс Российской Федерации : научно-практический комментарий / под ред. Л. Л. Кругликова и Э. С. Тенчова. – Ярославль, 1994.
319. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой ; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
320. Уголовный кодекс ФРГ. – М. : Юридический центр Пресс, 2003.
321. Устинов, В. С. Криминология: Общая часть : учебное пособие / В. С. Устинов. – Н. Новгород : НА МВД РФ, 2001.
322. Устинов, В. В. Обвиняется терроризм / В. В. Устинов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
323. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М, 2007.
324. Франк, Л. В. Потерпевшие от преступлений и проблемы советской виктимологии / Л. В. Франк ; ред. В. Г. Мелкумов. – Душанбе : Ирфон, 1977.
325. Хлебушкин, А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : монография / А. Г. Хлебушкин ; отв. ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2007.
326. Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917 – 1991 гг. / под ред. О. И. Чистякова. – М. : Зерцало, 1997.
327. Черникова, И. А. Предкриминальное поведение несовершеннолетних, совершивших умышленные преступления : монография / И. А. Черникова, М. В. Фортуньич, О. В. Яковлев. – М. : ВНИИ МВД России, 2007.

328. *Чернявская, Т. А.* Законодательные памятники России до 1917 года : учебно-методическое пособие / Т. А. Чернявская. – Н. Новгород, 1995. – Ч. 1.
329. *Чубинский, М. П.* Курс уголовной политики / М. П. Чубинский. – Ярославль : Типография Губернского правления, 1909.
330. *Чупров, В. И., Zubok, Ю. А.* Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции : монография / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. – М. : Academia, 2009.
331. *Шарп, Д.* От диктатуры до демократии. – М., 2005.
332. *Шнайдер, Г. И.* Криминология / Г. И. Шнайдер ; пер. с нем. ; под ред. Л. О. Иванова (предисл.), пер. Ю. А. Неподаева. – М. : Прогресс-Универс, 1994.
333. Экономическая безопасность Российской Федерации: учебник: в 2 ч. / под общ. ред. С. В. Степашина. – М., 2001. – Ч. 1.
334. Экстремизм и его причины / под ред. Ю. М. Антоняна. – М. : Логос, 2011.
335. Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. – СПб., 1904. – Т. 79.
336. Энциклопедический словарь : в 3 т. / под ред. Б. А. Введенского. – М. : Большая советская энциклопедия, 1955. – Т. 3.
337. Энциклопедия Российской монархии. – М. : Эксмо, 2002.
338. Энциклопедия уголовного права. – Издание проф. Малинина. – СПб., 2005. – Т. 4. Состав преступления.
339. Юридический словарь / гл. ред. П. И. Кудрявцев. – 2-е изд. – М. : Госюриздат, 1956. – Т. 2.
340. *Юшков, С. В.* История государства и права СССР / С. В. Юшков. – М. : Госюриздат, 1961. – Ч. 1.
341. *Яковлев, Л. С.* Историко-правовые аспекты борьбы с терроризмом в дореволюционной России : учебное пособие / Л. С. Яковлев. – М. : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2005.

Статьи

342. *Абдулатипов, Р. Г.* Проблемы профилактики экстремизма / Р. Г. Абдулатипов // Этнопанорама. – 2002. – № 2.

343. *Абызов, Р. М.* О понятии и причинах экстремизма в российском обществе / Р. М. Абызов // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010.

344. *Авдеев, Д. Е.* Практика прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму в сети Интернет / Д. Е. Авдеев // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010.

345. *Авдеев, Ю. И.* Терроризм как социально-политическое явление / Ю. И. Авдеев // Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова. – М., 2000.

346. *Авдеев, Ю. И.* Современный экстремизм: понятие, структура, связь с терроризмом / Ю. И. Авдеев, А. Я. Гуськов // Экстремизм и другие криминальные явления. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008.

347. *Авласенко, В. А.* Личность преступника – члена религиозных сект: криминологический и психологический анализ / В. А. Авласенко // Юридическая психология. – 2011. – № 4.

348. *Агапов, П. В.* Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики / П. В. Агапов // Законность. – 2011. – № 10.

349. *Агапов, П. В., Хлебушкин, А. Г.* Обзор судебной практики по применению ст. 282.1 («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282.2 («Организация деятельности экстремистской организации») Уголовного кодекса Российской Федерации / П. В. Агапов, А. Г. Хлебушкин // СПС «КонсультантПлюс».

350. *Агильдин, Д. В.* Понятие и содержание процесса исправления осужденных / Д. В. Агильдин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 6.

351. *Алексеев, С. С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6.

352. *Алиев, М. А.* Характер общественной опасности ваххабитско-религиозного экстремизма и его уголовно-правовое определение / М. А. Алиев // Российский следователь. – 2008. – № 5.

353. *Алиев, М. А.* Уголовно-правовые и криминологические особенности предупреждения религиозного экстремизма / М. А. Алиев // Российский следователь. – 2012. – № 15.

354. *Андреева, Ю. В.* Постпенитенциарная адаптация: постановка проблем и способы их решения (на примере Красноярского края) / Ю. В. Андреева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 6.

355. *Апостолова, Ц. З.* Дискуссионные аспекты уголовно-правовой характеристики хулиганства в редакции Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ / Ц. З. Апостолова // Российский следователь. – 2007. – № 24.

356. *Арефьев, А. Ю.* Виктимологический компонент оперативно-разыскной профилактики / А. Ю. Арефьев // Научное обеспечение оперативно-служебной деятельности ОВД по борьбе с преступностью : научно-практический сборник. – Н. Новгород : Приволжский филиал ВНИИ МВД России, 2007.

357. *Арефьев, А. Ю.* Обеспечение прав человека в оперативно-разыскной профилактике преступлений, совершаемых в России мигрантами из Средней Азии и Закавказья / А. Ю. Арефьев // Проблемы дискриминации граждан по национальному признаку и деятельность правоохранительных органов в современной России : материалы международного научно-практического семинара / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2006.

358. *Арутюнов, Л. С.* О некоторых причинах этнического экстремизма в современном российском обществе / Л. С. Арутюнов, М. А. Касьяненко // Таможенное дело. – М., 2007. – № 4.

359. *Афанасьев, Н. Н.* Идеология терроризма / Н. Н. Афанасьев // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 1.

360. *Бааль, Н. Б.* Девиантное поведение в механизме формирования криминального экстремизма в молодежной среде / Н. Б. Бааль // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 4.

361. *Бааль, Н. Б.* Политический экстремизм молодежи как острейшая проблема современной России / Н. Б. Бааль // Российский следователь. – 2007. – № 7.

362. *Бааль, Н. Б.* Экстремистские молодежные организации в современной России / Н. Б. Бааль // История государства и права. – М., 2007. – № 17.

363. *Бакин, А. А.* Криминологические и патопсихологические особенности женщин, принимающих активное участие в террористической деятельности / А. А. Бакин // Вестник национального антитеррористического комитета. – М., 2012. – № 1.

364. *Баранов, В. М.* Законодательное определение понятия «экономическая безопасность государства» и своевременные проблемы ее правового обеспечения / В. М. Баранов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. – Н. Новгород, 2001.

365. *Баранов, В. М.* Идея законопроекта / В. М. Баранов // Юридическая техника. – 2007. – № 1.

366. *Баранов, В. М.* Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия / В. М. Баранов // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты : сборник статей / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2004.

367. *Баранов, Ю. А.* Об опыте межведомственного взаимодействия и профилактики экстремизма. Авторский материал прокурора Ростовской области Ю. А. Баранова / Ю. А. Баранов // Прокурор. – 2014. – № 1.

368. *Бастрыкин, А. И.* На защите прав несовершеннолетних / А. И. Бастрыкин // Законность. – 2009. – № 9.

369. *Безверхов, А. Г.* Некоторые вопросы квалификации присвоения и растраты / А. Г. Безверхов // Уголовное право. – 2008. – № 4.

370. *Безручко, Е. В.* Здоровье человека и здоровье населения: проблема соотношения объектов уголовно-правовой охраны / Е. В. Безручко // Российский следователь. – 2011. – № 7.

371. *Беликова, К. М.* Унификация договорного права: общее и специфическое в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА и Принципах европейского договорного права / К. М. Беликова // Юрист. – 2006. – № 11.

372. *Бельков, О. А.* Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности / О. А. Бельков // Безопасность. – 1994. – № 3.

373. *Беляев, Н. А.* Понятие советского исполнительно-трудового права и основные принципы советской исправительно-трудовой политики / Н. А. Беляев // Вестник ЛГУ. Серия экономики, философии и права. – 1958. – № 5. – Вып. 1.

374. *Березиков, С. В.* Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо изменять / С. В. Березиков // Законность. – 2009. – № 6.

375. *Бешукова, З.* Свобода выражения мнения и противодействие экстремизму (анализ опыта России и Канады) / З. Бешукова // Уголовное право. – 2014. – N 4

376. *Бикеев, И. И.* Уголовно-правовой анализ законодательства о противодействии экстремистской деятельности и некоторые вопросы его совершенствования / И. И. Бикеев, А. Г. Никитин // Следователь. – 2007. – № 4.

377. *Бирюков, В. В.* В отношении изменений, внесенных в Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» / В. В. Бирюков // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.

378. *Бирюков, В. В.* Еще раз об экстремизме / В. В. Бирюков // Адвокат. – 2006. – № 12.

379. *Бобков, Ф. Д.* Как боролся с террором КГБ СССР / Ф. Д. Бобков // Российский Кто есть Кто. – 2005. – № 1.

380. *Бондаренко, В.* Действовать вместе / В. Бондаренко // Законность. – 2008. – № 1.

381. Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) // Ежемесячный информационный бюллетень. – М. : ВИНТИ, 1997. – № 12.

382. *Борисов, С. В.* Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности / С. В. Борисов // Уголовное право. – 2013. – N 6.

383. *Бурковская, В. А.* Новая редакция ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» / В. А. Бурковская // Уголовное право. – 2004. – № 2.

384. *Быков, В. М.* Организация преступного сообщества (преступной организации) / В. М. Быков // Законность. – 2010. – № 2.

385. *Быков, В. М.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: научный комментарий / В. М. Быков // Право и политика. – 2011. – № 9.

386. *Вайле, С. П.* Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы / С. П. Вайле // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (19).

387. *Васильев, Э. А.* Система научного обеспечения противодействия экстремизму в ОВД России и формы ее совершенствования / Э. А. Васильев // Научный портал МВД России. – 2010. – № 1.

388. *Васильев, Э. А., Демковец, О. В., Тесиц, Д. А.* Характеристика каналов и источников финансирования террористических и экстремистских организаций, действующих в Российской Федерации / Э. А. Васильев, О. В. Демковец, Д. А. Тесиц // Сборник материалов круглого стола «Особенности противодействия терроризму на современном этапе развития общества». – М.: ВНИИ МВД России, 2007.

389. *Васильченко, А. А.* Разграничение преступлений террористической и экстремистской направленности / А. А. Васильченко, А. А. Швыркин // Экстремизм и другие криминальные явления. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008.

390. *Виктук, В. В.* Терроризм постперестроечной эпохи / В. В. Виктук // СОЦИС: Социологические исследования. – 1993. – № 7.

391. *Вишневецкий, К. В.* Криминальная виктимология: социальный аспект / К. В. Вишневецкий // Юрист. – 2006. – № 5.

392. *Вишневецкий, К. В.* Место виктимологической теории в криминологии / К. В. Вишневецкий // Общество и право. – 2010. – № 1.

393. *Вишневский, Ю. Р.* Парадоксальный молодой человек / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // СОЦИС: Социологические исследования. – 2006. – № 6.

394. *Власихин, В.* Угрожает ли «Акт патриота» Биллю о правах? Новый антитеррористический закон США / В. Власихин // Российская юстиция. – 2002. – № 1.

395. *Волеводз А.* Уголовно-правовое противодействие международному терроризму / А. Волеводз // Уголовное право. – 2014. – № 2.

396. *Волженкин, Б. В.* Постановление Пленума Верховного Суда о судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений / Б. В. Волженкин // Уголовное право. – 2008. – № 1.

397. *Волженкин, Б. В.* Хулиганство / Б. В. Волженкин // Уголовное право. – 2007. – № 5.

398. *Волженкин, Б. В.* Корыстные злоупотребления по службе (хищения, взяточничество, злоупотребление служебным положением): уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1991 / Б. В. Волженкин // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 1. – С. 100.

399. *Володина, Л. М.* Частное и публичное обвинение в уголовном судопроизводстве / Л. М. Володина // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства : сборник статей / под ред. В. Ф. Воловича. – Томск, 2000. – Ч. 3.

400. *Гаджиева, А. А.* К вопросу о классификации жертв преступлений террористической и экстремистской направленности (региональный аспект) / А. А. Гаджиева // Российский следователь. – 2010. – № 8.

401. *Гаджиева, А. А.* Понятие «жертвы преступления» в современных виктимологических исследованиях / А. А. Гаджиева // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 5.

402. *Гаджиева, А. А.* Значение виктимологической пропаганды в борьбе с преступностью / А. А. Гаджиева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 2.

403. *Галиакбаров, Р., Соболев, В.* Уголовный кодекс РФ: поправки с проблемами / Р. Галиакбаров, В. Соболев // Уголовное право. – 2004. – № 2.

404. *Гаптелганиев, Р. Г.* Криминальная виктимология: понятие, виды и степень виктимности / Р. Г. Гаптелганиев // Мировой судья. – 2009. – № 7.

405. *Гасанкадиев, Т.Г., Бойко, Д.В.* Противодействие экстремизму как одно из направлений правоприменительной политики современной России / Т.Г. Гасанкадиев, Д. В. Бойко // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – №1 (32).

406. *Герцензон, А. А.* Пути развития советской науки уголовного права за 30 лет / А. А. Герцензон // Советское государство и право. – 1947. – № 11.

407. *Гладких, В. И.* Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ / В. И. Гладких // Российский следователь. – 2014. – № 5.

408. *Гнедов, Е. В.* Противодействие насильственному экстремизму / Е. В. Гнедов // Российский следователь. – 2014 – № 10.

409. *Горбунов, Ю. С.* К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму / Ю. С. Горбунов // Журнал российского права. – 2007. – № 2.

410. *Горбунов, Ю. С.* Террор в России: история и современность / Ю. С. Горбунов // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 1.

411. *Горшенков, А. Г.* Наказание как мера защиты антикриминальной безопасности в учении о преступности / А. Г. Горшенков, Г. Г. Горшенков // Российский следователь. – 2005. – № 5.

412. *Горшенков, Г. Н.* Экстремизм как объект криминологического интереса / Г. Н. Горшенков, Г. Г. Горшенков // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010.

413. *Григорян, К. В.* Некоторые проблемы оптимизации практики применения уголовно-правовых норм об ответственности за хулиганство / К. В. Григорян // Российский следователь. – 2008. – № 3.

414. *Гриненко, А. В.* Понятие и классификация преступлений экстремистской направленности / А. В. Гриненко // Российская юстиция. – 2012. – № 3.

415. *Гришин, Б. П.* Характеристика личности преступников, совершающих захват заложников / Б. П. Гришин // Российский следователь. – 2007. – № 6.

416. *Гулый, А. А.* Нужно ли России возобновление института общей конфискации имущества? / А. А. Гулый // Юрист. – 2006. – № 4.

417. *Дагель, П. С.* Проблема вины в советском уголовном праве / П. С. Дагель // Ученые записки Дальневосточного университета. – Владивосток, 1968.

418. *Дашков, Г. В.* Криминологическая составляющая в политической воле / Г. В. Дашков // Lex Russica. – 2008. – Т. LXVII. – № 4.

419. *Дашков, Г. В.* О свободе слова и проблемах игнорирования ее носителей / Г. В. Дашков // Человек: преступление и наказание. – 2011. – №2.

420. *Демидова, О. В.* Определение целей и принципов уголовно-исполнительной политики с учетом международных стандартов / О. В. Демидова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 5.

421. *Демидов, Ю. Н.* Проблемы совершенствования борьбы с терроризмом и экстремизмом / Ю. Н. Демидов // Преступность и проблемы борьбы с ней. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2007.

422. *Денисов, А. В.* О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А. В. Денисов // Общество и право. – 2010. – № 2.

423. *Денисов, Ю. Д.* Противодействие экстремизму в сети Интернет / Ю. Д. Денисов // Законность. – 2009. – № 6.

424. *Дикаев, С. У.* Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и проблемы организации отбывания наказания в виде лишения свободы / С. У. Дикаев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 25.

425. *Дикаев, С. У.* Некоторые вопросы современной наказательной политики России / С. У. Дикаев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 18.

426. *Долгова, А. И.* Причинные комплексы организованной преступности и терроризма, направления государственной политики их предупреждения / А. И. Долгова // Профилактическая деятельность государства как одно из основных средств сдерживания преступности в РФ : материалы Международной научно-практической конференции. – М.: ВНИИ МВД России, 2006.

427. *Долголенко, Т. В.* Убийства по экстремистским мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и их соотношение с другими составами преступлений / Т. В. Долголенко // Современное право. – 2010. – № 2.

428. *Донец, Е. В.* Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы в соответствии с требованиями Минимальных стандартных правил обращения с заключенными / Е. В. Донец // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 5.

429. *Донец, Е.В.* Некоторые вопросы сравнительного анализа института дифференциации уголовной ответственности в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве / Е. В. Донец // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. – 2013 – № 4 (24).

430. *Доронина, Н. Г.* Унификация и гармонизация в сфере правового регулирования иностранных инвестиций / Н. Г. Доронина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2005. – № 1.

431. *Дорохов, Н. И.* Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты / Н. И. Дорохов // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 5.

432. *Дробижева, Л. М.* Социальные предпосылки распространения экстремизма и терроризма / Л. М. Дробижева, Э. А. Паин // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. – М. : Наука, 2002.

433. *Егиазаров, В. А.* Унификация гражданского законодательства участников Договора о создании Союзного государства / В. А. Егиазаров // Право и экономика. – 2000. – № 9.

434. *Егорова, Н. А.* К вопросу о новых мотивах совершения преступлений / Н. А. Егорова // Уголовное право. – 2008. – № 1.

435. *Елеськин, М. В.* Значение результатов социологических исследований в совершенствовании деятельности исправительных учреждений / М. В. Елеськин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 5.

436. *Елеськин, М. В.* Соотношение уголовно-исполнительного контроля и социального контроля и их место в предупреждении преступлений в исправительных учреждениях / М. В. Елеськин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 2.

437. *Епифанова, Е. В.* России необходима концепция уголовно-правовой политики / Е. В. Епифанова // Российская юстиция. – 2008. – № 4.

438. *Ещенко, С. А.* Меры противодействия проявлению экстремизма в России: постановка проблемы / С. А. Ещенко // Общество и право. – 2009. – № 2.

439. *Ещенко, С. А.* Экстремизм: понятие и причины распространения / С. А. Ещенко // Общество и право. – 2008. – № 3.

440. *Жилкин, М. Г.* Уголовно-правовые аспекты борьбы с экстремизмом / М. Г. Жилкин // Экстремизм и другие криминальные явления. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2008.

441. *Жук, М. С.* Классификация уголовно-правовых институтов / М. С. Жук // Общество и право. – 2009. – № 5.

442. *Жук, М. С.* Объект преступления как критерий построения системы институтов Особенной части уголовного права / М. С. Жук // Общество и право. – 2010. – № 5.

443. *Жукова, А. С.* О применении имущественных санкций в истории отечественного уголовного законодательства / А. С. Жукова // История государства и права. – 2013. – № 24.

444. *Журавлев, В. В.* Этот неуловимый терроризм / В. В. Журавлев // Россия в условиях трансформации: историко-политологический семинар : материалы. – М. : ФРПЦ, 2001. – Вып. № 15, 16.

445. *Жээнбеков, Э. Т.* Профилактические меры противодействия религиозному экстремизму / Э. Т. Жээнбеков // Российский следователь. – 2006. – № 7.

446. *Забарчук, Е. Л.* Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности / Е. Л. Забарчук // Журнал российского права. – 2008. – № 6.

447. *Загородников, Н. И.* Направления изучения советского уголовного права / Н. И. Загородников, Н. А. Стручков // Советское государство и право. – 1981. – № 7.

448. *Задорожный, В. И.* Особенности виктимного поведения жертв преступлений / В. И. Задорожный // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 1.

449. *Залужный, А. Г.* Экстремизм: сущность и способы противодействия / А. Г. Залужный // Современное право. – 2002. – № 12.

450. *Залужный, А. Г., Беляева, Т. Н.* Экстремизм: современные представления об общественной опасности / А. Г. Залужный, Т. Н. Беляева // Современное право. – 2012. – № 6.
451. *Звечаровский, И. Э.* О концепции развития уголовного законодательства России / И. Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2005. – № 3.
452. *Зубарева, О. В.* Теория уголовной политики: становление и развитие / О. В. Зубарева // Российский судья. – 2011. – № 1.
453. *Зубкова, В. И.* Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления / В. И. Зубкова // Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 5: Особенная часть.
454. *Иванеев, С. В.* Экстремизм, фундаментализм и терроризм под флагом ислама / С. В. Иванеев // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 12.
455. *Иванов, Н. Г.* Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений / Н. Г. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 5.
456. *Иванов, Н. Г.* Хулиганство: проблемы квалификации / Н. Г. Иванов // Российская юстиция. – 1996. – № 8.
457. *Иншаков, С. М.* Культура и ее воздействие на преступность // Преступность и культура / С. М. Иншаков ; под ред. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 1999.
458. *Истомин, А. Ф.* К вопросу об экстремизме / А. Ф. Истомин, Д. А. Лопаткин // Современное право. – 2005. – № 7.
459. *Кабанов, П. А.* Криминологическая типология жертв политических преступлений в отечественной криминальной политической виктимологии / П. А. Кабанов // Адвокатская практика. – 2007. – № 6.
460. *Кабанов, П. А.* Криминологический анализ правовых причин политической преступности / П. А. Кабанов // Российский следователь. – 2007. – № 21.
461. *Кабанов, П. А.* Криминологический анализ основных политических причин, детерминирующих политическую преступность / П. А. Кабанов // Российский следователь. – 2007. – № 19.

462. *Кабанов, П. А.* «Политическая» и «государственная» преступность как криминологические категории: содержание и соотношение / П. А. Кабанов // Закон и право. – 2007. – № 11.

463. *Кабанов, П. А.* Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности / П. А. Кабанов // Следователь. – 2008. – № 2.

464. *Кабанов, П. А.* Политический терроризм как политико-криминологическая категория и ее содержание / П. А. Кабанов // Российский следователь. – 2008. – № 3.

465. *Кабанов, П. А.* Криминологический анализ некоторых идеологических причин политической преступности / П. А. Кабанов // Юридический мир. – 2007. – № 11.

466. *Кадакоева, М. М., Стройкова, А. С.* Молодежный экстремизм / М. М. Кадакоева, А. С. Стройкова // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / под ред А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2008.

467. *Казаков, Н. Д.* Безопасность синергетика (опыт философского осмысления) / Н. Д. Казаков // Безопасность. – 1994. – № 4 (20).

468. *Козаченко, И. Я.* Тоталитарная религия или религия тоталитаризма / И. Я. Козаченко // Концептуальные проблемы современного российского судоустройства и судопроизводства: материалы научно-практической конференции (14 октября 2005 г.) / отв. ред. М. С. Саликов. – Екатеринбург, 2006.

469. *Калинин, Ю. С., Хрыков В. П.* Влияние правового нигилизма на формирование политического экстремизма в России / Ю. С. Калинин, В. П. Хрыков // Адвокат. – 2007. – № 12.

470. *Капинус, О. С.* Ответственность за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды, а также другие «преступления ненависти» в современном уголовном праве / О. С. Капинус, В. Н. Додонов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 8.

471. *Кашепов, В. П.* Квалификация преступлений экстремистской направленности / В. П. Кашепов // Уголовное право. – 2007. – № 3.

472. *Каширкина, А. А.* Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом / А. А. Каширкина // Журнал российского права. – 2007. – № 12.

473. *Кесарева, Т. П.* Экстремизм в сети Интернет и проблемы противодействия ему / Т. П. Кесарева // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010.

474. *Кибальник, А.* Борьба с экстремизмом и противоречивость уголовной политики / А. Кибальник // Уголовное право. – 2008. – № 2.

475. *Кибальник, А. Г., Соломоненко И. Г.* «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона / А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко // Законность. – 2008. – № 4.

476. *Кирсанов, Г. В.* Шанхайская организация сотрудничества: правовые аспекты развития региональных антитеррористических институтов / Г. В. Кирсанов // Журнал российского права. – 2004. – № 3.

477. *Кобец, П. Н.* Основные факторы, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности со стороны религиозных тоталитарных сект, действующих в России / П. Н. Кобец // Российский следователь. – 2007. – № 22.

478. *Кобец, П. Н.* Противодействие религиозному экстремизму в современной России / П. Н. Кобец // Российский следователь. – 2005. – № 9.

479. *Ковалев, Н. Д.* Анализ основных тенденций политического экстремизма в России / Н. Д. Ковалев // Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним. – М., 1998.

480. *Колесников, В. В.* Эффективность уголовной политики в фокусе экономической теории права / В. В. Колесников // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики : сборник материалов конференции. – СПб., 2008.

481. *Колоколов, Н. А.* Хулиганство: генезис, эволюция и современное состояние состава преступления. Статья 1. История развития правового регулирова-

ния уголовной ответственности за хулиганство в России / Н. А. Колоколов // Мировой судья. – 2014. – № 2.

482. *Корейво, Е. В.* Виды классификации в международном праве / Е. В. Корейво // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5.

483. *Коржанский, Н. И.* Объект преступления / Н. И. Коржанский // Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. – СПб. : Изд. профессора Малинина, 2005. – Т. 4. Состав преступления.

484. *Крайнова, Н. А.* Некоторые способы решения проблем ресоциализации многократно судимых в России / Н. А. Крайнова // Следователь. – 2002. – № 3.

485. *Красильников, А.* Личность террориста: криминологический аспект / А. Красильников // Законность. – 2008. – № 5.

486. *Краснов, М.* Противодействие политическому экстремизму: теория и судебно-следственная практика / М. Краснов // Российская юстиция. – 2000. – № 1.

487. Круглый стол журнала «Государство и право»: «Терроризм: психологические корни и правовые оценки» // Государство и право. – 1995. – № 4.

488. *Крусс, В. И.* Институциональные инновации в российской уголовно-исполнительной системе и их значение для механизма конституционного гарантирования прав и свобод человека и гражданина / В. И. Крусс, В. В. Копылов // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 18.

489. *Кругликов, Л. Л.* К вопросу о понятии финансовой преступности / Л. Л. Кругликов, В. Ф. Лапшин // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2.

490. *Кубов, Р. Х.* Развитие уголовной политики на современном этапе / Р. Х. Кубов // Российский следователь. – 2009. – № 3.

491. *Кубякин, Е. О.* Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму / Е. О. Кубякин // Общество и право: научно-практический журнал. – 2010. – № 3.

492. *Кудрявцев, В. Н.* Причины преступности в России: криминологический анализ / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – М., 2005.

493. *Кузнецов, А. П.* Проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о террористическом акте» / А. П. Кузнецов, Н. Н. Маршакова // Российский судья. – 2012. – № 3.

494. *Кузнецов, А. П.* Ответственность за деяния, совершаемые преступным сообществом (преступной организацией): проблемы и пути разрешения / А. П. Кузнецов, В. С. Комиссаров, Ю. И. Сучков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14).

495. *Кузнецов, А. П.* Экстремизм: понятие, признаки, сущность / А. П. Кузнецов // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / под ред. А. И. Долговой. – М. : Рос. криминолог. ассоц., 2010.

496. *Кузнецова, Н. Ф.* Нужна ли модернизация уголовного права? / Н. Ф. Кузнецова // Уголовное право. – 2007. – № 2.

497. *Куламбаева, К. К.* Условия эффективности процесса исправления осужденных / К. К. Куламбаева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 6.

498. *Кунашев, А. В.* Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами / А. В. Кунашев // Законность. – 2010. – № 2.

499. *Куприянов, Е. И.* Хулиганство – преступление, переходящее на личность / Е. И. Куприянов // Российский следователь. – 2013. – № 8.

500. *Лапаева, В. В.* Политический и религиозный экстремизм: проблемы совершенствования законодательства / В. В. Лапаева // Адвокат. – 2001. – № 10.

501. *Левшуков, Р. А.* Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской Республике / Р. А. Левшуков // Ислам и политика на Северном Кавказе / отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов н/Д : Издательство СКНЦ ВШ, 2001. – Вып. 1.

502. *Леонов, А. И.* Некоторые особенности исследования банковской информации при поиске и установлении признаков легализации, совершаемой с участием фирм прикрытия в целях финансирования экстремизма / А. И. Леонов, А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3. – С. 178–183.

503. *Лунеев, В. В.* Проблемы криминализации и противодействия экстремизму / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – № 9.

504. *Лунеев, В. В.* «Панк-молебен» в Храме Христа-Спасителя и его политическое и криминологическое значение / В. В. Лунеев, Д. К. Нечевин // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 3.

505. *Любимов, А. А.* Преступления против собственности, совершенные с использованием служебного положения: вопросы законотворчества и правоприменения / А. А. Любимов // Общество и право. – 2010. – № 1.

506. *Макаров, А. В.* Правовая основа профилактики политического и религиозного экстремизма в России / А. В. Макаров, Н. Е. Макаров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – № 11.

507. *Макаров, Н. Е.* Понятие и идеология экстремизма в современных условиях / Н. Е. Макаров, Ц. С. Дондоков // Закон и армия. – 2005. – № 11.

508. *Макеева И. С.* Экстремизм как уголовно-правовая категория / И. С. Макеева // Законодательство и экономика. – 2014. – № 6.

509. *Максимов, А. М.* Параметры содержания уголовной политики и их применение к сфере обеспечения безопасности животного мира / А. М. Максимов // Российский следователь. – 2012. – № 2.

510. *Малиновский, А. А.* Психологические аспекты криминального экстремизма // Юридическая психология : сборник научных трудов / под ред. Г. Х. Ефремова, А. Р. Ратинова. – М. : Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1998.

511. *Мальшева, О. А.* К вопросу о понятии «уголовная политика» / О. А. Мальшева // Российский следователь. – 2005. – № 9.

512. *Мальцев, В. В.* Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования / В. В. Мальцев // Государство и право. – 1998. – № 8.

513. *Мартыненко, Н. Э.* Предупреждение преступлений уголовно-правовыми средствами / Н. Э. Мартыненко // Вестник МВД России. – 2005. – № 1.

514. *Маршакова, Н. Н.* Противодействие организации экстремистского сообщества: проблемы уголовно-правовой регламентации / Н. Н. Маршакова // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. Материалы III Российского конгресса уголовного права. 29–30 мая 2008 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. – М., 2008.

515. *Матвеевко, В. Е.* Становление и развитие общественного воздействия в системе основных средств исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 2.

516. *Матузов, Н. И.* Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики / Н. И. Матузов // Правовая политика и правовая жизнь. – М. ; Саратов, 2000.

517. *Махиборода, Н. И.* Некоторые аспекты пенитенциарного воздействия на осужденных к лишению свободы за преступления экстремистской направленности / Н. И. Махиборода, А. М. Сысоев // Гражданин и право. – 2007. – № 2.

518. *Мацкевич, И. М.* Новая уголовная политика / И. М. Мацкевич // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 3.

519. *Мацкевич, И. М.* О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме / И. М. Мацкевич // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 2.

520. *Мелентьев, М. П.* Классификация осужденных к лишению свободы и вопросы назначения им вида исправительного учреждения / М. П. Мелентьев // Российский следователь. – 2002. – № 3.

521. *Мелешко, Н. П.* Факторы молодежной экстремистской преступности // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / Н. П. Мелешко ; под ред. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2008.

522. *Миньковский, Г. М.* О задачах и направлениях теоретического решения проблем советской уголовной политики / Г. М. Миньковский // Проблемы советской уголовной политики : межвузовский тематический сборник. – Владивосток, 1985.

523. *Миняева, Т. Ф.* Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве / Т. Ф. Миняева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 5.

524. *Михеев, А. В.* Особенности доказывания публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности в сети Интернет / А. В. Михеев // Российский следователь. – 2014. – № 9.

525. *Мозженко, И. И.* Систематизация законодательства и ее признаки / И. И. Мозженко // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 12.

526. *Мозохин, О. Б.* Борьба органов ОГПУ с крестьянским терроризмом в условиях кризиса хлебозаготовок и коллективизации сельского хозяйства / О. Б. Мозохин // Закон и право. – 2003. – № 3.

527. *Мондохонов, А. Н.* Преступная организация или преступное сообщество? / А. Н. Мондохонов // Законность. – 2009. – № 10.

528. *Мондохонов, А. Н.* Признаки преступного сообщества (преступной организации) / А. Н. Мондохонов // Законность. – 2010. – № 9.

529. *Мондохонов, А.* Уголовная ответственность за организацию объединения, посягающего на личность и права граждан / А. Мондохонов // Уголовное право. – 2009. – № 6.

530. *Мусаелян, М. Ф.* Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) / М. Ф. Мусаелян // Адвокат. – 2010. – № 6.

531. *Мусаелян, М. Ф.* О личности экстремиста / М. Ф. Мусаелян // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 2.

532. *Мусаелян, М. Ф.* О причинах современного российского молодежного экстремизма / М. Ф. Мусаелян // Российская юстиция. – 2009. – № 4.

533. *Мусаелян, М. Ф.* Об обеспечении законности и соблюдении прав человека в уголовно-исполнительной системе / М. Ф. Мусаелян // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 4.

534. *Мусаелян, М. Ф.* Профилактика экстремизма – важнейшее направление противодействия экстремизму в Российской Федерации / М. Ф. Мусаелян // Адвокат. – 2009. – № 7.

535. *Найденко, В. Н.* Конфискация имущества как правовой инструмент противодействия этнонациональному экстремизму / В. Н. Найденко // Журнал российского права. – 2009. – № 1.

536. *Насуров, П. А.* Виктимологический аспект преступлений, связанных с мигрантами из Республики Таджикистан / П. А. Насуров // Российский следователь. – 2008. – № 9.

537. *Николаева, Ю. В.* Виктимологическая профилактика преступлений: объект, субъект, правоотношения / Ю. В. Николаева // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 6.

538. *Новичихин, Н. И.* Роль органов безопасности в борьбе с политическим экстремизмом и терроризмом / Н. И. Новичихин // Безопасность бизнеса. – 2007. – № 2.

539. *Номоконов, В. А.* Политические факторы правового нигилизма и экстремизма / В. А. Номоконов // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010.

540. *Овчинский, В. С.* Экстремистские организации в США / В. С. Овчинский, М. А. Кочубей // Журнал российского права. – 2009. – № 6.

541. *Окс, Л. Е.* Некоторые проблемы совершенствования правового обеспечения виктимологической профилактики преступлений / Л. Е. Окс // Российский следователь. – 2009. – № 5.

542. *Павлов, И. Н.* Некоторые аспекты реализации принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве / И. Н. Павлов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 6.

543. *Павлинов, А. В.* Современные проблемы борьбы с экстремизмом в России / А. В. Павлинов // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010.

544. *Павлинов, А. В.* Экстремизм на Украине: криминологический анализ, правовая оценка, уроки / А. В. Павлинов // Российский следователь. – 2014. – № 16.

545. *Павлинов, А. В.* Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом и другими проявлениями экстремистской деятельности: исчерпаны ли ресурсы? / А. В. Павлинов // Труды института государства и права российской академии наук. Современная уголовная политика России: проблемы и перспективы. № 3. 2014.

546. *Палазян, А. С.* Принципы систематизации функций права / А. С. Палазян // Юридический мир. – 2009. – № 2.

547. *Панько, К. К.* Теоретическая концепция юридической техники и ее роль в уголовном правотворчестве (сравнительно-правовой аспект) / К. К. Панько // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 2.

548. *Патюков, А. В.* Факторы, способствующие возникновению и развитию экстремизма в молодежной среде / А. В. Патюков // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 8.

549. *Певцова, Е. А.* Экстремистские проявления в поведении молодежи в период правовых реформ и кризисных явлений в государстве: проблемы профилактики / Е. А. Певцова // Российская юстиция. – 2009. – № 7.

550. *Песков, А. Н.* Расизм, национальный и религиозный экстремизм на Олимпийских играх и других спортивных мероприятиях. История и реальность (криминологический анализ, предупреждение и пресечение экстремизма в спорте) / А. Н. Песков // Спорт: экономика, право, управление. – 2012. – № 3.

551. *Песков, А. Н.* Терроризм и проблемы обеспечения безопасности Олимпийских игр / А. Н. Песков // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 7 (103).

552. *Петин, И. А.* Вопросы исправления осужденных / И. А. Петин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 6.

553. *Петрищев, В. Е.* Некоторые проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации / В. Е. Петрищев // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010.

554. *Петин, И. А.* Понятие, этапы и критерии исправления / И. А. Петин // Российский следователь. – 2008. – № 8.

555. *Петрянин, А. В.* Миграция как фактор, влияющий на распространение фальшивомонетничества / А. В. Петрянин // Миграция. Межэтнические отношения. Преступность : сборник статей. – Н. Новгород, 2005.

556. *Петрянин, А. В.* Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг как угроза экономической безопасности и способ финансирования экс-

тремизма / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1.

557. *Петрянин, А. В.* Проблемы квалификации и расследования приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как разновидности корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма / А. В. Петрянин, В. А. Терехин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Н. Новгород, 2011. – № 13.

558. *Петрянин, А. В.* Уголовно-правовые средства противодействия отдельным формам экстремистских проявлений при совершении преступлений, посягающих на экономическую безопасность / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 2.

559. *Петрянин, А. В.* Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России / А. В. Петрянин // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2011. – № 4.

560. *Петрянин, А. В.* Содружество Независимых Государств как инструмент противодействия экстремизму: особенности, проблемы и перспективы / А. В. Петрянин // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. – 2011. – № 4.

561. *Петрянин, А. В.* Доктринальные дефиниции экстремизма в современной юриспруденции / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3.

562. *Петрянин, А. В.* Некоторые особенности исследования банковской информации при поиске и установлении признаков легализации, совершаемой с участием фирм прикрытия в целях финансирования экстремизма / А. В. Петрянин, А. И. Леонов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3.

563. *Петрянин, А. В.* Сравнительно-правовой анализ современного неспециализированного российского законодательства, направленного на противодействие экстремизму: особенности и перспективы на примере анализа ряда феде-

ральных нормативно-правовых актов / А. В. Петрянин // Закон и право. – 2012. – № 4.

564. *Петрянин, А. В.* Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления экстремистской направленности в период становления Советского государства / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17.

565. *Петрянин, А. В.* О некоторых особенностях предмета коррупционных преступлений / А. В. Петрянин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 2.

566. *Петрянин, А. В.* Особенности современного религиозного экстремизма: законодательство и доктрина / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 18.

567. *Петрянин, А. В.* Современные философские, политологические и социологические подходы к определению экстремизма как негативного социального явления / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 19.

568. *Петрянин, А. В.* Личность экстремиста: криминологический аспект / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20.

569. *Петрянин, А. В.* Современное состояние и качество нормативно-правовой базы по противодействию экстремизму / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22.

570. *Петрянин, А. В.* Пенологические особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23.

571. *Петрянин, А. В.* Концептуальные особенности уголовно-правового противодействия экстремизму / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 24.

572. *Петрянин, А. В.* Экстремизм как конвенциональное преступление / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 25.

573. *Петрянин, А. В.* Конституция Российской Федерации 1993 года как правовая основа противодействия экстремизму / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 25.

574. *Петрянин, А. В.* Концептуальные особенности государственной политики противодействия экстремизму (теоретико-правовые аспекты) / А. В. Петрянин, П. П. Востриков // Власть. – 2014. – № 3.

575. *Петрянин, А. В.* Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы / А. В. Петрянин, Е. Е. Черных, В. С. Кузьменко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 26.

576. *Петрянин, А. В.* Направления уголовно-правового определения признаков экстремизма: теоретико-правовой аспект / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 27.

577. *Петрянин, А. В.* Специфика уголовно-правового противодействия экстремизму на территории постсоветского пространства (на примере анализа законодательства Республики Беларусь и Грузии) / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 28.

578. *Петрянин, А. В.* Гносеологические предпосылки возникновения и развития законодательной концепции в области противодействия деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма в России / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 29.

579. *Петрянин, А. В.* Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг как угроза экономической безопасности и способ финансирования экстремизма : монография / А. В. Петрянин. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011.

580. *Петрянин, А. В.* Развитие норм российского, международного и зарубежного законодательств об ответственности за преступления экстремистской

направленности : монография / А. В. Петрянин. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012.

581. *Петрянин, А. В.* Теоретико-прикладное исследование преступлений экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография / А. В. Петрянин. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013.

582. *Петрянин, А. В.* Государственная политика в сфере противодействия экстремизму: монография / А. В. Петрянин. – Н. Новгород: Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, 2014.

583. *Петрянин, А. В.* Криминологическая характеристика преступлений экстремистской направленности: монография / А. В. Петрянин. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015.

584. *Петрянин, А. В.* Эволюция российского законодательства об ответственности за экстремизм на территории древнерусского государства / А. В. Петрянин // Проблемы современного права и криминологии: материалы межвузовской научно-практической конференции. 20 апреля 2004 г.: Сборник статей. – М.: Гуманитарный институт (г. Москва), 2004.

585. *Петрянин, А. В.* Ответственность за деяния, содержащие в себе признаки экстремизма, в момент становления абсолютной монархии в России / А. В. Петрянин // Проблемы современного права и криминологии: материалы межвузовской научно-практической конференции. 20 апреля 2004 г.: Сборник статей. – М.: Гуманитарный институт (г. Москва), 2004.

586. *Петрянин, А. В.* Становление и развитие российского законодательства в области противодействия преступлениям, содержащим в себе признаки экстремизма: учебное пособие / А. В. Петрянин. – М.: Гуманитарный институт, 2005.

587. *Петрянин, А. В.* Фальшивомонетничество – структурно-функциональная разновидность экстремистской и террористической организованной преступной деятельности / А. В. Петрянин // Актуальные вопросы россий-

ского и международного права: материалы межвузовской конференции. 24 апреля 2007г. – М.: Гуманитарный институт, 2007.

588. *Петрянин, А. В.* Международная нормативно-правовая основа противодействия экстремизму и терроризму / А. В. Петрянин // Актуальные вопросы российского и международного права: материалы межвузовской конференции. 24 апреля 2007г. – М.: Гуманитарный институт, 2007.

589. *Петрянин, А. В.* Современное состояние зарубежного уголовного законодательства в области противодействия экстремизму: учебное пособие / А. В. Петрянин. – М.: Гуманитарный институт, 2005.

590. *Петрянин, А. В.* Мотив преступления и проблемы его определения при совершении преступлений экстремистской направленности / А. В. Петрянин // Следователь. – 2010. – № 11(151).

591. *Петрянин, А. В.* Вопросы характеристики квалифицирующих признаков ст. 175 УК РФ («Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем») и проблемы отграничения анализируемого состава от смежных как разновидностей корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма / А. В. Петрянин // Экономическая эффективность права: состояние, проблемы и направления ее решения в условиях преодоления последствий финансового кризиса, воссоздания и наращивания материального, интеллектуального, образовательного и культурного потенциала страны, формирования и развития процессов ее модернизации и устремленности к обретению статуса мировой державы на принципиально новой основе: Всероссийская научно-практическая конференция (г. Н. Новгород, 12 апреля 2011 г.). – Н. Новгород, 2011.

592. *Петрянин, А. В.* Особенности характеристики объективных признаков ст. 175 УК РФ (Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) как разновидностей корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма / А. В. Петрянин, Р. А. Санинский // Проблемы модернизации экономики и права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2011.

593. *Петрянин, А. В.* Уголовно-правовые средства противодействия отдельным формам экстремистских проявлений / А. В. Петрянин // Следователь. – 2011. – № 7.

594. *Петрянин, А. В.* Регламентация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в России в период действия Уголовного уложения 1903 года / А. В. Петрянин // Уголовный закон в развитии : сборник научных статей. – СПб., 2011.

595. *Петрянин, А. В.* Легализация в банковской сфере как способ финансирования экстремизма / А. В. Петрянин // Правонарушения в сфере банковской деятельности: проблемы науки и практики: сборник статей. – Н. Новгород, 2011.

596. *Петрянин, А. В.* Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы / А. В. Петрянин // Юридическая техника. – 2011. – № 5.

597. *Петрянин, А. В.* Пути противодействия финансированию экстремизма криминальными доходами, полученными в результате посягательств на интеллектуальную собственность / А. В. Петрянин // Преступления против интеллектуальной собственности: материалы Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 19–20 мая 2011 г.). – Н. Новгород, 2011.

598. *Петрянин, А. В.* Формирование и развитие антиэкстремистского законодательства в рамках современного уголовного законодательства России: прошлое, настоящее и будущее / А. В. Петрянин // Современное российское уголовное законодательство: состояние, тенденции и перспективы развития с учетом требований динамизма, преемственности и повышения экономической эффективности (к 15-летию принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года): материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 4 октября 2011 г.). – Н. Новгород, 2012.

599. *Петрянин, А. В.* Значение и особенности мотивации при совершении преступлений экстремистской направленности / А. В. Петрянин // Экономика. Право. Образование. Региональный аспект : сборник научных трудов. – М., 2011. – Вып. 5.

600. *Петрянин, А. В.* Правовой механизм противодействия экстремизму в России и пути его оптимизации в современных условиях / А. В. Петрянин // Управление человеческими ресурсами в посткризисный период: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 6–8 октября 2011 г.). – Н. Новгород, 2011.

601. *Петрянин, А. В.* Развитие национального уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за преступления экстремистской направленности, в период с момента становления российской государственности до XVII века / А. В. Петрянин // Россия и мировое сообщество в контексте посткризисного развития: материалы международной научной конференции (Москва 1-2 июня 2011 г.): В 5 ч. Ч. 4. / Международный институт экономики и права. – М.: МИЭП, 2011.

602. *Петрянин, А. В.* Экономический экстремизм как новая разновидность экстремизма / А. В. Петрянин // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. В. М. Баранова, М. А. Пшеничникова. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородской академии МВД России, 2011. – Вып. 17.

603. *Петрянин, А. В.* Техника современного правотворчества в рамках выработки дефиниции «экстремизм»: особенности и перспективы / А. В. Петрянин // Юридическая техника. – 2012. – № 6.

604. *Петрянин, А. В.* Молодежный экстремизм: современное состояние, детерминанты, особенности противодействия / А. В. Петрянин // Уголовное законодательство в XXI веке: современное состояние, проблемы трактовки и применения его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка: материалы Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 1 марта 2012 г.). – Н. Новгород, 2012.

605. *Петрянин, А. В.* Особенности уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в советский период (на примере Закона от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и Уголовного кодекса 1960 года) / А. В. Петрянин // Проблемы юри-

дической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М. П. Полякова и М. А. Пшеничнова. – Н. Новгород, 2012. – Вып. 18.

606. *Петрянин, А. В.* Ответственность за преступления экстремистской направленности по уголовному законодательству Германии и Франции / А. В. Петрянин // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М. П. Полякова и М. А. Пшеничнова. – Н. Новгород, 2012. – Вып. 18.

607. *Петрянин, А. В.* Становление института ответственности за преступления экстремистской направленности в России: особенности и перспективы / А. В. Петрянин // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М. П. Полякова и М. А. Пшеничнова. – Н. Новгород, 2012. – Вып. 18.

608. *Петрянин, А. В.* Соотношение экстремизма и терроризма: законодательство и доктрина / А. В. Петрянин // Противодействие терроризму: информационно-аналитический и научно-практический журнал. – М., 2012.

609. *Петрянин, А. В.* Аргументация ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности / А. В. Петрянин // Юридическая техника: Ежегодник. – 2013. – № 7. – Ч. 1: Третьи Бабаевские чтения «Аргументация: теория, практика, техника».

610. *Петрянин, А. В.* Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «Хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения / А. В. Петрянин // Юридическая техника: Ежегодник. – 2013. – № 7. – Ч. 2: «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине».

611. *Петрянин, А. В.* Государственно-правовая политика в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности: особенности и перспективы / А. В. Петрянин // Государственно-правовая политика в сфере противодействия преступности на современном этапе: сборник материалов межвузовского научно-практического семинара / отв. ред. к. ю. н. Е. В. Царев. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия.

612. *Петрянин, А. В.* Классификация и понятие преступлений экстремистской направленности: теоретико-прикладной аспект / А. В. Петрянин // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М. П. Полякова и К. М. Маштакова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. – Вып. 19.

613. *Петрянин, А. В.* Экстремистское сообщество и экстремистская организация: технико-юридический анализ признаков / А. В. Петрянин // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М. П. Полякова и К. М. Маштакова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. – Вып. 19.

614. *Петрянин, А. В.* Причинный комплекс религиозного экстремизма: особенности и тенденции / А. В. Петрянин, Р. А. Санинский // Современные проблемы российского частного и публичного права: сборник научных трудов межвузовской научной конференции (восьмой выпуск) / под ред. к. ю. н., доцента С. М. Хужина, к. ю. н., доцента О. Ш. Рашидова, к. ю. н., доцента А. М. Хужина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2013.

615. *Петрянин, А. В.* Значение международно-правового сотрудничества в рамках повышения эффективности исправления осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности / А. В. Петрянин // Перспективы развития гуманитарного образования: материалы международной научно-практической конференции. 25 апреля 2013 г. / науч. ред. Н. В. Асташкина, М. А. Быкова; Мин. обр. НО, Нижегородский филиал Гуманитарного института (г. Москва), НГТУ, ННИЦ. – Нижний Новгород – Арзамас: АГПИ, 2013.

616. *Петрянин, А. В.* Современное состояние уголовной политики в сфере противодействия экстремизму / А. В. Петрянин // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Н. Новгород, 2013. – Ч. 2.

617. *Петрянин, А. В.* Демократизация правотворчества в сфере противодействия экстремизму как предпосылка повышения эффективности правоприменительной деятельности / А. В. Петрянин // Юридическая техника: Ежегодник. №

8. «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника». Сборник статей. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014.

618. *Петрянин, А. В.* Особенности противодействия криминальным формам экстремистских проявлений на территории постсоветского пространства: на примере белорусского и украинского законодательств / А. В. Петрянин // Правовая защита граждан Российской Федерации: сборник материалов межвузовского научно-практического семинара / отв. ред. Лобода А. Н. Коломейченко. – Нижний Новгород: Международный юридический институт Нижегородский филиал, 2013.

619. *Петрянин, А. В.* Типология современных видов экстремизма / А. В. Петрянин // Охрана конституционных прав граждан РФ: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. к. ю. н. Гладышев Ю. А., Коломейченко Е. А. – Нижний Новгород: Международный юридический институт Нижегородский филиал, 2014.

620. *Петрянин, А. В.* Преступления экстремистской направленности: особенности правовой оценки / А. В. Петрянин // Научный поиск. – 2014. – № 3.2. Специальный выпуск по материалам всероссийского научно-практического семинара «Уголовная ответственность в современном обществе».

621. *Петрянин, А. В.* Политический экстремизм как инструмент борьбы за власть / А. В. Петрянин // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург. 27 ноября 2014 г. – Сб. статей. Екатеринбург: Уральский институт управления-филиал РАНХиГС, 2014.

622. *Петрянин, А. В.* Современные законодательные решения в области уголовно-правового противодействия экстремизму / А. В. Петрянин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30 января 2015 г.). – Москва: РГ-Пресс, 2015.

623. *Петрянин, А. В.* Конституционные основы противодействия экстремизму: история и современность / А. В. Петрянин // Реформы 1864 года в теории и практике российского конституционализма: история и современность (к 150-

летию Земской и Судебной реформ 1864 г.): Материалы международной научно-практической конференции, 10-12 апреля 2014 г. – Москва: РГУП, 2014.

624. *Петрянин, А. В.* Концептуальные признаки современного экстремизма: законодательно-доктринальное исследование / А. В. Петрянин // Закон и законодатель: проблемные вопросы законотворческого процесса: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2014 г.). РПА Минюста России. – М.: РПА Минюста России, 2015.

625. *Петрянин, А. В.* Гносеологические предпосылки дифференциации и индивидуализации ответственности за преступления, содержащие в себе признаки экстремизма в России / А. В. Петрянин // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Л. Л. Кругликова (11 января 2015 г.) / под ред. В. Ф. Лапшина. – Рязань : Академия ФСИН России, 2015.

626. *Петрянина, О. А.* Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы / О. А. Петрянина, А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. – С. 173–177.

627. *Пинкевич, Т. В.* Некоторые особенности причинного комплекса преступности и миграция // Организованная преступность, миграция, политика / Т. В. Пинкевич ; под ред. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2002.

628. *Пионтковский, А. А.* Преступление в социалистическом обществе / А. А. Пионтковский // Советское право. – 1923. – № 2.

629. *Писаренко, О. Н.* Экстремизм как социальное явление / О. Н. Писаренко // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 9.

630. *Побегайло, Э. Ф.* Кризис современной российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Уголовное право. – 2004. – № 3.

631. *Побегайло, Э. Ф.* Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Российский криминологический взгляд. – 2005. – № 1.

632. *Пономаренков, В. А.* Сущностная характеристика современного экстремизма / В. А. Пономаренков, М. А. Яворский // Юридический мир. – 2008. – № 2.
633. *Попов, В.* Война с народом. Этапы государственного террора в России / В. Попов // Независимая газета. – 2000. – 27 апреля.
634. *Потемкина, А. Т.* Содержание и уголовно-правовое значение деятельного раскаяния / А. Т. Потемкина // Новый юридический журнал. – 2013. – № 2.
635. *Пудовочкин, Ю. Е.* Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления против несовершеннолетних / Ю. Е. Пудовочкин // Российский криминологический взгляд. – 2005. – № 1.
636. *Пфаль-Траугзер, А.* Правый терроризм в ФРГ/ А. Пфаль-Траугзер // Актуальные проблемы Европы. – 1997. – № 4.
637. *Разгильдиев, Б. Т.* Уголовно-правовая политика: понятие и содержание / Б. Т. Разгильдиев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – № 11.
638. *Рахимов, Р. А.* Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории / Р. А. Рахимов, А. Г. Хабибулин // Государство и право. – 1999. – № 3.
639. *Рахманова, Е. Н.* Гармонизация и унификация уголовного законодательства в глобализующемся мире/ Е. Н. Рахманова // Российская юстиция. – 2009. – № 4.
640. *Ревин, В. П.* Особенности конфискации имущества в уголовном законе / В. П. Ревин // Российский следователь. – 2007. – № 24.
641. *Ревина, В. В.* Ретроспективный анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности / В. В. Ревина // Российский следователь. – 2009. – № 14.
642. *Решетников, Ф. М.* Чрезвычайное законодательство в Великобритании и традиционные институты английского уголовного права / Ф. М. Решетников, Н. А. Шульженко // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды ВНИИСЗ. – М., 1982. – Вып. 23.

643. *Ривман, Д. В.* О некоторых понятиях криминальной виктимологии / Д. В. Ривман // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. – Иркутск, 1982.

644. *Родионов, А. В.* Лидер в молодежной среде – проблемы противодействия молодежному экстремизму / А. В. Родионов // Общество и право. Научно-практический журнал. – 2008. – № 1.

645. *Розенко, С. В.* Экстремизм в России: состояние и проблемы уголовной ответственности / С. В. Розенко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1.

646. *Ростокинский, А. В.* О сходной сущности и различиях квалификации хулиганства и экстремизма / А. В. Ростокинский // Российский следователь. – 2007. – № 7.

647. *Ростокинский, А. В., Толпекин, К. А.* Еще раз о признаках терроризма, предметах посягательства и террористической тактике / А. В. Ростокинский, К. А. Толпекин // Российский следователь. – 2014. – № 9.

648. *Ростокинский, А. В., Толпекин, К. А.* Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? / А. В. Ростокинский, К. А. Толпекин // Российский следователь. – 2014. – № 18.

649. *Ростокинский, А. В.* Ещё раз об атрибутах криминальных субкультур / А. В. Ростокинский // Научные труды. – 2014. – № 2 (3).

650. *Рубан, Л. С.* Девиация как проблема безопасности / Л. С. Рубан // Социологические исследования. – 1999. – № 5.

651. *Рубан, Л. С.* Региональные конфликты и политическая девиация / Л. С. Рубан // Вестник Московского университета. Серия. 18: Социология и политология. – 1995. – № 3.

652. *Сальников, Е. В.* Взаимодействие органов местного самоуправления и антитеррористических комиссий в деле борьбы с экстремизмом и терроризмом: проблемы и перспективы / Е. В. Сальников // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 3.

653. *Сальников, Е. В.* Трансформация категории экстремизма как становление современной политической преступности / Е. В. Сальников // *Безопасность бизнеса.* – 2008. – № 4.

654. *Санинский, Р. А.* Особенности характеристики объективных признаков ст. 175 УК РФ (Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) как разновидности корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма / Р. А. Санинский, А. В. Петрянин // *Проблемы модернизации экономики и права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции.* – Чебоксары, 2011. – С. 102–110.

655. *Санинский, Р. А.* Причинный комплекс религиозного экстремизма: особенности и тенденции / Р. А. Санинский, А. В. Петрянин // *Современные проблемы российского частного и публичного права: сборник научных трудов межвузовской научной конференции (восьмой выпуск) / под ред. к. ю. н., доцента С. М. Хужина, к. ю. н., доцента О. Ш. Рашидова, к. ю. н., доцента А. М. Хужина.* – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2013. – С. 146–153.

656. *Селиверстов, В. И.* Основные направления и эффективность научных исследований в свете реформирования уголовно-исполнительной системы РФ / В. И. Селиверстов // *Российский криминологический взгляд.* – 2011. – № 1.

657. *Сергун, Е. П.* О криминологическом понимании правого и левого экстремизма / Е. П. Сергун // *Российский криминологический взгляд.* – 2012. – № 3.

658. *Середа, С. П.* Роль места отбывания наказания в виде лишения свободы в реализации принципов гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания / С. П. Середа // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.* – 2008. – № 4.

659. *Сергеева, А. В.* К вопросу об экономических факторах роста экстремизма в современной России / А. В. Сергеева // *Российский следователь.* – 2010. – № 16.

660. *Сизов, В. В.* Экстремизм: причины и проблемы борьбы / В. В. Сизов // *Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой.* – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010.

661. *Ситковский, А. Л.* Криминальная виктимизация в России: состояние и тенденции развития / А. Л. Ситковский // Российский следователь. – 2010. – № 20.
662. *Ситникова, А. И.* Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах главы 8 УК РФ 1996 г. / А. И. Ситникова // Российский следователь. – 2010. – № 9.
663. *Скифский, И. С.* Динамика численности осужденных как фактор совершения насильственных преступлений в России / И. С. Скифский // Российский следователь. – 2008. – № 7.
664. *Скудин, А. С.* Предупреждение экстремистской деятельности / А. С. Скудин // Российский следователь. – 2010. – № 18.
665. *Смагина, А. В., Сопун, Д. И.* Причины распространения экстремизма в России / А. В. Смагина, Д. И. Сопун // Российский следователь. – 2012. – № 8.
666. *Соловьев, О. Ф.* Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в Советской России в годы Гражданской войны / О. Ф. Соловьев // Исторический опыт Великого Октября : сборник статей. – М., 1975.
667. *Солопченко, Д. В.* Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом / Д. В. Солопченко // Российский следователь. – 2014 – № 6.
668. *Сорокин, П. А.* Забытый фактор войны / П. А. Сорокин // Социологические исследования. – 1999. – № 11.
669. *Сухаренко, А.* В ответе за теракт / А. Сухаренко // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 45.
670. *Талынев, В. Е., Якушин, В. В.* Патриотизм как основа противодействия экстремизму / В. Е. Талынев, В. В. Якушин // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2015. – № 6-8.
671. *Тамаев, Р. С., Беляева, Т. Н.* Вопросы организации правоохранительной деятельности по противодействию экстремизму / Р. С. Тамаев, Т. Н. Беляева // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 4.
672. *Толкачев, К. Б.* К вопросу о сущности идеологии экстремизма / К. Б. Толкачев // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 2.

673. *Тотьев, К. Ю.* Унификация антимонопольного законодательства России / К. Ю. Тотьев // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2007. – № 6.

674. *Трошин, Н. В.* Государственно-правовые аспекты обеспечения безопасности в дореволюционной России / Н. В. Трошин // *История общественных движений и политических партий России (вторая половина XIX – начало XX в.): материалы VII Всероссийской научной конференции.* – Владимир, 2000.

675. *Тюнин, В. И.* Организация экстремистского сообщества / В. И. Тюнин // *Уголовное право.* – 2006. – № 3.

676. *Уваров, И. А.* Пенитенциарная профилактика преступлений (основные понятия) / И. А. Уваров // *Российский следователь.* – 2006. – № 7.

677. *Устинов, В. В.* Создать общегосударственную систему предупреждения и пресечения экстремизма / В. В. Устинов // *Российская юстиция.* – 2003. – № 1.

678. *Устинов, В. В.* Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации / В. В. Устинов // *Российская юстиция.* – 2002. – № 5.

679. *Фещенко, П. Н.* Место социальной напряженности в причинном комплексе экстремизма и терроризма / П. Н. Фещенко // *Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы* / под ред. проф. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010.

680. *Фещенко, П. Н.* К вопросу о количественных и качественных характеристиках социальной напряженности как криминогенного фактора / П. Н. Фещенко // *II Межвузовский круглый стол «Проблемы борьбы с преступностью: история, современность, перспективы».* Киров, 10 октября 2014 г.: сборник докладов. – Киров: Аверс, 2014.

681. *Фридинский, С. Н.* Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности / С. Н. Фридинский // *Юридический мир.* – 2008. – № 6.

682. *Фридинский, С. Н.* Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности / С. Н. Фридинский // *Российский следователь.* – 2008. – № 12.

683. *Фридинский, С. Н.* Противодействие осуществлению экстремистской деятельности / С. Н. Фридинский // Законность. – 2008. – № 6.

684. *Фридинский, С. Н.* Личность экстремиста / С. Н. Фридинский // Юридическое образование и наука. – 2011. – № 4.

685. *Хачароев, З. Д.* Возмещение вреда жертвам терроризма в международном и зарубежном законодательстве / З. Д. Хачароев // Российский следователь. – 2010. – № 16.

686. *Хлебушкин, А. Г.* Квалификация деятельности экстремистской организации / А. Г. Хлебушкин // Законность. – 2012. – № 3.

687. *Хлебушкин, А. Г.* Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / А. Г. Хлебушкин // Российский следователь. – 2014. – № 11.

688. *Хлебушкин, А. Г.* Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика / А. Г. Хлебушкин // Уголовное право. – 2013. – № 6.

689. *Хлебушкин, А. Г.* Квалификация нападений, совершаемых членами организованных групп по экстремистским мотивам / А. Г. Хлебушкин // Законность. – 2013. – № 5.

690. *Хлебушкин, А. Г.* Квалификация деятельности экстремистской организации / А. Г. Хлебушкин // Законность. – 2012. – № 3.

691. *Хлобустов, О. М.* Организованная преступность и терроризм в России / О. М. Хлобустов // Проблемы борьбы с организованной преступностью : материалы международной научно-практической конференции. – М., 1998.

692. *Хлобустов, О. М.* О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом / О. М. Хлобустов // Российский следователь. – 2006. – № 5.

693. *Цепелев В.Ф.* Преступления экстремистской направленности: общие подходы и проблемы. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30 января 2015 г.). – Москва: РГ-Пресс, 2015.

694. *Цыбелов, А. А.* Классификация жертв преступлений экстремистской направленности / А. А. Цыбелов // *Законность*. – 2008. – № 11.

695. *Чуганов, Е. Г.* Экстремизм: проблемы уголовной политики / Е. Г. Чуганов // *Экстремизм и другие криминальные явления*. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2008.

696. *Чуфаровский, Ю. В.* Терроризм – глобальная проблема современности (методологический анализ) / Ю. В. Чуфаровский // *Следователь*. – 1998. – № 5.

697. *Чухвичев, Д. В.* Особенности законодательной техники при проведении кодификации / Д. В. Чухвичев // *Право и политика*. – 2005. – № 10.

698. *Шарипов, Ф. Р.* Место и роль органов внутренних дел в противодействии экстремизму в Таджикистане / Ф. Р. Шарипов // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2010. – № 4.

699. *Шершенев, Л. И.* Безопасность: государственные и общественные устои / Л. И. Шершенев // *Безопасность*. – 1994. – № 4.

700. *Шиян, В. И.* Общественно опасные последствия этнических конфликтов / В. И. Шиян // *Юридический мир*. – 2014. – № 7.

701. *Шляпникова, О. В.* О преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений / О. В. Шляпникова // *Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия)* / под ред. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2004.

702. *Шнитенков, А. В.* Новое в уголовном законодательстве / А. В. Шнитенков // *Уголовный процесс*. – 2006. – № 8.

703. *Шнитенков, А. В.* Законодательные новеллы как отражение деформации уголовно-правовой политики / А. В. Шнитенков // *Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: Сборник научных трудов X международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетию Конституции Российской Федерации: спецвыпуск* / Отв. ред.: Ковалева Н. В. – Кострома: Изд-во Костромск. госуд. технол. ун-та, 2014.

704. *Эфиоров, С. А.* Социальные импликации экстремистского сознания / С. А. Эфиоров // *Вопросы истории и критики буржуазной социологии*. – М., 1983.

705. *Юдичева, С. А.* Актуальные проблемы юридического анализа составов преступлений организации экстремистского сообщества и участия в нем / С. А. Юдичева // Новый юридический журнал. – 2013. – № 2.

706. *Юрасова, Е. Н.* Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии / Е. Н. Юрасова // Юридическая психология. – 2008. – № 4.

707. *Юрчевский, С. Д.* К вопросу о политическом экстремизме на Северном Кавказе и проблемах противодействия ему / С. Д. Юрчевский // Российский криминологический взгляд. – 2011. – № 2.

708. *Юцкова, Е. М.* Вовлечение женщин и молодежи в террористическую деятельность / Е. М. Юцкова // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация 2004.

709. *Яворский, М. А.* Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России / М. А. Яворский // Юридический мир. – 2008. – № 11.

710. *Яворский, М. А.* Совершенствование деятельности УИС России как элемента государственного механизма противодействия экстремизму: правовые и организационные аспекты / М. А. Яворский // Человек: преступление и наказание. – № 1 (80). – 2013.

711. *Яни, П. С.* Квалификация преступлений экстремистской направленности / П. С. Яни // Российская юстиция. – 2011. – № 10.

712. *Ястребов, В. Б.* Шаги на пути возрождения системы предупреждения преступлений / В. Б. Ястребов // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 3.

Диссертации и авторефераты

713. *Абдуллаева, Э. С.* Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (уголовно-правовой и криминологический анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Абдуллаева. – Махачкала, 2004.

714. *Амирокова, Р. А.* Политический экстремизм в современном политическом процессе России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Амирокова Радима Ауладиновна. – Черкесск, 2006.

715. *Арестов, В. Н.* Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.06 / Арестов Василий Николаевич. – Киев, 1984.

716. *Афанасьева, Р. М.* Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Афанасьева Розалия Михайловна. – М., 2007.

717. *Бешукова, З. М.* Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бешукова Зарема Муратовна. – Краснодар, 2011.

718. *Борисов, С. В.* Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Борисов Сергей Викторович. – М., 2012.

719. *Булавин, В. И.* Национальная безопасность современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Булавин Владимир Иванович. – Н. Новгород, 1999.

720. *Бурковская, В. А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Бурковская Виктория Алексеевна. – М., 2006.

721. *Воронов, И. В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Воронов Игорь Владимирович. – М., 2003.

722. *Воронов, И. В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Воронов Игорь Владимирович. – М., 2003.

723. *Гречкина, Е. Н.* Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Гречкина Евгения Николаевна. – Ставрополь, 2006.

724. *Евтюшкин, А. Ю.* Молодежный политический экстремизм в современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Евтюшкин Алексей Юрьевич. – М., 2009.

725. *Егоров, В. С.* Уголовная ответственность за хулиганство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Егоров Владимир Сергеевич. – М., 2000.

726. *Жукова, О. С.* Правовые меры противодействия информационному экстремизму : дис. ... канд. юрид. наук : 05.13.19 / Жукова Ольга Степановна. – Воронеж, 2006.

727. *Жээнбеков, Э. Т.* Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия религиозному экстремизму: по материалам Кыргызской Республики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Жээнбеков Эмил Ташанович. – М., 2006.

728. *Задорожный, В. И.* Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Задорожный Виктор Ильич. – М., 2006.

729. *Залиханова, Л. И.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой, религиозной вражды : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Залиханова Лейла Ибрагимовна. – Ростов н/Д, 2001.

730. *Зражевская, Т. Д.* Реализация конституционного законодательства: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Зражевская Татьяна Дмитриевна. – Воронеж, 1999.

731. *Зубалова О.А.* Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Зубалова Оксана Александровна. – Н. Новгород, 2013.

732. *Ибрагимов, С. М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристики низменных мотивов в преступлениях против личности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ибрагимов Сайнула Магомедович. – СПб., 2007.

733. *Изосимов, С. В.* Теоретико-прикладной анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой и

криминологический аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Изосимов Сергей Владимирович. – Н. Новгород, 2004.

734. *Кабанов, П. А.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кабанов Павел Александрович. – Екатеринбург, 2008.

735. *Каныгин, В. И.* Проблемы комплексного анализа и предупреждение преступности в регионе (по материалам Приволжского федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Каныгин Вячеслав Иванович. – Н. Новгород, 2002.

736. *Килясханов, Х. Ш.* Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Килясханов Хизри Шапиевич. – Тверь, 2006.

737. *Кириллов, М. А.* Социальная обусловленность норм уголовно-исполнительного права и проблемы его совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кириллов Михаил Андреевич. – М., 2002.

738. *Клюшниченко, А. П.* Административная ответственность за хулиганство и проступки, совершенные на почве пьянства (по материалам практической деятельности органов МВД Украинской ССР) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1969.

739. *Кнителъшот, О. В.* Система противодействия политическому экстремизму в современном российском обществе : дис. ... канд. соц. наук : 23.00.02 / Кнителъшот Оксана Викторовна. – Саратов, 2006.

740. *Ковалёв, В. С.* Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Ковалёв Виктор Сергеевич. – М., 2003.

741. *Корнилов, Т. А.* Международные аспекты противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Корнилов Тимур Андреевич. – М., 2011.

742. *Кочергин, Р. О.* Противодействие молодежному экстремизму: правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кочергин Руслан Олегович. – Ростов н/Д, 2008.

743. *Куделич, А. В.* Хулиганство и убийство в уголовном праве: общее и особенное : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Куделич Александр Вячеславович. – М., 1993.

744. *Кургузкина, Е. Б.* Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кургузкина Елена Борисовна. – М., 2003.

745. *Лабунец, М. И.* Политический экстремизм : автореферат дис. ... канд. политол. наук : 23.00.02 / Лабунец Михаил Иванович. – Ростов н/Д, 2002.

746. *Леньшин, Д. И.* Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Леньшин Дмитрий Иванович. – М., 2011.

747. *Лопатин, И. Д.* Экстремизм как социально-политическое явление современного мира (особенности его возникновения и развития в России) : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / Лопатин Иван Дмитриевич. – Ярославль, 2007.

748. *Макаров, Н. Е.* Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Макаров Николай Егорович. – Чита, 2006.

749. *Маркова, Ю. В.* Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Маркова Юлия Владимировна. – Н. Новгород, 2008.

750. *Моисеенко, В. П.* Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград как вид наказания в российском уголовном праве (уголовный и уголовно-исполнительный аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Моисеенко Владимир Павлович. – Ростов н/Д, 2000.

751. *Мыльников, Б. А.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мыльников Борис Александрович. – М., 2005.

752. *Назарова, Е. С.* Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Назарова Елена Сергеевна. – Ставрополь, 2001.

753. *Назирова, Д.* Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Назирова Давлатходжа. – Душанбе, 2009.

754. *Некрасов, Д. Е.* Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Некрасов Денис Евгеньевич. – Рязань, 2006.

755. *Никитин, А. Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа : дис. ... канд. юрид. наук : Никитин Андрей Геннадьевич. – Казань, 2010.

756. *Новиков, Д. В.* Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / Новиков Дмитрий Владимирович. – Ростов н/Д, 2002.

757. *Овчинников, М. А.* Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (уголовно-правовой и криминологический анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Овчинников Михаил Анатольевич. – Н. Новгород, 2006.

758. *Овчинский, В. С.* Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Овчинский Владимир Семенович. – М., 1994.

759. *Павлинов, А. В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Павлинов Андрей Владимирович. – М., 2008.

760. *Поминов, С. Н.* Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Поминов Сергей Николаевич. – М., 2007.

761. *Ревина, В. В.* Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ревина Валерия Валерьевна. – М., 2010.

762. *Резникова, А. В.* Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма (роль «исламского» фактора в Северо-Кавказском регионе) : дис. ... канд. соц. наук : 24.00.01 / Резникова Анна Викторовна. – Ростов н/Д, 2005.

763. *Ржевский, А. С.* Экстремизм и его проявление в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ржевский Александр Сергеевич. – Ростов н/Д, 2004.

764. *Романов, Н. А.* Политический экстремизм как угроза безопасности страны : дис. ... д-ра полит. наук. – М., 1997.

765. *Ростокинский, А. В.* Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Ростокинский Александр Владимирович. – М., 2008.

766. *Русанова, О. А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северо-Кавказского региона) : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01 / Русакова Ольга Анатольевна. – М., 2004.

767. *Салихов, З. М.* Индивидуализация наказания при его назначении судом по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Салихов Зявдат Миргазямович. – Казань. 2002.

768. *Саркисов, Д. Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремисткой деятельности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Саркисов Дмитрий Николаевич. – М., 2010.

769. *Сверчков, В. В.* Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Сверчков Владимир Викторович. – Н. Новгород. 2008.

770. *Сериков, А. В.* Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской области) : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / Сериков Антон Владимирович. – Ростов н/Д, 2005.

771. *Сергун, Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сергун Евгений Петрович. – Тамбов, 2009.

772. *Сиоридзе, А. Т.* Групповой молодежный экстремизм (криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сиоридзе Андрей Теймуразович. – М., 2007.

773. *Сиоридзе, А. Т.* Групповой молодежный экстремизм: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сиоридзе Андрей Теймуразович. – М., 2007.

774. *Скворцова, Т. А.* Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Скворцова Татьяна Александровна. – Ростов н/Д, 2004.

775. *Скудин, А. С.* Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Скудин Андрей Сергеевич. – М., 2011.

776. *Смирнова, Л. Е.* Унификация в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Смирнова Людмила Евгеньевна. – Казань, 2006.

777. *Степанов, Н. В.* Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Степанов Николай Владимирович. – М., 2003.

778. *Степашин, С. В.* Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Степашин Сергей Вадимович. – СПб., 1994.

779. *Суровцев, В. А.* Организация управления исправительным процессом в центре психолого-педагогической и социальной работы с осужденными : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Суровцев Владимир Алексеевич. – Рязань, 2002.

780. *Телякавов, М. П.* Экстремизм в деятельности религиозных объединений на Северном Кавказе как угроза региональной безопасности России (политологический анализ) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Телякавов Муслим Пашаевич. – М., 2003.

781. *Узденов, Р. М.* Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Узденов Расул Магомедович. – М., 2008.

782. *Узденов, Р. М.* Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Узденов Расул Магомедович. – М., 2008.

783. *Фридинский, С. Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. – Ростов н/Д, 2003.

784. *Фридинский, С. Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. – М., 2011.

785. *Хлебушкин, А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – М., 2007.

786. *Хоровинников, А. А.* Экстремизм как социальное явление: философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Хоровинников Александр Александрович. – Саратов, 2007.

787. *Царев, Д. В.* Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Царев Дмитрий Вячеславович. – Иваново, 2005.

Публикации в периодической печати

788. Уголовный кодекс Российской Федерации: проект // Российская газета. – 1995. – 25 января; 1 февраля.

789. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. // Вести. – 1996. – № 10.

790. Экстремистов посчитали // Российская газета. – 2008. – 26 августа.

791. Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 11 мая 2012 года // Российская газета. – 2012. – 15 мая.

792. Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 9 июля 2007 года // Российская газета. – 2007. – 14 июля.

793. Обращение Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2012. – 13 декабря.

794. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. – 2011. – 4 июля.

Источники на иностранных языках

795. *Ermert M.* Der Extremismus im Strafrecht: Eine begriffsanalytische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und verfassungsrechtlicher Grundlage. – Herbolzheim: Centaurus-Verl., 2007. Zugl.: Mainz, Univ., Dis., 2003. – S. 36–37.

796. *Feuerbach A.* Versuch einer Criminaljurisprudenz des Koran. – Berlin, 1804.

797. *Liszt F.* Strafrechtliche Aufsätze und Vorträge. – Berlin, 1905.

798. *Duden.* Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim, 2003.

799. *Le Petit Robert.* Dictionnaire de la langue française. – Paris, 2004.

800. *Longman.* Dictionary of contemporary English. – Edinburgh, 2001.

Электронные ресурсы

801. Public Order Act 7th November 1986 (UK Public General). Документ размещен на сайте Управления государственного сектора информации Соединенного Королевства Великобритании в Интернете // <http://www.opsi.gov.uk>

802. Crime and Disorder Act 31st July 1998 (UK Public General) // <http://www.opsi.gov.uk>

803. Terrorism Act 20th July 2000 (UK Public General) // <http://www.opsi.gov.uk>

804. Football (Disorder) Act 28th July 2000 (UK Public General) // <http://www.opsi.gov.uk>

805. Anti-Terrorism, Crime and Security Act 14th December 2001 (UK Public General) // <http://www.opsi.gov.uk>

806. United States Code 13 th September 1994. Title 18 «Crimes and criminal procedure» // <http://uscode.house.gov>

807. Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act 26th October 2001 // <http://www.fincen.gov>

808. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 года № 55/59 (Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. № 55/59. Документ размещен на сайте Организации Объединенных Наций в Интернете // <http://www.un.org>).

809. Декларация принципов толерантности (терпимости). Принята Резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml

810. Концепция сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 5 июля 2005 года // http://www.ec-rats.com/ru/normative_documents/1558.

811. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты на Первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml

812. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1967 г. № 2331 «Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости» // http://www.un.org/russian/documents/-instruments/docs_ru.Asp?type=declarat

813. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 года № 58/174 «Права человека и терроризм» // URL: <http://www.un.org>

814. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/to-kyo_rules.shtml

815. Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?66664>

816. Свод законов США // <http://uscode.house.gov>

817. *Зайналабидов А. С., Черноус В. В.* Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона // http://ippk.rsu.ru/csrip/elibrary/appendix/a2/app02_vedenie.html

818. Письмо Росфинмониторинга от 23.10.2014 № 01-01-29/22715 «О мерах по противодействию, в том числе, группировке "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ), введенных Резолюциями Совета Безопасности ООН от 17.06.2014 № 2161, от 15.08.2014 № 2170 и от 24.09.2014 № 2178» // <http://www.nalog.ru/>

819. Проект федерального закона «О противодействии пропаганде религиозного экстремизма в Российской Федерации». Сайт Христианского информационного агентства «Старая Русь» // http://cddk.ru/gos_i_religia/law/pr/extr/zork-extr/001.htm

820. Проект федерального закона «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» // <http://www.chuev.org/documents/38/?PHPSESSID=e0d19a74ad00aeb8c-739509726aaf2c2>

821. Аналитический обзор «О политическом экстремизме» // <http://iam.duma.gov.ru/node/2/4434/contents>

822. Информационно-аналитические материалы Государственной Думы РФ. // <http://iam.duma.gov.ru/node/2/4434/contents>

823. Проект федерального закона «О противодействии политическому экстремизму» // http://www.rg.ru/oficial/from_min/gd/415.htm

824. Проект Закона «О противодействии политическому экстремизму». // <http://www.africana.ru/racism/Russia/proekt.htm>

825. Перечень организаций, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена // http://minjust.ru/nko/pere-chen_zapret

826. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889>

827. Террористические акты в России / [http://ru.wikipedia.org/-wiki/ Террористические_акты](http://ru.wikipedia.org/-wiki/Террористические_акты)

828. Официальный сайт Общероссийского народного фронта // <http://narodfront.ru/docs/about/goals.html>

829. Молодая гвардия – официальный сайт // <http://www.mger-2020.ru/statutes>

830. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 Об утверждении ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» – официальный сайт Правительства Российской Федерации // <http://government.ru/docs/4022>

831. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2012 года – официальный сайт Президента Российской Федерации // <http://президент.рф/выступления/17118>

832. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2013 года – официальный сайт Президента Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/news/19825>

833. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2014 года – официальный сайт Президента Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/news/47173>

834. Приложение №3 к Венской декларации от 9 октября 1993 года // <http://conventions.coe.int>

835. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html>

836. Уголовный кодекс Украины. // <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks>

837. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. // http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug

838. Уголовный кодекс Республики Казахстан // <http://online.zakon.kz/Document>
839. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // http://www.mmk.tj/ru/library/ugolovnij_kodeks
840. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-azer-bajdzhanskoj-respubliki>
841. Федеральный список экстремистских материалов // <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>

Судебная практика

842. Определение Верховного Суда РФ от 4 февраля 2010 года № 47-009-82 // СПС «КонсультантПлюс».
843. Определение Верховного Суда РФ от 26 августа 2010 года № 9-О10-40 // СПС «КонсультантПлюс».
844. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 года № 1308-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
845. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.
846. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.
847. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.
848. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума

Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 1.

849. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 года № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 3.

850. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 года № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4.

851. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.

852. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 года № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 1.

853. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1992. – № 3

854. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 2.

855. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 1.

856. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 5.

857. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 2.

858. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 4.

859. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 1.

860. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.

861. Архив Бутырского районного суда г. Москвы // Уголовное дело № 1-882/06.

862. Архив Нижегородского областного суда // Уголовное дело № 245196.

863. Архив Нижегородского областного суда // Уголовное дело № 175462.

864. Архив Нижегородского областного суда // Уголовное дело № 235890.

865. Архив Нижегородского областного суда // Уголовное дело № 204711.

866. Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области // Уголовное дело № 181037.
867. Архив Московского городского суда // Уголовное дело № 361488.
868. Архив Московского городского суда // Уголовное дело № 327530.
869. Архив Ростовского областного суда // Уголовное дело № 124581.
870. Архив Тюменского областного суда // Уголовное дело № 270490.
871. Архив Советского районного суда г. Казани // Уголовное дело № 381901.
872. Архив Нижегородского областного суда // Уголовное дело № 2-6К.
873. Архив Автозаводского районного суда г. Н. Новгород // Уголовное дело № 1-1362/98.
874. Архив Краснодарского краевого суда // Уголовное дело № 2-10-02.
875. Архив Ленинского районного суда г. Н. Новгород // Уголовное дело № 1-684/26.
876. Архив Нижегородского районного суда // Уголовное дело № 3-16-54.
877. Архив Советского районного суда г. Н. Новгород // Уголовное дело № 1-484.
878. Архив Хамовнического районного суда г. Москвы // Уголовное дело № 1-170/12.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Диаграмма 1. Данные о количестве зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за 2003 – 2014 гг. – на стр. 295.
2. Диаграмма 2. Данные о состоянии преступности в России за 2008 – 2014 гг. – на стр. 296.
3. Диаграмма 3. Данные о количестве зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ, за 2003 – 2014 гг. – на стр. 297.
4. Диаграмма 4. Данные о количестве раскрытых преступлений экстремистской направленности за 2003 – 2014 гг. – на стр. 298.
5. Таблица 1. Сведения о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282² УК РФ, за 2008 – 2014 гг. на территории Российской Федерации. – на стр. 301.
6. Таблица 2. Сведения о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282² УК РФ, за 2008 – 2014 гг. на территориях федеральных округов Российской Федерации. – на стр. 301 – 302.
7. Таблица 3. Сведения о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282² УК РФ, за 2008 – 2014 гг. на территории Нижегородской области. – на стр. 303.
8. Изображения экстремистского содержания – на стр. 487 – 490.

ПРОЕКТ***изменений в Постановление Пленума Верховного Суда
Российской Федерации № 11 от 28 июня 2011 г. «О судебной практике
по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»***

Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства (статья 2) и устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только соразмерно конституционно значимым целям (статья 55).

В Российской Федерации признаются идеологическое и политическое многообразие, многопартийность; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (статья 13 Конституции Российской Федерации).

Согласно Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (статья 19).

Конституция Российской Федерации, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (статья 29).

Международно-правовые стандарты в области прав человека, провозглашая право каждого человека на свободное выражение своего мнения, вместе с тем, предусматривают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию; всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование; всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом (Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Международная конвенция о ликвидации

всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года, Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года).

Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года предусмотрено, что терроризм, сепаратизм и экстремизм, вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом.

В интересах реализации названных конституционных запретов и выполнения международных обязательств в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности.

В целях обеспечения единства судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации,

постановляет:

1. При рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов (основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации), а с другой – защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина – свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

2. Исходя из положений примечания 2 к статье 282¹ УК РФ к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, предусмотренные **статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280¹, 281, 282, 282¹, 282², 282³, 354¹, 357 УК РФ.**

3. При производстве по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности судам необходимо иметь в виду, что согласно пункту 2 части 1 статьи 73 УПК РФ подлежат доказыванию мотивы совершения указанных преступлений.

Квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по пункту «л» части 2 статьи 105 или по пункту «е» части 2 статьи 111, или по пункту «е» части 2 статьи 112, или по пункту «б» части 2 статьи 115, или по пункту «б» части 2 статьи 116 УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления

(например, из хулиганских побуждений).

Преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Для правильного установления мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе.

«Социальная группа» – это группа, которая отличается от посягателей по признакам расовой, религиозной, политической и идеологической принадлежности, что и явилось причиной противоправного (преступного) поведения; «экстремистская мотивация» – это полное отрицание оппонентов (потерпевших) по признакам их политической, расовой, идеологической, национальной или религиозной принадлежности, выражающееся в посягательствах или уничтожении оппонентов.

4. Под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

При установлении направленности призывов необходимо учитывать положения Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т. п.).

Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения, независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет. ***В рамках статьи 280 УК РФ признавать минимальным количественным критерием призываемых – не менее двух человек.***

5. Обратит внимание судов на то, что статьей 280 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и так далее, либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в си-

лу предписаний части 3 статьи 17 УК РФ подлежат квалификации не по статье 280 УК РФ, а в зависимости от обстоятельств дела по части 1 или части 2 статьи 205² УК РФ.

6. При решении вопроса об использовании средств массовой информации (часть 2 статьи 280 и статья 282 УК РФ) судам следует учитывать положения Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с последующими изменениями).

7. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, влекут уголовную ответственность по части 1 статьи 282 УК РФ только в том случае, если они совершены публично или с использованием средств массовой информации (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц).

Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

При установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 года, и практику Европейского суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Предусмотренное частью 1 статьи 282 УК РФ преступление считается окон-

ченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам их принадлежности к определенному полу, расе, национальности, языку или в зависимости от происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

8. Преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, или административным правонарушением (статья 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), должен разрешаться в зависимости от направленности умысла лица, распространяющего указанные материалы.

В случае, когда лицо распространяет экстремистские материалы, включенные в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, содеянное им должно влечь уголовную ответственность по статье 282 УК РФ.

Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

9. В отличие от предусмотренных главой 16 Уголовного кодекса Российской Федерации насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (пункт «л» части 2 статьи 105, пункт «е» части 2 статьи 111, пункт «е» части 2 статьи 112, пункт «б» части 2 статьи 115, пункт «б» части 2 статьи 116, пункт «з» части 2 статьи 117 УК РФ), насилие, применяемое при совершении преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, является не только выражением ненависти в отношении конкретного потерпевшего, но и направлено на достижение специальной цели – возбуждение ненависти или вражды в других людях (о чем, например, может свидетельствовать применение в общественных местах в присутствии посторонних лиц насилия в отношении потерпевшего (потерпевших) по признаку принадлежности к определенной расе или национальности, сопровождаемое расистскими или националистическими высказываниями).

10. *К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в*

частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ, использующие свои полномочия для совершения преступлений экстремистской направленности. При этом к использованию служебных полномочий в том числе относится и оказание влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности, на других лиц в целях выполнения ими действий, направленных на совершение данной группы преступлений.

11. В случаях совершения вандализма, уничтожения или повреждения памятников истории и культуры, надругательства над телами умерших и местами их захоронения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы содеянное квалифицируется, соответственно, по статьям 214, 243 или 244 УК РФ. Если наряду с указанными деяниями совершены действия, предусмотренные статьей 282 УК РФ (например, если на памятники нанесены надписи или рисунки соответствующего содержания, в присутствии посторонних лиц высказывались националистические лозунги), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных, соответственно, статьями 214, 243 или 244 и статьей 282 УК РФ.

При этом в случае изображения недоступных для всеобщего понимания экстремистских текстов, символики и рисунков действия виновных охватываются только частью 2 ст. 214 УК РФ.

Изображение доступных для всеобщего понимания материалов, направленных на разжигание ненависти и вражды или унижение человеческого достоинства квалифицируется по совокупности ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

В случае нанесения надписей, содержащих доступные для всеобщего понимания экстремистские призывы на совершение преступлений, действия виновных содержат в себе признаки ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 280 УК РФ.

При размещении доступных для всеобщего понимания экстремистских призывов к совершению иных дискриминационных, но при этом не преступных действий они должны квалифицироваться по совокупности ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ

12. *Под экстремистским сообществом (статья 282¹ УК РФ) следует понимать преступное сообщество, созданное для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности.*

Структурным подразделением (частью) экстремистского сообщества является функционально и (или) территориально обособленная группа, состоящая из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая осуществляет преступную деятельность в рамках и в соответствии с целями экстремистского сообщества. Такие структурные подразделения (части) могут не только совершать отдельные преступления экстремистской направленности, но и выполнять иные задачи по обеспечению функционирования экстремистского сообщества (например, обеспечение сообщества оружием, иными предметами, используемыми в ка-

честве оружия, производство листовок, литературы и других материалов экстремистского характера).

Объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества создается в целях разработки планов и (или) создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

13. Разъяснить судам, что уголовная ответственность по статье 282¹ УК РФ за создание экстремистского сообщества, руководство им (его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями) или за участие в нем наступает в случаях, когда организаторы, руководители и участники этого сообщества объединены умыслом на подготовку либо совершение преступлений экстремистской направленности при осознании ими общих целей функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему.

14. Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества (часть 1 статьи 282¹ УК РФ) наступает с момента фактического образования указанного сообщества, то есть с момента объединения нескольких лиц в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности и осуществления ими умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности или свидетельствующих о готовности экстремистского сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники такого сообщества запланированное преступление экстремистской направленности. О готовности экстремистского сообщества к совершению указанных преступлений может свидетельствовать, например, достижение договоренности о применении насилия в общественных местах в отношении лиц по признакам принадлежности (или непринадлежности) к определенным полу, расе, национальности, языковой, социальной группе, в зависимости от происхождения, отношения к религии.

По части 1 статьи 282¹ УК РФ как создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества квалифицируются действия, которые привели к образованию устойчивых связей между указанными лицами в целях совместной разработки планов и (или) создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

15. Под руководством экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями в статье 282¹ УК РФ следует понимать осуществление управленческих функций в отношении экстремистского сообщества, его части или структурных подразделений, а также отдельных его участников как при совершении конкретных преступлений экстремистской направленности, так и при обеспечении деятельности экстремистского сообщества.

Такое руководство может выражаться, в частности, в разработке общих планов деятельности экстремистского сообщества, в подготовке к совершению конкретных преступлений экстремистской направленности, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных экстремистским сообществом или входящими в его структуру подразделениями при их создании

(например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов экстремистского сообщества).

16. Под участием в экстремистском сообществе (часть 2 статьи 282¹ УК РФ) надлежит понимать вхождение в состав такого сообщества и участие в подготовке к совершению одного или нескольких преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение указанных преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации и т. п.).

Преступление в форме участия лица в экстремистском сообществе считается оконченным с момента начала подготовки к совершению преступления экстремистской направленности или совершения хотя бы одного из указанных преступлений или иных конкретных действий по обеспечению деятельности экстремистского сообщества.

17. При совершении участником экстремистского сообщества конкретного преступления его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 282¹ УК РФ и соответствующей частью (пунктом) статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом квалифицирующего признака «организованная группа». Если состав совершенного лицом преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, то действия лица подлежат квалификации по части 2 статьи 282¹ УК РФ и соответствующей части (пункту) статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а при его отсутствии – по признаку «группой лиц».

В случае, если состав совершенного лицом преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, группой лиц по предварительному сговору или группой лиц, действия лица необходимо квалифицировать по части 2 статьи 282¹ УК РФ и соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом совершение участниками экстремистского сообщества конкретного преступления в составе организованной группы в соответствии с пунктом «в» части 1 статьи 63 УК РФ признается в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

18. Субъектами преступлений, предусмотренных статьей 282¹ УК РФ, могут быть лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие совместно с членами экстремистского сообщества конкретные преступления, подлежат уголовной ответственности лишь за те преступления, ответственность за которые предусмотрена законом с четырнадцатилетнего возраста (статья 20 УК РФ).

19. В соответствии со статьей 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности (экстремизма). С учетом этого при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 282² УК РФ, к обще-

ственным или религиозным объединениям либо к иным организациям, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, следует относить организации, указанные в специальных перечнях (списках) в соответствии со статьей 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статьей 24 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Обратить внимание судов, что в соответствии с распоряжениями Правительства Российской Федерации от 15 октября 2007 года № 1420-р и от 14 июля 2006 года № 1014-р такие перечни (списки) подлежат официальному опубликованию в «Российской газете».

20. Под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (часть 1 статьи 282² УК РФ), следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации).

Под участием в деятельности экстремистской организации (часть 2 статьи 282² УК РФ) понимается совершение лицом умышленных действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т. п.).

При совершении организатором (руководителем) или участником экстремистской организации конкретного преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 или частью 2 статьи 282² УК РФ и соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации.

21. При решении вопроса о разграничении преступлений, предусмотренных статьей 282² УК РФ, и административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.28 КоАП РФ, необходимо учитывать, что организация деятельности и участие в деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу решение о приостановлении его деятельности, влекут административную ответственность, а совершение указанных действий при наличии вступившего в законную силу решения о ликвидации или запрете деятельности общественного или религиозного объединения в связи с осуществлением им экстремистской деятельности влечет уголовную ответственность.

22. В соответствии с примечанием к статье 282² УК РФ лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Под добровольным прекращением участия в деятельности экстремистской организации применительно к указанному примечанию понимается прекращение лицом преступной деятельности при осознании им возможности ее продолжения. Оно может выражаться, например, в выходе из состава экстремистской организации, невыполнении распоряжений ее руководителей, отказе от совершения иных действий, поддерживающих существование организации, отказе от совершения преступлений.

23. В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы.

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

Исходя из положений статьи 198 УПК РФ, судам при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности надлежит обеспечить подсудимому возможность ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы независимо от ее вида и с полученным на ее основании экспертным заключением либо с сообщением о невозможности дать заключение; заявить отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве эксперта указанного им лица либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, о внесении в определение (постановление) о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту.

В силу положений части 4 статьи 271 УПК РФ суд при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве специалиста, явившегося в судебное заседание по инициативе любой стороны. При этом суду следует проверять, обладает ли данное лицо специальными знаниями в вопросах, являющихся предметом судебного разбирательства.

Суд вправе в соответствии с частью 1 статьи 69, пунктом 3 части 2 статьи 70, частью 2 статьи 71 УПК РФ принять решение об отводе специалиста в случае непредставления документов, свидетельствующих о наличии специальных знаний у лица, о допросе которого в качестве специалиста было заявлено ходатайство, признания этих документов недостаточными либо ввиду некомпетентности, обнаружившейся в ходе его допроса.

24. Судам необходимо обеспечивать индивидуализацию наказания, назначаемого лицам, признанным виновными в совершении преступлений экстремистской направленности. При назначении наказания лицу, не достигшему ко времени

совершения указанного преступления совершеннолетнего возраста, суду в соответствии с частью 1 статьи 89 УК РФ следует выяснять и учитывать условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

25. В отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 282¹ и 282² УК РФ, суду в соответствии с пунктами «а», «б», «в» части 1 статьи 104¹ УК РФ необходимо решать вопрос о конфискации денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения указанных преступлений, и любых доходов от этого имущества; денег, ценностей и иного имущества, в которые это имущество и доходы от него были частично или полностью превращены или преобразованы; денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования организованной группы.

Исходя из положений пункта «г» части 1 статьи 104¹ УК РФ и части 3 статьи 81 УПК РФ судом может быть принято решение о конфискации орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих подсудимому.

25.1. Признавать ранее судимыми за совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе и лиц, ранее осужденных за данные преступления на территории других государств – участников международных конвенций по борьбе с экстремизмом, судимость у которых не снята или не погашена в установленном законом порядке.

26. Рекомендовать судам при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности в соответствии с частью 4 статьи 29 УПК РФ выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению указанных преступлений, и частными определениями (постановлениями) обращать на них внимание соответствующих организаций и должностных лиц.

(ПРОЕКТ)**НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Настоящая Концепция определяет основные принципы, цели и задачи государственной политики в области противодействия экстремизму в Российской Федерации.

I. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации.

1. Основные тенденции современного экстремизма:

а) ежегодное стабильное увеличение количества преступлений экстремистской направленности, в том числе и наиболее радикальной формы – терроризма;

б) транснациональный характер экстремистских организаций;

в) активное влияние социальных, политических, экономических и иных детерминант на возникновение и распространение экстремизма;

г) усиление уровня организованности экстремистской деятельности;

д) повышение уровня финансирования экстремистских организаций, в том числе путем совершения преступлений в сфере экономики, основанных на экстремистской мотивации;

е) использование экстремистских акций как инструмента решения политических и экономических споров;

ж) выработка новых форм и методов экстремистской деятельности, направленных на повышение ее результативности.

2. Возникновение и распространение экстремизма в Российской Федерации имеют определенные исторические предпосылки и связаны как с внутренними экономическими, политическими, социальными, межнациональными, конфессиональными противоречиями, так и с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества, угрозами.

3. Основными внутренними факторами, обуславливающими возникновение и распространение экстремизма в Российской Федерации либо способствующими ему причинами и условиями, являются:

а) социальная несправедливость как результат происходящих социально-экономических кризисов;

б) межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия;

в) пробельность антиэкстремистского законодательства, создающая условия для деятельности экстремистских организаций;

г) недостаточная эффективность деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму;

д) активизация распространения экстремизма путем его пропаганды в едином информационном пространстве Российской Федерации.

4. Основными внешними факторами, способствующими возникновению и распространению экстремизма в Российской Федерации, являются:

а) отсутствие в международном праве единого подхода к понятию экстремизма, влекущее за собой проблемы в организации эффективного международного сотрудничества в области борьбы с экстремизмом;

б) проникновение международных экстремистских организаций в отдельные регионы Российской Федерации;

в) активная финансовая поддержка экстремистских организаций, действующих на территории Российской Федерации, со стороны международных экстремистских организаций;

г) распространение идей экстремизма через международную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

II. Общегосударственная система противодействия экстремизму.

5. Общегосударственная система противодействия экстремизму представляет собой совокупность субъектов противодействия экстремизму и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию экстремистской деятельности, а также подрыву экономических основ экстремистских организаций.

6. Общегосударственная система противодействия экстремизму призвана обеспечить проведение единой государственной политики в области противодействия экстремизму путем унификации и систематизации антиэкстремистского законодательства, направленного на защиту основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

7. Субъектами противодействия экстремизму являются уполномоченные органы государственной власти и органы местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию экстремизму, негосударственные организации и объединения, а также граждане, оказывающие содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в области противодействия экстремизму.

8. Правовую основу общегосударственной системы противодействия экстремизму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 20125 года, Концепция внешней политики Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, настоящая Концепция, а также нормативные правовые акты Российской Федерации, направленные на совершенствование деятельности в данной области.

9. Цель противодействия экстремизму в Российской Федерации – защита личности, общества и государства от различных форм экстремистской деятельности.

10. Основными задачами противодействия экстремизму являются:

- а) реализация государственной политики в сфере противодействия экстремизму;
- б) расширение международного сотрудничества в сфере противодействия экстремизму;
- в) выявление и устранение детерминант, способствующих возникновению и распространению экстремизма;
- г) выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности;
- д) совершенствование правовых механизмов противодействия экстремизму;
- е) реализация информационного противодействия идеологии экстремизма;
- ж) повышение уровня толерантности и патриотизма населения Российской Федерации.

11. Противодействие экстремизму в Российской Федерации осуществляется по следующим направлениям:

- а) профилактика экстремизма;
- б) борьба с различными формами проявления экстремизма;
- в) минимизация последствий совершения возможных проявлений экстремистской деятельности.

12. Предупреждение экстремизма осуществляется по следующим направлениям:

- а) создание эффективной правовой системы противодействия экстремизму;
- б) повышение уровня социально-экономического развития общества и государства;
- в) развитие общенациональной идеи, основанной на принципах толерантности, равенства и уважения.

13. Особая роль в предупреждении экстремизма принадлежит государственному аппарату Российской Федерации.

14. Предупреждение экстремизма предполагает решение следующих задач:

- а) разработка мер по устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению экстремизма;
- б) укрепление международного сотрудничества в области противодействия экстремизму;
- в) развитие правовых, экономических и организационных механизмов по укреплению взаимодействия органов исполнительной государственной власти области и институтов гражданского общества;
- г) улучшение социально-экономической, общественно-политической и правовой ситуации в стране в целях снижения уровня протестных настроений;
- д) разработка, принятие и реализация нормативных правовых актов, регулирующих национальные, межнациональные, межконфессиональные отношения;
- е) сохранение и развитие духовных ценностей и историко-культурного наследия, углубление знаний об истории и культуре коренных народов и иных эт-

нических общностей России, создание атмосферы взаимного уважения к национальным традициям и обычаям населения, проживающего на территории России, поддержка духовно-культурного обмена и позитивного взаимовлияния;

ж) повышение роли образовательных, культурно-просветительных учреждений в сохранении, развитии и воспитании уважения к культуре, истории, языку народов и этнических общностей России, мировым культурным ценностям, в формировании установок толерантного сознания;

з) привлечение общественных организаций, в том числе созданных по принципу национальной принадлежности, в целях укрепления дружбы между народами;

и) реализация мероприятий, являющихся альтернативой девиантному поведению, в местах проведения досуга и отдыха населения;

к) реализация мер, направленных на адаптацию в обществе лиц, находившихся в местах лишения свободы, предупреждающую их вовлечение в экстремистскую деятельность;

л) содействие адаптации и интеграции в общественную жизнь мигрантов.

15. Организация борьбы с экстремизмом осуществляется на основе комплексного подхода к анализу причин возникновения и распространения экстремизма.

16. При осуществлении деятельности по предупреждению экстремизма применяются меры, направленные на снижение уровня политических, социальных, экономических и религиозных противоречий.

17. К основным мерам по предупреждению экстремизма относятся:

а) в политической сфере:

- реализация нормативных правовых актов, регулирующих национальные, межнациональные, межконфессиональные и государственно-конфессиональные отношения;

- развитие правовых, экономических и организационных механизмов по укреплению взаимодействия органов исполнительной государственной власти области и институтов гражданского общества;

- учет особенностей социального, культурного развития этнических общностей и свободы вероисповедания при функционировании органов исполнительной государственной власти Российской Федерации;

- привлечение к участию в общественно-политической жизни области общественных организаций, в том числе созданных по принципу национальной принадлежности, а также с целью укрепления дружбы между народами, пропаганды национальных и культурных традиций;

- создание сети общественных приемных, привлечение средств массовой информации для налаживания постоянного диалога «публичная власть – население» в целях устранения причин и условий для экстремистских проявлений;

б) в социально-экономической сфере:

- реализация целевых программ, направленных на эффективное социально-экономическое развитие Российской Федерации;

- поддержка общественных объединений, реализующих социально значимые проекты;

- развитие системы профессиональной подготовки и переподготовки, с целью обеспечения занятости трудовых ресурсов, организация общественных работ для безработных граждан, граждан, ищущих работу, работников в случае угрозы массовых увольнений;

- реализация мер социальной поддержки, способствующих снижению уровня протестных настроений, для отдельных категорий граждан, имеющих место жительства на территории Российской Федерации;

- содействие адаптации и интеграции в общественную жизнь мигрантов;

- в) в духовной и образовательной сферах:

- сохранение и развитие духовных ценностей и историко-культурного наследия, углубление знаний об истории и культуре коренных народов и иных этнических общностей России, создание атмосферы взаимного уважения к национальным традициям и обычаям населения, проживающего на территории области, поддержка духовно-культурного обмена и позитивного взаимовлияния;

- повышение роли образовательных, культурно-просветительных учреждений в сохранении, развитии и воспитании уважения к культуре, истории, языку народов и этнических общностей России, мировым культурным ценностям, в формировании установок толерантного сознания;

- поддержка общественно полезных программ общественных объединений, направленных на формирование гражданского согласия;

- содействие формированию общественного признания культурно-просветительской и благотворительной деятельности религиозных объединений в области, направленной на упрочение духовного единства и общей системы нравственных ценностей населения;

- формирование системы профилактической работы с населением, направленной на повышение общей культуры, воспитание патриотизма, самореализацию личности и улучшение качества жизни людей;

- г) в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка:

- выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению и осуществлению проявлений экстремизма;

- правовое, идеологическое, информационное противодействие формированию экстремистских взглядов, правовому нигилизму и пренебрежению к праву отдельных граждан;

- реализация мероприятий, являющихся альтернативой девиантному поведению, в местах проведения досуга и отдыха населения;

- реализация мер, направленных на адаптацию в обществе лиц, находившихся в местах лишения свободы, предупреждающую их вовлечение в экстремистскую деятельность.

III. Правовое, информационно-аналитическое, научное, материально-техническое, финансовое и кадровое обеспечение противодействия экстремизму.

18. Правовое обеспечение противодействия экстремизму основывается на Конституции Российской Федерации, а также на международном и национальном законодательстве, направленном на борьбу с данным явлением.

19. Международно-правовое сотрудничество в области противодействия экстремизму должно быть сориентировано на консолидацию и унификацию

национальных законодательств государств – участников международных соглашений по борьбе с экстремизмом.

20. Важной правовой задачей противодействия экстремизму является развитие и совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей ответственность за проявление различных форм экстремистского поведения, а также формирование правовой культуры населения.

21. К деятельности по правовому обеспечению противодействия экстремизму привлекаются научно-исследовательские учреждения, а также общественные объединения и другие институты гражданского общества.

22. Научное обеспечение противодействия экстремизму включает в себя:

а) разработку теоретических и методологических основ противодействия экстремизму, практических рекомендаций;

б) проведение научно-прикладных исследований для принятия политических, правовых, организационных и управленческих решений в области противодействия экстремизму;

в) изучение международного и зарубежного опыта борьбы с экстремизмом;

г) внесение предложений по совершенствованию национального законодательства по вопросам повышения эффективности противодействия экстремизму.

23. Для успешного функционирования общегосударственной системы противодействия экстремизму необходимо наделение одного или нескольких федеральных органов исполнительной власти функциями координатора научных и научно-технических разработок в области противодействия экстремизму.

24. Финансовое обеспечение противодействия экстремизму осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов.

25. Особое внимание следует уделять подготовке специалистов в области противодействия экстремизму.

26. Повышение качества специалистов в области противодействия экстремизму должно осуществляться по следующим направлениям:

а) подготовка и переподготовка сотрудников, участвующих в противодействии экстремизму;

б) создание экспертно-консультативных групп из числа представителей субъектов противодействия экстремизму, обладающих специальными знаниями и навыками;

в) проведение обучения за рубежом в рамках международного сотрудничества.

IV. Международное сотрудничество в области противодействия экстремизму.

27. Международное сотрудничество является необходимым условием обеспечения эффективности противодействия экстремизму и осуществляется на основе и при строгом соблюдении принципов и норм международного права, а также в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

28. Основные усилия Российской Федерации в рамках международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом должны быть сосредоточены на следующих направлениях:

а) выявление и устранение пробелов в международном праве в части, касающейся регламентации сотрудничества государств в области борьбы с экстремизмом, путем выработки и закрепления понятий «экстремизм», «международный экстремизм», включающих в себя фундаментальные признаки, признаваемые всеми участниками международного сотрудничества;

б) осуществление практических мероприятий по подрыву экономических основ международных экстремистских организаций;

в) противодействие распространению экстремистской пропаганды и идеологии.

29. Ожидаемыми результатами реализации Концепции должны стать:

а) консолидация общества на основе согласия и взаимной ответственности, формирование благоприятных межнациональных и межконфессиональных отношений, снижение уровня социальной напряженности;

б) своевременное устранение причин и условий экстремистской деятельности, направленной на возбуждение расовой, национальной и религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием и призывами к насилию;

в) формирование системы целенаправленной воспитательной работы по профилактике идеологии и практики экстремизма, использующей разнообразные формы и методы воспитательного, информационного и пропагандистского направлений;

г) повышение уровня взаимодействия международных организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления в предупреждении экстремизма.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

1. *Имеет ли экстремизм политические предпосылки?*
2. *Экстремизм является исключительно преступной деятельностью либо возможны и иные формы его проявления?*
3. *Рассматриваете ли вы систематизацию и унификацию уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, как инструмент повышения эффективности борьбы с экстремизмом?*
4. *Можете ли вы определить свою классовую принадлежность?*
5. *Допускаете ли вы аморальное поведение, совершение административного правонарушения или преступления в целях улучшения своего материального состояния?*
6. *Как вы относитесь к религиям, которые вы не исповедуете?*
7. *В чем вы видите причину обострения межрелигиозных отношений?*
8. *Выделяете ли вы политический экстремизм как самостоятельную разновидность экстремизма?*
9. *В чем вы видите причины политического экстремизма?*
10. *Нужна ли в России общенациональная идея?*
11. *Будет ли общенациональная идея являться эффективным инструментом противодействия экстремизму?*
12. *Существует ли в современной России молодежный экстремизм?*
13. *Что вы рассматриваете в качестве основной причины молодежного экстремизма?*
14. *Каково ваше отношение к представителям иных национальностей или религий?*
15. *Каково ваше представление о национальной или религиозной принадлежности экстремистов?*
16. *Как вы относитесь к лозунгу ЛДПР и ее лидера В.В. Жириновского «Россия для русских»?*
17. *Считаете ли вы этот лозунг экстремистским?*
18. *Как вы охарактеризуете жертву экстремизма с учетом национально-религиозной принадлежности?*
19. *Подвергались ли вы посягательствам со стороны экстремистов?*
20. *Обратитесь ли вы в правоохранительные органы в случае совершения в отношении вас преступления экстремистской направленности?*
21. *Рассматриваете ли вы потенциальную возможность стать жертвой экстремизма?*
22. *Является ли, по вашему мнению, современное антиэкстремистское законодательство эффективным инструментом противодействия?*
23. *Нужна ли в России общенациональная идея (идеология), затрагивающая интересы каждого индивидуума?*

24. *Существует ли в России потребность в возрождении государственных молодежных объединений?*

25. *Какую цель вы преследовали бы в случае вступления в данную организацию?*

26. *Целесообразно ли, с вашей точки зрения, в рамках предупреждения экстремизма уделять особое внимание виктимологической профилактике?*

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Таблица 1

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕ
ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ ЗА 2003 – 2014 гг.¹**

№ п/п	Год	Количество зарегистрированных преступлений	(%)
1	2003	157	–
2	2004	130	– 17,2
3	2005	152	+ 16,9
4	2006	263	+ 73
5	2007	356	+ 35,4
6	2008	460	+ 29,2
7	2009	548	+ 19,1
8	2010	656	+ 19,7
9	2011	622	– 5,2
10	2012	696	+11,9
11	2013	896	+28,7
12	2014	1034	+ 14,3

Таблица 2

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕ
ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
ст. 205 УК РФ, ЗА 2003 – 2014 гг.²**

№ п/п	Год	Количество зарегистрированных преступлений	(%)
1	2003	561	–
2	2004	265	– 52,8
3	2005	203	– 23,4
4	2006	112	– 44,8
5	2007	48	– 57,1
6	2008	10	– 79,1
7	2009	15	+ 50
8	2010	31	+ 106,7
9	2011	29	– 6,5
10	2012	24	– 17,2

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2003 – 2014 гг.

² Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2003 – 2014 гг.

11	2013	31	+ 29,2
12	2014	33	+ 3,2

Таблица 3

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ
В РОССИИ ЗА 2008 – 2014 ГГ.¹**

№ п/п	Год	Количество зарегистрированных преступлений (тыс.)	(%)
1	2008	3209,9	– 10,4
2	2009	2994,8	– 6,7
3	2010	2628,8	– 12,2
4	2011	2404,8	– 8,5
5	2012	2302,2	– 4,3
6	2013	2206,2	– 4,2
7	2014	2190,5	– 1,8

Таблица 4

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЗА 2003 – 2014 ГГ.²**

№ п/п	Год	Количество зарегистрированных преступлений	Количество раскрытых преступлений	(%)
1	2003	157	122	– 18,5
2	2004	130	103	– 15,6
3	2005	152	133	– 12,5
4	2006	263	169	– 35,7
5	2007	356	217	– 39
6	2008	460	438	– 6,5
7	2009	548	484	– 11,7
8	2010	656	632	– 3,7
9	2011	622	503	– 20,4
10	2012	696	611	– 12,1
11	2013	896	743	– 17,1
12	2014	1034	879	– 6,3

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2008 – 2014 гг.

² Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2003 – 2014 гг.

Таблица 5

**СВЕДЕНИЯ О ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 280, 280¹, 282, 282¹, 282² УК РФ, ЗА 2008 – 2014
гг.¹
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья/год	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Ст. 280	29	45	51	61	94	143	180
Ст. 280¹							8
Ст. 282	182	223	272	242	354	492	588
Ст. 282¹	18	19	23	17	18	20	23
Ст. 282²	24	20	27	67	57	61	43

Таблица 6

**СВЕДЕНИЯ О ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 280, 280¹, 282, 282¹, 282² УК РФ, ЗА 2008 – 2014
гг.²
НА ТЕРРИТОРИЯХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья/год	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Центральный федеральный округ							
Ст. 280	4	9	10	12	16	22	42
Ст. 280¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	68	64	126	43	59	97	121
Ст. 282¹	6	2	3	8	1	7	7
Ст. 282²	3	7	-	10	16	6	8
Южный федеральный округ							
Ст. 280	7	6	5	8	5	2	9
Ст. 280¹	-	-	-	-	-	-	7
Ст. 282	19	16	11	16	31	39	33
Ст. 282¹	2	4	-	1	-	2	2
Ст. 282²	-	1	-	8	2	3	4
Северо-Западный федеральный округ							
Ст. 280	2	7	4	8	22	34	28
Ст. 280¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	23	27	27	35	60	71	73
Ст. 282¹	1	-	-	-	-	1	2
Ст. 282²	-	1	2	2	2	2	2
Дальневосточный федеральный округ							
Ст. 280	4	5	7	8	15	5	15
Ст. 280¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	9	11	12	10	11	15	33

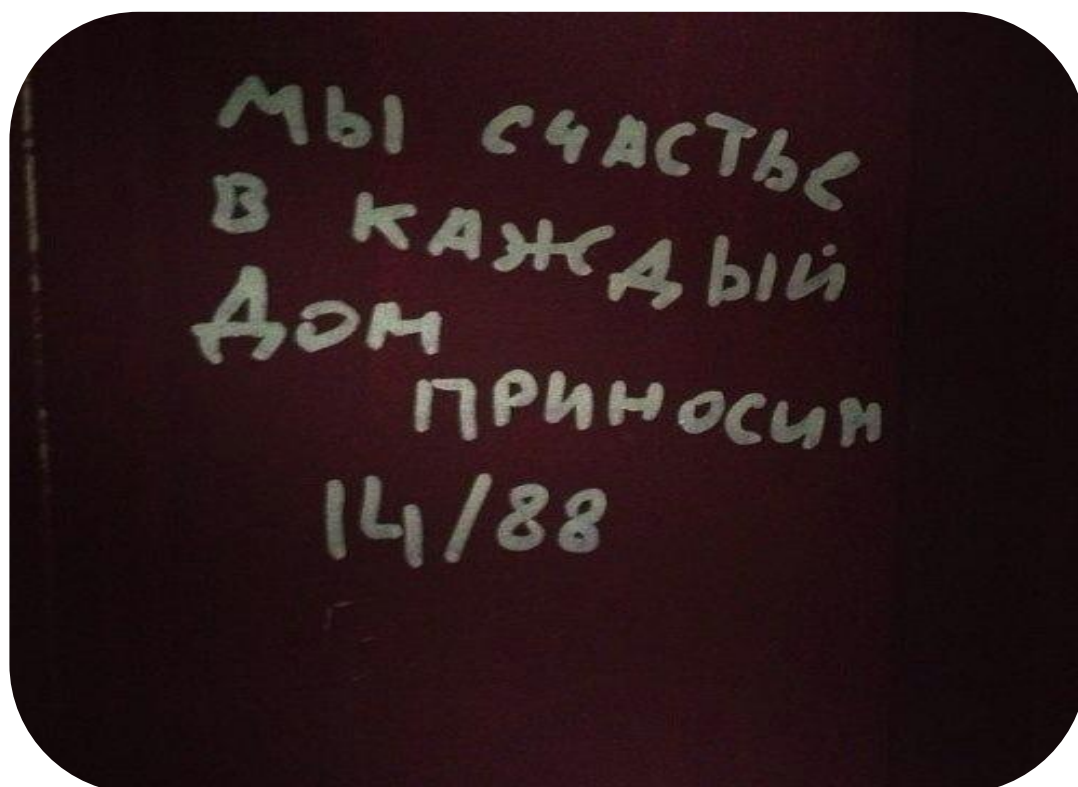
¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2008 – 2014 гг.

² Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2008 – 2014 гг.

Ст. 282 ¹	4	-	-	-	1	-	-
Ст. 282 ²	1	2	2	1	-	-	-
Сибирский федеральный округ							
Ст. 280	6	8	5	5	10	30	17
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	18	22	30	26	51	62	60
Ст. 282 ¹	1	-	2	3	1	-	2
Ст. 282 ²	-	1	4	5	6	4	5
Уральский федеральный округ							
Ст. 280	2	5	4	8	3	11	20
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	10	45	20	21	33	67	74
Ст. 282 ¹	1	4	5	-	-	1	3
Ст. 282 ²	1	1	4	8	4	16	13
Приволжский Федеральный округ							
Ст. 280	4	8	3	3	4	15	20
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	1
Ст. 282	30	32	25	56	55	83	128
Ст. 282 ¹	3	9	11	4	14	2	6
Ст. 282 ²	19	7	14	27	25	27	7
Северо-Кавказский федеральный округ							
Ст. 280	7	2	13	11	17	22	29
Ст. 280 ¹	-	-	-	-	-	-	-
Ст. 282	7	9	21	29	33	47	52
Ст. 282 ¹	-	-	2	1	1	5	1
Ст. 282 ²	-	1	1	6	-	1	4

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ¹

Изображения 1

¹ Представленные изображения использованы исключительно в демонстративных целях и не направлены на разжигания политической, идеологической, расовой национальной, или религиозной ненависти или вражды.

